

ТРИ РСКА

ТРИ ВЕКА

**Россия от Смуты
до нашего времени**

**Исторический сборник
под редакцией
В. В. Каллаша**

**V
ТОМ**

ТРИ ВЕКА

Россия от Смуты
до нашего времени

В ШЕСТИ ТОМАХ

XVII ВЕК

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА

XVII ВЕК

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА

XVIII ВЕК

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА

XVIII ВЕК

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА

XIX ВЕК

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА

XIX ВЕК

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА

2006

УДК 947
ББК 63.3(0)5
Т67

Т67   **Три века:** Россия от Смуты до нашего времени:
В 6 т. Т. 5. – М.: Юнвес, 2006. – 384 с.: ил.

ISBN 5-88682-251-8

Настоящее издание посвящено 300-летию юбилею дома Романовых. Оно охватывает три века русской истории.

Пятый том содержит описание Московского государства первой половины XIX века.

УДК 947
ББК 63.3(0)5

ISBN 5-88682-251-8

© Юнвес, 2005

XIX ВЕК

Первая половина

ПУГАЧЕВИЩИНА

В

ремя, предшествующее появлению Пугачева, было одною из тех эпох, когда определенные слои населения, отчаявшись освободиться от непосильных тяжестей жизни путем нормального их устранения, начинают отдыхать от впечатлений действительности в мире мечты и грез о лучшем порядке.

Эта пора массовых ожиданий лучшего нового, в форме ли введения новых порядков или — что чаще всего бывает — в форме возвращения к хорошей «старине — пошлине», представляется наиболее благоприятным временем для появления пророков, мессий, реформаторов, героев и самозванцев, в зависимости от того, *кто и во имя чего* поднимет знамя массовых ожиданий и каким путем поведет осуществление их в жизнь. Общее правовое состояние народа во времена Екатерины хорошо характеризуется одной современной ей запиской: «Управляющие народом власти, желая себя обогатить, не токмо общественную сумму расхищали, но и вновь, под видом народных общих нужд, неумеренные и необыкновенные на народ поборы налагали. Лихоимство же и бедным притеснение — тех властей было

Емельян Пугачев

обыкновенное упражнение для того, что их власть, не имея никаких законов, так безызвестна, что не только народ, но и сам начальник границ ее не знает». Это одинаково было приложимо как к власти гражданской, так и к господству дворян над крепостными, хозяев над рабочими.

И вот из разных углов России доносятся до нас характерные речи: «Мы теперь вконец

разорены, а не узнаешь еще, что впредь будет», — говорили яицкие казаки, недовольные исходом тяжбы со своею «старшиной»: «сколько ни проси, — видно, что всегда мы будем виноваты, а не старшины». Немудрено, что слух о появлении «настоящего пастыря» заполнил души их надеждами: «Мы все о том думали и ожидали... Где не сойдемся, все говорили: а вот будет государь, и как придет, готовились его принять». — «Ныне женский пол государствует, — говорили башкирцы в отдаленном уголке Уфимской губернии, — и потому надо иметь терпение. Слух такой носится, что на государственный престол мужеский пол возведен будет, и в то время какой ни есть милости просить постараемся».

«В разные времена, будучи в кабаках и шинках», беглый солдат Чернышев слышал, что «настоящий» государь жив и «объявится миру». Идея «настоящего государя» в противовес всем этим государям «женского пола», из немцев или «обасурманившихся» (с народной точки зрения), не переставала жить в недрах русского народа, начиная от «обасурманившегося» в народных глазах Петра I до Екатерины II.

Спрос вызывал и предложения, впрочем, неудовлетворительные. При Анне Иоанновне в 1738 г. «объявился» в Малороссии «царь Алексей Петрович», перед которым не только священник открыл храм и дал в его руки крест и Евангелие для всенародного рукоцелования, но пали к его ногам и солдаты. «Вставайте,— сказал им Лже-Алексей,— я вашу нужду знаю,— будет скоро радости: с турками заключу мир вечный, а все полки и казаков пошлю в Польшу и велю все земли огнем жечь и мечом рубить». Движение было подавлено в пределах прихода, и его участники были жестоко наказаны.

И при Елизавете появился было за пределами России (в Турции) претендент на ее престол, «двоюродный брат» ее «Федор Иванович», «спасенный» сын царя Ивана Алексеевича. Но особенно много появилось самозванцев при Екатерине II — беглые солдаты Кремнев и Чернышев, армянин Асланбеков и беглый крестьянин Богомоллов. Это были «предтечи» Пугачева как в том отношении, что дали молве живой сюжет для рассказа об «объявившемся из неизвестности» настоящем царе, так и потому, что они приняли имя Петра III, ставшего чрезвычайно популярной маской для самозванцев. «Персонально» неведомый народу, Петр III в течение шестимесячного царствования издал несколько указов, которые чувствительно коснулись наболевших мест народной жизни и сделали тем более популярным имя этого государя, фактически неповинного в духе этих законов, что указы эти не оправдали в последующее время возложенных на них надежд, как не были бы они действительными и при самом Петре III, если бы он царствовал дальше: по тем невыгоднее было Екатерине расплачиваться по несостоятельным векселям ее мужа. Мы не говорим об отмене «слова и дела», похитившей у Екатерины инициативу человеческих начал ее Наказа в соответственных главах. Для демократической карьеры Петра, как «настоящего пастыря» важен был прежде всего указ о вольности дворян: им косвенно освобождались и крестьяне, так как во мнении народа «помещики были не всковечные владельцы крестьян».

янам», а владели ими временно, в качестве награды за военную службу: освобождение от службы погашало и право владения крестьянами. Указы Петра III об освобождении монастырских крестьян и о запрещении купечеству покупать крепостных на фабрики и заводы были в глазах крепостных, чутких ко всему, что касается облегчения их положения, достаточным свидетельством в пользу противокрепостнических стремлений Петра III. Темная сторона «ропшинской драмы» с ее неясными слухами, странный манифест о смерти Петра, явно дворянские начала царствования Екатерины II, раздавшей своим споспешникам около 70 тыс. крестьян в течение 10 лет,— все это было весьма благоприятной почвой зарождения легенды о борьбе дворянской царицы против «надежды-государя».

Указ об отмене притеснений раскольников, в свою очередь, зажег вокруг головы Петра III неподходящий для него нимб апостола «древляго православия». Сверх всего этого, Петр III был «законный от прародителей» царь, внук Петра I и государь «мужеского пола». Что же удивительного, если имя жертвы «ропшинской драмы» стало магическим орудием для его самозванных носителей, которых всех затмил Емелька Пугачев.

Пугачевщина была в общем явлением одного порядка с Разиновщиной и по вызвавшим ее условиям, и по составляющим ее элементам, и даже по охваченному ею району¹.

Разница, конечно, была, но не во внутреннем смысле движения, а в его размерах и интенсивности. В течение года (с 18 сентября 1773 по 8 сентября 1774 г.) Пугачев успел продвинуться по громадной, почти сомкнувшейся в круг линии, началом которой была р. Яик (Урал) несколько ниже нынешнего Уральска, и наиболее известными этапами: Оренбург, Стерлитамак, затем зауральские Верхотурск и Троицк, и отсюда через Красноуфимск на Кунгур, через Осу и Малмыш к Казани, отсюда через Курмыш, Алатырь и

---

¹ См. мою статью «Разиновщина».

Граф А. Г. Орлов-Чесменский

Саранск к Пензе, Саратову и Царицыну, из последнего мимо Горько-соленого озера на Мал. Узень. Все заключенное в этом кругу пространство было захвачено восстанием пестрого по своему этнографическому и социальному составу населения, отражаясь далеко за пределами этого круга — на восток в горнопромышленном Зауралье до Челябинска и Шадринска, на запад — в пределах нынешней Нижегородской, Тамбовской и Воронежской губерний.

Успех этого движения состоял не в предварительной организованности его и не в особых талантах его вождя, а единственно в историческом накоплении тяжелых, беспросветных впечатлений, которыми было охвачено большинство населения всей России и этого края в особенности. От организаторов движения не требовалось ни особых талантов, ни силы воли, а простое знание специальных нужд и наболевших страданий разнообразных слоев населения этого края, а этого знания достаточно накопилось у Емельяна Пугачева, донского казака, запутавшегося в своих служебных делах и исколесившего всю Россию от Дона до Польши и обратно до Волги и Яика, во время своих бегов от отбывания незадавшейся ему казацкой службы. Беглый казак, тюремный арестант, предназначенный к публичным плетям, и кандидат на каторгу, вынужденный вероломно обманывать простодушных своих пособников и сообщников, почти с отчаяния решил променять незавидную свою карьеру «утеклеца» на сан «настоящего пастыря народа», ожидаемого угнетенными — надежды-государя.

Вращаясь в притонах проезжих дорог, в кабаках, в раскольничьих скитах и тюрьмах, среди скопившихся на юге со всей России отщепенцев, носивших в себе вместе с ненавистью к существующим порядкам и фанатическую веру в лучшее будущее, Пугачев многому научился и выступил на открытый мятеж с затверженными лозунгами тех ожиданий и той ненависти, которыми дышала окружавшая его среда. «Объявившись» впервые среди яицких казаков, Пугачев зовет их поддержать его, гонимого «ампиратора Петра Федоровича», во имя невозвратно нарушенных интересов и привилегий яицкого казачества. Он знает, чего недостает яицкому казачеству. «Мы теперь вконец разорены старшинами: детей наших в солдаты хотят брать, а нам бороды брить; вводят у нас новые штаты, а мы желаем служить по старому и по грамотам». И вот в ответ зазвучали напрасно жданные от петербургского правительства отрадные слова: «Я вам даю свое обещание жаловать ваше войско так, как Донское: по 12 рублей жалованья и по 12 четвертей хлеба. Жалую вас свинцом и порохом, рекою Яиком с вершины до устья и всеми притоками, рыбными ловлями, морями, землею и угодьями, сенными покосами безданно и беспошлинно; я распространю соль на все четыре стороны, вези кто куда хочет. Я знаю, что вы всеми обижены, что вас лишают привилегий и истребляют вашу вольность. Бог за мою прямую к нему старую веру вручает мне царство по-прежнему, и я намерен восстановить вашу вольность и дать вам благоденствие»...

Могли ли не соблазниться казаки этою великою хартией яицких прав и вольностей в тот момент, когда Яик переживал самые тяжелые дни своей жизни? Здесь повторились явления, подготовившие отчасти Разиновщину в недрах донского казачества. Яик был последним форпостом русской вольницы, выкинутой социальными и политическими условиями России из центра на границы кочевой степи, оттесненной теперь к пределам своей азиатской прародины — к воротам из Азии в Европу. Ко времени Пуга-

чевщины Яик продолжал пополняться беглецами от крепостной неволи, от тягла и регулярной службы, от карающей кровавой десницы русского правосудия. Сравнительно с донским, а тем более украинским казачеством Яик был еще волен, единодушное отстаивание казацких вольностей сдерживало центральное правительство от прибирания в административные руки вольного Яика. Но среди самого казачества начался губительный для его вольностей раскол. Из казацкой выборной старшины, из среды удачливых промышленников сложился класс экономически сильных лиц, которые составили «партию старшины», захватывавшую власть в свои руки и тем более склонную продавать вольности Яика центральному правительству, чем чаще этой партии приходилось в своих злоупотреблениях и произволе опираться на авторитет правительства. В противоположность ей рядовое и захудалое казачество образовало «войсковую сторону», начавшую борьбу с злоупотреблениями старшины при помощи протестов и жалоб на имя верховной власти. Наряжаемые из центра следственные комиссии часто мирволили старшинской стороне, прикрывая явные злоупотребления атамана и старшин. К волоките и пристрастию судебных комиссий присоединились еще требования центрального правительства такой службы, которая показалась яицким казакам введением среди них ненавистного «регулярства», нарушавшего их вольную «поведенцию» и угрожавшего староверской бороде и голове обитателей Яика. К этому прибавились еще крутые меры присланной в Яицкий городок следственной комиссии, которая стала применять допросы «с пристрастием». В результатах всего этого иссяк источник лояльности войсковой стороны, и в происшедшей стычке были убиты не только назначенный правительством атаман и войсковые старшины с их сторонниками, но и члены следственной комиссии вместе с гарнизоном бывшего в ее распоряжении регулярного войска. После военной экзекуции, подавившей возмущение Яика, главные зачинщики были жестоко

наказаны, с применением к осужденным вырывания поздравлений, плетей, ссылки в Сибирь и в регулярные войска, и с наложением на всех остальных 37 тысяч рублей штрафа за причиненные восставшими убытки. Скрывшимся от следственной комиссии участникам бунта был дан трехмесячный срок явки. В такие-то отчаянные минуты жизни Яика и раздался призыв самозванца к Яицкому войску поддерживать его нарушенные права во имя восстановления вольностей Яика. Обещания и манифесты Пугачева пали на подготовленную почву, и на его сторону перешли не только рядовой контингент войсковой стороны, но и бывалые казаки, которые сразу же раскусили в «объявлявшемся ампирагоре» самозванца «по подлому его состоянию». Пугачев не устоял перед настойчивым допросом этих казаков и сознался в самозванстве; но этим он не оттолкнул, а, наоборот, еще более связал с собою первых апостолов своей миссии, ставших участниками его великой тайны, тем более что этим людям, при настоящих обстоятельствах, терять было нечего, так как им житья не было от ободрившейся старшинской стороны. Психология первых пособников Пугачева вся вылилась в их беседах по поводу открытия его самозванства. «Пусть это не государь, а донской казак,— говорил Караваев,— но он вместо государя за нас заступит, а нам все равно, лишь бы быть в добре».— «Мы из грязи сумеем сделать князя,— говорил другой казак.— Если он не завладеет Московским царством, так мы на Яике сделаем свое царство», благо казаки эти «по многим советованиям и разговорам заметили в нем (Пугачеве) проворство и способность», нужные для затеянного дела. Не скрывали эти пособники Пугачева своих казацких мотивов участия в его деле и от непосвященных в их тайну, но колеблющихся во имя лояльности казаков: «Он нам оказал уже милости: пожаловал нас водами и сенокосами, крестом и бородой и обещает нам еще жалованье. Вольно же им (Петербургскому правительству) называть его Пугачевым... Они скрывают прямое его название от простых

людей, а на обещание их смотреть нечего: довольно мы от них потерпели. Теперь мы сами все в своих руках иметь будем, теперь, брат, мы сами резолюции делаем»... К тому же в глазах этих сознательных казаков дело Пугачева не было делом только казацким. «Мы надеялись,— показывал впоследствии один из ближайших пособников Пугачева,— что сие наше предприятие будет подкреплено, и сила наша умножится от черни, которая тоже вся притеснена и в конец разорена». Расчет оказался верным. У Пугачева нашлись магические слова и для других элементов населения, с которыми он встретился на своем пути.

При первой же встрече с кочевым населением Оренбургского края (киргизами, мещеряками и особенно башкирцами) Пугачев издал милостивый манифест, в духе заветных желаний когда-то вольной, но все более и более стесняемой степи: «Слушайте,— гласил пугачевский манифест башкирцам,— когда на мою службу пойдете, так и я вас пожалую. Ныне и всех, во-первых, даже до последка землями, водами, лесами, жительствовами, травами, реками, рыбами, хлебами, пашнями, денежным жалованьем, свинцом и порохом, какие вы желали, пожаловал по жизнь вашу, и пребывайте так, как степные звери в благодеяниях и продерзостях, всех вас пребывающих на свете освобождаю и даю волю детям вашим и внучатам вечно». Башкирия безраздельно должна принадлежать только башкирам; а поэтому вольно им расправляться со всеми захватчиками и притеснителями предшествующего времени по своему «продерзостному» усмотрению,— вот смысл этого, как и всех последующих «пожалований» самозванца степи. Нечего и говорить, что эти обещания отдали кочевой мир Оренбургского края в распоряжение Пугачева. Как во времена Разина магометанский мир Поволжья дал значительное подкрепление Разину, так и теперь Пугачев в магометанском кочевом населении степи нашел для себя почти поголовную поддержку. Иначе и быть не могло. Свободолюбивыми по самому роду жизни кочевниками русское пра-

вительство «управляло» самым бесцеремонным образом. Устраивая административно-военные центры в стране (Уфа, Оренбург) и окружая степь со всех сторон линией крепостей, русское правительство внутри Башкирии стало раздавать земли русским выселенцам и предпринимателям, не считаясь с правами башкирцев. Особенно щедрая раздача богатых рудами концессий началась с 1734 года. Протесты, жалобы и восстания жестоко подавлялись вооруженною рукой. Так, бунт 1735—1741 г. стоил башкирцам потери 30 тысяч населения, разорения 400 селений и крупного штрафа. Впрочем, и после этого русское правительство не отказалось от политики концессий. К нарушению владельческих прав башкирцев присоединились грубые приемы православных миссионеров в крае. Для успеха проповеди новокрещенцам объявлялись льготы: крещенные освобождались на три года от всех поборов, которые разлагались на «коснеющих в иноверии». Не говоря уже о бестактности этой меры — вольготить одних за счет других, на оставшихся верными магометанству была возложена довольно тяжелая подать, если принять во внимание, что за два года перешло в христианство, главным образом из материальных соображений, 17 тыс. человек. Отсюда естественные протесты населения. Не более удачною была и фискальная политика правительства в крае. Введенное в 1754 г. распоряжение вместо ясака принудить башкирцев покупать из казны соль (косвенные налоги) также вызвало неудовольствие населения. Башкирцы оказали сопротивление, заявив, что по старине они будут брать соль «из казны Господа Бога нашего», т. е. из своих озер. Ко всему этому присоединились административный произвол и обычная волокита в учреждениях, ведавших степной край. «Которое дело можно в день окончить,— жаловались башкирцы,— месяц таскают; которое — в месяц, ради взяток, год продолжают... Воров правыми делают, правых — ворами, нежелающих — желающими...»

При этом административный произвол не знал сдержки своим размахам. За протесты и жалобы, по заявлению башкирцев, «командиры старшин (башкирских) бранили, а некоторых по щекам били, за бороду таскали, а иных в город забирали и всячески мучили: людей саблями рубили (в пьяном виде) и руки обрубали. Бедный народ никакой себе подпоры и надежды не имеет и суда просить способа не находит». Разразившееся в царствование Елизаветы восстание и побег башкирцев за рубеж были подавлены политикой «разделяй и властвуй». Киргизы были натравлены на башкирцев, а последним неофициально разрешили отомстить киргизам. Что же удивительного, если башкирцы сознательно пришли к мысли, что есть одно только средство обратить внимание высшей власти на тяжелое положение края, это восстание: «Станем и мы веру их ругать, в свою веру обращаться и имущества их грабить. Слух об этом и о причине дел наших дойдет до государыни, и тогда рассмотрение с правосудием учинено будет». После этого вполне понятны не только то, что башкирцы и другие степняки почти поголовно откликнулись на призыв Пугачева, жаловавшего их «зверскою вольностью и продерзостью», но и то упорство, с каким они участвовали в деле Пугачева: по донесению главнокомандующего, башкирцы, несмотря на поражения, «в злодействах своих наиболее свирепствуют и все свое зверство обращают на истребление заводов». Пугачев нашел у башкирцев прибежище после разгрома его полчищ Михельсоном; башкирские косяки давали мятежникам возможность быть всегда на свежих конях и ускользать от преследования их регулярными войсками, пешими или на измученных конях.

Не обошел Пугачев своим милостивым жалованием и другой, «отягченный» элемент населения Приуралья — заводских крестьян, которых здесь насчитывалось до 200 тыс. человек. Они распались на две группы — на купленных фабрикантами, или «вечно отданных по указам» для работ на фабрики, и на приписанных к фабрикам госу-

дарственных крестьян окрестных селений. Положение последних было лучше первых, потому что приписные работали на фабриках по сменам в определенные сроки, возвращаясь потом к своим хозяйствам. Фабричные же рабочие со времени Петра Великого давались государством в пользование заводчиков в качестве дешевых рабочих рук, принудительно в целях покровительства развитию промышленности: их нельзя было отделить от завода. Несмотря на то, что эти посессионные крестьяне, как их стали называть в XIX в., не были собственностью фабрикантов, наподобие крепостных, и пользовались некоторыми личными и гражданскими правами, на самом деле власть фабрикантов над ними была почти бесконтрольной, так как всякое заявление рабочими крестьянами претензий против администрации фабрики обычно рассматривалось, как «противление» и «бунт». Фабриканту было предоставлено право телесных наказаний над всеми рабочими завода¹. Практика покупки фабрикантами крепостных была так сильна, что ее не сократил даже изданный Петром III и подтвержденный Екатериной II указ о запрещении фабрикантам этих покупок; она развивалась при Екатерине даже вопреки явно высказанному в наказах и в Комиссии требованию дворян прекратить эту практику; впрочем, те же дворяне, под влиянием нужды в деньгах, и были главными поставщиками живого инвентаря на фабрики. Положение фабричных крестьян уже в царствование Елизаветы было настолько тягостно, что начавшиеся при ней волнения на фабриках и заводах почти не прекращались, несмотря на кровавую расправу с крестьянами, «оказывающими сопротивление». По словам Екатерины II, при вступлении ее на престол 49 тыс. заводских крестьян находились в явном возмущении. Положение их не улучшилось

---

¹ За недостатком места мы не говорим о других более мелких разрядах фабричных рабочих из приписанных к фабрикам гулящих людей, обвиненных по суду женщин, беглых и пр. В общем положение их мало отличалось от названных групп.

и в царствование этой государыни. Капитан-поручик Маврин в рапорте Екатерине II дает такую картину отношений между фабрикантами и фабричными рабочими: «Обратите взор свой на крестьян заводских, а паче на приписных, которые отданы совершенно в жертву заводчикам, а оные хищники ни о чем другом не помышляют, как о своем прибытке, и алчно пожирают все крестьянское имущество, ибо многие приписные крестьяне ходят на его работы от четырех до семисот верст. Работа на заводах большею частью тогда происходит, когда крестьянин должен доставать насущное пропитание, а когда земледелец не достанет из земли сокровища, то он нищий!.. Крестьянин должен хлеб и все нужное для себя получать у заводчика же из лавки и брать за такую цену, какая положена будет, и за все то, что крестьянин заберет, должен заработать по заводскому расположению; а как притом в счет работных людей несравненно ставят дороже, чем следует, то крестьяне почти бесценно должны быть в работе у них». Понятно, почему агенты Пугачева, распространявшие его воззвания с обещанием заводским крестьянам «вольности и уничтожить все ненавистные заводы», встретили единодушное содействие со стороны рабочих, которые, по словам следственной комиссии, «были всех усерднее к самозванцу». Работа на заводах останавливалась, администрация выдавалась пугачевцам. Одни из фабричных пополняли собою шайки Пугачева, другим «дозволено было отлучаться, кто куда хочет, и даваны им от старшин (Пугачева) билеты, с которыми немалое число в жительства свои разъехались».

При появлении пугачевцев на Билимбаевском заводе, население его разграбило дома начальников и заводское управление, причем конторские бумаги и архив завода были преданы торжественному сожжению на площади. «Горите, наши долги», — кричали рабочие, с криком и смехом бросая в огонь расчетные книги.

По официальным данным, уже в начале января 1774 года большая часть заводов с приписанным к ним населением

была в распоряжении пугачевцев. Помимо подкрепления людьми, заводы дали Пугачеву вооружение, порох, большие суммы денег и запасы провианта. Так, на Сатинском заводе пугачевцы захватили 10 тыс. руб. денег, 12 пушек, 250 ружей, 5 пудов пороха и т. д.

Написаны у Пугачева понятные слова и магические обещания и для крепостного крестьянства. Едва он переправился на правый берег Волги, гонимый отчаянно храбрым Михельсоном, как издал свой знаменитый манифест крепостному крестьянству, с призывом к социальной борьбе: «Жалуем сим именным указом, с монаршим и отеческим нашим милосердием, всем находящимся прежде в крестьянстве и подданстве помещиков — быть верноподданными рабами собственно нашей короны и награждаем древним крестом и молитвою, головами и бородами, вольностью и свободою, вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и прочих податей, во владение землями, лесными, сенокосными угодьями, рыбными ловлями, соляными озерами, без покупки и без оброку, и освобождаем от всех, прежде чинимых крестьянами и всему народу налагаемых податей и отягощений от злодеев-дворян, градских мздоимщиков и судей... Кои дворяне в своих поместьях и вотчинах (находятся), тех противников нашей власти, возмутителей империи и разорителей крестьян ловить, казнить и вешать и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с своими крестьянами; по истреблении которых противников и злодеев-дворян всякий может возчувствовать тишину, спокойную жизнь, кои до века продолжаться будут».

Некоторые «полковники» Пугачева «разъясняли» этот манифест в более возбуждающих выражениях: «Ежели кто помещика убьет до смерти и дом его разорит, тому дано будет жалованья 100 руб., а кто десять дворянских домов разорит, тому тысяча рублей и чин генеральский»...

Этот призыв вполне отвечал тем настроениям, которые выносило крепостное крестьянство из тяжелых переживаний своего крепостного быта.

Не только появление самозванца и его клеветников зажигало крепостную деревню против помещиков, но достаточно было кому-либо сообщить слух о приближении «государя» или объявить себя самозванно его агентом, как начиналась страшная расправа с «злодеями дворянами, возмутителями империи и разорителями крестьян». Если удавалось дворянским семьям вовремя скрыться от жестокой казни пугачевцев и своих крепостных, истязались их приказчики, истреблялись их имущество и усадьба. Трудно сказать, к чему бы привела эта борьба, если бы Пугачев направился в центр крепостной России, к Москве, вместо междуречья Волги и Дона, где иссяк у него запас магических слов для донского казачества. При встрече с донцами Пугачеву приходилось «отворачивать от них в сторону свою рожу». Но донцы, не принявшие самозванца, не проявили и особого рвения в борьбе с ним, особенно после понесенного от его полчищ поражения. Благодаря энергии неутомимого преследователя Михельсона Пугачев был загнан в безлюдные степи, которые могли скрыть его от преследования, но не от разочарований и усталости его помощников, решившихся выдачей вождя спасти себе жизнь.

Сила Пугачева заключалась главным образом в том, что ему удалось поднять народную войну против тех тяжелых социально-политических условий, которые исторически заряжали подавленные элементы населения отчаянием и ненавистью к этим условиям. Неоднократно наголову разбиваемый правительственными войсками (под Татищевой, Троицком, Казанью), он через несколько дней снова собирал тысячи и десятки тысяч людей, потому что его появление в новых местах бросало в его распоряжение большинство жителей этих мест. Но в этом была и слабая сторона его выступления. Многотысячные полчища, скопившиеся вокруг Пугачева, так же скоро распадались, как быстро собирались. Это были в большинстве случаев неорганизованные, почти невооруженные толпы людей, грозные для незащищенных и безоружных, страшные своею

стихийностью, по тысячами уничтожаемые при натиске сотни храброго регулярного войска, не терявшегося перед гипнозом колоссальной толпы. При быстром преследовании правительственных войск эти текущие массы народа нельзя было организовать, приучить к строю и дисциплине, даже если бы Пугачев был талантливым организатором восставших масс; по от этой работы Пугачев скромно уклонился, поручив ее «военной коллегии» из ближайших к нему яицких казаков. Более талантливым в этом отношении был пугачевец Зарубин-Чика, самозванец второй руки, удовлетворявшийся именем графа Чернышева, но занявший в башкирском Закамье совершенно независимое от Пугачева положение: он старался не только подчиненным ему толпам придать военное устройство и ввести в них дисциплину, но заботился также и о защите русских «подданных» Пугачева от фанатического неистовства башкирцев. Но и его полчища не устояли перед горстью регулярных войск. И немудрено: слишком мало времени было у этих организаторов для сообщения их войскам боевых навыков и дисциплины.

Впрочем, относительный успех Пугачевщины обуславливается не одним только настроением народных масс. Здесь сыграла важную роль и беззащитность края, где разразилась Пугачевщина. К началу Пугачевского бунта на обширном районе Оренбургского края было рассеяно по крепостям 9663 человека пехоты, кавалерии и артиллерии. Войска эти были только что переформированы, но далеко еще не приведены в боевой порядок.

Главнокомандующий Бибииков характеризовал эти войска такими безнадежными чертами: «Находящиеся по разным местам и здесь (в Казани) гарнизонные и так называемые инвалидные команды, каковыми и первых вместе с их начальниками назвать можно, только имя регулярных военных людей занимают, не имея, к стыду звания солдатского, ни малейших к тому способностей». Таких войск, конечно, недостаточно было для подавления народного

восстания при его развитии. Тот же Бибииков писал, что «обнаженный от воинских команд здешний край не в силах удерживать стремление многолюдной сей и на таком великом пространстве рассыпавшейся саранчи». Помимо гарнизонов регулярных войск в крепостях стояли отряды казаков, башкир и киргизов по наряду очередной службы; но эти элементы, достаточные в спокойное время для отражения разбойных нападений кочевников, теперь представляли собою главный разлагающий военную защиту элемент, так как являлись проводниками воззваний Пугачева, действовали парализующе на начальников крепостей на поле битвы и первые перебежали на сторону пугачевцев, производя замешательство в рядах регулярных войск.

Успеху движения немало содействовало и то, что центральное правительство не могло своевременно мобилизовать в объятую восстанием страну регулярные войска из внутренних и пограничных областей. В это время Россия вела войну с Турцией; часть незанятых на театре войны войск стояла на западной границе, так как из Швеции приходили тревожные вести. Поэтому правительство скупое и медленно отправляло полки, по большей части пехоту, на театр восстания. Отправленные из Финляндии и окрестностей Петербурга могли прибыть в Казань не ранее первых чисел января 1774 г., и военную коллегия «беспокоила дальность и печалило то разорение, которое плутец (самозванец) до прихода войск причинит». Ко всему этому присоединились еще неудачи с назначением главнокомандующих.

Посланный «для учинения сильного поиска над злодеем наскоро», генерал-майор Кар оказался бессильным что-либо предпринять, не располагая достаточными силами для выполнения своей задачи. Центральное правительство выражало неудовольствие: расстроенный и больной Кар оставил театр действия и самовольно отправился в Петербург для личного объяснения, чем вызвал сильное беспокойство столичного населения и возмущение прави-

тельства и получил отставку. Назначенный на его место с большими полномочиями и подкреплениями, генерал-аншеф Бибииков, бывший председатель Комиссии по составлению проекта Уложения, уже известный своею усмирительной деятельностью по подавлениям волнений заводских крестьян в Казанской и Симбирской губерниях, энергическими распоряжениями привел край в относительную оборону, освободил Оренбург от осады и заставил Пугачева, при храбром содействии Михельсона, скрыться в Башкирию. Но смерть этого главнокомандующего снова ввергла страну в анархию, потому что заменившие его последовательно генерал-поручик кн. Щербатов и кн. Голицын, не обладая ни талантами Бибикова, ни достаточными силами, не могли воспрепятствовать Пугачеву прорваться к Казани и на правую сторону Волги, где разгоралось восстание крестьян. Потребовались назначение «знатной персоны» с чрезвычайными полномочиями и мобилизация целого корпуса, чтобы локализовать восстание, окружить Пугачева и выгнать его в степь. И здесь честь неутомимого преследователя самозванца принадлежит тому же Михельсону, потому что ни гр. П. Панин, новый главнокомандующий, наблюдавший за военными действиями из прекрасного далека, ни Суворов, приехавший слишком поздно на театр преследования Пугачева, не участвовали непосредственно в разгроме пугачевских полчищ и в поимке самозванца.

Весть о последней быстро разнеслась по всей России и вызвала бурю восторгов у правительства и дворянства и тяжелое разочарование «черни». И немудрено: дворянство и правительство были спасены от грозной опасности,— те же слои населения, которые в деле Пугачева видели дело осуществления своих надежд на лучшее будущее, не только должны были отказаться от этих надежд, но и подвергнуться жестокой расправе за участие в мятеже.

Гр. Панин оказался более энергичным карателем, чем главнокомандующим. Рассортировав всех участников бунта

на пять категорий, Папин своими представлениями о необходимости примерного наказания захваченного восстанием населения побудил Екатерину забыть лучшие статьи своего Наказа; Екатерина, часто писавшая и говорившая о гуманности наказаний, на этот раз согласилась, что «в теперешнем случае казнь нужна для блага империи». Мы не будем останавливаться здесь на описании застеночных дел следственной комиссии, на публичных казнях, на перечислении всех урезанных носов, ушей и исполосованных спин, возвращенных под прежнес ярмо или на каторжные работы. Пугачевщина похожа на Разиновщину даже своим финалом.

В. Уланов

РАСКОЛ И СЕКТАНТСТВО В XVIII ВЕКЕ

Со времени религиозной реформы Петра официальная церковь окончательно застывает в одних и тех же рамках мысли и организации. Духовно над нею тяготееет неподвижная утонченная схоластика семинарий и академий; все, что ищет живой мысли, не укладывается в прокрустово ложе апологетических рассуждений, уходит из кругов клира в светские круги, переходит от схоластики к светской науке. Такова была судьба Ломоносова и многих его товарищей, ушедших из Заиконоспасской бursы в Петербургскую академию; такова была судьба и многих других семинаристов и академиков, ушедших с церковного поприща на светскую службу. Остается неизменной и организация церкви; указ 1824 года об уравнении обер-прокурора Синода в правах с министрами в сущности санкционировал уже совершившийся факт. Религиозные искания и церковные новообразования с начала XVIII в. сосредоточиваются исключительно в диссидентских кругах, среди старообрядчества и

сектантства. Великая религиозная и церковная борьба конца XVII века создала аморфную и еще хаотическую массу церковных отщепенцев. Проклятые клятвами собора 1667 года, пошли «раскольники» в изгнание, в лесные пустыни и степи родной страны и за польский и турецкий рубеж. В изгнании начались дифференциация и кристаллизация различных направлений раскола, сообразно двум главным социальным слоям, на которых раскол базировался: из посадских элементов раскола сложились чисто буржуазные организации, из крестьянских выработались разнообразные формы, и чисто старообрядческие, и так называемые сектантские. Эти последние сливаются с потоком крестьянской реформации, не только не прекратившимся в XVIII веке, но получившим еще новую силу под влиянием усиления крепостного ига. Под казенными неблагозвучными кличками, которыми синодальные миссионеры окрестили различные старообрядческие и сектантские толки, скрывается отнюдь не мертвечина, но необыкновенное богатство религиозной мысли и разнообразие церковных форм; их научная терминология и морфология еще не могут считаться вполне установленными.

Проще всего и яснее всего стоит вопрос о так называемой поповщине, — так называется в официальных документах та ветвь старообрядчества, которая ни одной минуты не могла себе представить, как можно существовать без регулярно совершаемого культа и его квалифицированных отправителей. «Без попов нам быть никак невозможно» — так формулировало эту идею поповщинское старообрядчество. Старообрядческие общины, придерживавшиеся указанного лозунга, рекрутировались почти исключительно из посадских элементов. Первая община этого рода и сложилась под руководством попа, из двенадцати купеческих семейств, выселившихся из Москвы в Стародубье, под предводительством попа Кузьмы от Всех Святых на Кулишках. Но в Стародубье эмигранты остались недолго, так как московское правительство не оставляло их в покое; вскоре они перешли через польский рубеж и поселились на пус-

тынном острове Ветке посредине р. Сожа (недалеко от теперешнего Гомеля). Вслед за ними на Ветку переселился целый ряд других купеческих семейств; в колонии переселенцы занимались тем же, чем и в метрополии, и захватили в свои руки пути торговли между левобережной Малороссией и Белоруссией. Однако разлагавшееся польское государство не могло охранить ветковских поселенцев от русского правительства; Ветка двукратно подвергалась разорению русскими войсками и, в конце концов, при Екатерине II прекратила свое существование. Но колонисты Ветки остались и на новых местах, куда пришлось выселиться, теми же купцами и промышленниками. Большинство выселилось поневоле назад в Стародубье; там появились сейчас же торговые слободы и суконные мануфактуры; к этому времени относится образование таких центров, как Гомель и Клинцы.

Другие ячейки «поповщины» были на Кержепце. Керженец — это левый приток Волги, впадающий в великую реку пониже Нижнего Новгорода, близ Макарьева. Керженец течет по болотистой и лесистой местности; в конце XVIII века эта область была совсем пустынная, да и в настоящее время слабо заселена. На Кержепце образовалось 77 раскольниковых скитов, переполненных беглыми попами и монахами. Керженские скиты, находившиеся по соседству с такой важной торговой артерией, как Волга и соседняя Кама, естественно, стали опорным пунктом восточной старообрядческой колонизации. Эмигранты из центра шли на Керженец; крестьяне оставались там, пробиваясь охотой и подсеками, а купцы, захватив с собою попов, шли дальше и постепенно образовали ряд общин по левому и правому берегу Волги вплоть до Самары. Все речное судостроение и вся хлебная торговля оказались вскоре в руках старообрядцев. С Волги волна старообрядчества пошла по Каме на Урал; старообрядцы захватили на заводах торговлю «всеми харчами» и умели проникать на должности ответственных заводских приказчиков. «Великие промыслы и торги» ста-

роообрядческой буржуазии, российской и зарубежной, не оставались, конечно, тайной и для петербургского правительства. Оно не могло продолжать попросту уничтожать буржуазное старообрядчество, так как в его кошельке могли оказаться богатые ресурсы для казны. При Екатерине II последовал ряд мер, облегчавших положение русских старообрядцев, а зарубежным было дозволено вернуться, прочим земли были отведены в саратовском Заволжье, по реке Иргиз. Старообрядческая буржуазия всемерно воспользовалась новыми льготами. Пустынные берега Иргиза застроились торговыми старообрядческими монастырями и слободами, тянувшими к монастырям; средства дали московские и волжские старообрядцы. Московская поповщинская община, до тех пор принужденная «таиться», в 1771 году организовалась легально. Москву посетила в этот год чума; воспользовавшись ею, московские поповцы выпросили разрешение построить за Рогожской заставой чумный карантин и кладбище; на кладбище была выстроена церковь, поставлены богадельня и жилые дома. Окруженное каменной стеной, оно было как бы особым мирком, старообрядческой Москвой рядом с синодской Москвой. Улицы, примыкавшие к Рогожской заставе, начиная от Таганки, сплошь были застроены домами купцов и старообрядцев. Здесь скопилось наиболее влиятельное и наиболее богатое старообрядчество; тут была и торговая биржа, устанавливавшая цены на хлеб и на мануфактуру, и своего рода старообрядческая «курия», указаниям которой беспрекословно подчинялись все русские поповщинские общины; «что положат на Рогоже, на том станет Городец, а на чем Городец — на том и Керженец», — говорили на Волге, а с Иргиза подтверждали: «на Рогожской дохнут — на Иргизе попа дадут».

Наличие попов — вот отличительный характерный признак для всех старообрядческих общин, для которых была законом Рогожа. Остаться без попов — значило остаться без культа; между тем, в тогдашних условиях еще

более чем теперь целый ряд гражданских правоотношений был связан с культом. Прекращение культа означало прекращение крещений, браков, погребений, т. е. нарушение всех имущественных и торговых отношений, связанных с рождением, браком и наследованием; а при нарушении всего этого порядка как могли бы старообрядцы нажить «великие и богатые промыслы»? Поэтому посадское старообрядчество и было поповщиной; поэтому оно и держалось твердо церковных тенденций. Его целью было создание прочной церковной организации с правильным культом и своим собственным клиром. Вопрос о священстве более всего занимал посадское старообрядчество в XVIII и в первой половине XIX в.

Первое время недостатка в попах не было. Во время проведения Никоновой реформы масса попов, как мы знаем, не захотела подчиниться и ушла в раскол. Были и архиереи, державшиеся старой веры. Но из архиереев остался сй верен только один Павел Коломенский; прочие раскаялись и вернулись в официальную церковь. Павел за непокорство был заточен в монастырь и умер в заключении, не успев рукоположить себе преемника. Между тем клирики старого, дониконовского рукоположения постепенно вымирали, а новых попов рукополагать было некому. Перед посадским старообрядчеством стала дилемма: или последовать примеру крайних раскольников, обходившихся без правильного культа и без священников, или получить клириков из Никонианской церкви. Но первое казалось невозможным; крестьяне, и ранее чаще обращавшиеся к помощи колдунов, чем к посредству попов, могли и сами себя и в Ердани крестить, и изюмом причащать; для честных буржуа такой исход был совершенно немыслим. Оставалось второе средство. Нашли оправдание его у Аввакума, который в одном из своих посланий, между прочим, писал о попах Никонианской церкви, переходивших к старообрядцам: «аще поп тот проклиная никонианскую срьсь и всю службу их и всею крепостью любит старину, по нужде

настоящего ради времени да будет поп, и к тем церквам приходите». А среди никонианских попов желающих «возлюбить старину» оказывалось немало, в особенности со времени введения рекрутских наборов; так как посвящение в священники избавляло от рекрутчины, то всякий, кто только мог, старался уйти от этой тяжелой повинности посредством посвящения в попы. Никогда не было такого обилия безместных, бродячих попов, как в начале XVIII века. Не находя себе «хлеба куса» в господствующей церкви, все более и более сокращавшейся в тисках Петровских штатов, безместные попы «бежали», как тогда выражались, на Керженец, к старообрядцам. Там принимали их с распростертыми объятиями и, подвергнув «исправе», отправляли на места. «Исправа» заключалась в том, что переходивший в старообрядчество поп проклинал «никонианскую ересь» и получал «перемазывание», т. е. над ним, как над раскаявшимся еретиком, вторично совершалось миропомазание. Чин «исправы» установился не сразу; было немало споров, как исправлять попов, переходивших из синодской церкви, и, в конце концов, остановились на указанном чине, отвергнув чин простого проклятия ереси, как слишком примирительный, и чин вторичного крещения, как смывающий благодать священства. Керженец исполнял функции перемазывания до основания иргизских монастырей; после того, как «засияло солнце православия» на Иргизе, исключительное право перемазывания было предоставлено иргизским монастырям, по постановлению собора 1779 г.

Итак, клир у посадского старообрядчества был; но сами старообрядцы сознавали, что он весьма ненадежен и по своим качествам, и по своему положению. Переходили в старую веру, конечно, не лучшие представители клира; но и тех старообрядцы всегда могли лишиться, как только правительство вздумало бы принять против беглых попов строгие меры. Вполне независимый и доброкачественный клир мог бы явиться у старообрядческой церкви только в

том случае, если бы ей удалось найти для себя архиерея. Эта задача была необычайно трудна для разрешения. Было очевидно, что из синодской церкви ни один архиерей не пойдет к старообрядцам добровольно и с раскаянием; идти же на примирение, чтобы получить архиерея ценою признания главенства над собою Синода, старообрядцы не хотели. Приходилось искать архиерея в других местах. Искания начались еще в самом начале XVIII века и продолжались все столетие; старообрядческие тузы потратили много денег и хлопот, но в результате получались одни сплошные скандалы или анекдоты. Искатели архиерейства становились жертвою различных проходимцев из юго-западного края, и в конце века от разрешения задачи старообрядчество было так же далеко, как и в его начале. Часть старообрядцев пришла в отчаяние и пошла на примирение с господствующей церковью: после долгих переговоров с правительством, в 1800 г. было учреждено единоверие; единоверцы признали главенство синодских архиереев, а за это получили клир, обязавшийся служить по старым обрядам. Но старообрядческая масса во главе с рогожскими тузами не потеряла надежды, и впоследствии, полвека спустя, поиски архиерейства увенчались успехом.

Вся энергия посадского старообрядчества ушла на организацию; прежде всего и больше всего оно интересовалось церковными, но не идеологическими вопросами. Идеология у него была готовая, старая идеология Стоглавого собора, с точки зрения которой уклонение от освященных чудотворцами таинственных обрядов было злою ересью. В противовес синодской церкви, нашедшей новую веру в дебрях умозрений киевской схоластики, посадское старообрядчество строго держалось национальной веры, как она сложилась до Никона, и себя считало единой истинной церковью, а официальную церковь — еретическою. Антихристова идеология получила в поповщинских кругах оттенок не эсхатологический, а оборонительный: вожди официальной церкви считались «антихристами» постоль-

ку, поскольку они гнали старообрядчество, по аналогии с римскими императорами, мучившими христиан. Поэтому посадские старообрядцы были далеки от мысли, что в мире воцарился антихрист, и что нет более истинной церкви. Напротив, считая царя «еретиком», поповцы считали долгом ему повиноваться и поминали его за богослужением; в Иргизских монастырях поминали даже и губернатора. Стараясь жить в мире с гражданской властью, посадское старообрядчество расчищало свободный путь для своих организаций, предоставив теологические споры другой ветви старообрядчества, окрещенной именем беспоповцев.

Беспоповщинские организации, как видно из их клички, отличались от поповщинских тем, что обходились без священства; но, кроме этого внешнего пункта различия, были важные внутренние пункты различия. Социальный состав всех беспоповщинских организаций первоначально был крестьянский; сообразно с этим, и идеология их была чисто эсхатологической. В мире царит антихрист; благодать священства взята на небо, не будет более ни правильного богослужения, ни правильных таинств до кончины мира, а она «не закоснит». Чтобы сохранить чистоту души и веры до момента страшного суда, надо уйти от антихриста, уйти из мира в «лесовольную» пустыню. Эта идеология, однако, не осталась неизменной. Крестьянские общины старообрядцев пережили процесс социальной дифференциации; параллельно с процессом социальных перемен шла и эволюция идеологии.

Такую эволюцию прошло прежде всего самое типичное беспоповщинское согласие, поморское. Центром согласия была община, основанная двумя братьями, князьями Андреем и Семеном Мышецкими-Денисовыми, на р. Выге. За исключением основателей и руководителей, первоначальный состав общины был почти исключительно крестьянский. Выговцы всецело разделяли эсхатологическую идеологию и пред лицом ожидавшегося ими страшного суда

организовали общину на аскетически-коммунистических началах.

Все было объявлено общим, и было проведено строгое разделение труда; трапеза была общая, были общие запасы одежды и инвентаря. Такой строгий коммунизм диктовался и тяжелыми условиями существования в глухой северной тайге, где приходилось завосвывать себе право на жизнь неимоверно тяжелыми усилиями и трудами. В одном только отношении пришлось отступить от коммунизма: первоначально общий и для мужчин, и для женщин скит был разделен на два общежития. Для женщин построили скит на Лексе, недалеко от Выги, так как, несмотря на требование строгого воздержания от полового общения, «сено от огня» уберечь оказалось невозможно. Для Лексы были выработаны и особые правила, еще более ограничившие коммунистический принцип. Женщины не могли исполнять для своих потребностей пашенную и другую «мужицкую» работу; пришлось прислать на Лексу особых «служителей», которые скоро стали делать для сестер всю работу, кроме стряпни и шитья. На Лексе остался, таким образом, лишь коммунизм потребления, но не производства. Но если строгое разделение труда и распределение продуктов производства диктовались тяжелыми условиями существования общины, то те же условия не давали возможности для общины довольств. себе экономически. Она не могла существовать, как обособленное хозяйство, ввиду скудости ее собственных продуктов для потребления. Тайга давала пушной и лесной товар, но была скупа на хлеб; в суровом северном климате хлеб родился плохо, случайно выговцы голодали уже в первые годы основания общины, пока их было еще немного, и стали ощущать регулярный недостаток в хлебе по мере того, как состав общины все увеличивался приходившими с юга беглецами. Пришлось «промысливать хлеб и деньги», и постепенно Выговская община превратилась в крупное рыбное и лесное промышленное предприятие на артельных началах. На «Низ» взяли рыб-

ный и пушной товар, с Низу — хлеб и другие предметы потребления, которых нельзя было достать на севере. В Вытегре, Петербурге, Петрозаводске, Вологде, Москве и Нижнем появились выговские конторы и агенты; а в самой общине рядом со «скитниками» появились наемные «рабочие люди». Так не удалось уйти от «мира»; напротив, в мир пришлось вернуться и привязаться к нему самыми тесными узами.

Вступив с «миром» в экономическую связь, выговцы должны были признать и его гражданские правоотношения. Но для этого приходилось уже пересматривать идеологию. И когда в 1739 г. присхала на Выг правительственная комиссия производить следствие о Выговской общине, те же самые Андрей и Семен Денисовы, которые ранее ревниво оберегали своих «детушек» от антихриста, теперь стали во главе партии примирения с «антихристом». Эта партия после жарких прений одержала верх, и выговцы приняли все условия «мира» — и двойной оклад, и рекрутчину или откуп по 120 руб. с рекрута, и молитву за царя. Принятие последней было мотивировано Семеном Денисовым в самых недвусмысленных выражениях, знаменовавших полный разрыв со старой идеологией: надо молиться за царя, «ибо мы живем на его земле, он охраняет нас от врагов, печется о внутреннем порядке, ограждает имущество (sic!) и личности наши от чужого произвола». Меньшинство, не хотевшее измены прежним воззрениям, откололось тогда от Выга, не желая более иметь ничего общего с теми, кто «зверевы указы паче свангелия облобызали», и пошло своею дорогой. Поморская же идеология продолжала эволюционировать все далее и далее в том же направлении.

Центром поморского согласия со второй половины XVIII века стала Мопииская Покровская община, сгруппировавшаяся вокруг часовни купца Мопина. Там вырабатывались новые воззрения и новая практика культа. Ранее, пред лицом вечности, поморцы говорили, что благодать

Божия взята на небо, и культ прекратился вплоть до второго пришествия. Теперь поморцы стали рассуждать иначе. Законная иерархия пресеклась, но пресеклась временно, как пресекалась ранее в эпохи арианства и иконоборства; возможно, что она и восстановится. Моиинцы очень интересовались исканиями архиерейства, предпринятыми с Рогожского кладбища, и участвовали даже в общем соборе поморцев и рогожцев 1765 г., созванном специально для разрешения вопроса об отыскании архиерея. Собор кончился ничем; был предложен только один фантастический проект — рукоположить архиерея рукою мощей митрополита Ионы, причем положенные молитвы вместо мертвеца должен был читать рогожский поп. Но поморцы не хотели признать правильности рогожских попов, да и весь проект показался большинству участников настолько сомнительным, что от него отказались, а другого способа не придумали. Мониинцам пришлось остаться при том культе, который у них выработался «по нужде». Выборный наставник совершает в домашней молельне богослужение, состоявшее в чтении и пении молитв; из таинств совершалось только крещение, которое «по нужде» может быть совершаемо и мирянами. Большим вопросом был вопрос о браке. С тех пор как поморцы стали жить в мире с «миром» и начали трудиться для прочного жития, а не для близкого страшного суда, заповедь воздержания от брака падала сама собою. Брак нужен, но кто же будет совершать таинство брака? Жить «без закона» нельзя, а «по закону» — нет возможности. Из затруднения поморцы вышли путем чисто рационалистического рассуждения. Брак установлен нерушимую заповедью Божиею о размножении рода человеческого, — заповедью, данною еще первым людям. До установления таинства брака в христианской церкви браки совершались и были правомерны, ибо исполнялась заповедь Божия; значит, и теперь, когда таинство брака совершаться не может, брак, как учреждение, все-таки должен существовать. Был выработан особый «Брачный устав», стремившийся заме-

нить церковную церемонию гражданским обрядом. Центр тяжести обряда был перенесен на традиционные домашние церемонии благословения жениха и невесты; за этими церемониями следовало, в качестве придатка, благословение наставника в часовне. Практика жизни вскоре заставила пойти еще дальше, когда явился вопрос о смешанных браках. Тут, под условием епитимии, было разрешено даже венчаться у православного священника и по православному обряду. В результате, поморское согласие превратилось в чисто буржуазную церковную организацию, несколько напоминающую протестантские общины. Сходство дополнялось тем, что, следуя авторитету Андрея Денисова, многие поморцы придавали основное значение вере, а не обрядам и провозглашали «вольную волю» каждого человека в вопросах религии: каждый «самовластен» выбирать себе «путь спасения», какой хочет.

Такая же судьба постигла другую общину беспоповцев, образовавшуюся в Москве одновременно с Рогожской и таким же способом — общину Преображенского кладбища. Преображенская община была основана так называемыми федосеевцами, переселившимися после указов Екатерины назад в Россию из-за польского рубежа. Основателем федосеевского согласия был наставник одной из зарубежных общин, Феодосий; был он и на Выге, но разошелся с выговцами во взглядах, находя позицию выговцев слишком примирительною. В противоположность умеренным поморцам, федосеевцы хотели быть крайними пуританами. Их «Устав польский», излагавший правила принятия в общину, проникнут духом крайней нетерпимости ко «внешним», т. е. ко всем лицам, не принадлежащим к федосеевским общинам, каких бы религиозных взглядов они ни держались. Московская община должна была организоваться на тех же началах. Основателем ее был московский купец и заводчик Илья Алексеевич Ковылин. В разгар чумы он выступил с обличительною проповедью среди московских федосеевцев, упрекая их за отступление от «православной веры» и

объясняя чуму, как наказание за грех отступничества. «Кто православную веру усердно соблюдает, того она прославляет и от бед избавляет, по преселении же от временный царствия небесного сподобляет и с Богом соединяет», — говорил Ковылин. Москвичи, и федосеевцы, и «внешние», были охвачены такою паникой, что хватались за всякое средство спасения — и проповедь Ковылина имела огромный успех. Умиравшие крестились у него и завещали ему свое имущество. Таким путем в его руках образовался большой капитал, который он и употребил на учреждение общины. Прошение об учреждении за Преображенской заставой больницы, богадельни и карантина было подписано, кроме Ковылина, 18 купцами и 7 оброчными крестинами, записанными в двойной оклад. Так явилось Преображенское кладбище, организация чисто буржуазная, но с аскетическо-пуританскими требованиями. Противоречие между этими требованиями и социальным составом общины определило ее трагическую судьбу.

Ковылин, называя вновь учрежденную общину «монастырем», и требования поставил чисто монашеские. Супруги, вступавшие в общину, должны были оставлять друг друга, а холостые и девицы давали обет целомудрия. Но, несмотря на эти требования, за стенами общины царил безудержный разврат, на который Ковылин смотрел сквозь пальцы. Общение с «внешними», даже в яствии и питии — воспрещалось; но достаточно было отбыть спитимию поклонами, лишним днем поста или молитвами, чтобы загладить даже самый тяжкий грех общения с «внешними». Запрещение общения «с внешними» мотивировалось тем, что весь «внешний» мир, находящийся за стенами Преображенского кладбища, есть царство антихриста. Но в то же время сам Ковылин устраивал у себя торжественные обеды в честь московских властей и щедро раздавал им подарки. Идеальной целью общины было спасение душ ее участников на предстоящем в ближайшем будущем страшном суде; но имущество поступавших в общину членов отбиралось

Ковылиным в собственность общины «на вечные времена»; а так как страшный суд все не приходил, то Ковылин составил новый устав для общины, по § 14 которого попечителям Преображенского кладбища разрешалось употреблять капиталы общины на «торговую коммерцию». Из орудия спасения душ Преображенская община превратилась в орудие обогащения заправлявших ею купцов; устрашая кончиною мира робких людей, позволявших в суеверном страхе себя обирать и принимавших на себя чисто монашеские обеты, заправила общины выбрали на свою долю «просторные дома, прекрасные и светлые покои, многоценную трапезу и различные напитки, мягкие постели, красные одежды, частые разговоры, седания и ласкательные друг к другу помавания». А когда мнинцы с негодованием обличали фарисейское лицемерие преображенцев, в особенности в половом вопросе, преображенцы отвечали знаменитым софизмом, автором которого был будто бы сам Ковылин: «не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься». При таких условиях община могла существовать только до тех нор, пока находились наивные люди, шедшие со своими капиталами на приманки Ковылина. Раньше всего началось разложение филиальной петербургской общины, где федосеевцы бросили комедию и вступили в самое тесное общение «с детьми антихристовыми», а в 1812 г. целый ряд наиболее влиятельных членов Преображенской общины в Москве откололся от нее и перешел к мнинцам. После этого в течение XIX века община влачила довольно жалкое существование.

История трех указанных согласий тесно переплетается с историей российской буржуазии в XVIII веке; все они так или иначе сослужили службу российскому купечеству, обеспечивая ему его успехи среди самых неблагоприятных условий, в век наиболее пышного расцвета дворянского владычества. Противоположность барина и купца в гражданской области соответствовала противоположности старообрядца и никонианина в церковной. Но еще более

жестокой была противоположность барина и мужика, господина и раба. Она также рождала противоположность и протесты в религиозной сфере, и тем более непримиримые, чем хуже становилась участь крестьянина в XVIII веке. Рекрутские наборы, подушная подать, паспортная система, размежевание земель, раздача государственных крестьян фаворитам — это все сыпалось на мужика сверху; в деревне с каждым годом увеличивались требования и власть барина, в целом ряде местностей исчезла крестьянская запашка, а крестьяне превратились в плантационных рабов. Оттого XVIII век проходит под знаком непрекращающихся крестьянских бунтов, то крупных, то мелких; а в сфере пассивного протеста XVIII век знаменуется массовыми побегам крестьян и появлением различных крестьянских сект.

Наиболее типичная секта тесно связана именно с бегам крестьян, возводит бегство крестьян в религиозный догмат. Сектанты так и назывались бегунами. Основателем секты был беглый солдат Евфимий, одно время бывший под влиянием федосеевцев; но он скоро понял их «двоякие» и основал собственную секту, оказавшуюся как нельзя более по душе всем людям, попавшим в одинаковое с ним положение: беглым крестьянам, беглым солдатам, беглым преступникам, бездомным нищим. Доктрина бегунов проста до чрезвычайности. Исходный пункт — старый мотив XVIII века о том, что с 1666 г. в Российском государстве воцарился антихрист. Антихрист царствует в преемственном ряду царей, начиная с Алексея Михайловича и Петра. Алексей и Петр — двурогий зверь, последующие цари — десятирогий зверь Апокалипсиса. Цари, в особенности Петр I, извратили всю гражданскую жизнь своими указами. Бог сотворил все общим для всех, а Петр пустил в ход диавольское слово «мое», пересчитал живых и мертвых, разделил людей на разные чины, размежевал земли, реки и усадьбы и ввел, наконец, печать антихриста, паспорт. Цари, царствовавшие после Петра, еще усугубили все эти антихристо-

вы мерзости, и теперь «всюду вернии утесняеми, от отечества изгоняеми». Чтобы спастись от сетей антихриста, от сего губительной печати, остается только одно средство: «таится и бегати», стать странником, неведомым миру. Бегство спасет верного от сетей антихриста, пока не настанет страшный суд. Тогда начнется открытая «брань с антихристом»; всякий, кто во время этой брани будет убит, получит венец мученический, царские «золотые палаты» будут сокрушены, насильники будут вопиять: «смолу и огонь я пию за прегордную жизнь мою», а страдальцы бегуны попадут в рай:

Там растут и процветают древа райские всегда,
Там рождают, умножают своего сладкого плода.

Но и в «палате лесовольной» антихрист грозил настичь бегунов. «Лесовольные палаты» были теперь не так близки, как прежде. Дон и Северская Украина давно были замирены, и приходилось уходить от антихриста в лесные дебри Архангельской и Вологодской губерний, Приуралья и Сибири. Пока бегун из центра доходил до «прекрасной матери пустыни», его могли на каждом шагу поймать «слуги антихриста», «бесовские полки». Бегство от мира могло успешно осуществляться только при наличии сего надлежащей организации. Ее удалось выработать благодаря тому, что к бегунству примыкали и такие элементы, которые не могли целиком принять на себя обязательства бегуна. Крестьяне побогаче и мещане городских окраин охотно примыкали к секте в качестве «странноприимцев» и брали на себя обязательство принимать и укрывать у себя бегунов. Для этой цели странноприимцы строили дома, специально приспособляя их для пристаннодержательства бегунов. Такие дома, двухэтажные, с потайными клетями, с подземными ходами, ведущими в ближайший лес, можно иногда встретить еще и теперь в глухих уездах Новгородской, Костромской и Вологодской губерний. Деревни и города, где жили странноприимцы, были хорошо известны бегунам;

сообразно с их расположением составлялись бегунские маршруты, причем очень часто действительные названия заменялись условными, сказочными, чтобы сбить с толку полицию, если бы маршрут попал ей в руки. Под статью маршрутам были и юмористические паспорта, которыми иной раз запасались бегуны: «дан сей паспорт из града бога высшего, из сионского правления, от небесной полиции».

Для того, чтобы спастись, странноприимцам было недостаточно принимать и укрывать бегунов. Оказывая своим собратям эту помощь, странноприимцы все-таки оставались в мире, жили, волей-неволей придерживаясь указов «антихриста», принимая его «печать». Если странноприимец не хотел оставаться на полдороге, он должен был хотя бы перед смертью превратиться в настоящего бегуна. Превращение, как оно выработалось на практике, в сущности было фиктивным. Когда странноприимец смертельно заболел, родные отсылали его паспорт властям с заявлением, что означенный в паспорте скрылся неизвестно куда. Больного тем временем переносили в соседний дом или в лес, если не было надежного соседа, на которого можно было бы положиться; формально, таким образом, больной превращался в настоящего бегуна, «таился и бегал», и в таком положении заставляла его смерть.

Бегунство возникло во второй половине XVIII века, в наиболее тяжкую для крестьянства пору. Но еще ранее бегунов, в начале XVIII в., а может быть, и в конце XVII в., возникла еще одна чрезвычайно распространенная в XVIII веке секта — хлыстовщина. Ее зачатки мы уже видели в XVII веке, в полумистических-полураскольничьих крестьянских организациях Урала и Сибири. Хлыстовщина, так же как и бегунство, исходила из положения, что в мире царит Антихрист, но делала из этого положения другие выводы. Легенда о происхождении хлыстовщины рассказывает, что, когда при царе Алексее исчезли вера и благочестие, и стали люди спорить, по каким книгам можно спастись, пошли умные люди, которые заявили, что никаких книг

не нужно, а надо позвать Самого Господа Бога, он и укажет путь ко спасению. Стали звать Бога, и в ответ на призыв в 1645 г. (!) в Стародубской волости, в приходе Егорьевском, на гору Городину (в Ковровском уезде, Владимирской губ.) скатил на землю на огненной колеснице сам Господь Саваоф и вселился в пречистую плоть крестьянина Данилы Филипповича. Первым делом Данила собрал все книги в куль и бросил в Волгу: никаких книг, ни старых, ни новых, не нужно, нужна только:

Книга золотая,
Книга животная,
Книга голубиная,
Сам сударь дух святой.

И объявил Данила своим последователям двенадцать заповедей, где тот же догмат формулировал так: «Аз есмь бог, пророками предсказанный, сошел на землю для спасения душ человеческих, нет другого бога, кроме меня; нет другого учения, не ищите его; святому духу верьте».

Эта легенда, стремящаяся, в подражание евангелиям, к географической и хронологической точности, столь же точно и определенно выясняет сущность нового учения. Оно заключается в том, что старое откровение, заключенное в книгах, есть ложное и испорченное откровение, под стать тому лживому, испорченному и грешному миру, столпами которого оно держится. Чтобы спастись, надо найти повое откровение, а для этого надо обратиться к его первоисточнику, к духу святому, вступить с ним в общение, услышать его голос, верить так, как он скажет. Способ общения с божеством был давно известен нашим крестьянам, как и их социальным собратьям всех веков и народов. Пророки и дервиши, греческие орфики, христиане первоначальных общин, бичевальщики Средних веков, анабаптисты эпохи Реформации, «лжепророки» Стоглава — все они знали этот способ и прибегали к нему. «Дух» сходит на человека, когда человек приведет себя в состояние религиозного восторга

посредством пляски, пения или простого быстрого верчения на одном месте; предварительно надо подготовить нечистую плоть к принятию духа посредством поста, омовений и молитвы. К таким «радениям» прибегали и хлысты; молва о них и послужила причиною раскрытия секты в Угличе в 1766 г., когда возникла первая официальная переписка о хлыстах.

«Радения» хлыстов составляли центр тяжести их религиозного быта; они, как праздники, озаряли их «трудо-вой и слезовой» жребий среди враждебного им мира. На «радениях» получали они «духовную радость», скрещивавшую их тяжелое существование. Но не легко было получить желанную «духовную радость». К трудовой и слезовой жизни прибавлялся еще «трудо-вой и слезовой» закон Данилы Филипповича. Божественный дух не может войти в «нечистую свинью», как Данила называл человеческую плоть; надо ее очистить аскетическими подвигами. В заповедях Данилы содержались на этот счет такие строгие предписания: «хмельного не пейте, плотского греха не творите; не женитесь, а кто женат, живи с женою, как с сестрою; пежешимые не женитесь, женимые разженитесь». А перед самым радением нужно было соблюдать строгий пост. Надев чистые рубахи, в праздничных платьях собирались сектанты на радения. Священнодействие начиналось общей трапезой; затем начиналось самое радение под предводительством «кормщика» или «кормщицы» корабля, т. е. общины. Одна за другою пускались в быструю пляску пары, высоко подпрыгивая и подпевая; наиболее ревностные били себя палками и цепями. Пляска, в конце концов, превращалась в бешеный бег, а пение — в дикие выкрикивания припева:

Ой бог, ой бог, ой бог!
Ой дух, ой дух, ой дух!
Накати, накати, накати!
Ой Ега, ой Ега, ой Ега!

Тут и наступал момент «духовной радости». Самые иступленные в полуобморочном состоянии падали на пол и начинали выкрикивать бессвязные слова. Это означало, что на них сошел дух, они говорят уже не от себя, а от духа, «пророчествуют». Каждое слово «пророка» или «пророчицы» жадно ловилось присутствовавшими; слова запоминались и после сами собою складывались в песни. Эти песни запечатали в себе то новое откровение, которое давал хлыстам их «дух». Радение заканчивалось также общей трапезою.

Откровение хлыстов по содержанию повторяет отчасти элементы христианской легенды и апокалиптики, отчасти мотивы старой народной религии. Первые доминируют в легенде о том, как произошла секта, и в представлениях о страшном суде, вторые — в представлениях о божестве и загробной жизни. «Духа святого» хлысты представляли себе в виде или красного солнышка, или ясного сокола, или соловья, поющего в сердце у батюшки. В представлениях о Саваофе и Христе эти тотемистические переживания сменяются образами, навеянными социальной средой, которой должно было подчиняться крестьянство. На седьмом небе живет Саваоф, там у него дворец, а во дворце «кабинет», где «трепещут» его ангелы. Саваоф — царь, Христос — царский сын, у него смарагдовая корона, он полковник полковой, на седьмом небе у него и дворец, и грады, и «зелены сады». А при дворце у бога — канцелярия; сидят там ангелы и записывают имена хлыстов в «животную книгу». Богородица изображается в виде царицы-матушки. Как добрая богатая помещица, живет она в небесном тереме, где служат ей целые полки девические. Таково хлыстовское небо; оно ничем не отличается от земли, небесные боги — те же земные боги, помыкающие крестьянином. Но когда действие божественной драмы переносится с неба на землю, местные русские мотивы уступают место евангельским, причем последние подвергаются своеобразной географической и хронологической переработке.

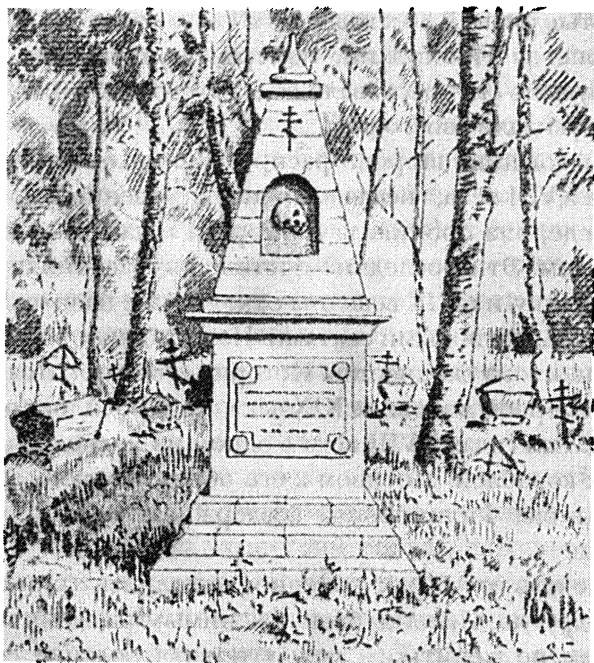
Данила — Саваоф, бог-отец, у него сын Христос. Это Иван Суслов, крестьянин Муромского уезда. Родился он от богородицы, «девицы-красноличны», ходил и проповедывал в сопровождении 12 апостолов. В конце концов, его схватили и распяли в Москве, на Красной площади; на третий день он воскрес и явился своим последователям в подмосковном селе Пахре (Подольского уезда); схватили его вторично, опять распяли, он вторично воскрес и вознесся на небо. Дальше хлыстовская легенда отступает от евангельской. Христос, хотя и вознесшийся, не мог оставить своих верных; он должен быть с ними «до скончания века». Представить себе Христа иначе, чем в телесном виде, хлысты не могли; поэтому у них появилось воззрение, что Христос воплощается постоянно, после одного Христа сейчас же появляется новый. Следственные дела о хлыстах сохранили имена целого ряда «христов», появлявшихся в течение XVIII века. В связи с верою в постоянное воплощение Христа находился у хлыстов так называемый «обряд христовой любви». Он происходил раз в год, вероятно, не во всех «кораблях», на великом годичном радении. В конце радения, когда все участники доходили до полного умоисступления, начиналось беспорядочное половое смешение участников и участниц: так велит «дух», греха тут нет. Забеременевшая после такого обряда девушка объявлялась богородицей, ибо считалось, что она зачала от «духа святого»; если у нее рождалась дочь, она объявлялась пророчицей, если сын, то он становился «христосиком».

Но явление «христов» и момент «духовной радости» только изредка скрашивают земное существование; они потеряли бы всякий смысл, если бы не были залогом будущего вечного блаженства. Это будущее блаженство настанет после страшного суда, который будет совершен Саваофом Данилой в Москве. После страшного суда все не сектанты пойдут в муку вечную, а хлысты поселятся на седьмом небе, в «пресветлом граде Сионе». Для них приготовлены там хрустальные палаты, божественные постели, сладкие яст-

ва, золотые ризы. В 80-х годах XVIII века явился было в Тамбове христов Побирохин, намеревавшийся идти судить вселенную; по его арестовали со всею его свитой, и хлысты так и не увидали своего рая.

Хлыстовщина широко распространилась по России в течение XVIII века; гнездясь преимущественно в крестьянской среде, она проникала и в города и давала начало новым сектам. Эти последние постепенно заслонили собою хлыстовщину, и в XIX веке она отходит уже на второй план сравнительно с новыми сектами. Из них ближе всего к хлыстовщине стоит скопчество. История его относится, собственно, к первой половине XIX века, но зародилось оно еще в тридцатых годах XVIII века в одном из московских хлыстовских кораблей. Мотивом к его образованию была заповедь Даниила Филипповича воздерживаться от полового общения.

Заповедь эту было, конечно, исполнять труднее, чем всякую другую. Нелегко было «женимым разжениться, неженимым не жениться»; между тем соблюдение ее было главным условием для получения вечного блаженства. Выход был один: сделать так, чтобы был уничтожен самый соблазн к половому общению. И вот в 1733 г. в московском Ивановском монастыре власти обнаружили хлыстовский корабль, кормица которого, монахиня Анастасия, производила оскопления. Оскопившиеся хлысты первое время не выделялись из хлыстовщины; они были своего рода монахами среди хлыстов, принявшими особую «печать духа святого». Но так как оскопление не требовалось заповедями Даниила, и, кроме того, допускался «обряд христовой любви», то эта тяжелая операция не получила среди хлыстовщины широкого распространения. Однако оскопление само по себе было настолько решительным актом в жизни лица, его принимавшего, что на нем можно было базировать самостоятельное учение. В семидесятых годах XVIII в. в Тульской провинции появился скопец, крестьянин Кондратий Ссливанов, проповедовавший, что для спасения

*Обелиск над братской могилой старообрядцев, умерших от чумы 1771 г.,
на Рогожском кладбище*

необходимо «огненное крещение»; вместе со своим товарищем, Андреем Петровым, он производил оскопление среди купцов и фабричных крестьян. Кондратий Селиванов и был основателем скопческой секты, оказавшейся чрезвычайно влиятельною в буржуазной среде, в особенности в Петербурге, где Кондратию воздавались чуть ли не божеские почести.

Вместе со скопчеством хлыстовщина перешла в другую социальную среду. Но и в той же крестьянской среде, в которой зародилась хлыстовщина, появились в конце XVIII века новые секты, преимущественно в тех кругах крестьянства, которые не могли удовлетвориться пассивной позицией и анимистической идеологией хлыстовщины. Хлысты в сущности складывали руки перед лицом беззас-

Арсений Мацневич в Ревеле

тенчивой эксплуатации и все надежды возлагали на второе пришествие; здесь на земле они довольствовались забвением, которое давали им радения, но не мечтали о возможности земного же избавления от тяжелой доли. Но в конце XVIII века появились такие элементы крестьянства, которые не могли удовлетвориться такую пассивною позицией. В Екатеринославской губернии были крестьянские волости, не

захваченные крепостной эксплуатацией, состоявшие из потомков знаменитых запорожцев; среди них появилась секта «сынов Авеля», как называли себя сектанты, или «духоборцев», как прозвали их синодские обличители. Секта эта отличается совершенно иным характером: она хочет исправить зло уже здесь на земле, не дожидаясь второго пришествия, теперь же восстановить «божью правду» посредством установления коммунистического устройства. В том же роде возникает секта в Тамбовской губернии, накануне появления там «свободных хлебопашцев». Тамбовские сектанты называли себя «евангельскими христианами», а противники прозвали их «молоканами». Мы чувствуем в них уже совершенно новый дух, не имеющий ничего общего с реакционным духом хлыстовщины. И история их принадлежит к последующему XIX веку, когда мы к ней и вернемся.

Н. Никольский

ПИСАТЕЛЬ И КНИГА В ЭПОХУ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

Краток, но выразителен очерк жизни писателя и книги в век философа-монарха, императрицы-вольтерьянки. Противоречия и двойственность эпохи с редкой наглядностью вскрываются именно на судьбе книги, в фактах, рисующих положение литературы. Друг Вольтера, автор «Наказа», запрещенного во Франции, участница перевода на русский язык Мармонтелева «Велисария», сожженного в Париже, смеявшаяся над тупостью и невежеством русской жизни в своих комедиях, писавшая в «Живописце», посылавшая рукописи, деньги издателю «Древней Российской Вивлиофики», Екатерина на второй же год своего царствования издала указ о запрещении продавать «Эмилия» Руссо, Мемории Петра III и «много других подобных книг, которые против закона, доброго права, нас самих», и, вызвав к жизни литературных работников, теснила, преследовала их; бросив в общество много свежих идей, стремилась уничтожить общественное мнение; торжественно заявив, что «самовлас-

тис, не обузданное добрыми и человеколюбивыми качествами в государе, владеющем самодержавно, есть такое зло, которое многим пагубным следствиям непосредственной бывает причиной», ссылая писателя, дерзнувшего повторить слова ее манифеста; начав с «Наказа», кончила гонениями на Новикова, Радищева... Идя навстречу общественным потребностям, она разрешает 1 марта 1771 г. иностранцу Гартунгу завести типографию для печатания иностранных книг, 22 августа 1776 года дает разрешение Вейтбрехту и Шпору печатать в их типографии русские книги, но поручает полиции строго смотреть, чтоб в книгах не было ничего «предосудительного православной церкви, ни правительству, ниже добронравию», ревниво оберегает интересы казенных типографий, запрещая всем другим печатать месяцесловы и другие книги, печатавшиеся в Академии Наук (указ 20 февр. 1780). Издание знаменитого указа 15 января 1783 года, позволявшего «каждому по своей собственной воле заводить типографии, не требуя ни от кого дозволения, а только давать знать о заведении таковом Управе Благочиния того города, где он ту типографию иметь хочет», немедленно же сопровождалось указанием, что полиция должна запрещать те книги, в коих найдется «противное законам Божиим и гражданским», конфисковать такие «соблазнительные» произведения, «о виновных же в их издании сообщать, куда надлежит, дабы оные за преступление законно наказаны были». Совсем еще недавно Екатерина говорила, что «слова не составляют вещи, подлежащей преступлению», что запрещение даже «очень язвительных» сочинений ничего иного не произведет, как «притеснение и угнетение», усилит невежество, отнимет охоту писать... Но как бы полицейские ни придирались к отдельным выражениям в книгах, как бы сама императрица ни выражала неудовольствия Фонвизину за его неуместное «свободоязычие» в известных «Вопросах» (1783), указ 1783 года давал возможность частной инициативе развернуть всю энергию, какая нашлась в стране,

выбросить на рынок массы книг, создать читателя в столице и провинции. Деятельность Новикова, «Типографической Компании» навсегда останется светлым воспоминанием о русской интеллигенции XVIII века, преобразившей на время до неузнаваемости страну. Число книг в 80-х годах выросло до значительной цифры: если в 1762 г. вышло 95 названий, то в 1785 — 183; 1786 — 271; 1787 — 387; 1788 — 439; беллетристические произведения за те же годы также ярко рисуют степень их роста: в 1762 — 43 сочинения; 1785 — 66; 1786 — 112; 1787 — 163; 1788 — 248. Сама Екатерина в это время покровительствовала писателям и, предпочитая «улыбательные» произведения, все же стала на защиту Николева, когда московский главнокомандующий Брюс запретил ставить на сцене его трагедию «Сорена и Замир» (1785), вызвавшую необычный подъем настроений на первом представлении. Суровому генералу особенно подозрительными показались след. стихи в монологе Премысла:

Исчезни навсегда сей пагубный устав,
Который заключен в одной монаршей воле:
Льзя ль ждать блаженства там, где гордость на престоле?
Где властью одного все скованы сердца,
В монархе не всегда находим мы отца!

Екатерина писала Брюсу: «Удивляюсь, граф Яков Александрович, что вы остановили представление трагедии, как видно, принятой с удовольствием всей публикой. Смысл таких стихов, которые вы заметили, никакого не имеет отношения к вашей государыне. Автор восстает против самовластия тиранов, а Екатерину вы называете матерью», — и разрешила не только представления трагедии, но и печатание ее в «Российском театре»... Но с того же 1785 года тянутся длинной вереницей факты преследований, гонений, запрещений как отдельных книг, так и писателей. Защитница великосветского драматурга, блеснувшего стихом в духе Вольтера, императрица опреде-

Д. И. Фонвизин

ленно выступила против тех, деятельность которых ускользала из-под ее надзора, которые пошли против ее самодержавных вкусов и стали разрыхлять почву для идей общественности, гражданского сотрудничества. В 1785 году начался поход против Новикова, против просвещения, общественности... В декабре Брюс по указу Екатерины поручает губернскому прокурору составить роспись книгам, выходящим из Новиковской типографии,

назначает вместе с архиепископом Платоном двух духовных цензоров для наблюдения за книгами, чтобы «не скрывались в них какие-либо колобродства, нелепые умствования и раскол». Любопытно, что прокурор Тейлс заподозрил в числе прочих две книги: «Естественное Божество» Дрегама, напечатанное с разрешения самого Платона, и брошюру-сатиру на масонов «Тайна противонелепного общества», анонимно сочиненную самой императрицей... Екатерина особенно вооружается против масонских книг, «странных», как она выразилась в указе Брюсу (23 декабря); в январе 1786 года приказывает последнему допросить Новикова, почему он издает подобные книги, в марте издает указ о запрещении Новикову и вообще содержателям вольных типографий печатать книги, «исполненные странными мудрствованиями, под опасением не только конфискации тех книг, но и лишения права содержать типографии и книжную лавку, а при том и законного взыскания», предписывает Брюсу конфисковать не-

сколько масонских книг из лавки Новикова. В 1787 году, 27 июля, Екатерина запрещает вольным типографиям печатать книги церковные, относящиеся к вере и печатавшиеся в синодальной типографии, а также книги, издававшиеся от комиссии народных училищ. Немедленно же обысканы были все книжные лавки, книги опечатаны и... сожжены. Только потому, что были напечатаны «противозаконно», сожигались «по именному Ес Императорского Величества указу» такие книги, как «Житие Сергия Чудотворца», «История священная», «Краткий Катехизис» и множество других религиозно-нравственных сочинений, «Азбука Российская церковная и гражданская» (1768), «Азбука немецкая» (1780), «Букварь Российской церковной с гражданскими литерами» (1780), «Собрание сочинений духовных» Сумарокова (1787), «Духовные сочинения» Ломоносова, «Творения эпические» Хераскова, ч. I (1787)... Невероятный, но подлинный факт: в числе 313 книг, конфискованных у Новикова, были сочинения самого Платона... Они также были сожжены...¹ Нечего говорить, что Новиковскому делу нанесен был страшный удар: лишение права печатать учебные книги наносило ущерб самому ценному в издательской работе Новикова, подрезало в корне его просветительские планы. Чем далее, положение писателя и книги становилось все хуже, бывшая уверенность, что писателям дарована «свобода мыслить и изъясняться», сменялась разочарованием, тревогой. В 1788 году Фонвизину запрещено было печатать журнал «Друг честных людей или Стародум». Автор «Недоросля» лишний раз убедился, что «есть ныне особы, стремящиеся угнетать дарования и препятствующие выходить всему тому, что несвежество и порок их обличает»... В том же году Екатерина отдаст приказ не заключать Московскому университету с Новиковым контракта на содержание им университетской типогра-

---

¹ См. Лонгинов. Новиков и московские мартинисты. М. 1867, стр. 037 (приложения).

фии. Напуганная событиями Французской революции, она только ждет случая расправиться с видным представителем общественного мнения и, на время оставив Новикова в покое, обрушивается в 1790 году на Радищева, на знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву».

Вышедшее за подписью обер-полицмейстера Рылсеева, не читавшего, как выяснилось потом, книги, с дозволения Управы Благочиния, сочинение Радищева немедленно обратило на себя внимание императрицы: «с жаром и чувствительностью» восклицала она, что автор «бунтовщик хуже Пугачева», «мартинист», увидела в книге «рассевание заразы французской, отвращение от начальства». Испестрила книгу замечаниями, из которых ярко видно, что особенно возмутило убаюканную лестью императрицу, верившую, что у трона ее лишь добродетели сияют, что в царстве ее живет так же хорошо и счастливо, как подданным богоподобной Фелицы. Трагические картины крестьянской жизни в изображении Радищева вызывают в ней удивление: ведь «неоспоримо, что лучшее судьбы наших крестьян у хорошего помещика нет во всей вселенной»; в обличительных страницах книги она видит «яд французский», призыв к бунту крестьян против помещиков, вызов против начальства, проповедь вольности, «опорочивание всего установленного и принятого, в знаменитой оде видит «явно и ясно бунтовские стихи», «страницы криминального намерения, совершенно бун-

А. Б. Княжнин

товские»... Ее особенно интересуют эта ода: «спросить сочинителя, в каком смысле и кем сложена», и вопрос, «много ли экземпляров выпущено и куда девались». В июле 1790 года Екатерина предписывает графу Брюсу взять Радищева под стражу и изъять из продажи его «зловредную книгу». В начале августа Сенат постановил сжечь «Путешествие», автора же «наказать смертью, а именно по силе воинского устава 2 артикула отсечь голову»... Но Екатерина, желая соединить «правосудие с милосердием», заменила Радищеву смертную казнь ссылкой в Сибирь, в Илимский острог, «на десятилетнее безысходное пребывание»...

Расправившись с Радищевым, императрица стала искать повода окончательно добить другого ненавистного ей «мартиниста». В 1791 году она спрашивает московского главнокомандующего кн. Прозоровского, почему тот не арестовывает до сих пор Новикова, и, воспользовавшись тем, что (неизвестно кем и где изданная) книжка — «История о отцах и страдальцах Соловецких» — являлась напечатанной противозаконно, отдает в 1792 г. приказ обыскать подмосковную Новикова, взять его под присмотр и допросить, уверенная, что книжка выпущена не кем иным, как Новиковым. Начался знаменитый процесс: сыск и конфискации, опечатание частных книжных лавок, где были найдены Новиковские издания, запрещенные в 1786–1787 годах или напечатанные без цензурного разрешения, арест Новикова, заключение его в Шлиссельбург-

С. И. Шешковский

скую крепость на 15 лет... Над книгопродавцами, нарушившими указ 27 июля 1787 года, назначен был суд: обвиненных чуть было не приговорили к наказанию кнутом с вырезанием поздравительных и постановлением знаков и к ссылке в каторжные работы; лишь благодаря палате уголовного суда эта жестокая кара была заменена другими мерами наказания: отдачей в рабочий дом на месяц, кнутом, плетью... К счастью, ни одна из этих мер не была приведена в исполнение за изданием указа 2 июля

М. М. Херасков

1796 года о прощении всех книгопродавцев по случаю рождения великого князя Николая Павловича, но три года все-таки обвиняемые чувствовали занесенный над ними дамоклов меч, пережили весь ужас ожидания... Цензоры в то же время просматривали книги, изданные Новиковым и отобранные в книжных лавках. «Две персоны из духовных чинов, учением и разумом известные», ректор академии арх. Мефодий и протопоп церкви Трех Святителей Василий Прокопиев отнеслись со всей строгостью к конфискованным книгам и нашли, что большинство не согласно «ни с истиной Веры, ни с уставом Церкви нашей», другие книжки, как «О возможности истинного обращения к Богу», не достойны существования, «яко мелкая и не поучительная книжка», «Геройская добродетель или жизнь Сифа» — «имеет замыслы нововведенные», «Книга о метеорах» — «не весьма нужная; без сей книги весьма обойтись можно», «Ангола; индейская повесть» —

«книга не нужная» и т. д.¹ В 1794 году Прозоровский, нашедший в Гендриковском доме еще один книжный склад, предписывает цензорам «цепзировать книги с всеприлежнейшим вниманием» и указывает, что трагедии «Смерть Кесарева» и «Юлий Цезарь» Шекспира, как «вредные» книги, «весьма недостойны существовать», другими словами, подлежат тому же уничтожению, что и прочие книги. Результатом подобного инквизиционного осмотра книжного достояния Новикова было то, что 18 656 книг были сожжены... Одновременно с карами, постигшими Новиковский кружок, налетела гроза на Крылова: в 1792 г. в его типографии был обыск, отобрали одну из его повестей («О женщине в цепях»), «брали под караул» его и других издателей «Зрителя». В итоге — прекращение журнала, страдания молодого писателя, с горечью вспоминавшего тот год: «тогда я скорбел и не раз плакал, как дитя»... Последним литературным делом Екатерининской эпохи было гонение на трагедию Княжнина «Вадим», показавшуюся императрице набатом (по выражению митрополита Евгения). Невинная по содержанию, восхвалявшая даже монархический принцип и лишь кой-где насыщенная гимнами «вольности», по распоряжению кн. Дашковой напечатанная в «Российском театре» (ч. 39), трагедия покойного писателя была найдена «якобинской», вызвала характерный указ Правительствующего сената, коим предписывалось «оную книгу, яко наполненную дерзкими и зловредными против законной самодержавной власти выражениями, а потому в обществе Российской империи нетерпимую — сжечь публично, от Управы благочиния обывателям объявить, дабы они, кто бы у себя означенную книгу ни имел, тотчас представили оную в губернское правление с таким подтверждением, что если кто утаит и не представит оную, тот подвергает себя суждению по законам». Дашкова

---

¹ Чтения в Имп. Обществе истории и древностей. 1871, кн. 3, стр. 17–24 (смесь).

тогда же получила записку от Екатерины, спрашивавшей, читала ли она эту книгу, так едко нападающую на авторитет верховной власти. «Якобинскими», вероятно, были найдены стихи Пренеста, ярого врага «тиранства»:

Какой герой в венце с пути не совратился,
Величья своего отравой упоен —
Кто не был из царей в порфире возвращен?
Самодержавие повсюду бед содетель,
Вредит и самую чистейшу добродетель,
И, невозбранные открыв пути страстям,
Дает свободу быть тиранами царям и т. д.

Нечего говорить, что листы трагедии были вырваны из «Российского театра»¹, отдельно изданную книгу отбирали и сжигали... Времена были столь глухие, правительственная реакция так давала себя чувствовать, что около имени Княжнина, несмотря на то, что к моменту выхода в свет трагедии автора давно уже не было в живых, сложились легенды, будто он подвергся допросам Шешковского, знаменитого кнутобоя, великого инквизитора, собственноручно поровшего фрейлиш и придворных особ за распространение карикатур, наводившего ужас на города, куда от-

В. В. Каниуст

---

¹ В таком изуродованном виде 39 часть была пущена в продажу только в 1857 году («Русская Старина», 1871, июнь, стр. 729).

правлялся для дознания, и после допроса «впал в жестокую болезнь» и умер... Так императрица вытравляла из общественного сознания те идеи, которыми когда-то была сама одушевлена, к концу эпохи стала гонительницей книги, просвещения, свободного мнения, забыв бывшие мечты о «естественной вольности» людей и о своем желании видеть русское общество «процветающим»... Правительственные гонения губительно отражались на книге, число выходящих изданий значительно понизилось к концу Екатерининского царствования: так, в 1788 г. было отпечатано 439 названий книг, в 1789 — 339, в 1790 — 263, а в 1797 году только 165; число беллетристических произведений также сильно упало: в 1788 году вышло 248; 1789 — 148; 1790 — 125, а в 1797 году — 56. Эти цифры красноречивей всех слов говорят, чем была эпоха Екатерины для русского Просвещения, отчетливо рисуют рост, зрелую пору и замирание книги. Надо было сделать последний шаг, чтобы окончательно отнять у современного общества надежду, что оно имеет «свободу мыслить и изъясняться». И Екатерина сделала это: 16 сентября 1796 года она издала указ, коим уничтожались все вольные, частными лицами заведенные типографии, так как «для печатания полезных и нужных книг имеется достаточное количество казенных типографий», а в Петербурге, Москве и других крупных городах учреждена была цензура. Таким эпилогом закончилась драматическая история нашей литературы в эпоху Екатерины. Писателю-гражданину — читатель видит — чаще встречались на пути тернии, чем лавры; полезная книга горела на костре...

Н. Бродский

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЕКАТЕРИНЫ II

I. Принципы политики

Внешняя политика Екатерины II всегда была предметом особого внимания всех, изучавших последние сорок лет восемнадцатого века. Но блестящие по внешности результаты войн, огромные территориальные расширения на юге и юго-западе — долго держали мысль историков в тисках и мешали объективному рассмотрению Екатерининской внешней политики, не позволяли оценить ее с точки зрения государственных интересов России, ибо все было хорошо, раз это приводило к территориальному расширению России. Очарование внешней политикой почти оставляло открытым вопрос о тех средствах, с помощью которых были достигнуты столь «блестящие по внешности результаты», а также

и о том, насколько истраченные силы и средства соответствовали итогам завоевательной политики. Этого вопроса почти не касались исследователи, а если и решались подойти к этому существенному, по неприятному вопросу апологетов и поклонников Екатерины II, то делали это очень осторожно, едва приближаясь, чтобы опять поскорее отойти в сторону и больше не касаться большого вопроса. Оставался также невыясненным в достаточной степени вопрос о принципах политики. Правда, в литературе стало научным truизмом, общим местом положение, что в Екатерининское царствование пришлось разрешать ряд вопросов внешней политики, продиктованных самим ходом русской истории и поставленных уже раньше к разрешению, или поставленных на очередь самой Екатериной II. Такая общая постановка вопроса о принципах Екатерининской политики не может быть принята. Она отличается большой схематичностью, и за нею скрыты те силы и условия, которые толкали правительство Екатерины на путь интенсивной внешней политики. Екатерину II обыкновенно называют «дворянской царицей», поскольку она обязана первенствующему сословию своим престолом, и поскольку ее внутреннее законодательство диктовалось интересами и выгодами дворянства. На этом сходятся все историки даже самого противоположного направления. Зато совершенно по-иному оценивается ее внешняя политика. Обыкновенно говорят о полезности и целесообразности ее для государства, оставляя необъясненным, в какой мере государство, как отвлеченное целое, выигрывало от такой политики. Выдвигались также и национально-религиозные чувства и настроения, заставлявшие правительство Екатерины II держать себя особенно вызывающе по отношению к слабой соседке Польше, которая, конечно, не могла вынести никакого единоборства с Россией и должна была спокойно все переносить, схоронив, однако, в своей душе ненависть к правительству соседней стороны. Конечно, объяснение такими мотивами внешней политики

Екатерины II нельзя признать удовлетворительным. Необходимо отказаться от общих формул и взглядов и подойти к характеристике внешней политики с той же точки зрения, с какой историки подходили к анализу социального законодательства Екатерины II, т. е. насколько ее внешняя политика была продиктована выгодами и соображениями господствующих классов. Недаром она встречала среди них всеобщее сочувствие и поддержку. С ее помощью Екатерина сумела себя укрепить на престоле и успокоить недовольную дворянскую массу. В самом деле, ее социальная политика превратила дворянство в привилегированное сословие, в руки которого было отдано распоряжение трудом и личностью крестьянина. Но дворянство, осев на землю, подняло ценность ее и ее крепостного труда. Одновременно стало чувствоваться дворянское малоземелье, особенно в центре и западных окраинах. Помещик жаждет земли — его внимание привлекают, с одной стороны, богатейший чернозем юга, захват которого ему представлялся очень выгодным. Правда, это предприятие требовало и осторожности, и некоторого риска. Часть чернозема находилась в руках «запорожцев», долгое время выносивших на своих спинах всю тяжесть борьбы со степными кочевниками, а потому до поры до времени их трогать было неудобно. С другой стороны, на черноземный богатый юг, не без основания, предъявляли свои требования крымские кочевники и скрывавшиеся за их спиной турки. Значит, сначала нужно было обезопасить себя от турок и татар. Тогда запорожцы станут ненужными, и запорожских казаков с их землями можно будет прибрать к своим рукам. Так дворянская экономическая политика ставила на очередь войну с Крымом и Турцией и, в случае удачного исхода кампании, в чем никто не сомневался, уничтожение «Запорожской Сечи», которая станет тогда лишней и со стороны интересов государственной обороны, и с точки зрения дворянских выгод. Помимо этого, южнорусская степь всегда была центром, куда убегали недовольные крепостной неволей. До поры до

времени это терпело дворянское правительство, по самое существование такого «убежища» по существу было ненормально и всегда могло возбудить в крепостном нежелательные чувства и настроения, желание убежать в манящую взор и чувства степь. Дворянин, конечно, не мог примириться с бегством крестьян, так как их уход уменьшал количественно рабочие руки, бывшие в его распоряжении, и наносил существенный ущерб его хозяйственным интересам. Так и с точки зрения необходимости сохранения и утверждения крепостного права желательно было завоевание стенного пространства. Нельзя, конечно, игнорировать и того обстоятельства, что, пока соседями дворянской монархии были татары, возможность нападений и угроза сельскохозяйственной культуре были постоянными. В этом отношении совпадали интересы дворянства и государства как целого. Но внимание дворянства было обращено также и на запад, на соседку Польшу. Ее латифундии давно манили к себе и волновали воображение русских магнатов. Срединное положение Польши было очень выгодно для вывоза сырья, это было оценено русскими землевладельцами. Недаром последние поспешили прочно устроиться в отобранных от Польши областях. Так экономические интересы дворянства направляли внешнюю политику Екатерины II в сторону Польши. В том же направлении действовали и интересы дворянства как крепостников. Существование самостоятельной Польши всегда являлось угрозой по адресу крепостников, так как русские крепостные находили себе убежище в Польше; в случае же добровольного возвращения, согласно обещаниям самого правительства, они обратно не отдавались тем помещикам, у которых они жили до своего бегства в Польшу.

Агрессивная политика правительства в сторону Польши и Турции вполне соответствовала и интересам купечества, ставшего с половины века конкурировать с дворянством если не в борьбе за власть, чего не было, то в стремлении обратить на себя благосклонное внимание правительства и

направить политику последнего хотя бы только отчасти в его собственных интересах, заявленных в наказах 1767 года. Правительство, уже успевшее оценить значение торговли и промышленности для государственного хозяйства России, конечно, не могло игнорировать требования купечества, в особенности в тех случаях, если они совпадали с дворянскими желаниями и не противоречили дворянским интересам. Как раз такое совпадение дворянских и купеческих интересов случилось на

Императрица Екатерина II

почве внешней политики Екатерины II. И купечество тянулось к Черному морю, к его портам для расширения экспорта в южную Европу и Азию. Даже такой фантастический проект, как Греческий, и тот вполне соответствовал интересам русского купечества, для которого крайне было важно, чтобы проливы были в руках русского правительства и были свободны для прохода русских судов. И захват Польши с точки зрения торговых интересов и путей сообщения представлял собою большие удобства. В руки России тогда попадали такие важные пути, как река Днестр, Висла и Неман, которые могли стать, при известных благоприятных обстоятельствах, могучими торговыми артериями для сношений как с западной, так и с южной Европой,— Венгрией и Балканским полуостровом. Точно так же всякие попытки со стороны Швеции усилиться на Балтийском море рассматривались не только как угроза государству и целостности его территории, но и как серьезный ущерб торговым интересам на Балтике. Поэтому дальнейшее ослабление Швеции и приведение ее в такое состояние, чтобы она в будущем не

могла проявлять никаких агрессивных намерений по отношению к России и угрожать захватом в свои руки Балтийского торгового пути, составляли ближайшие задачи экономической политики Екатерины II.

Но интересы руководящих классов России сталкивались с интересами ее соседей, благодаря чему довольно отчетливо обнаружилась полная невозможность ведения внешней политики в том направлении, в каком это было бы наиболее желательно для русского правительства. В польском вопросе с Россией сталкивались Австрия и Пруссия, имевшие свои собственные виды на Польшу. Ясно было, что оба эти государства не допустят усиления России. Следовательно, разрешение польского вопроса в наиболее благожелательном для правительства смысле было немыслимо без уступок соседям. Так намечался компромисс в польском вопросе. При дележе Польского государства — эти два государства должны были получить на свою долю часть его территории. На юге интересы России не сталкивались прямо с интересами других держав. Но чрезмерное усиление ее было нежелательно ни с точки зрения политического равновесия в Европе, ни со стороны ее могущего быть впоследствии коммерческого соперничества. Неудивительно, что державы, имевшие свои экономические интересы в Турции, прямо или косвенно поддерживали ее и мешали всячески усилению России. Так дворянско-купеческая внешняя политика встречала серьезное противодействие со стороны наиболее заинтересованных держав. Это, конечно, приходилось учитывать дворянскому правительству Екатерины II. Это и заставляло отказаться от прямолинейного разрешения польского вопроса. Таковы были основные принципы, которых держалось Екатерининское правительство во внешней политике. Таким образом, по своим принципам она вполне совпадала с принципами внутренней политики Екатерины II. Это необходимо иметь в виду при оценке итогов внешней политики с общегосударственной точки зрения.

II. Польский вопрос

Русско-польские отношения обратили на себя внимание Екатерины II с самого начала ее царствования. Намерение укрепить русское влияние в Польше и добиться от польского правительства уступок в религиозном вопросе и возвращения беглых заставило правительство Екатерины II удержаться от участия в Семилетней войне и остаться верной русско-прусскому союзу. Последний был необходим. Опираясь на Пруссию, правительство Екатерины II могло энергичнее требовать от поляков удовлетворения нужд некатоликов; в союзе с пруссаками Екатерина II надеялась после смерти Августа III, короля польского, посадить на престол своего ставленника и не допустить сына Августа III к занятию престола, несмотря на поддержку последнего со стороны Австрии и Франции. При тогдашнем политическом соперничестве держав для Пруссии имело первостепенное значение несоединение саксонской и польской корон в одних руках,— это и определило благосклонное отношение Фридриха II к крестуре Екатерины II. Ожидания Екатерины II видеть на польском престоле своего ставленника оправдались.

Собравшийся после смерти Августа III элекционный сейм, не без влияния угроз со стороны России, поддержанных военной силой, избрал королем Станислава Понятовского. Сторонники нового короля, поддержавшие его кандидатуру, надеялись на укрепление с помощью России политического положения Польши, однако не замечали определенного стремления России иметь возле себя слабую Польшу, в которой правительство могло бы распоряжаться по собственному усмотрению. Поэтому, когда православное духовенство стало подавать Екатерине II претензии с просьбой о защите православия, то для нерелигиозной Екатерины II это все-таки являлось достаточным предлогом для вмешательства в польские отношения. Таким образом, русская партия, поддержавшая Станислава

Понятовского, подготавливала своему отечеству не возрождение, а падение. Особенно затруднительным оказалось положение самого короля. Его просьба об изменении конституции, об отмене «*liberum veto*» ради упорядочения политической жизни в Польше, была отвергнута в довольно резкой форме Екатериной II, а между тем от него требовали поддержки религиозной политики Екатерины, поддержки, которая сразу лишила бы нового короля какого бы то ни было значения и влияния. Неудивительно поэтому, что Станиславу Понятовскому пришлось вести политику на два фронта: с поляками — быть патриотом; с Екатериной — соглашаться па ее требования и кивать головою в сторону поляков, главных виновников узкокатолической религиозной политики. Убедившись в невозможности разрешить диссидентский вопрос только с помощью одной русской партии, Екатерина решила действовать энергичнее, поручив Репнину пользоваться всеми имевшимися в его распоряжении силами, лишь бы только были удовлетворены интересы православных. Непримируемая позиция, занятая поляками в диссидентском вопросе, объяснялась не столько их фанатизмом, сколько боязнью ослабления единства государства, тем более что представители православного населения открыто заявляли о своем желании быть в подданстве православной царицы. Заподозревая верность православных к Польше, представители польского народа и не желали удовлетворить по существу вполне справедливых их требований.

В 1766 году собрался сейм, которому пришлось под давлением русского правительства рассмотреть диссидентский вопрос. Отрицательное решение сейма заставило Екатерину II отдать приказ о вступлении войск в Польшу. В минуту раздражения у Екатерины даже вырвалась фраза: «Я скорее пожертвую 16 000 человек и брошу все, чем допущу неуспех в польских делах». Все это указывало, что Екатерина II не остановится в данном вопросе ни перед чем. Будут пущены в ход самые решительные меры, лишь

бы только требование русского и прусского правительств было исполнено. Все это настраивало поляков еще более непримиримо в диссидентском вопросе. Собранный в сентябре 1767 года сейм открывался при самых неблагоприятных предзнаменованиях. Русские войска стояли около Варшавы. Внутри страны образовались две враждебные конфедерации: диссидентская и католическая. Заседания сейма протекали крайне бурно. Об уступках никто не думал. Тогда Репнин стал действовать силою: он арестовал главных агитаторов и отправил их в Вильно. Противники диссидентов, лишившись своего главы, краковского епископа Солтыка, под угрозой ареста, оказались довольно уступчивыми, и диссидентский вопрос был разрешен в желательном для России направлении. Диссиденты шляхетского происхождения уравнивались в политических правах с католическою шляхтой. Диссиденты могли заключать браки с католиками, получали право строить церкви и открывать школы. Чтобы примирить старополяков с решением вопроса в пользу диссидентов, Екатерина II гарантировала неприкосновенность польской территории и неизменяемость польской конституции, благодаря чему бывшие сторонники русского правительства, убедившись в несочувствии правительства Екатерины II их реформаторским планам, стали его врагами и горячими польскими патриотами. Однако старополяки не были довольны таким решением диссидентского вопроса. Намереваясь отстаивать верховенство католической церкви, они заключили конфедерацию в Баре. Конфедераты находили поддержку в Австрии и Франции, благодаря которой Турция объявила войну России. Положение России в Польше, конечно, стало очень затруднительным. Видя это, Фридрих II, давно мечтавший о разделе Польши в видах уничтожения чрепослосицы своих владений, предложил Екатерине II раздел Польши, предлагая привлечь к разделу и Австрию. Предложение, шедшее из Берлина, разрушало все политические замыслы Екатерины, сводило на нет всю долголетнюю ра-

боту русских дипломатов, разрушало затаенные мечты и планы русского правительства. Отказаться от раздела было нельзя. Тогда бы Фридрих II, пользуясь слабостью Польши, произвел его самолично; следовательно, Екатерине II пришлось под влиянием Пруссии принять участие в разделе Польши, который и стал фактом в 1772 году, передавшим в руки России малоплодородную Белоруссию. Конечно, собравшемуся сейму оставалось только молчаливо примириться с расхищением польской государственной территории, — расхищением, пока не имевшим прецедента в истории. После первого раздела влияние России при польском дворе было очень сильно. Русский резидент был почти всемогущ в Варшаве — все перед ним трепетало, все склоняло перед ним свои головы. Однако польские патриоты не падали духом и надеялись сохранить в целости остальную польскую территорию. По-видимому, этому благоприятствовали обстоятельства. В 1775 году окончился срок русско-прусскому союзу. Правда, Россия была в союзе с Австрией, но союз был направлен скорее против Турции, чем против Польши. С Австрией отношения оставались неизменно дружественными. Наконец, начались в 1787 г. вторая война с турками, в 1788 г. война со шведами. Это развязывало руки польским патриотам. Заручившись поддержкой Пруссии, польские патриоты приступили к ряду реформ, задача которых была обновить одряхлевший политический и социальный организм Польши. Благодаря тому, что Екатерина II с 1787 года была занята шведской и турецкой войнами, собравшийся сейм 1787 г. провел в жизнь ряд реформ, изменивших радикальным образом старую польскую конституцию. Сам король Станислав принимал деятельное участие в работах сейма.

Преобразовательная деятельность так называемого «четырёхлетнего сейма» окончилась опубликованием конституции 3 мая 1791 года, совершенно изменившей старую конституцию. Новая конституция отменяла избирательность королевской власти, уничтожала «liberum

veto» и право конфедерации, сохраняла примат за католическою церковью и допускала веротерпимость по отношению к другим вероисповеданиям. Законодательная власть осуществлялась сенатом и сеймом, собиравшимися каждые два года, с прибавлением к прежнему составу сейма и депутатов от свободных городов. Исполнительная власть находится в руках короля и ответственных министров.

К сожалению, новой конституции не удалось пустить глубокие корни в польский государственный организм, и на этот раз по вине России.

Старопольская партия была раздражена отменой «libertum veto» и введением наследственной королевской власти. Была раздражена и Екатерина поведением польских реформаторов, вопреки ее желаниям осуществивших грандиозную преобразовательную работу, благодаря которой Польша могла окрепнуть, усилиться и освободиться от русского влияния. Государственный переворот 3 мая 1791 года Екатерина рассматривала как вызов, брошенный России. Она не могла оставаться равнодушной при виде нарушений старой польской конституции, так как ею два раза, в 1768 и 1775 годах, была гарантирована неприкосновенность польской конституции. Однако война с турками и шведами заставляла занять пока выжидательную позицию и спокойно смотреть на происходившие события в Польше. Что касается Австрии и Пруссии, то оба последние государства тоже примирились с государственным переворотом в Польше, но действительное их отношение к нему было далеко неодинаково... Переворот 3 мая 1791 года вполне совпадал с австрийскими интересами. Он усиливал позицию, занятую Австрией, благодаря дружественным связям с саксонскою династиею, и создавал в лице Польши и Саксонии достаточно сильный буфер против форсированного расширения влияния Пруссии. Примирение последней с переворотом было только видимое. Соединение в одних руках саксонского и польского престолов не входило

ло в планы прусских дипломатов. Дальнейшая тактика Фридриха II зависела от планов Екатерины по отношению к Польше. Ввиду же сближения Австрии и Пруссии на почве признания повой польской конституции оставалось временно признать ее и Екатерине. Однако примирение с конституцией было довольно кратковременным, пока не была окончена турецкая война. По окончании ее Екатерина, под видом защиты старой конституции, о чем ее просили представители старой польской партии, решила действовать по отношению к Польше по-иному и заговорила с ней совершенно другим тоном. Польскому политическому возрождению предстояло пережить тяжкое испытание, исход которого мог быть весьма неблагоприятен для государства. Поведение Фридриха становилось двуличным. На австрийскую помощь надеяться было трудно, так как Австрия готовилась к борьбе с революционной Францией. Следовательно, Польше нужно было отстаивать свою политическую независимость собственными силами, а последние были чрезмерно слабы, и, конечно, борьба с двумя сильными державами была ей совершенно не под силу.

Когда выяснились планы России отнять у Польши еще часть ее территории, то и Фридрих II проявил намерение принять участие в этом новом разделе. Австрия прямо не предъявляла претензии на польские области, но выразила желание произвести обмен Нидерландов на Баварию, на что Россия и Пруссия дали свое согласие, не без некоторого колебания со стороны последней. Обменявшись между собою мнениями по поводу польского вопроса, Австрия и Россия договором 13 июля 1792 года решили восстановить действие старой конституции. Упорствовала немного Пруссия, но ясно было, что ее протест не будет особенно продолжительным и настойчивым. Однако не все предположения держав исполнились. Нидерланды были заняты войсками революционной Франции, и в данный момент решительно не было никакой надежды на их возвращение, благодаря этому предположенный обмен Нидерландов на

Баварию не мог состояться. Взамен ее Австрия заявляла также притязание на Польшу, с чем не соглашалась Пруссия, но против этого ничего не имела Россия. Впрочем, Австрия отказалась от притязаний на территорию Польши при условии союза Пруссии с Австрией против Франции. Когда с достаточной определенностью выяснились отношения заинтересованных держав в польском вопросе, Екатерина ввела в Польшу 64 тыс. войска под начальством генер. Каховского. Силы поляков были очень слабы: они могли выставить всего только 10 тыс. человек. Само собой разумеется, борьба должна была окончиться не в пользу сторонников обновления польского государственного строя. Хозяевами положения оказались старополяки и Россия. Заступничество России за старопольскую партию стоило очень дорого Польше. Россия и Пруссия отняли у Польши значительные части ее территории. По второму разделу, санкционированному Гродненским сеймом 1793 г., Россия приобрела Украину, Подолию, восточную часть Полесья и Волынь. Немалый кусок Польской территории захватила Пруссия. После второго раздела за Польшей осталась весьма незначительная территория. Конституция 3 мая была уничтожена. С таким унижением Польши не могли согласиться сторонники ее возрождения. Не надеясь на успех, скорее даже уверенные в неуспехе, они подняли восстание, которое было подавлено преимущественно русскими войсками. Несмотря на героическую борьбу повстанцев, разгром их был полный. Тогда три державы, Россия, Австрия и Пруссия, решили разделить между собою остальную часть польской территории и навсегда уничтожить Польшу как самостоятельное государство.

Произошел в 1795 году третий раздел Польши. России досталась Литва, а западная и юго-восточные области были поделены между Пруссией и Австрией. Польша перестала существовать как самостоятельное государство. Правда, к этому стремилось русское правительство в течение всего XVIII века, но, конечно, такое уничтожение самостоятель-

пости Польши едва ли входило в его первоначальные планы, и, тем не менее, недальновидная политика Екатерины II много помогла гибели Польши и усилению на счет ее Австрии и Пруссии в ущерб политическим и экономическим интересам России, так как устья главных рек, впадающих в Балтийское море, не достались России. Следовательно, экономическая программа буржуазии, толкавшая правительство на захват Польши, не была выполнена.

III. Борьба за берега Черного моря

Вступив на русский престол, Екатерина выражала намерение поддерживать мирные отношения с Турцией. Но дружественные заявления правительства Екатерины II были встречены Высокой Портой весьма недоброжелательно. Турция привыкла видеть в России постоянного врага, прекрасно усвоила политическую и экономическую программу русского правительства и потому не придавала никакого значения дружественному его заявлению, рассматривая его просто как временный отказ от обычных агрессивных выступлений России по отношению к Турции. Внимательно следя за внешнею политикой России и, преимущественно, за ее отношениями к Польше, Турция, конечно, не могла не воспользоваться затруднительным положением России в Польше из-за диссидентского вопроса и не объявить ей войны. Подталкиваемая Польшей и Францией, Турция готова была начать войну, лишь бы только нашелся для этого подходящий повод. Таковой скоро нашелся, и Екатерине II, несколько неожиданно для нее самой, пришлось столкнуться с турками значительно раньше, чем того желала она сама. Поводом к войне был Балтский инцидент. Отряды гайдамаков, перейдя в местечко Балту, стали грабить население и убивать турок и евреев. Спасаясь от них, последние перешли на польскую сторону. Когда гайдамаки помирились с турками, последние устроили

странную резню православного населения. Туркам помогали поляки, охваченные раздражением вследствие диссидентской политики польского правительства. Пострадавшие обратились к русскому полковнику Гурьеву с просьбой «не оставить нас и показать над нами жалость». Балтский погром произвел на турецкое правительство весьма сильное впечатление. Убежденные в подстрекательстве со стороны русского правительства, турки хотели немедленно начать войну с Россией. Не готовая к войне, Екатерина старалась дипломатическим путем разрешить происшедший инцидент. Поэтому русский резидент Обрезков, по совету руководителя высшей политики Панина, неоднократно заявлял Высокой Порте о миролюбии русского правительства. Тем не менее турки не верили искренности этих заявлений, видели только затруднительное положение, в котором находилась Россия, и желали использовать данный момент. Усиление России в Польше также озабочивало турецкое правительство, поддерживаемое в своей воинственности Францией в лице герцога Шуазеля. Благодаря этому партия войны взяла верх над сторонниками мира, и война была принципиально решена. Впрочем, правительство Порты предложило русскому правительству в виде показателя его миролюбивого настроения «отречься от гарантии всего постановленного на последнем сейме и от защиты диссидентов, оставить Польшу при совершенной ее вольности», что, конечно, было сделано не без влияния польского и французского правительств. В ответ на это Обрезков сказал, что о желании Порты он сообщит своему правительству и что ответ его немедленно будет сообщен Порте. Тогда русского резидента арестовали. Советы английского резидента освободить Обрезкова из-под ареста не имели никакого успеха. Фактически это было объявлением войны. В ноябре 1763 года разрыв России с Турцией стал совершившимся фактом. Нельзя сказать, чтобы разрыв был приятен для России и Пруссии. Первой приходилось по необходимости вывести войска из Польши

и ослабить свое влияние, до сих пор крепкое, благодаря присутствию немалого количества военных сил. Союзный договор второй с Россией обязывал ее помогать союзнице посылкой вспомогательных отрядов. Как бы ни была нежелательна в данный момент турецкая война, приходилось ее волей-неволей принять и готовиться к ней. 4 ноября 1768 года было собрание приближенных к Екатерине лиц, на котором рассматривался ряд вопросов в связи с разрывом с Турцией. Больше всего тревожило внимание собрания — сколько надо оставить войск в стране? Оказывалось, что и со стороны Швеции далеко не благополучно, хотя руководитель внешней политики Панин и ручался за нейтралитет Швеции с финляндской стороны. Нужны были войска и для поддержания порядка внутри страны, в Поволжье, где крестьянские волнения не прекращались. Разрешив эти вопросы, совещание обсуждало, какой характер придать данной войне: наступательный или оборонительный. Нельзя сказать, чтобы члены совещания были хорошо осведомлены в данном вопросе. Они решали его больше по интуиции, чем на основании реальных соображений; тем не менее, было постановлено вести наступательную войну. В дальнейших собраниях этого «особого совещания» обсуждался также вопрос, «к какому концу вести войну, и в случае наших авантажей, какие выгоды за полезные положить». Собрание пришло к решению — при заключении мира «получить свободу мореплавания на Черном море и позаботиться о построении там же крепости или порта». Так турецкая война превращалась в борьбу за берега Черного моря, необходимые для развития торговли и торгового мореплавания. Рассуждая о способах и средствах ведения войны, особое совещание остановилось на посылке специальной морской экспедиции с целью возбуждения христианского населения, живущего в Турции, против турецкого правительства. Впрочем, в удачном выполнении данного предприятия сомневались и сами его инициаторы. Военные действия пошли сначала неудачно. Попытка пе-

рейти в наступление кончилась неудачей. Армия под начальством кн. Голицына, перешедшая дважды Днестр и подступившая к Хотину, возвратилась обратно, не принимая и не давая сражения. Эти неудачи произвели на Екатерину тяжелое впечатление, и Голицыну пришлось расстаться с командой одной из двух армий, приготовленных против турок. На место Голицына был назначен командир второй армии гр. Румянцев, отличавшийся большими военными способностями. Однако еще до прибытия Румянцева в первую армию Голицын занял Хотин, покинутый неприятелем, после чего оставил армию и уехал. После этого положение русской армии на театре войны значительно улучшилось, турки отступили. Христианское население и правительство Молдавии встречали русских с восторгом, снабжали всем необходимым. С приходом русских войск у молдаван возникла и укрепилась надежда на освобождение их от турецкого ига в случае победоносной для русских войны. Помогали также русской армии валашские вельможи, тоже надеясь освободиться от ига турок. Русская армия, двигаясь вперед, дошла до Бухареста и захватила его в августе 1769 г. В общем задача первой армии была выполнена удачно: турок не пустили в Польшу и заставили отступить в глубь Балканского полуострова. Другая армия должна была преследовать оборонительные цели и защищать границы от вторжения татар. И эта задача была выполнена удачно. Татарский набег в начале 1769 г. был остановлен оборонительным корпусом. В январе 1769 г. удалось занять плохо укрепленный Азов и Таганрог. В руках России был ключ к Черному морю. Русское правительство немедленно приступило к сооружению морской флотилии, могущей в будущем пригодиться, как торговая и как военная эскадры. Для ускорения войны правительство одновременно вступает в переговоры с крымским ханом о независимости Крыма от турок. Но хан не сдавался, не остались верны русскому правительству запорожцы, которых Порта побуждала к измене. Следующий год был особенно благоприятен для

русского оружия. Была взята очень важная крепость Бендеры, турецкая армия была разбита при Ларге и Кагуле, а турецкий флот был уничтожен при Чесме. Зато не удалось поднять греков против турок и тем самым придать русско-турецкой войне характер освободительной войны. Несмотря на победы русского оружия, турки не сдавались, а победительница Екатерина II сама мечтала поскорее окончить войну, чтобы все свое внимание сосредоточить исключительно на Польше. К тому же и состояние финансов было неблестящее: приходилось вести войну с помощью внешнего займа и дальнейшего выпуска ассигнаций, понизивших значительно ценность бумажного рубля. Казалось, надежда на мир имела свои основания, и, тем не менее, турки отказывались, отчасти под влиянием Франции, отчасти Австрии, не желавшей дальнейшего усиления России и намеревавшейся тоже использовать русско-турецкую войну в своих собственных выгодах. Австрия имела основание быть уверенной в умеренности России. Недаром, еще до первого раздела, австрийцами были захвачены польские области, ряд сел и местечек в Галиции. Не желая дальнейшего ослабления Турции, Австрия и Пруссия, согласившись действовать вместе в смысле воздействия на Россию, предложили последней свое посредничество. Екатерина была хорошо осведомлена в прусско-австрийской интриге, стремившейся к возможно большему ослаблению России. Поэтому, когда Фридрих II, рассыпаясь в своих уверениях в дружбе, предложил свое посредничество и убеждал «показать при заключении мира знаки умеренности», то русская дипломатия под благовидным предлогом отклонила данное предложение и готова была согласиться на посредничество Англии как державы, наименее заинтересованной в данном вопросе. Пока шли переговоры о посредничестве, в Петербурге вырабатывались мирные условия. Правительство Екатерины II намеревалось требовать оставления за Россией Азова и Таганрога и свободного прохода купеческих судов из Азовского моря в Черное, амнис-

тии всем восставшим против Порты и оставления за татарами независимости, если они отпадут от Турции. Наконец, Молдавия и Валахия должны были быть признаны независимыми.

Несмотря на отказ Екатерины II от посредничества, Фридрих не отказывался от него. С этой целью была решена поездка в Россию принца Генриха Прусского. Помимо этого на прусском принце лежала весьма тяжелая и неприятная обязанность сблизить Россию с Австрией и расширить союз России с Пруссией включением в него Австрии. Такое расширение союза было необходимо для Австрии и Пруссии, так как в этом случае Россия мирилась с захватом Австрией польских областей. Екатерина отнеслась к этому предложению сочувственно, желая расширения союза исключительно против Турции, тогда как его инициаторы имели в виду раздел Польши между тремя державами. Пока шли переговоры между Екатериной и Фридрихом, Турция известила Австрию и Пруссию о своем желании вступить в мирные переговоры с Россией. Екатерина ничего не имела теперь против посредничества Фридриха, раз турки сами об этом запросили. Поэтому она сочла своевременным сообщить Фридриху условия предполагаемого мира. Эти условия показались Фридриху чрезмерными. По его словам, он «никогда не решится их показать ни туркам, ни австрийцам, ибо их поистине принять нельзя». Так писал Фридрих в Петербург своему брату. Конечно, условия, предложенные Россией, были невыгодны для Турции и Австрии. Первой приходилось лишиться весьма большой части территории. Вторая не желала усиления и соседства России, благодаря чему вопрос о Валахии, как противоречащий интересам Австрии, должен был быть снят с очереди.

Переговоры о мире начинались при весьма дурных предзнаменованиях. Ясно было, что интересы конкурирующих держав требуют более мягких и менее выгодных для России условий. Зато Фридриху пришлось показать себя в

настоящем виде, раскрыть свои дипломатические карты. Пока приступали к переговорам о мире, война не прекращалась, хотя и не давала таких положительных результатов, как кампании 1769 и 1770 гг., но не было и поражений. Но состояние русской армии было не блестяще. Армия нуждалась во всем необходимом. Денег не было. Поборы волновали народную массу. Это знала Екатерина, и это заставляло правительство немедленно приступить к переговорам, хотя оно и сознавало, что создавшаяся политическая конъюнктура весьма неблагоприятна для интересов России. Руководители австрийской политики соглашались с частью мирных условий, сообщенных Россией, но при условии компенсации в Польше, хотя Екатерина еще не думала о разделе Польши, и слух об этом пока был пущен только Фридрихом. Во всяком случае, было ясно, что без значительных уступок Австрии дело не обойдется. Мирные переговоры начались только в июне 1772 г. в Фокшанах. Представителями России был гр. Орлов и резидент в Турции Обрезков, освобожденный турками незадолго до начала мирных переговоров. В инструкции, данной нашим представителям, подробно говорилось о тех условиях, на которых Россия могла бы заключить мир. В общем они совпадают с известными нам условиями, но Россия, не желая раздражать Австрию, отказывалась от постановки вопроса относительно Валахии и Молдавии. Дипломатическая победа последней была полная. Мирный конгресс в Фокшанах не был продолжительным. Занятия его шли очень медленно. Турки оказывали особенное упорство в вопросе о независимости Крыма. Они соглашались только на избрание хана народом при условии утверждения его султаном. Русские уполномоченные с этим не согласились, и 28 августа занятия конгресса прекратились, благодаря чему всякие надежды на скорый мир были утрачены. Однако России был нужен мир. Ради него правительство, и без заявления Австрии, было готово умерить свои требования. На необходимость мира указывала возможность новой шведской

войны. Следовательно, нужно было поскорее освободить южную армию. С большим трудом наладили опять мирные переговоры. На этот раз мирный конгресс собрали в Бухаресте. Русские уполномоченные получили приказание вести переговоры в умеренном тоне и не поднимать сразу большого для турок вопроса о татарской независимости. Когда же его волей-неволей пришлось поднять, то и Бухарестский мирный конгресс кончился ничем. Неудача и этого конгресса была, конечно, неприятна правительству Екатерины II. Помимо этого, выяснилось, что Австрия не имеет ни малейшего желания превращать двойственный союз в тройственный и, кроме того, намерена принять весьма активное участие в дележе Польши и Турции, от которой была не прочь отторгнуть Белград. Да и военные действия стали складываться для России неудачно в Крыму, и только Румянцеву удалось поддержать авторитет Екатерины II удачными сражениями с турками. Помимо этого, внутреннее состояние России было довольно тревожно, началась Пугачевщина, на которую, конечно, дворянское правительство не могло смотреть равнодушными глазами. Под влиянием всех этих обстоятельств, в целях скорейшего заключения мира, не без давления со стороны Австрии и Пруссии, Екатерина II согласилась изменить условия мира и сделать их вполне приемлемыми для турок, тем более, что, очевидно, было невозможно при данных политических обстоятельствах силою принудить Турцию заключить мир, выгодный для России. Все это и настроило Екатерину миролюбиво. Она согласилась на уступку всех захваченных городов и даже на ограничение плаванья России по Черному морю. Можно было опасаться, что заключенный, во что бы то ни стало, мир будет так же позорен, как Белградский мир 1739 г., и только изменившееся положение дел на театре военных действий удержало Екатерину от предложения туркам этих условий. Да и союзник России хан Шагин-Гирей был так независимо настроен, что возвращаться обратно под эгиду султана не обнаруживал ни малейшего

Император Иосиф II

желания. Под влиянием удачных походов Румянцевца в Константинополе было сломлено сопротивление воснной партии, и Порта приступила к мирным переговорам. Положение обеих договаривавшихся держав было очень тяжелое: обе страны были истощены, денег не было, внутри были волнения. Тем не менее Турция, осведомленная о критическом положении русского правительства, ничуть

не чувствовала себя побежденной и предлагала свои ничего не дающие России условия. Россия получала только один порт, да приобретала право плавания русских торговых судов по Черному и Мраморному морям, причем конструкция и размеры судов должны были быть точно определенными.

Столь унижительные и совершенно невыгодные для России условия, конечно, были неприемлемы. Но большие победы Каменского и Суворова заставили великого визиря торопиться с заключением мира и быть уступчивее по отношению к требованиям правительства Екатерины II. Мирный конгресс возобновился в болгарской деревушке Кючук-Кайпарджи. Начались они 4 июля, а 10 июля был уже подписан новый договор, в котором и России, и Турции пришлось сделать существенные уступки. Правда, Крым получал независимость — это была большая победа для русских дипломатов, но зато все города, кроме Керчи и Еникале, отдавались обратно татарам. Помимо этого, России был уступлен замок Кипбури с округом и

степь между Бугом и Днестром. Желание правительства Екатерины II приобрести права свободного плавания торговым судам по Черному и Мраморному морям — было осуществлено. Затем Порты обязывалась уплатить контрибуцию в размере 450 тыс. рублей. Екатерина II была очень довольна условиями мира, хотя они и не соответствовали тем жертвам, которые пришлось принести народу в этой войне. Но он развязывал дворянскому правительству руки, давал возможность направить все свои силы на подавление Пугачевского бунта. Оставалось только получить ратификацию мира со стороны Порты, но последняя опять требовала некоторых изменений, что отчасти ставилось в связь с занятием австрийцами части Молдавии. Получив столь неблагоприятные известия от своего уполномоченного, Румянцев поручил ему добиваться ратификации мира, а также стороною довести до сведения великого визиря, что «австрийское занятие земель есть для нас дело совсем постороннее». В конце концов турецкое упорство было сломлено, и Кючук-Кайнарджийский трактат был утвержден без всяких изменений. Впрочем, обе договорившиеся стороны не сомневались, что данный трактат имеет только временное значение и будет разорван, как только одна из сторон окажется способной возобновить войну. Борьба должна была начаться из-за Крыма. Согласно условиям мирного договора независимый Крым оставался под духовным суверенитетом турецкого султана. Однако такое положение дел не удовлетворило ни Турцию, ни Россию, ни татар. Для Турции, конечно, было ясно определенное стремление русского правительства прибрать Крым к своим рукам. Это диктовали и политические, и экономические интересы господствующих классов. Поэтому Турции надо было во что бы то ни стало вернуть Крым в свои руки и отогнать Россию от берегов Черного моря. Признание султана «духовной главой» не удовлетворило сторонников полной независимости Крыма, находивших поддержку в русском правительстве и не признававших таковым турец-

кого султана. С другой стороны, крымские националисты тяготели к Турции, как политическому и религиозному центру мусульманства, как оплоту против русской политики территориального захвата, и отнюдь не имели ни малейшего намерения стать «подданными» Екатерины II.

Когда возобновились дипломатические сношения с Турцией, русскому послу было поручено поддерживать добрые отношения с Портою вместе с заявлением, «что Россия отнюдь и ни в чем не желает ущерба ее интересам». Русский посол должен был подтвердить независимость Крыма и указать также на двойственную политику австрийского двора, которому не удалось захватить части Молдавии исключительно лишь благодаря вмешательству России. Но Порта не верила любезному шепоту русского дипломата и скорее прислушивалась к голосам, раздававшимся со стороны Австрии и Франции.

Захват северных берегов Черного моря делал совершенно ненужным существование «Запорожской Сечи» как оборонительного пункта против Крыма. Она была уничтожена, а Запорожские земли были розданы любимцам и придворным Екатерины. Началась колонизация завоеванной местности. Она шла двумя путями: получившие землю вельможи переводили сюда крестьян из центральной России и охотно принимали оттуда же беглых. Правда, для невольных переселенцев расставаться с родными местами и с могилами предков было очень тяжело, но все-таки жизнь на новых местах в силу большого земельного обеспечения им казалась лучше, чем раньше. С другой стороны, само правительство организовало переселение, но только иностранцев. Иностранным колонистам давали материальное вспоможение, отводили большие, до 30-40 десятин, земельные наделы, гарантировали неприкосновенность веры и право жить по своим юридическим обычаям. В общем эта колонизация не удалась. В Россию шел всякий сброд, вплоть до «корсиканских разбойников»... Желание избавиться от гонений полиции и суда гнало в Россию весь этот люд,

совершенно негодный для колонизационной работы. А между тем, как показал автор новой работы об иностранной колонизации, г. Писаревский, такая популяционная политика потребовала немало материальных затрат. Колонизуя захваченную территорию и раздавая чужие земли, напоенные кровью свободных людей, Екатерина стремилась подойти возможно ближе к Крыму и, если возможно, присоединить его к России.

В Крыму шла упорная борьба турецкой и русской партии. Одолевали сторонники последней. Несмотря на протесты Турции, на действия русского правительства в Крыму, Екатерининское правительство присоединило в 1783 г. его к России, что вызвало негодование в сторонниках и русской, и турецкой партии, требовавших войны с Россией. Турция, конечно, не желала усиления России ни в политическом, ни в торговом отношении. Победоносная политика России могла пробудить «освободительные» чувства в христианских народностях, населявших Балканский полуостров и подчиненных Турции. Надо было остановить рост России, пока было не поздно. И ответом Турции на присоединение Крыма к России явилось объявление ей войны. На этот раз условия для ведения новой войны были более благоприятны, чем для первой войны. Пруссия сама толкала Россию против Турции, задумав осуществить оккупацию польских земель без вмешательства России. Австрия, в надежде на расширение своего влияния на Балканском полуострове, действовала солидарно с Россией. Отсутствие денег, плохо организованная армия составляли отрицательную сторону благоприятной для России конъюнктуры. Начавшиеся военные действия, бывшие сначала неблагоприятными для России, далее пошли удачнее, в особенности, когда и Австрия мобилизовала себя, и Турции пришлось вести войну на 2 фронта. В общем ход военных действий был удачнее, чем во время первой турецкой войны. Наконец, после ряда побед и взятия крепостей Килии, Тульчи и Измаила, Репнин, сменивший Потемкина, нанес

великому визирю у Мачина большое поражение. У Турции не было больше армий, русская же армия была готова двигаться дальше. Невозможность дальнейшей обороны заставила турок приступить к мирным переговорам. Сначала было заключено в Галаце перемирие, во время которого были установлены основания для переговоров. Сами переговоры шли в Яссах с 30 октября по 29 декабря 1791 года. Не имея за спиной Франции, занятой развивавшейся революцией, и Австрии и не видя ниоткуда никакой поддержки, турецкие дипломаты не особенно затягивали переговоры и, в конце концов, согласились на присоединение Крыма к России и подтвердили все условия предыдущего мирного трактата. Кроме того, Россия приобретала часть территории между Бугом и Днестром, но пришлось возвратить всю Бессарабию со всеми завоеванными крепостями, местечками, слободами и деревнями. И условия этого мира не соответствовали затрате материальных и военных сил. Русское правительство, видимо, довольствовалось заключением мира и готово было идти на какие угодно уступки, лишь бы только заключить мир. Правда, внутри страны не было новой Пугачевщины, но польские дела, как мы видели, складывались не в пользу России. Поэтому надо было ликвидировать войну. Да к тому же необходимость вести одновременно шведскую войну сильно истощала финансовые и военные ресурсы России.

IV. Балтийский вопрос

Побежденная при Елизавете Петровне Швеция, конечно, не могла и не желала примириться с мыслью об отказе от реванша. Наоборот, в Швеции всегда существовала враждебная России партия, не терявшая надежды на возвращение территории, отнятой Россией. Шведское правительство не могло желать усиления России на Балтийском море и захвата в руки последней Балтийских торговых пу-

тей. Это было тем более важно для Швеции, что между предметами вывоза России и Швеции было немало общего. Но шестидесятые годы XVIII века были неблагоприятны для осуществления идеи реванша. Финансовое положение Швеции было очень неблагоприятным. Сильное падение бумажных денег вызвало большую дороговизну. Страну охватило недовольство,— шла усиленная борьба политических партий, сильно ослаблявших Швецию.

Русскому послу Остерману было поручено поддерживать партию, «противную господствующей». Особенно была сильна в Швеции так называемая финская партия, которая не мирилась со шведским суверенитетом и склонялась в сторону России при условии образования из Финляндии особого княжества под верховной властью России. К политическим взглядам финляндской партии с известным сочувствием относились и Елизавета Петровна, и Екатерина II. Трудно сказать, насколько были искренни в этом отношении намерения последней. Но поддержка финляндских автономистов ослабляла Швецию и лишала ее возможности начать войну без боязни, что финляндские сепаратисты перейдут на сторону России. Политика России не встречала пока противодействия со стороны Швеции, зато обеспокоила соседние державы, в особенности Францию, которая никак не могла допустить, чтобы Россия действовала в Швеции так же, как и Польше, поэтому французское правительство заботилось о ликвидации всех старых недоразумений между Данией и Швецией ввиду того, что агрессивная политика России угрожала целостности и единству обоих государств. Кроме того, для ослабления России французское правительство рекомендовало шведскому правительству предложить Порте денежную ссуду, необходимую для продолжения войны, и настаивать, чтобы Порта в своем мирном договоре поставила в виде одного из условий — сохранение шведской независимости, так как в это время в Швеции шли приготовления к перемене конституции в сторону усиления монархической власти,

и естественно явилось опасение, что противники повой конституции могут обратиться к России с просьбой о вооружении вмешательства. Впрочем, самый вопрос оставался открытым, так как, под влиянием агитации русского посла Остермапа, подкреплявшего ее обильной раздачей денег, было запрещено даже поднимать на сейме вопрос о перемене конституции. Противники русской партии временно замолчали, впрочем, не надолго. В конце концов в 1772 г. они добились изменения конституции. Однако чем больше усиливалось влияние России, тем отчетливее становилась необходимость войны с Россией для ограничения ее влияния и для возвращения всей Финляндии, чтобы раз навсегда в корне уничтожить финляндское сепаратистское движение. Швеция только ждала удобного момента для объявления войны. Поддерживаемая Францией и отчасти Англией, Швеция в лице Густава III, надеясь, что Россия, занятая войной с турками, не может выставить большой армии, и что война на два фронта истощенной в финансовом отношении России будет очень трудна, — объявила войну, выставив при этом требование возвращения всей Финляндии, отошедшей к России по ништадтскому и абосскому мирам, принятия шведского посредничества для заключения мира с Турцией и разоружения русского флота. Конечно, эти требования были неприемлемы. Шведский посол немедленно покинул столицу, и война началась. Велась она с переменным успехом для обеих сторон. Решительных действий не было ни с одной из воюющих сторон, обе стороны были истощены. К этому надо прибавить опасное для шведского правительства настроение финляндцев, явно выражавших свои симпатии России в надежде на автономию, и антиправительственное настроение в самой Швеции, что заставило обе воюющие державы пойти на соглашение и поскорее заключить мир. 3 августа 1790 года был подписан верельский мир, согласно которому обе стороны возвратили занятые места во владении неприятеля и оставались при прежнем status quo. Конечно,

такой исход войны предвещал возможность новой шведско-русской войны, но уже выпавшей на долю XIX века.

Что дала внешняя политика Екатерины? Существенное территориальное расширение — это вне всякого сомнения. Если присоединение юга России имело огромное значение для государственного и народного хозяйства, и в этом отношении интересы командующих классов вполне совпадали с результатами турецких войн, то польские разделы — большой минус в политике Екатерины II. Допустив разделы Польши и помешав политическому возрождению Польши после 1772 года, Екатерина обнаружила полное отсутствие государственного такта. Ослабляя Польшу и отнимая у нее части территории совместно с австрийцами и пруссаками, Екатерина усиливала своих соседей, лишала славянский мир авангарда в борьбе с воинствующим германством. Отдавшись всецело в руки прусской дипломатии, действуя и поступая по указке Фридриха II, Екатерина поступала, как немецкая принцесса, связанная узами дружбы и благодарности с Фридрихом II, но не как русская государыня, обязанная защищать интересы России и славянского мира, защитницей которого она пыталась выступить во время турецких войн. При оценке внешней политики Екатерины нельзя забывать этого, как и того, что при большем спокойствии в своих отношениях к Польше Екатерина II могла бы охранить ее от политического падения.

В. Пичета

ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ I

(Опыт характеристики)

Екатерина II в своих «Записках» немало сетует на имп. Елизавету за то, что та отняла у нее сына Павла сейчас же после его рождения и давала ей возможность видеть его лишь в исключительных случаях — она даже точно указывает, сколько раз и когда именно она видела своего сына в первые месяцы его жизни. Только в конце царствования императрицы Елизаветы Петровны Екатерина получила дозволение видеть сына раз в неделю. Казалось бы, что после того, как императрицы Елизаветы не стало, а особенно после того, как сама Екатерина стала самодержавной императрицей, ничто не мешало ей приблизить к себе теперь уже 8-летнего сына, тем не менее этого не случилось, и мать и сын и после 1762 г. продолжали жить отдельно, оставаясь чужими друг для друга; воспитатель цесаревича Павла Порошин в своем дневнике, относящемся к 1764 году, аккуратно отмечал случаи, когда его воспитанник бывал в апартаментах императрицы, как какой-то особый факт к программе его

дня. Императрица Екатерина не любила сына, а потом к этой нелюбви присоединилось опасение, как бы он по достижении совершеннолетия не предъявил своих прав на престол; все это создавало натянутость, неестественность отношений, и с годами отчуждение между матерью и сыном становилось все глубже.

Екатерина мало заботилась о воспитании и обучении сына; приставив к нему гр. Н. И. Панина, она считала свою роль в этом отношении оконченной; чему и как учился ее сын, как его воспитывали — все это мало ее интересовало. Обучение цесаревича велось беспорядочно и без всякой системы. «Внушать цесаревичу отвращение к тому, чему его учили, такова, казалось, была задача, по крайней мере, некоторых из его наставников» (Моран). Воспитание было не лучше: при ребенке вели совершенно неуместные разговоры, делали его свидетелем совсем непоучительных сцен.

Павел никогда в жизни не испытал материнской ласки и долго не знал (до второго брака в 1776 году), что такое нормальная семейная жизнь. Он рос один, без сверстников и почти без близких людей, потому что как только Екатерина II замечала, что кто-нибудь становится близким цесаревичу человеком, она устраняла его под тем или другим предлогом, опасаясь, что приверженцы сына составят заговор в его пользу. Поэтому быть в милости при дворе наследника значило подвергнуться опале при дворе императрицы; наоборот, всякий неуважительно отзывавшийся о Павле имел лишний шанс в движении по службе. Ходатай-

Император Павел I

ство наследника перед императрицей за каких-нибудь лиц не только не обеспечивало им удовлетворения их желаний, но часто навлекало на них немилости «большого» двора. Всякое проявление народных симпатий к наследнику престола, например, во время пребывания его в Москве, только усиливало неприязнь к нему императрицы, видевшей в этом опасность для прочности своего положения. Всю жизнь Екатерина тщательно устранила сына от всяких государственных дел и даже редко выпускала его из Петербурга и пригородных дворцовых поместий, а когда, например, она согласилась после долгих переговоров на то, чтобы он поехал на шведскую войну, то никаких официальных сообщений о его отъезде к армии и возвращении обратно сделано не было, как будто императрица прямо боялась, как бы не стало известным, что ее сын что-то делает и в чем-то принимает участие. Павел не мог, конечно, не чувствовать неестественности отношений между матерью и им самим, не мог не замечать ненормальности своего положения. Он становился все более и более угрюмым, мрачным, замкнутым в себе; вынужденное безделье оставляло много времени для размышлений, и нетрудно представить при его отношениях к матери, в каком направлении работала его фантазия, развиваясь без всякого удержу и совершенно расстраивая его воображение.

Не имея привычки вращаться в обществе, Павел всегда чувствовал себя очень неловко, когда ему приходилось играть какую-нибудь официальную роль; особенно ясно это обнаружилось во время его заграничного путешествия 1781-82 гг.: он робел на торжественных приемах, не умел найти подходящий ответ; чтобы скрыть свое замешательство, он часто бывал умышленно резок и нетактичен; он не скрывал своих отношений и чувств к матери и ее фаворитам. Как человек слабовольный, он не умел не только бороться с препятствиями, но просто приноровиться к условиям жизни.

Окруженный чужими, часто враждебно и непочтительно относившимися к нему людьми, Павел стал недоверчивым, подозрительным, озлобленным. Не имея сил и возможности изменить окружающие условия жизни, он выражал свой протест во вспышках бессильного гнева, после чего обыкновенно наступала реакция, и он впадал в меланхолию. Будучи религиозным, он искал утешения в вере в Бога, в 80-х годах поддался мистицизму и с восторгом слушал в Цюрихе знаменитого Лафатера; мистицизм в соединении с романтизмом он внес потом в свои отношения к фрейлине Е. И. Нелидовой, посылал ей благочестивые книги, вместе с нею молился. Но далеко не всегда религия давала успокоение, и им часто овладевала глубокая тоска. «Павел страдал одной из тех форм глубокой меланхолии,— говорит Моран,— которая похожа на хронические болезни, кончающиеся иногда роковым исходом. Он сам изводил себя, радуясь,— по словам Ростопчина,— когда проходил день, так как время тяготит его». Но затем опять задумчивость и меланхолия переходили в желчное настроение, которое проявлялось в резких выходках по отношению к окружающим; в такие минуты Павел не умел владеть собой.

Вынужденный долго жить в бездействии в Петербурге, Павел почувствовал себя несколько более свободным лишь с тех пор, когда императрица отвела ему для жизни Павловск и Гатчину; однако и после этого большую часть года он должен был проводить в Петербурге. Немудрено, что умственный горизонт его был не широк, немудрено, что внимание его сосредоточивалось на мелочах повседневной придворной жизни. Когда он получил, наконец, возможность заняться в Гатчине военным делом, то все его занятия приобрели мелочный характер уже по одному тому, что он имел в своем распоряжении всего около 2 тыс. солдат; желая создать из этой миниатюрной армии подобие войскам Фридриха II и не имея возможности состязаться с ними в численности, он, естественно, должен был стремиться сравняться с ними качественно; в то же время он хотел

сделать из своей армии образец для правительственной, Екатерининской, выражая этим «как бы молчаливый протест против военной системы, установившейся в царствование Екатерины»¹. Это вело к усиленной муштровке солдат, к излишним заботам об их внешней выправке и обмундировке. Никогда не побывав на настоящей войне (в шведской войне все свелось к его участию в незначительных рекогносцировках), Павел не понимал, в чем заключается действительная сила войска, и никто не подумал — и менее всех сама Екатерина — познакомить его как следует хотя бы с военным делом. Мелочность, бывшая в характере Павла и раньше и создававшаяся условиями его жизни, в Гатчине достигла полного расцвета, а когда он стал императором — приняла совершенно болезненные формы.

За всю свою жизнь, сложившуюся так тяжело и нескладно, Павел мог бы насчитать лишь 3—4 сравнительно счастливых момента. Одним таким моментом было непродолжительное сближение с матерью в 1772 г., когда она на короткое время разошлась с гр. Орловым, которого Павел ненавидел от всей души. Другим таким моментом, тоже кратким, был его первый брак (1773—1776 гг.) с принцессой Наталией Алексеевной Гессен-Дармштадтской, хотя брак этот был заключен без предварительных переговоров императрицы с Павлом. В этот момент своей жизни Павел стремился переделать свой характер, он боролся с собой, и ему казалось временами, что он достигает цели. Он признавал свои недостатки, готов был каяться. Третий момент — это второй брак, более продолжительный и счастливый, чем первый. Во второй своей жене, Марии Феодоровне, Павел нашел человека, понимавшего его и умевшего рассеять его мрачные мысли и успокоить его гнев. Однако вполне нормальной жизни не сложилось и теперь: всех родившихся у Павла детей императрица Екатерина отбирала одного за другим и воспитывала у себя, т. е. поступала

---

¹ Шильдер, стр. 193.

точно так, как когда-то поступила с ней самой императрица Елизавета. Воспитывая по-своему внуков, Екатерина явно готовила из старшего из них, Александра, своего заместителя, желая обойти Павла; это не только еще более обостряло отношения между нею и Павлом, но и устанавливало ненормальные отношения между этим последним и Александром.

Все это вместе взятое совершенно исковеркало, изломало жизнь цесаревича Павла. К моменту своего вступления на престол в 1796 году (ему в то время было уже 42 года) это был совсем больной человек. Физически слабый от природы, страдавший в детстве от опасной лимфатической опухоли под подбородком и подверженный лихорадкам, маленького роста, с некрасивым лицом, он не только не окреп в течение своей жизни, но присоединил к физической слабости душевную болезнь. Люди разных политических убеждений и разного общественного положения, знавшие императора Павла, — принц Вюртембергский, Бутурлин, кн. С. Р. Воронцов, Панин, иностранные послы при русском дворе и проч., — все сходятся в том, что под конец своей жизни он страдал душевной болезнью, когда, по словам кн. И. М. Долгорукова (человска, ему преданного), «рассудок его был потемнен, сердце наполнено желчи и душа — гнева». Им всецело овладела мания преследования, обнаруживавшаяся в нем уже в 1773 году; везде и во всем он готов был подозревать измену и опасность для себя и своего трона. Призрак революции чудился ему и в круглых шляпах, и в иностранной упряжи. Не доверяя почти никому из окружающих, он стал положительно жертвой своего страха. Все его поступки были полны неожиданности и случайности; распоряжения быстро следовали одно за другим, часто отменяя одно другое; непостоянство его симпатий, которое верно подметил в Павле уже его воспитатель Порошин, когда ему было только еще 10 лет, стало прямо удивительным; приказы часто вызывали полное недоумение своей редакцией: в последний день его жизни

Император Павел I

был объявлен указ, «чтобы из российских портов и пограничных сухопутных таможен и застав никаких российских товаров выпускаемо никуда не было без особого высочайшего повеления». Иностранцев, «поведения нескромного или непристойного», повелено было «выгонять вон за границу с запрещением паки показываться в столице под страхом неизвестного наказания». Смены настроения императора были таковы, что никто не мог поручиться за завтрашний день: сегодня — первый министр, завтра — он скачет на тройке в ссылку в отдаленнейшие поместья. Фельдъегери носились по всей России, разнося страх и ужас, так как часто схваченный фельдъегерем человек долго не знал, везут его в Петербург для того, чтобы посадить в крепость, или для того, чтобы осыпать милостями. Наступило «царство страха», по выражению г. Шумигорского, апологета императора Павла, и «ежедневный ужас», по словам современника Мертваго. Стремясь к справедливости и равенству, желая быть, как он говорил, «для всех одинаково добрым», император Павел действовал произвольно и с полным пренебрежением к личности человека. Ни возраст, ни заслуги не спасали человека от проявления самых жестоких вспышек гнева императора, часто ронявшего при этом свое достоинство. «Случалось,— говорит г. Шумигорский (стр. 128),— что Павел в раздражении бросался на офицеров, вырывал у них эспантоны, ругался, схватывал виновных за воротник, за лацкана. Подобные сцены доходили иногда до комизма: вырвав эспантон у офицера, Павел сам проходил вместо него, как бы испытывая хладнокровие присутствовавших, которые должны были сохранять серьезный вид, глядя на эту небольшую фигуру, действовавшую с каким-то убеждением и со всею силою ничем неукротимой воли». Не доверяя никому, император Павел сам хотел делать все и быть всем; культ абсолютизма нашел в нем ярого последователя. Но в то же время он, по-видимому, хотел служить государству, хотел искоренить те злоупотребления и непорядки, которые, действительно, были

во всех частях управления, пришедшего в сильное расстройство в конце царствования Екатерины II. Чтобы узнавать о злоупотреблениях, он велел повесить у Зимнего дворца особый ящик для опускания в него жалоб и просьб; ключ от этого ящика император хранил у себя, сам вынимал все бумаги и клал па них резолюции, публикуя их потом в газетах. Но в то же время он до того стеснил печать, до того придавил всякое проявление общественной жизни, что все засели по своим углам и считали себя счастливыми, если о них забывали. Режим произвола развращающим образом действовал на чиновничество и общество и только развивал доносы. Действительные злоупотребления всякого рода оставались нераскрытыми и безнаказанными; случайные жалобы, попадавшие в ящик у Зимнего дворца, никакого практического значения, конечно, не имели, и ящик скоро был снят, тем более что в него стали попадать карикатуры и сатиры на императора.

Стремясь к установлению законности, которую он считал «фундаментом общего порядка», он сам часто нарушал законы, отменял и изменял их под влиянием минутного настроения или личных отношений. Так, издав в 1797 г. закон о престолонаследии, он первый же собирался нарушить его, предполагая передать престол помимо своего старшего сына Александра принцу Вюртембергскому.

Склонный иногда в молодости к шутке, проявлявший добродушие и желание поострить, Павел под конец жизни не выходил из состояния мрачной подавленности. Ему нельзя было отказать в личной честности и прямоте, но проявления того и другого качества принимали подчас такие тяжелые формы, что их готовы были считать недостатками. Он сознавал, что он не популярен, что его больше боятся, чем любят (его собственные слова), но он все делал как будто нарочно для того, чтобы усилить эти непопулярность и неприязнь. «Нельзя без сожаления и ужаса смотреть на все,— писал Ростопчин еще в 1793 году,— что делает великий князь-отец; можно бы сказать, что он выду-

мывает средства, чтобы заставить ненавидеть и презирать себя. Он забрал себе в голову, что его презирают и ищут способ показать ему неуважение; исходя из этого, он придирается ко всему и наказывает без разбора... Малейшее запоздание, малейшее противоречие выводит его из себя, заставляет горячиться... Каждый день приходится слышать разговоры о жестокости и мелочности, которые заставили бы покраснеть всякого». «Одному Богу известны мои страхи,— писала вел. кн. Мария Феодоровна Плещееву.— Я трепещу за своего мужа: он не умеет приобретать друзей и погибнет когда-нибудь, если не будет окружен преданными, верными слугами. С помощью лести и другими постыдными средствами удалось вызвать в нем те ужасные перемены, которые мы теперь видим. Я прекрасно сознаю, что все ежедневно замечают расстройство его способностей». Когда-то в молодости он рассчитывал, что «время и твердый образ действий в состоянии уничтожить клевету» — о его дурном характере; «вы можете видеть из письма моего,— сообщал он однажды в дни молодости Сакену,— что я не из мрамора и что сердце мое далеко не такое черствое, как многие полагают, моя жизнь докажет это». Жизнь императора Павла, которого Карамзин сравнивал с «грозным метеором», пронесшимся над Россией, не доказала этого, и трудно сказать, надеялся ли он потом, что отношение к нему окружающих изменится; считая, что он исполняет свой долг, он, наоборот, скорее склонен был потом считать себя едва ли не всегда правым. Погруженный в мелочи военной субординации, не переносивший никакого возражения и требовавший только беспрекословного исполнения своих приказаний, растерявший всех немногих своих друзей, император Павел как будто с закрытыми глазами шел к роковой развязке...

К. Сивков

ЦАРСТВОВАНИЕ ПАВЛА I

Павел родился 20 сентября 1754 года. Императрица Елизавета, страстно ожидавшая его появления на свет, поднесла матери новорожденного на золотом блюде 100 тыс. рублей, а мальчика немедленно отобрала от матери, взяла на свою половину. Елизавета сама принялась за воспитание будущего наследника престола. Очень может быть, что в императрице пробудился сильно материнский инстинкт, не получивший вовремя должного удовлетворения. Весьма вероятно, что поступок Елизаветы стоял также и в связи с ее намерением устранить от престола родителей Павла и объявить его непосредственным своим преемником.

Как бы то ни было, но Павел оказался на попечении двоюродной бабушки. Нельзя сказать, чтобы это попечение оказалось разумным. Мальчика душили излишними заботами. По рассказу Екатерины, украдкой наведывавшейся о здоровье сына, ребенок лежал в чрезвычайно жаркой комнате, во фланселевых пеленках, в кроватке, обитой мехом черных лисиц; его покрывали одеялом из атласного пике на вате, а сверх того еще одеялом из розового барха-

та, обитого мехом черных лисиц; пот тек у него с лица и по всему телу, обессиливая организм ребенка. Когда он вырос, то простуживался и заболел от малейшего ветра. «Кроме того,— говорит Екатерина,— к нему приставили множество бестолковых старух и матушек, которые своим излишним и неуместным усердием причинили ему несравненно больше зла, физического и нравственного, чем добра». Между прочим, сообщает Порошин, своими рассказами о домовых и привидениях они настолько расстроили воображение и нервы впечатлительного ребенка, что он прятался под стол при сколько-нибудь сильном хлопанье дверями. Дошло дело до того, что он трясся даже тогда, когда его приходила навещать императрица Елизавета: несомненно, что нянюшки передали ему свой страх перед государыней, и страх этот был так силен, что Елизавета вынуждена была навещать внука лишь изредка. Слишком рано, уже в четыре года, маленького Павла начали учить грамоте, одели в модное платье и надели на него парик, который няня предвзвительно окропила святою водою. На шестом году Павел был передан, хотя еще и не вполне, в мужские руки. Воспитание его было поручено Н. И. Панину, который исподволь отлучил от него всех «баб» и окружил его «кавалерами».

Новый воспитатель Павла из общества нянюшек вывел его сразу на широкую придворную сцену. Едва исполнилось великому князю шесть лет, как ему начали представлять иностранных посланников на торжественных аудиенциях, стали возить па придворные балы и спектакли. Поклонник французского языка, французской литературы и французских мод, Панин и Павла Петровича старался воспитывать, как французского дофина, в атмосфере *chevalerie* и *galanterie*. Павел с ранних лет отрочества полюбил внешность, декорации, изящные костюмы и 10-11 лет занят был «пешными мыслями» и «маханием» за жившими во дворце фрейлинами. Панин не находил в этом ничего неестественного и расспрашивал своего питомца, в кого он влюблен. Произведения французской литературы, с которыми его

знакомили, были как раз настолько не подходящими для его возраста, что великий князь сам просил прекратить чтение на каком-нибудь неприличном месте. В 10—12 лет Павла заставляли читать сочинения Вольтера, Монтескье, Дидро, Даламбера, Гельвеция, которые, разумеется, были ему не по зубам, даже и при объяснениях одного из его наставников, Порошина. С четырнадцати лет предложено было преподавать Павлу государственные науки. Но назначенный для этого Теплов нагнал только страшную скуку на своего ученика, начав знакомить его с различными процессами, приносимыми из Сената. Так развращали воображение и насиловали ум юного Павла приставленные к нему воспитатели.

Особенно вредное влияние на него оказывали беседы, которые велись за обедами. На эти обеды Панин приглашал преимущественно своих единомышленников. Здесь велись речи о «высоких государственных материях», часто совершенно недоступных уму 10-летнего мальчика, причем Панин позволял себе «сатирически» отзываться о деятельности Екатерины. Его собеседники также не стеснялись в отзывах не только о правлении, но и о поведении Екатерины, не отступая ни перед какими подробностями. В этом обществе, слушая споры, рассуждения и грязные повествования взрослых, мальчик преждевременно старился, привыкал ко всему относиться недоуменно и подозрительно, привыкал схватывать на лету чужие мнения и, будучи не в силах разбираться в них, менять их тотчас же. В образе мышления цесаревича таким образом укоренялось господство впечатлений и образов, а не ясно сознанных идей, укоренялась склонность подчиняться чуждым внушениям — обычное последствие раннего постоянного общения детей со взрослыми. В этой обстановке положена была основа политического мирозерцания Павла Петровича: критическое отношение к правительственной деятельности матери, сочувствие к личности отца и в то же время признание важного значения «военных мелкостей» на прусский образец.

Здесь же душа впечатлительного великого князя отравлена была чувством боязни и подозрительности к матери, которую Панин выставил похитительницей престола.

Яд, вливаемый в душу Павла, встречал некоторое противодействие частью в природных свойствах Павла, частью в других влияниях. От природы Павел был умным и добрым мальчиком, с врожденным чувством порядка, законнос-

ти, склонным к прямоте и честности в мыслях и поступках. Поэтому и из придворных спектаклей, и из своего французского чтения он напивался не одною только житейскою грязью, но и поклонением рыцарским добродетелям: великодушию, мужеству, стремлению к правде, защите слабых и уважению к женщине. Не оказал никакого влияния на Павла и религиозный скептицизм французской литературы. По свидетельству его законоучителя Платона, «религиозное чувство внедрено было в него императрицею Елизаветою Петровной и приставленными от нее весьма набожными женскими особами», а затем упрочено было самим Платоном, так что «вольтерьянство» Екатерининских вельмож не заразило его души... Но при всем том, постоянная работа мысли, постоянная необходимость сдерживаться, скрывать свои чувства не могли не повлиять пагубным образом на психику Павла, который с детства отличался «остротою своего ума», был «горяч и развлекателен». Чем более и продолжительнее он сдерживался, тем сильнее бывали его вспышки; его веселье, живое остро-

*Екатерина II, Павел I
и Александр Павлович*

умие часто сменялось желчью; природная доверчивость — чрезвычайно подозрительностью к одним и тем же людям, простота и скромность — непомерною гордостью и притязательностью. В конце концов, у юноши, от природы доброго, веселого, начали проявляться припадки меланхолии.

Но почему же Екатерина, так много думавшая о воспитании чужих детей, так мало заботилась о воспитании собственного сына? Ведь как-никак, с восьми лет Павел был в ее полном распоряжении. Тут мы наталкиваемся на одно из тех противоречий жизни, с которыми часто приходится встречаться и теперь. И теперешним матерям, работающим по части педагогики, сплошь и рядом не интересно возиться с собственными детьми. Екатерина, как мать, была совершенно холодна к своему сыну. Этот сын не был плодом любви, был взят у нее тотчас же после рождения, не был ею взласкан и взлелеян, и Екатерина не могла заставить себя полюбить его и заняться им. Позже она оправдывалась в этом тем, что все привыкли считать Панина, так сказать, ангелом-хранителем цесаревича, боялись за его судьбу, если он попадет к матери, и потому будто бы она и не брала его от Панина. Но это соображение потому и влияло на Екатерину, что она была холодна к сыну.

Когда Павлу исполнилось 19 лет, Екатерина решила удалить от него Панина с компаниею и женить его на гессенской принцессе. Бракосочетание было совершено в сентябре 1773 года, причем супруга Павла приняла имя великой княгини Наталии Алексеевны. По-настоящему Екатерине следовало бы теперь допустить Павла к участию в государственном управлении и дать ему возможность заранее подготовиться к своим будущим обязанностям русского императора. Но Екатерина боялась сделать это, опасаясь столкнуться с сыном, прямой и горячий нрав которого, а также отрицательное отношение к ее правлению были ей достаточно известны. Кроме того, она боялась и захвата власти со стороны Павла, у которого было много сочувствующих. Все, на что она решалась, это было предоставление

сыну права являться к ней на один или два часа в неделю для занятий государственными делами в беседах с глазу на глаз. Кроме того, она сделала его командиром кирасирского полка и генерал-адмиралом флота, но чисто номинальным: он никогда не показывался во флот, и только подписывал бумаги адмиралтейств-коллегии. Разумеется, это не могло удовлетворить Павла. В особенности Павел недоволен был тем, что во главе военного управления стоял фаворит матери Потемкин, оказывавший сильное влияние и на внешнюю политику России. В 1774 году Павел по-

Е. И. Нелидова

дал матери особую докладную записку, в которой доказывал, что наступательные войны вредно отзываются на благосостоянии России, что нужно ограничиться одною только обороною, причем для избежания злоупотреблений надо подвергнуть высшую власть строгой регламентации. Эта докладная записка страшно рассердила Екатерину, и она не воздержалась от воздействия за нее. В день своего рождения она подарила Павлу недорогие часы, а Потемкину 50 тыс. рублей, сумму, которую незадолго перед тем просил у матери Павел для расплаты с долгами. Павел возненавидел Потемкина, сделался мрачным, раздражительным и стал все более удаляться от матери. К довершению его огорчений, вскоре после того скончалась от родов его су-

пруга Наталия Алексеевна. Екатерина имела жестокость показать сыну найденные в шкатулке покойной нежные письма графа Андрея Кирилловича Разумовского, не оставившие сомнения в характере его отношений к великой княгине.

Чтобы утешить сына, Екатерина отыскала для него невесту, принцессу Вюртембергскую Софию-Доротею, и отправила его на свидание в Берлин. Принцесса София-Доротея, 17-летняя, красивая, по не бывавшая еще при больших дворах девушка, сразу пленила великого князя своими семейными привычками, простотою, крепким привязчивым характером. София-Доротея также была в восторге как от своего жениха, так и от блестящей будущности. Кроме невесты, Павел был в восторге от прусского короля и его войска и уехал из Берлина, дав Фридриху клятву в вечной дружбе. В сентябре 1776 года состоялось бракосочетание Павла с Софией-Доротеей, нареченною Марисю Феодоровной. Екатерина была в восторге от своей невестки, но ненадолго. Мария Феодоровна, осмотревшись в Петербурге, шокирована была царившею распушенностью нравов и в частности поведением императрицы. Сохраняя к ней внешнюю почтительность, великая княгиня стала отдалять мужа от матери, все более и более замыкаться с ним в тесном семейном кругу. Братья Панины, Никита и Петр, вошли снова в тесный круг друзей великого князя и стали оказывать решительное влияние на склад его мыслей и его политическое мировоззрение. Никита Иванович Панин внушал Павлу самое высокое понятие о правах и обязанностях государя и научал его ценить выше всего законность и нелицеприятную справедливость в управлении. Нельзя не отметить при этом вредной односторонности, внесенной в воспитание Павла Петром Паниным. Как человек военный, он обратил внимание великого князя преимущественно на «мелкости» военной службы, столь противные Екатерине. Государь, по его мнению, должен непосредственно и лично начальствовать строевою частью; все, даже малей-

шие изменения в порядке службы и личном составе требуют разрешения самого государя, который, введя строгое единообразие в обмундировании, обучении и образе обхождения с солдатами и офицерами, должен налагать строжайшее взыскание за всякое отступление. Только таким путем можно поднять уважение в дворянстве к военной службе и ввести необходимую дисциплину.

Екатерина была очень недовольна сближением Павла с Паниными и, чтобы отвлечь его от их сообщества, искусно навела его на мысль совершить путешествие по Европе. Более года, с сентября 1781 года по ноябрь 1782 года, Павел с женою пробыли за границею, посетили Австрию, Италию, Францию, Нидерланды, Швейцарию и южную Германию. Это путешествие несколько развлекло и успокоило мрачного великого князя. Особенно хорошо чувствовал он себя во Франции и своею любезностью, остроумием и приветливостью обворожил французов. Отдохнул он нравственно и в патриархальной семье родителей своей жены, в обстановке, чуждой всякого этикета. По возвращении в Петербург Павел испытал глубокое огорчение: умер его воспитатель и друг Никита Иванович Панин. С этого времени начинается новый период в жизни Павла — гатчинский.

Екатерина подарила ему мызу, принадлежавшую Григорию Орлову, Гатчину, и Павел воспользовался этим для того, чтобы совсем удалиться от матери и большого двора. Здесь задумчивый, угрюмый и желчно настроенный великий князь, жаждавший дела, но не допускаемый до него матерью, проводил время частью в кабинетных занятиях, частью в хозяйственных заботах, но больше всего в военных эскерциях. Он внимательно следил за ходом внутренних и внешних дел России, причем тайком от матери переписывался с прусским королем, сообщая ему важные известия, составлял различные законопроекты в духе, противоположном намерениям и действиям матери. Под предлогом очистить окрестности Гатчины и Павловска от бродяг Павел сформировал себе небольшой отряд в 60 че-

ловец, который к 1788 году он довел до трехбатальонного состава. Отряд этот заключал в себе элементы всех войсковых частей, даже конную артиллерию и флотилию, вооруженную пушками. Войско это одето было в прусскую военную форму; в нем введены были строгая до жестокости военная дисциплина и все распоряжки по инструкции Фридриха II. Это войско должно было послужить образцом для переформирования с течением времени всей русской армии. Среди офицеров было много немцев, а главным командиром был назначен пруссак, барон Штейнвер. Павел много времени посвящал экзерцициям этого войска, и Екатерина с ужасом увидела, что в Гатчине возродились «батушкина» голштинская гвардия и «батушкино» времяпрепровождение. Впрочем, военные занятия Павла чередовались с более плодотворной и тихой работой его, как гатчинского помещика. Первыми его действиями было устройство школы и больницы для жителей Гатчины. Затем он выстроил на свой счет, кроме существовавших уже, еще четыре церкви: православную, католическую, лютеранскую и финскую, причем взял на свой счет и содержание духовенства этих церквей. Крестьянам, у которых хозяйство приходило в упадок не по их вине, цесаревич помогал и денежными субсидиями, и прирезкою земли. Чтобы дать заработки крестьянам, помимо земледелия, Павел содействовал возникновению в Гатчине стеклянного и фарфорового завода, сукошной фабрики и шляпной мастерской. Павел вообще сочувственно относился к положению крестьян и в особом «наказе» своей супруге, составленном в 1787 году на случай своей смерти, рекомендовал ей «особое уважение» к крестьянству. В этом же «наказе» Павел изложил свои финансовые предположения, в которых настойчиво рекомендовал соразмерять расходы с доходами и не отягчать земли и промыслов налогами. Тогда же совместно с Марисей Феодоровною цесаревич выработал основной закон о престолонаследии по праву первородства в мужской линии царствующего дома. В отсутствии

закона о престолонаследии Павел справедливо видел главную причину и революций в России XVIII в., и собственно-го печального положения.

В этих занятиях, в этом постоянном сравнении того, что есть, с тем, что должно быть, протекло четыре года. Характер великого князя за это время заметно изменился к худшему: его несдержанность все чаще и чаще переходила в запальчивость, гнев доходил до бешенства; от прежнего любезного, остроумного, веселого Павла, каким он был во время заграничного путешествия, не осталось и следа.

Павел весь ушел в то время в обучение своих войск. Ростопчин писал про него: «Имея при себе 4 морские батальона в составе 1600 человек и 3 эскадрона разной конницы, он с этим войском думает изобразить собою покойного прусского короля. По средам у него бывают маневры, и каждый день он присутствует на разводе, а также при экзекуциях, когда они случаются. Малейшее опоздание, малейшее противоречие выводят его из себя». В занятиях этих Павел постепенно сблизился с новым кругом людей, которые впоследствии сделались его ближайшими сотрудниками. Это были рядовые офицеры, лишенные образования, неразвитые, не имевшие никакого понятия о государственных задачах, но зато специалисты в «мелкостях» военного дела, точные, исполнительные и, по мнению Павла, безусловно ему преданные, разные Аракчеевы, Обольяниновы, Каннабихи, Малютины и др. В среде этих людей цесаревич постепенно разучился думать, обсуждать, советоваться, приучался ценить лишь исполнительность и усердие, а на всякое представление или совет смотрел лишь, как на послушание. Ум и сердце Павла Петровича почти перестали действовать. Зато во всей резкости начал проявляться его темперамент, его неуклонная строгость в соблюдении буквы уставов и инструкций, заменявших собою всякое рассуждение и повсюду устанавливавших однообразие. Гатчина и Павловск приняли вид военных лагерей, созданных по прусскому образцу, с заставами,

шлагбаумами и казармами. Сам Павел подавал пример суровой спартанской жизни: встав в 4 часа утра, он спешил на ученье или маневры войск, производил осмотр казарм, продовольствия, причем никакая неисправность не ускользала от его взгляда. Зато в 10 часов вечера город уже спал; слышались только шаги патрулей да крики часовых.

5 ноября 1796 г. Екатерину постиг апоплексический удар. Немедленно дали знать Павлу, и в 8¹/₂ часов вечера великокняжеская чета была уже в Петербурге. В Зимнем дворце собравшиеся придворные и высшие правительственные лица встретили Павла уже как государя, а не наследника. Часов около десяти вечера великая Екатерина вздохнула в последний раз и отошла в вечность. Вслед за тем в придворной церкви высшее духовенство, сановники и придворные чины принесли па верность присягу императору Павлу Петровичу и великому князю Александру Павловичу, как наследнику престола.

Павел поспешил перенести в Петербург свою Гатчинскую обстановку и до известной степени превратить самый Петербург в Гатчину. Уже в ночь после смерти Екатерины великий князь Александр вместе с Аракчеевым расставлял вокруг дворца новые пестрые будки и часовых. «Повсюду загремели шпоры, ботфорты, тесаки, и, будто по завоевании города, ворвались в покои везде военные люди с великим шумом. Дворец как будто обратился в казармы: внутренние пикеты, беспрестанно входящие и выходящие офицеры с повелениями, с приказами, особливо поутру». 10 ноября в Петербург вступили гатчинские войска. Государя окружили все его гатчинские приближенные. «Люди малых чинов, о которых день тому назад никто не помышлял, никто почти не знал, их, — бегали, повелевали, учреждали». Прежние сановники, управлявшие государственными делами, стояли с поникнутою головою, как бы уже лишённые своих должностей и званий. Столица должна была переучиваться жить по-гатчински.

В царствование своей матери Павел оставался не у дел, проникаясь желчным критицизмом по отношению ко все-

му, что при ней делалось. Добравшись теперь до дела, Павел проявил кипучую деятельность, стремясь перевернуть в короткое время все вверх дном, завел всюду новые порядки и установления.

Все меры Павел принимал единолично, ни с кем не совещаясь. Дельцы предшествовавшего царствования были устранены, а новые, из бывших гатчинцев, были только слепыми исполнителями приказов нового государя. При том же в большинстве случаев это были люди необразованные, неразвитые. Павел работал поэтому в одиночестве, издавал закон за законом, не обращая внимания на то, исполнимы ли эти законы или нет, и суровыми мерами наказывал за всякое противоречие его воле. Сенат и Совет при Высочайшем дворе утратили почти всякое законодательное значение. Благодаря этому законодательная, как и вся вообще правительственная деятельность Павла явились лишенными всякой системы и устойчивости, зависели часто от мимолетных настроений его души, а не от обдуманных и ясно сознанных мотивов. Павел ненавидел порядки, установившиеся в царствование матери, и беспощадно ломал их. Сознывая отсутствие твердой опоры в окружающих, Павел крайне нервно относился ко всякому, хотя бы и косвенному, порицанию его действий, и везде подозревал измену. Многие навлекали на себя его неудовольствие каким-нибудь неумышленным словом и делом. Жертвами беспричинного гнева государя чаще всего делались придворные и военные чины, постоянно находившиеся у него на глазах.

Так начал свое царствование Павел I. В дальнейшем его образ действий не только не улучшался, но все более и более ухудшался, пока наконец не привел его к трагическому концу.

Все время своего царствования Павел неустанно работал, входя во все мелочи, желая сам все знать и всему давать направление. Переписка его с местными начальниками заняла бы целые тома. Павел зорко следил за действиями местной администрации: мельчайшая ошибка или недо-

молвка в донесениях, малейшее злоупотребление или упущение, доходившее до сведения государя, влекли за собою тотчас же или выговор, или увольнение, или исключение со службы. Казенные и частные убытки, происходившие от каких-либо упущений администрации, напр., от грабежей, губернаторы должны были возмещать собственным имуществом. ТERRORИзуя таким образом администрацию, Павел косвенно терроризовал и население. Администрация, боясь ответственности за бездеятельность, за упущения и даже за распространение «моральной язвы», простирала полицейский надзор до такой степени, что обыватели боялись непринужденно веселиться не только в публичных собраниях, но и в частных домах и вести откровенные беседы у себя дома. На всех театральных зрелищах и публичных балах «для смотрения» должен был присутствовать частный пристав. Так как Павел до всего доходил сам, то к нему поступала огромная масса всяких доносов, большую часть анонимных, и огромное количество ходатайств, ни на чем не основанных, а также жалобы на несправедливость и притеснения. Все это держало Павла в непрерывном раздражении, вызвало подробные расследования, длительную переписку, просмотр подлинных дел самим государем, а администрацию держало в постоянном страхе. Доносов одинаково боялись и честные, и дурные люди.

Полицейская опека над частной жизнью подданных доведена была Павлом до крайних пределов, вытекая из патриархальных взглядов его на отношения государя к подданным, как отца, главы семьи. Распоряжения об образе жизни обывателей Петербурга, сделанные по вступлении на престол, оставались и затем в полной силе и даже дополнялись новыми.

Особенно тяжел был новый император для военных, придворных и собственной семьи. Вступив на престол, Павел поспешил все войска перерядить в гатчинские мундиры, с пуклями и косами, и ввести строжайшую дисциплину. Суворов, пытавшийся было делать представления импера-

тору, попал в немилость и должен был уехать в свою деревню. Недовольный плохой выправкою войск, Павел самолично принялся муштровать их, а для Екатерининских генералов, покрытых боевыми лаврами, устроил в Зимнем дворце «тактический класс», где под надзором Аракчеева читал лекции по строевой части гатчинец Каннабих, ранее бывший учителем фехтования. Проверка знания нового Устава производилась на вахт-параде, который император производил разным частям

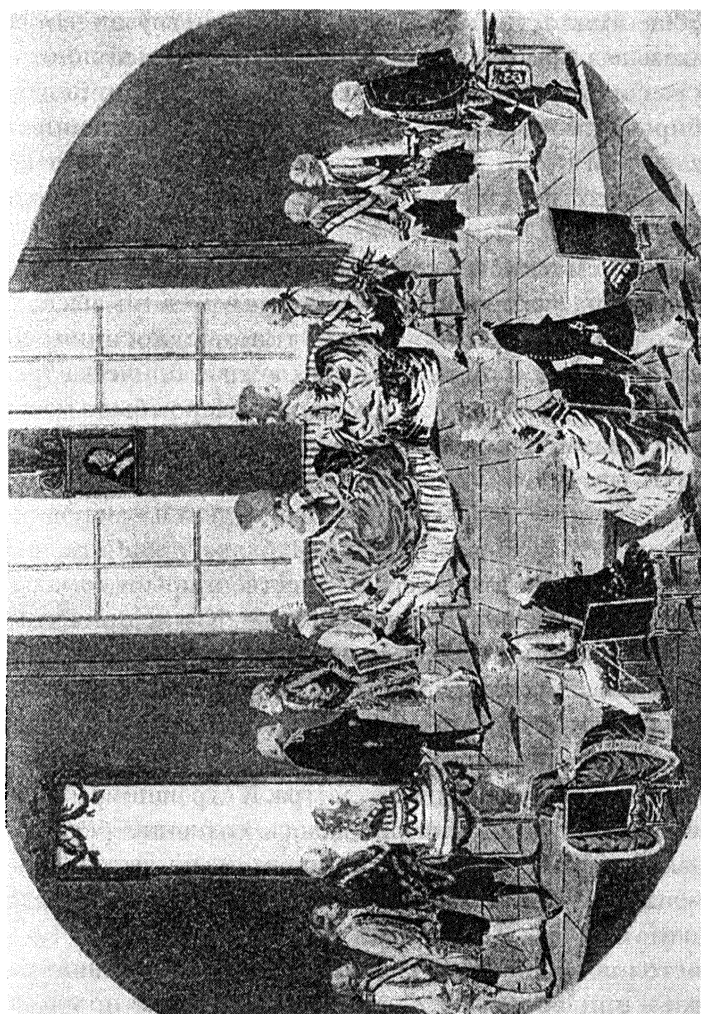
*Великая княгиня
Наталья Алексеевна*

войск ежедневно на площади Зимнего дворца. Солдаты проходили особым церемониальным маршем. Офицеры, проходя мимо императора, салютовали ему эспантоном, как-то припрыгивая и покачиваясь па каждом шагу. Иные за ловкость тут же награждались и начинали блестящую карьеру. Но чаще всего подвергались наказаниям. Ни одна мелочь не ускользала от зоркого взгляда Павла. Павел в раздражении бросался на офицеров, вырывал у них эспантопы, ругался, схватывал виновных за воротники, за лацкана, а некоторые прямо с парада на особых фельдъегерских тройках отправляемы были в дальние батальоны. Офицеры, самые усердные, были в отчаянии, не зная, чем для них кончится вахт-парад, так как Павел склонен был в упущениях офицеров видеть сознательное противодействие его воле. Один из этих офицеров, Саблуков, рассказывает: «Когда мы бывали на карауле, мы имели обыкновение класть несколько сот рублей бумажками за пазуху, чтобы не остаться без копейки на случай внезапной ссылки. Три ра-

за случалось мне давать деньги займы товарищам, забывшим эту предосторожность».

Взыскательность императора по отношению к офицерам распространялась и на собственных сыновей его. Великий князь Александр по званию шефа Семеновского полка и по должности военного губернатора Петербурга каждое утро в семь часов и каждый вечер в восемь часов подавал отцу рапорт о мельчайших подробностях службы и за малейшую опибку получал строгий выговор. Великий князь Константин, бывший шефом Измайловского полка, отличаюсь горячностью, часто позволял себе опрометчивые и жестокие поступки, но одно напоминание о военном суде, которого, по уставам Павла, мог требовать себе каждый корнет над своим полковым командиром, было, по словам Саблукова, «медузиною головой, которая оцепеняла ужасом его высочество». «Оба великие князья,— замечает он,— смертельно боялись своего отца, и когда он смотрел сколько-нибудь сердито, они бледнели и дрожали, как осиновый лист». Павел не изменил своего отношения к войскам и после того, как они вернулись, покрытые славой, из итальянского похода. Забыты были их подвиги, и в целом ряде приказов сделаны были выговоры за то, что «инспекторы и шефы полков мало прилагали стараний к сохранению службы в таком порядке, как было императорскому величеству угодно».

Павел остался недоволен и Суворовым. Он осыпал его сначала милостями, дал ему титул князя италийского, сип генералиссимуса, приказал отдавать ему воинские почести, какие полагались самому императору, хотел отвести ему покои в Зимнем дворце и устроить триумфальную встречу, но затем вдруг переменял свое намерение. Поводом гнева императора на Суворова было то, что Суворов, вопреки военному уставу Павла, имел при себе во все время похода дежурного генерала. Когда Суворов, по возвращении, заболел и умер, Павел не проводил тела своего знаменитого полководца до могилы. Опалы, которые постигали генералов и офицеров, заставляли их, в свою очередь, терзать

Прибытие графа и графини Северных (цесаревича Павла Петровича с супругой) в Вену в 1781 г.

и мучить солдат. Особенною жестокостью отличались гатчинцы и больше всех Аракчеев. Однажды он схватил гренадера за усы и оторвал их вместе с мясом. Сам император был в общем милостив к солдатам, по бывали случаи, когда он приказывал прогнать палками со смотра целый полк; в другой раз он скомандовал даже конногвардейскому полку: «в Сибирь». Смотры и вахт-парады были совершенным мучительством солдат. Аракчеев за малейшие ошибки отмечал па спине солдат, сколько палочных ударов им придется дать.

А между тем ошибку легко было сделать, так как солдаты являлись па парад в большинстве случаев не выпавшись. Солдаты носили букли и толстые косички со множеством пудры и помады. Такая сложная прическа требовала много времени; между тем парикмахеров было мало. Поэтому солдатам накануне парада приходилось обыкновенно не спать всю ночь. Причесанные с вечера не могли спать, чтоб не смять прическу, или ложились, подкладывая под голову полено. Это обучение солдат усугублялось еще тем, что мука с салом, употреблявшаяся в качестве пудры и помады, вызывали обильное появление паразитов. Кроме причесок, солдату было истинное мучение с узкими панталонами, чулками, лакированными штиблетами, подтяжками, курточками, пряжками и т. д. Парады были настолько мучительны, что не радовали солдат даже рублями и обильным столом с водкою, который давался после смотра. К страшному напряжению и утомлению применялось сознание бесцельности экзерциций, которые представляли, по выражению современника, «более забаву, увеселяющую глаза, нежели настоящую пользу и надобность».

Постоянным опалам Павла подвергались высшие сановники и придворные. В данном случае у Павла почти не было исключений. Никто не усердствовал более Архарова и Аракчеева, однако и они должны были уехать в свои деревни. Наконец, немилости его подверглись императрица Мария Феодоровна и его сыновья.

В бытность свою великим князем, Павел был примерным семьянином, нежным супругом и отцом. Но в 1798 году в семейной жизни его произошла тяжелая драма. После рождения четвертого сына Михаила медики доложили Павлу, что императрица не в состоянии выносить новой беременности, и предписали ей тихий и спокойный образ жизни в любимом ею Павловске. Павел считал себя после этого свободным. Нашлись люди, враждебные императрице, вроде камердинера Кутайсова, которые постарались совершенно отдалить Павла от жены. Кутайсов объяснил Павлу, что его считают за тирана, а благодетельные и разумные распоряжения его приписывают влиянию императрицы и фрейлине Нелидовой, которая дружна была с императорскою четкою. Павел пришел в ярость от этого сообщения и проникся враждою и недоверием к императрице. Эта вражда и недоверие усилились после того, как Павел сыскал себе новую подругу в лице Анны Петровны Лопухиной, которую для видимости выдал замуж за кн. Гагарина. Павел стал опасаться каких-нибудь активных шагов со стороны императрицы и потому удалился из Петербурга всех, кто уже известен был в качестве ее сторонника. Такой же участи подвергались и все лица, пользовавшиеся дружбою великого князя Александра. Павел мучился тысячами подозрений, которые раздувались Кутайсовым и его клеветами. Тогда при дворе начался уже настоящий террор. Каждый рисковал быть высланным, получить оскорбление в присутствии всего двора, благодаря какой-либо неожиданной вспышке императора. Императору постоянно казалось, что бывают не совсем почтительны к его фаворитке, к ее родственницам или подругам, и что это следствие злоумышлений императрицы. Поэтому недостаточно глубокий поклон, невежливый поворот спины во время контрданса или какой-нибудь промах в этом роде выводили из себя императора и навлекали на виновных кару. Все придворные находились в постоянном страхе: никто не был уверен, что останется на своем месте до конца дня; ложась

спать, никто не мог поручиться за то, что ночью или рано утром не явится к нему фельдшер и не посадит его в кибитку. Состояние духа, питаемое придворными отношениями, отражалось и на других подданных. «Время это было самое ужасное,— рассказывает один из современников (Мертваго),— государь был на многих в подозрении. Тайная канцелярия была занята делами более вотчинной, знатных сановников почти ежедневно отставляли от службы и ссылали на жительство в деревни. Государь занялся делами церковными, преследовал раскольников (духоборов), разбирал основание их секты; многих брали в Тайную канцелярию, брили им бороды, били и отправляли на поселение,— словом, ежедневный ужас». Провинившихся постигали и более ужасные наказания. Так, лейтенант Акимов, за эпиграмму на построение Исакиевского собора, сослан был в Сибирь с урезанием языка. Пастор Зейдер, уличенный в том, что имел запрещенные книги в своей библиотеке, был наказан кнутом; генерал-лейтенант князь Сибирский, по неосновательному доносу, закован был в кандалы и также сослан.

На сторонних наблюдателей Павел стал производить впечатление ненормального. Уже в марте 1800 года сардинский посланник доносил своему правительству о помешательстве Павла. Английский посланник Витворт писал, что Павел «в буквальном смысле лишился рассудка». Павел стал класть бессмысленные резолюции на делах и издавать несуразные распоряжения. Так, на докладе, заключающем в себе несколько различных мнений, он пишет: «быть по сему»; на докладе межевого департамента о споре из-за земли между донскими казаками и частными владельцами, Павел на плане во всех спорных местах также написал «быть по сему». 13 января 1801 г. Павел приказал донским казакам двинуться в поход в Индию, причем не было заготовлено продовольствия, не имелось даже карт пути.

Настроение Павла сделалось, наконец, опасным для его семьи. Замечая нерасположение и страх жены и сыно-

вей, Павел стал подозревать их в неприязненных замыслах против своей особы и грозно давал им понять это. Однажды он призвал к себе великого князя Александра и, показывая ему указы Петра Великого о царевиче Алексее Петровиче, спросил его, знает ли он историю этого царевича. Принц Евгений Вюртембергский, племянник Марии Феодоровны, был свидетелем того, как после одного концерта Павел остановился перед императрицею и, скрестив руки, с язвительной насмешкою и тяжело дыша, не сводил с нее глаз несколько минут. То же проделал он и перед двумя старшими великими князьями. После обеда он с насмешкою оттолкнул женоу и сыновей, когда они по обыкновению хотели раскланяться с ним. Этот принц Евгений, красивый и умный мальчик, сделался любимцем императора. Павел стал думать о том, чтобы объявить его наследником престола. Императрицу он хотел сослать в Холмогоры; великого князя Александра заточить в Шлиссельбург, Константина — в Петропавловскую крепость и т. д. По временам у Павла стали проявляться заявления и более устрашающего характера. Своей фаворитке Гагариной и Кутайсову Павел говорил, что он хочет выполнить *grand coup*, что скоро вынужден будет снять когда-то дорогие ему головы и т. д.

При таких обстоятельствах должен был возникнуть в придворных сферах заговор с целью устранить Павла от престола. Законного средства к удалению душевнобольного государя от правления русская политическая жизнь еще не выработала.

Мысль об удалении Павла возникла первоначально у вице-канцлера Никиты Петровича Папина. К Папину присоединились военный губернатор Петербурга фон-дер Пален, кн. Платон Zubov, командир Преображенского полка Талызин, Семеновского — Депрерадович, Кавалергардского — Уваров и некоторые др. офицеры. К заговору привлекли и в. кн. Александра и Константина, которым было разъяснено, что Павел будет арестован, лишен власти и интернирован в крепости, где будет пользоваться всеми

удобствами жизни частного человека. Таково было, по-видимому, и намерение Палена. Но его сообщники не останавливались над этим, хорошо понимая, что мечта о лишении Павла одной только власти неосуществима, что Павел, имеющий много сторонников, будет безвреден лишь тогда, когда перестанет жить. Но, разумеется, в эти планы они не посвящали великих князей. Нельзя сказать, чтобы заговорщики действовали очень скрытно. К заговору привлечены были некоторые гвардейские офицеры, и в гостиных Петербурга много говорили об нем. Павел начал подозревать окружающих в злом умысле и для большей безопасности переехал в новый дворец свой, Михайловский замок, построенный на месте разобранного Летнего дворца, где он родился. «На том месте, где родился,— говорил император,— хочу и умереть». Михайловский замок, по наружному виду, представлял рыцарскую крепость, окруженную рвами, гранитными брустверами, на которых стояли орудия. Сообщение производилось по подъемным мостам, у которых стояли караулы. Но никакие силы и орудия не могут защитить, раз нет верных людей.

9 марта Павел, кем-то предупрежденный о заговоре, когда Пален пришел к нему с обычным докладом, как бы невзначай спросил его, возможно ли теперь повторение событий 1762 г. Пален хладнокровно заметил на это, что некоторые и теперь задумывают подобное покушение, но исполнить его не так легко, как прежде: войска тогда еще не было в руках государя, и полиция действовала не так, как теперь. Предположив затем, из дальнейших слов Павла, что он, быть может, хорошо осведомлен о заговоре, Пален заявил, что он сам состоит во главе одного заговора для того, чтобы наблюдать за действиями заговорщиков, что в этом заговоре принимают участие императрица, наследники и другие члены императорской семьи. Вслед за тем он добавил, что не может отвечать за безопасность государя, пока не будет иметь в руках письменного повеления арестовать в случае надобности великого князя Александра Пав-

ловича и других членов императорской фамилии. Павел тотчас же выдал это повеление. Получив этот документ, Пален немедленно показал его великому князю Александру. Яркими красками он расписал наследнику последствия, к каким поведет его дальнейшее упорство в отказе на низвержение отца с престола, все бедствия, которые постигнут царскую семью. Испуганный Александр дал свое согласие на то, чтобы у Павла было исторгнуто отречение от престола, а Пален поклялся, что жизнь государя будет в безопасности¹.

Осуществление заговора первоначально было назначено на 15 марта. Но Пален ускорил наступление конца. Он боялся приезда Аракчеева, которого Павел вызвал из деревни в Петербург, по-видимому, для того, чтобы поручить ему командование в столице. Слухи о заговоре неведомыми путями уже расходились по Петербургу. 11 марта даже извозчики говорили о «конце», указывая на Михайловский замок.

Вечером 11 марта заговорщики, под предводительством адъютанта Преображенского полка Аргамакова, вошли по маленькой лестнице, ведущей к покоям императора. Их было вначале около 40 человек, а когда подошли к задней двери у передней, то из 40 человек в отряде осталось едва 10, да и то более или менее пьяных. Заговорщики постучались в дверь и на вопрос камер-гусаров, кто стучит, Аргамаков отвечал: «пожар». Узнав голос Аргамакова, камер-гусары не колебались отворить ему дверь, и таким путем заговорщики ворвались в покои Павла. Император, разбуженный криками, вскочил с своей постели и спрятался за экраном, стоявшим у кровати. Но заговорщики вскоре заметили его. Бенингсен, подойдя к нему, сказал: «Государь, вы арестованы». — «Я арестован? Что же это значит?» — спросил Павел. «Уже четверть года следовало бы с

---

¹ Опубликованные за последнее время данные доказывают, что Александр был осведомлен относительно намерений заговорщиков гораздо больше, чем это предполагалось раньше...— *Ред.*

тобою покончить», — было грубым ответом одного из заговорщиков. «Что же я вам сделал?» — воскликнул Павел. Тогда кн. Яшвиль первый с ожесточением бросился на Павла, который пробовал сопротивляться, но Николай Зубов ударил его золотой табакеркой в висок, и Павел упал. Собрав последние силы, он вновь был опрокинут, и при падении расшиб себе о мраморный стол висок и голову. Масса пьяных офицеров набросилась на императора. Кто-то накинул ему на шею шарф. Слышно было, как Павел успел сказать по-французски: «Господа, именем Бога, умоляю вас пощадить меня», но через несколько секунд шарф был затянут...

Так разыгрался последний акт Павловской трагедии.

М. Любавский

РОССИЯ В ЦАРСТВОВАНИЕ ПАВЛА I

В лице Павла на престол вступил царь, проникнутый самыми широкими благопожеланиями русскому народу. Он мечтал об искоренении неправды, о народном благе. Ему представлялось возможным «обуздать страсти», пресечь «распущенность в службе и правах», уничтожить «тунеядство», освободить народ от налогов. И в то же время это был человек глубоко несчастный, никогда не забывавший прошлого, оскорбительного для памяти его отца и матери, совершенно не владевший собою в порывах гнева, с болезненно-чутким самолюбием и с идеалом государственного благополучия на началах военной дисциплины и фронтового однообразия.

Эпоха Павла — яркий пример, как иногда мечты и замыслы далеко расходятся с действительностью. Но для справедливой и беспристрастной оценки этой эпохи прежде всего нельзя упускать из виду того печального состояния России, в котором она была к концу Екатерининского царствования. Казна была пуста и обременена крупными

долгами; ежегодные расходы значительно превышали доходы; чтобы добыть необходимые средства, правительство готово было испортить зловую монету путем перечековки, с уменьшением ее ценности, а также — сделать новый выпуск ассигнаций, которыми и без того был перегружен денежный рынок. Некогда победоносная армия была дезорганизована. Командование полком по доходности тогда считалось равным обладанию состоянием в 40 тыс. руб. Расхищали, обращая в своих крепостных, целые рекрутские наборы. В 1795 году, по словам Безбородко, «растасканных» из полков было 50 тысяч человек при 400 тысячах армии. Вошло в обычай служить только по спискам: «записавшиеся» жили дома и «вертопрашили», получая в то же время военные чины и награды. Вместе со взрослыми «записывались» и грудные младенцы, и даже еще не родившиеся: в паспортах на последних оставались пустые места для имени. Вместе с младенцами в полках служили глухие и слепые старцы, как, например, генерал-от-инфантерии Якоби. Не лучше дело было и во флоте, состоявшем из кораблей, вооруженных пушками Петровского времени, по словам Павла, «по гнилости своей па службу неспособных»... Крестьянство изнемогало от частых рекрутских наборов, от тяжелых повинностей, от злоупотреблений местных властей. Особенно было невыносимо положение крепостных. Настроение крепостного крестьянства ясно сказалось в тех волнениях, которые в первые месяцы царствования Павла произошли в 32 губерниях империи. В делах гражданского управления и в придворных сферах господствовали такие же беспорядки и злоупотребления. В одном только Сенате к декабрю 1796 года было 11 476 неоконченных дел. Говорили: «Нужно только какому делу попасться в Сенат, как и пошло оно на бесконечные века». По свидетельству Болотова, «лихонмство вкралось во все чины до такого высокого градуса, что никто не хотел ничего без денег делать, и все вообще шло на деньгах и на закупании»: и при дворе было «во всем и во всем явное грабительство и

сущий разбой». За несколько месяцев до смерти Екатерины великий князь Александр Павлович писал: «Непостижимо, что происходит,— все грабят, почти не встречаешь честного человека»...

Требовались коренные правительственные преобразования для обновления государственного организма.

Павел, еще наследником выработавший себе широкие планы реформ, энергично приступил к делу правления. Никогда чиновный Петербург не переживал такой кипучей деятельности, как при Павле. В канцеляриях, департаментах, коллегиях столицы свечи горели с пяти часов утра; в половине шестого часа генерал-прокурор отправлялся с своим ежедневным докладом во дворец... Число неприсутственных дней было сокращено; рождественские и пасхальные вакации были ограничены только тремя днями. Сенат продолжал свою деятельность и в течение летних каникул: в нем должна была оставаться, по крайней мере, половина членов. В случае неприбытия какого-либо сенатора, об этом каждый раз докладывалось государю. Но особенно большие перемены произошли в войске. Уже на второй день нового царствования из полков были исключены числившиеся в них камергеры, камер-юнкеры... Вместе с тем потребованы на службу все находившиеся в отпуску гвардейские офицеры. Император принял сам деятельное участие в преобразовании армии. С утра до вечера шло обучение военному искусству. Во дворце был учрежден «тактический класс» для штаб- и обер-офицеров, а на площади Зимнего дворца заведен вахт-парад. Каждое воскресенье производились большие парады. Старые заслуженные генералы должны были переучиваться военному строю вместе с неопытными молодыми офицерами.

За время царствования Павла последовал целый ряд правительственных мероприятий, действительно полезных, благотворно отразившихся на положении расстроенного и разоренного государства. При вступлении на престол Павел дал свободу многим находившимся под судом и

следствием, а также — заключенным в Тайной экспедиции. Вместе с другими получили свободу и Радищев, Новиков... Рекрутский набор, объявленный при Екатерине, был отменен. Приготовленный новый выпуск ассигнаций не только был задержан, но еще изъято из обращения и сожжено старых более чем на пять миллионов рублей; вместе с тем увеличен запас серебряной монеты перечеканкой придворных серебряных сервизов. Обращено внимание на отчетность государственных финансов, причем, по словам Державина, оказалось, что «империя более 20 лет оставалась несчитанною».

Для ликвидации старых, Екатерининского времени, дел, при Сенате было образовано три временных департамента. Кроме того, вообще был усилен состав Сената путем назначения новых сенаторов и увеличения числа чиновников сенатской канцелярии. К началу 1797 года было назначено 35 новых сенаторов и 500 новых сенатских чиновников. Число разрешавшихся дел в Сенате достигало огромного по тому времени количества: в 1796 г. решено 11 638 дел, 1797 г.— 17 397, 1799 г.— 29 070, 1800 г.— 29 988 дел.

Для искоренения беспорядков в области провинциального управления, а также для ознакомления с «нуждами, недостатками и пользами общими», возобновлены периодические сенаторские ревизии, введенные еще Петром Великим, по после его смерти не применявшиеся в качестве общеимперской меры. Этими ревизиями обнаружено много злоупотреблений в делопроизводстве губернских учреждений, в поборах с крестьян и в эксплуатации казенного имущества. Так, например, обнаружилось, что в Казанской губернии 2 миллиона десятин казенного леса приносили дохода в год всего лишь 979 рублей.

Павел признавал, что свобода веры — «наилучшее средство сохранить между обитателями различного закона тишину и спокойствие». Поэтому он предписывал, «дабы различие закона не служило никому поводом притеснять друг друга, но каждый бы, оставаясь при исповедании того,

к коему совесть его прилепляет, был добрым и мирным гражданином». В частности, к старообрядцам он повелевал относиться «ласково, с доброхотством и человеколюбием». При Павле три иргизских старообрядческих монастыря были освобождены от рекрутчины. Один из них, Верхне-Успенский монастырь, получил из общих государственных сумм 12 тысяч рублей на сооружение храма взамен сгоревшего, причем большей суммы не было выдано лишь в виду того, чтобы «выдачею знатного числа денег не возгордиться чрезмерно старообрядцев». В 1800 году, вследствие жалобы старообрядцев на Владимирскую духовную консисторию «в притеснении частыми требованиями их для увещаний», все члены этой консистории были отрешены от своих должностей. Гуманное отношение правительства к старообрядцам вызвало среди них движение к воссоединению с православной церковью в виде существующего и ныне «единоверия». Павлом преследовались лишь сектанты, не признававшие гражданской власти или отличавшиеся изуверством, как-то: духоборы и скопцы.

Павел обращает внимание на положение духовенства: состоящим на штатном жалованьи были увеличены оклады, а где не было установлено жалованье, там на прихожан возложена обработка церковной земли, замененная затем соответственным хлебным взносом натурой или денежной суммой. Для поощрения духовенства к более ревностному прохождению своего служения введены знаки внешнего отличия. Чтобы дать духовенству более средств к образованию, учреждено несколько духовных семинарий, а также Казанская и Александро-Невская (Петербургская) духовные академии. Чтобы очистить духовенство от «праздных» его членов, повелепо их брать в военную службу, — «по примеру древних левитов, которые на защиту отечества вооружались».

Немало сделано и для улучшения быта крестьян, которых Павел считал достойными «особого уважения и утверждения состояния, неподверженного нынешним его переменам». Казенные крестьяне получили 15-десятиный

душевой надел и особое сословное управление, существовавшее до реформ Николая I; крайне разорительная для крестьян хлебная подать была заменена денежным сбором; при переоброчке с казенных крестьян сложено по 1 января 1797 года около 7 миллионов недоимки, и т. п. В развитии законодательства о крепостных крестьянах царствование Павла считается «поворотным моментом». При нем господские повинности крепостных ограничены трехдневной в неделю барщиной; запрещается продажа дворовых людей и крестьян без земли; губернаторам повелевается следить за отношениями помещиков к крепостным, по дошедшим сведениям о жестоком обращении некоторых владельцев предписывается — взяв виновных «без всякой огласки из дому», заключить их в какой-либо монастырь, и т. д. Дозволение всеподданнейших жалоб от отдельных лиц было большою льготой для крестьян после Екатерининского указа 1765 года, каравшего «дерзостных» челобитчиков плетью и каторгой.

К сожалению, представление Павла о крестьянском благополучии было своеобразно: ему казалось, что нахождение крестьян за помещиками является лучшей формой их устройства, так как в помещиках сами крестьяне имеют надежных о себе попечителей, а государство — «лучших полицмейстеров». Поэтому раздача крестьян помещикам при Павле практиковалась в самых широких размерах: за 4-летний период царствования Павла было закрепощено около 600 тыс. душ государственных крестьян.

Деятельность Павла касалась самых разнообразных областей государственной жизни. Он обращает внимание на дороговизну жизненных продуктов, и для удешевления хлеба повелевает продавать его из казенных запасных магазинов, понижает цены на соль, требует от торговцев, чтобы они довольствовались «умеренными прибытками»; его озабочивают вопрос о сохранении лесов, шелководство и вообще развитие земледелия, торговли и промышленности. При нем проведена Мариинская водная система, соединяющая

Волгу с Невой и имеющая до сих пор такое важное значение; обращено большое внимание на Дальний Восток: учреждена и принята под высочайшее покровительство Российско-американская компания; предположено заселить Забайкалье, завести здесь суконные и юфтевые фабрики в видах развития торговых сношений с Китаем и т. д.

Кроме уже упомянутых духовных учебных заведений, Павлом учреждены: практическая школа земледелия, высшее медицинское училище, музыкальная академия, Дерптский университет и нектор. др.

Из важнейших законодательных актов Павловского царствования упомянем о законе, освобождающем от телесного наказания лиц, достигших 70-летнего возраста, и об одном из основных законов русского государства — о престолонаследии. По этому закону престол переходит по нисходящей линии к старшему сыну царствующего императора. Боковые наследники получают престол лишь при отсутствии мужского потомства по прямой линии, а женщины — лишь когда совсем не останется мужского представителя императорской фамилии.

Бездействовавшая Екатерининская «Комиссия для сочинения проекта нового Уложения» Павлом переименована в «комиссию для составления законов Российской империи», и вновь был выдвинут вопрос о русском законодательстве. За время Павловского царствования комиссией были составлены предварительные планы кодификации законов и собран обширный материал по изучению местных законов, использованный при дальнейших кодификационных работах.

Заслуживает внимания отношение Павла к окраинным областям. При нем, в отмену политики Екатерины, из всех 41 губерний 11 управлялись на особых основаниях, «по правам и привилегиям их».

Темной стороной деятельности Павла являются его действия и распоряжения, где он сам был жертвой своего темперамента и страха пред разрушительным влиянием

Французской революции. Еще Екатерине мерещилась «французская зараза» даже в «духовных» книгах и в церковной проповеди; Радищев представлялся ей «хуже Пугачева...» Еще она изменила своему убеждению, что нельзя с идеями сражаться пушками, и задумала большой поход против Франции, чтобы окончательно подавить этот революционный очаг. Павел явился ревностным продолжателем политики своей матери. Чтобы предупредить «воспаление незрелых умов па необузданные и развратные умствования», русским было запрещено ездить для обучения за границу, а уже учившиеся в чужих краях должны были возвратиться па родину в определенный срок под угрозой конфискации их имущества. Въезд иностранцев в Россию сначала дозволялся, под условием «прервать всякое сношение с одноземцами», но затем был воспрещен совсем. Жившие в России иностранцы должны были присягать, что они «непричастны ни делом, ни мыслью правилам безбожным и возмутительным, во Франции и в ее окружностях введенным». На основании того, что вывозившиеся из-за границы книги вносили «разврат веры, гражданского закона и благонравия», был приостановлен допуск в Россию не только иностранных книг, но и музыкальных произведений; исключение было сделано лишь для религиозных книг на тунгусском языке, но «с строжайшим наблюдением, чтобы под видом сим не прокралось чего другого...»

Павел ведет войну против всего французского, даже против французских мод и обычаев, а вместе с тем подвергает гонению всякую свободную мысль, как проявление «якобинства»... Положение печати в царствование Павла самое плачевное. Даже Карамзин вызывал подозрения и должен был «умереть авторски». «Русская литература ходит по миру с сумой и клюкой: худая нажива с нею», писал он Дмитриеву. По его словам, «цензура, как черный медведь, стоит на дороге»...

Суровая расправа с волновавшимися крестьянами, сопровождавшаяся расстрелами, сожжением деревень, сечением женщин и детей, была также борьбой с «иллюминаци-

тическим духом безначальства и независимости, распространившимся по всей Европе...»

Строгий защитник абсолютизма и редкий знаток военного дела, Павел хотел регламентировать все мелочи бытательской жизни. Им определялось, когда должна была начинаться и кончаться дневная деятельность, какую прическу и одежду должны были носить простые обыватели и чиновники, какое число лошадей полагалось для выезда сообразно рангу, какой этикет должен был соблюдаться при встречах с высочайшими особами. Государь устанавливал даже особые правила танцев на придворных балах, обязывая танцующих всегда быть обращенными к нему лицом,— следил за чистотою речи своих подданных, издав повеление «об изъятии из употребления некоторых слов и замене их другими».

Придавая большое значение форме, император часто мешал мелочные предметы с предметами государственной важности, и потому нередко малейшая неисправность или оплошность вызывали непомерно суровую кару. Никто не мог ручаться, что не вызовет каким-либо неосторожным поступком гнев царя. Даже придворные балы и празднества «сделались местом, где каждый рисковал ежеминутно потерять свое служебное положение и даже свободу». На высочайших же военных смотрах вошло в обычай держать наготове по несколько троек с фельдъегерями, а офицеры, отправляясь на такие смотры, запасались бельем и деньгами, необходимыми, про всякий случай, для путешествия в Сибирь... Царствование Павла называли — «царством страха», «ежедневным ужасом», «эпохой всеобщего трепета и смятения умов»... Действительно, пострадавших было много. Говорили: «Кто сам ускользал от всепожирающей тирании, тот оплакивал судьбу друга или родственника; не было семейства, которое не оплакивало бы в своем кругу падшей жертвы»... При Павле с одной только военной службы удалено 7 фельдмаршалов, более 300 генералов и свыше 2000 штаб- и обер-офицеров. Немало было также потерпевших в административных сферах и в придворном кругу.

Но громадные цифры пострадавших — не показатель только самовластия Павла: они встают пред нами в более смягченных тонах, если мы вспомним, что среди пострадавших военных значительный процент должен падать на немощных младенцев и стариков, унаследованных от Екатерининского времени, а также если будем помнить нравы тогдашнего чиновничества и хотя бы характеристику придворной среды графом Ростопчиным, заявлявшим, что самый честный из окружавших государя заслуживал быть колесованным без суда...

Не во вспыльчивом характере Павла, не в его единичных необдуманных поступках главная причина недовольства, приведшего к роковой катастрофе 11 марта, тем более что гнев царский часто скоро проходил и сменялся щедрыми милостями. Основа недовольства коренилась глубже: в политике царя, подрывавшей сословные привилегии дворянства... Правда, он издает ряд указов, подтверждающих старые и устанавливающих новые преимущества дворян перед прочими сословиями, принимает меры по предоставлению дворянству ссуд на льготных условиях, повелевает составить дворянский гербовник, но при этом строго наблюдалось, чтобы сословные преимущества соответствовали служебным заслугам, — чтобы не было «дворян-тупеялцев». Дворяне могли поступать в гвардию не иначе, как только нижним чином; из военной службы не могли выходить в отставку до производства в офицерский чин; выходявшие в отставку, не выслужив года в офицерском звании, должны были не увольняться, а исключаться из службы, исключенные же лишались права на службу в гражданском ведомстве, а равно по выборам от дворянства, и даже лишались права участия в этих выборах. Дворяне, неслужившие и уклонявшиеся от выборных должностей, должны были предаваться суду... Таким образом, вновь возрождалась, хотя в несколько измененном виде, обязательная дворянская служба... Вместе с тем постепенно отменялись и другие дворянские привилегии: в нарушение установившихся вла-

дельческих прав па крепостных эти последние, при вступлении на престол Павла, приводятся к присяге короне; вопреки дарованному дворянству Екатериной праву петиций, воспрещается принимать «прошения, многими подписанные»; в нарушение полученной дворянством и купечеством при той же императрице свободы от телесных наказаний и даже вопреки указу самого Павла об освобождении от телесных наказаний священно- и церковнослужителей, этот вид наказаний распространяется и па лиц привилегированных сословий при совершении ими уголовных преступлений. «Коль скоро снято дворянство, то уж привилегия до него не касается», — заявлял государь. Та же тенденция к уничтожению сословных различий сказалась и в отношениях к дворянскому самоуправлению: им не были приняты, при вступлении на престол, поздравительные дворянские депутации; в дворянских собраниях было повелено присутствовать губернаторам; губернские дворянские собрания были отменены, и даже губернские предводители дворянства должны были избираться на уездных собраниях. При этом Павел не переставал подчеркивать, что всякий дворянин — дворянин только милостью царской. В высочайших указах заявлялось, что возведение в дворянское достоинство — «регалия государская». Проще и категоричнее эта мысль высказана Павлом в словах: «В России дворянин только тот, с кем я говорю и пока я делаю ему эту честь»...

Перед дворянством вставал вопрос не об отдельных его жертвах, а об интересах целого сословия. Недаром среди волновавшихся крестьян ходили толки, что скоро будет «государщина», а дворян не будет: царь велит им «рвать головы»... В циркулировавшей в народе речи, будто бы говореной Павлом в Сенате, возвещалось: «Не всякий ли человек составляет члена общества? Не всем ли нам должно быть равными?»...

Признаки недовольства и борьбы высшей бюрократии против императора мы видим с первых же дней царствования. Петербургская полиция, из желания будто бы угодить

императору, все его распоряжения приводила в исполнение с особой жестокостью, отдавала приказы, чтобы никто ни в разговорах, ни в письме не употреблял слова «курносый», чтобы козам и кошкам не давали прозвища «Машка»... Когда Павел велел выкрасить черными и белыми полосами шлагбаумы, будки, верстовые столбы, то военный генерал-губернатор Петербурга Архаров потребовал, будто бы согласно с волею государя, чтобы по образцу шлагбаумов и будок были выкрашены и все дома в Петербурге. «Разве я дурак, чтобы отдавать подобные приказания?» — воскликнул Павел, узнав о таких распоряжениях... Провокаторская деятельность высшей администрации, старавшейся всячески дискредитировать Павла, достигла особенно широких размеров, когда Петербургом правил граф Пален. «Негодяи,— говорит Коцебу,— злоупотребляя доверием монарха, сердце которого было склонно к кротости и доброте, всюду показывали ему призраки, вовсе не существовавшие и даже такие, в которые они сами не верили, и ввели начало владычества ужаса»... В этот период наиболее спокойным временем, оказывается, был сентябрь и октябрь 1800 г., когда граф Пален, назначенный командовать армией на прусской границе, не был в Петербурге... Пользовались малейшей ошибкой государя, чтобы дискредитировать его в глазах общества. Однажды Павлом, по недосмотру, был утвержден доклад коллегии коммерции о внутреннем судоходстве, состоявший из трех различных мнений; над всеми тремя мнениями было надписано: «быть по сему». Об ошибке этой не только не было доведено до сведения государя для исправления, но утвержденный доклад с противоречивым содержанием так и был напечатан и опубликован в виде высочайшего указа...

Царствование Павла разразилось бурей только в верхних сферах русского общества, среди привилегированных служилых элементов... «Из 36 миллионов людей,— говорит Коцебу,— по крайней мере, 33 миллиона имели повод благодарить императора»... В торговле было больше честнос-

ти, в суде больше правды, среди властей меньше лихоимства и хищений... «Страх внушал человеколюбие»... Солдаты были «хорошо одеты, пользовались хорошей пищей, кроме того, осыпались денежными подарками». Была строга военная дисциплина, но солдатам не сладко жилось и при Екатерине, когда выработалась особая формула при передаче полковниками рекрут в ученье капитанам: «Вот тебе три мужика, сделай из них одного солдата». Теперь в солдате стали больше уважать человека, нежели прежде: офицер за оскорбление нижнего чина наказывался так же жестоко как и солдат за оскорбление офицера; прослужившие в военной службе беспорочно двадцать лет были освобождены от телесного наказания. На одном из военных парадов Павел, недовольный князем Репниным, сказал ему: «Господин фельдмаршал! Видите ли вы этот караул? В нем 400 человек. Мне достаточно сказать слово — и все они будут фельдмаршалами»... Свободнее вздохнули обыватели и особенно обиженные, искавшие удовлетворения в судах. Тогда поколебалась справедливость русской пословицы: «До Бога высоко, до царя далеко». Дорога к Павлу была открыта всякому: им были установлены известные дни для приема просителей и, кроме того, в нижнем этаже дворца, в окне, устроен был особый ящик, в который всякий мог опускать свое прошение на высочайшее имя. Эти прошения вынимались ежедневно лично самим государем, и рассмотрение их производилось быстро, без замедления. Прибывающим в Петербург просителям даже объявлялось, что «буде они чрез две недели не получают решения и не будут в просьбах своих удовлетворены», то заявляли бы об этом одному из государевых адъютантов для доклада государю. После смерти Павла народ и солдаты говорили: «Он был наш отец». Первый выход Александра в качестве государя перед Преображенским, а затем перед Семеновским полком был встречен гробовым молчанием...

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПАВЛА I

Екатерина II не принимала никакого участия в европейских коалициях против республиканской Франции, запятая своей собственной внешней политикой. Тем не менее, ее отношение к французской революции и ее деятелям было вполне отрицательное. Она и боялась революции, и ненавидела ее в одно и то же время, временами чувствуя, что и ее корона не так твердо держится на ее голове, как раньше. Чем агрессивнее велась политика Директории, тем желчнее и раздражительнее становилась Екатерина. Ей казалось, что теперь настало время выйти русскому правительству из того пассивного состояния, в котором оно, по необходимости, находилось, и принять активное участие в коалиционной политике с целью остановить дальнейшее победное шествие французской демократии. К этому принуждали не только боязнь за собственную корону, за неприкосновенность абсолютизма, но также и экономические связи страны, ставшей довольно крупным экспортером на европейском, преимущественно английском рынке. Экономическая политика Директории была направлена исключительно про-

тив Англии. Французское оружие должно было отнять у Англии торговые рынки и пути и закрепить их за французской буржуазией, что должно было сильно отразиться на экспорте стран, вступивших в торговые связи с Англией, в особенности России. Стремление французского правительства укрепиться на востоке и победа французской дипломатии над английской в Константинополе задевали политические и экономические интересы России, игнорировать которые во всяком случае было невозможно. Дворянство, крепко державшееся за английский рынок и боявшееся революции из-за своих социальных привилегий, тоже настроено было воинственно, в этом отношении было вполне солидарно с правительством и требовало войны. Так намечалась борьба России с Францией во имя защиты старого порядка, неограниченного самодержавия и социальных привилегий господствующего класса.

Считая своевременным вмешаться во французские дела, Екатерина немедленно, после заключения Базельского мира, от 5 апреля 1795 года, вступила в дипломатические сношения с Англией по вопросу о денежных субсидиях в том случае, если русская армия придет на помощь европейской коалиции. Но эти переговоры так и остались в стадии подготовительности, Екатерина умерла, Павел стал императором. Политическая физиономия Павла успела ко дню восшествия на престол определиться с достаточной отчетливостью. Являясь сторонником дружбы с пруссаками и безусловным поклонником монархического принципа, Павел ненавидел революцию так же страстно, как и его мать, и неоднократно заявлял о необходимости прекратить вооруженным вмешательством стихийное развитие революции и восстановить расшатанные престолы.

Тем не менее Павел после смерти своей матери держался сначала мирной политики и прекратил поэтому дальнейшие вооружения, начатые Екатериной II. Конечно, иначе поступить он не мог. Министерство Питта после Базельского мира старалось поддерживать мирные отноше-

ния с Францией, а без английской субсидии русские воинственные планы не могли быть приведены в исполнение, вследствие отчаянно-плохого состояния финансов. Помимо этого, чрезмерно интенсивная внешняя политика Екатерины II до крайности напрягла военные силы страны. Страна нуждалась в отдыхе, во имя которого должны были сойти на нет воинственные крики дворянства. Под влиянием всех этих соображений, Павел поручил государственному канцлеру Остерману в циркулярной поте сообщить о твердом намерении поддерживать мирные отношения с европейскими державами. Свою точку зрения правительственная пота объясняла тем, что «Россия с 1756 года, будучи в непрерывной войне, есть поэтому единственная в свете держава, которая находилась 40 лет в несчастном состоянии истощать свое население». Последнее соображение было вполне справедливо. Оно-то и склонило «человеколюбивое сердце» императора Павла к политике нейтралитета по отношению к Франции.

Впрочем, эта политика нейтралитета не была безусловной. Оставаясь верным принятым на себя политическим обязательствам, русское правительство поэтому заявляло о своем убеждении всевозможными мерами противиться неистовой французской революции, угрожающей всей Европе совершенным истреблением закона, прав, имущества и благонравия. Последняя оговорка делала нейтралитет России чрезмерно условным. Мирная декларация русского правительства была встречена в Европе различно. Англия на время примирилась с ней. Австрия была полна негодования, но ее недовольство носило чисто кабинетный характер. Прусское правительство безусловно приветствовало позицию, занятую Павлом, благодаря которой оставался нетронутым русско-прусская союз, заключенный Екатериной. Опираясь на Россию, Пруссия имела полную возможность выяснять с Францией все спорные вопросы, и не без выгоды для себя. Дружественные связи с Пруссией заставили сблизиться правительство Павла с Данией и Швецией,

и таким образом Павел всецело вернулся к принципам Балтийской политики Екатерины. Труднее всего было наладить отношения с Швецией. Шведское правительство в лице регента герцога Карла относилось совершенно равнодушно к агрессивной внешней политике Густава III. Оно не только принципиально отказалось от вступления в европейскую коалицию, направленную против Франции, но считало более выгодным для национальных интересов Швеции борьбу с Россией. Ввиду невозможности активной борьбы с последней, шведское правительство демонстративно вступило в дипломатические отношения с Францией и поддерживало правительство Высокой Порты против России. Почувствовав столь резкую перемену во внешней политике Швеции, Екатерина II надеялась ее изменить в сторону, благожелательную для России, при посредстве женитьбы шведского наследника престола на одной из дочерей Павла. Прусская партия, во главе с бароном Армфельдом, деятельно агитировала в пользу брака. Однако ее старания окончились неудачей. Брак не состоялся. Однако, когда шведский посланник Клингспорр приехал в Петербург, Павел встретил его так, как будто между ним и Швецией не было никаких недоразумений.

Первые шаги Павла во внешней политике не встретили со стороны дворянства всеобщего сочувствия и одобрения. Правда, открыто никто не решался заявлять о своем принципиальном несогласии с Павлом, тем не менее, многие из деятелей предыдущего царствования довольно верно критиковали его прусскую политику. Впрочем, Павлу пришлось скоро убедиться в непрочности русско-прусского соглашения. Пользуясь дружбой со стороны Павла, прусское правительство заключило с Францией особую конвенцию от 6 ноября 1797 г. для разграничения между обоими государствами территории на Рейне. Прусское правительство вело свои переговоры с Францией в глубокой тайне и даже не сочло нужным уведомить об этом Павла I, и в то же время уверяло в своей преданности системе Павла. Извес-

тие о франко-прусском соглашении привело неуравновешенного Павла в состояние крайней раздражительности. Свое неудовольствие он выразил в депеше, направленной в Берлин и составленной в весьма резких выражениях. Франко-прусское соглашение Павел считал вредным и угрожающим интересам целой Европы. Нейтралитет Павла по отношению к Франции, как и следовало ожидать, оказался весьма непродолжительным. Успехи Бонапарта в Италии, закрепленные Кампо-Формийским миром от 17 октября 1797 года, захват им Ионических островов существенно изменили политическую карту Европы, обессилили Австрию и нарушили политическое равновесие в Европе. Боязнь дальнейшего усиления Франции, а вместе и распространения революционных идей, заставила Павла стать по отношению к Франции в более вызывающую позу. Не предпринимая пока никаких решительных действий, Павел послал князя Репнина в Берлин с специальной миссией узнать, намерено ли прусское правительство считать Францию общим врагом.

Вместе с этим тот же Репнин привез проект четверного оборонительного союза против Франции. Положение прусского правительства было очень щекотливым. Нельзя было вести двойную политику. Надо было открыто стать на сторону или России, или Франции. Считая для себя более выгодным соглашение с Францией, прусское правительство отнеслось отрицательно к миссии Репнина и выразило желание остаться в дружественных отношениях с Францией.

Переговоры с Веной были более удачны. Венское правительство приветствовало предложение России и настаивало на немедленной отправке в Австрию 12-тысячного корпуса на основании договорных обязательств. Изменились также и отношения с Англией. Английскому послу Витворту удалось заручиться крепкими связями среди дворянства и убедить Павла в необходимости активного выступления против Франции совместно с Англией и Австрией. Так постепенно зарождалась и укреплялась мысль о своевременности и необходимости коалиционно-

го выступления против Франции, по в то же время совершенно отступал на задний план вопрос о целесообразности такой коалиции для национальных интересов России и о возможности со стороны России нового финансового и военного напряжения. Между тем французское правительство, с момента вступления Павла на престол, стремилось установить с русским правительством более или менее дружественные отношения. Эта попытка встречала большое сочувствие и поддержку со стороны государственного канцлера — Безбородко, предложившего Франции посредничество со стороны России между ею и союзниками, на что правительство Директории пока не давало ни утвердительного, ни отрицательного ответа. После более детальных переговоров о посредничестве выяснилось, что Франция не намерена отказываться от приобретения по Базельскому миру и не желает возвратить их союзникам, что сводило посредничество России к нулю. Таким оборотом дел, конечно, были чрезмерно довольны Австрия и Англия, желавшие втянуть в свои коалиционные сети Россию. Активная политика Директории только этому благоприятствовала. Прибытие в Петербург принца Фердинанда Вюртембергского, родственника императорской фамилии, имело большое влияние на укрепление в Павле антифранцузских чувств. В конце концов, Павел уступил и согласился на отправление 60—70 тыс. корпуса к границам Пруссии для обезвреживания последней. Мало-помалу воинственное настроение Павла все увеличивалось и увеличивалось. Не было только повода для решительного выступления России против Франции. Но и повод скоро явился. Наполеон по пути в Египет захватил остров Мальту, принадлежавший Мальтийскому ордену, и довольно резко обошелся с русским уполномоченным. Высылая его с острова Мальты, Наполеон объявил, что он потопит всякий русский корабль, приблизившийся к Мальте. Такое поведение Наполеона Павел считал прямым вызовом по отношению к России и к нему как покровителю Мальтийского ордена. Тогда Павел

стал усиленно готовиться к войне, но пока только этими приготовлениями да передвижением войск дело и ограничилось. Пока правительство собиралось перейти от слов к делу, Павел сделался великим магистром мальтийского ордена. Приняв звание, он дал торжественное обещание сохранять прежние права и преимущества ордена. Конечно, это обещание возлагало на Павла обязанность вернуть остров Мальту рыцарям.

Так была решена война с Францией. После этого Павел стал еще приветливее к австро-английским предложениям, и в конце 1798 года образование коалиции стало совершившимся фактом. В нее вошли, кроме России и Австрии, Турция, Англия и Неаполитанское королевство — все государства, немало страдавшие от наступательной политики Наполеона. Согласно условиям, Россия обязывалась послать 45-тысячный корпус в Голландию для восстановления ее самостоятельности, так как французское владычество в Голландии сильно отразилось на экономических интересах Англии. Содержание же посланного корпуса всецело падало на английское правительство. Для возвращения Ионических островов на помощь неаполитанскому королю отправились в Средиземное море русская и турецкая эскадры. На помощь австрийцам также были отправлены войска.

Среди союзников с самого начала военных действий не было согласия. Английское правительство, находя размеры субсидии, требуемой Павлом, чрезмерными, отказалось ратифицировать договор, заключенный Витвортом. Помимо этого русский вспомогательный корпус, посланный австрийцам, успел дойти до Брюнна, а в Австрии не было ни одного полка, готового выступить в поход. Естественно, Павел был раздражен поведением Англии и Австрии. Считая дальнейшие колебания Австрии ничем иным, как подстрекательством, Павел намеревался вернуть войска обратно в Россию, если только поведение Австрии не станет немедленно более определенным. Тем не менее австрийское правительство оттягивало начало военных действий

до тех пор, пока это было возможно, и только появление французских войск в Италии и связанная с этим возможность дальнейших территориальных сокращений Австрии прекратили колебания австрийского правительства. Тогда же, по его просьбе, Суворов был назначен командующим русским экспедиционным корпусом. Пока среди союзников не установилось единодушие и не выработался общий план действий, французское правительство, протестуя против вступления русских войск в Германию, вело переговоры в Берлине с Репниным, надеясь убедить русское правительство выйти из коалиции. Но это старание и доводы французской дипломатии оказались бессильными. Английские дипломаты немедленно парализовали все планы противников коалиции. Да к тому же в этот момент вопрос о субсидиях и вспомогательном корпусе был решен окончательно, и с этой стороны не было никаких недоразумений. Прусская партия была побеждена. Несмотря на отрицательное отношение Пруссии к коалиции, союзники, тем не менее, надеялись вовлечь и ее. Но специальная миссия Гренвилля с предложением субсидии со стороны Англии и военной помощи со стороны России не увенчалась успехом. Пруссия решительно отказывалась от участия в коалиции и не решалась разорвать дипломатические сношения с французским правительством. Тогда Павел послал ультиматум Пруссии с требованием ответа на вопрос, желает ли она действовать согласно с Россией или против нее. На это предложение, посланное 22 марта 1799 года, 2 апреля был дан ответ, что и на этот раз король не может прибавить ничего нового к предыдущим своим соображениям. Ответ прусского короля повлек за собою разрыв дипломатических сношений с Пруссией. Все русское посольство, во главе с Паниным, покинуло Берлин.

Военные действия союзных войск сосредоточились в северной Италии, где русские войска, под начальством Суворова, одержали ряд блестящих побед над французскими войсками. Удачно действовала и русско-турецкая эскадра на

Средиземном море. Ей удалось отнять у французов Ионические острова. Не совсем благополучны были действия экспедиционного корпуса в Голландии. Несмотря в общем на довольно благоприятную кампанию, среди союзников опять начались недоразумения. Прежде всего Павлу пришлось убедиться, впрочем, несколько поздновато, что его планы не сходятся с планами участников коалиции. Давая согласие на свое вступление в коалицию, Павел намеревался только восстановить политическое равновесие в Европе, нарушенное Наполеоном, и не думал о каких бы то ни было собственных выгодах. Союзники же надеялись с помощью русской армии вернуть утраченное, а если ход кампании будет удачен, то принять деятельное участие в разделе доставшегося им достояния. Уже это одно должно было охладить Павла по отношению к своим союзникам. Были и другие причины недовольства. На первом плане следует поставить недоброжелательное отношение австрийцев к Суворову, которого они неоднократно оставляли без всякой помощи и провианта. Благодаря невнимательности и поразительной небрежности австрийцев был разбит Римский-Корсаков только потому, что был лишен возможности соединиться с армией Суворова.

Вполне понятно, что такое отношение и оскорбляло Павла, и вызывало естественное раздражение против союзников-австрийцев. Расстраивались также и отношения с англичанами, впрочем, никогда не бывшие во время этой коалиции дружественными. Павла тревожили неудачные действия англо-русского корпуса, после которых русские войска были отведены на зимние квартиры на остров Джерси. Положение их было там очень тяжелым. И помещения были неудобные, и чувствовалась все время крайняя нужда в провианте и одежде. Ко всему этому присоединились еще недоразумения из-за острова Мальты. Англичанам удалось отнять его из рук французов. Вместо того чтобы возвратить его Мальтийскому ордену, англичане удержали его за собою. Это и явилось ближайшим поводом к разрыву

с англичанами. Заподозрив их в неискренности и преследовании целей, идущих в разрез с политикой России, Павел отозвал свои войска в Россию и приказал им немедленно оставить зимние квартиры. Так произошел разрыв Павла с союзниками — разрыв, неожиданный для союзников и неприятный для неответственных советников Павла, из числа «придворной камарильи», сумевшей извлечь для себя немалую выгоду из участия России в антиреволюционной коалиции. Так, в конечном итоге победа осталась за сторонниками союзных отношений с Францией. Одновременно с разрушением коалиции происходило сближение с Францией, в особенности с тех пор, как Наполеону удалось нанести австрийцам такое поражение при Маренго, после которого вся северная Италия снова очутилась в руках французов. Наполеон, после переворота 18-го брюмера став первым консулом, пользовался всяким поводом, чтобы заявить о своем расположении к Павлу. И нельзя отрицать, что действовал при этом очень искусно, подчеркивая нестактичность и неприязнь союзников к России и выставляя себя бескорыстным другом Павла. Наполеону нужно было во что бы то ни стало склонить Павла к союзу с Францией. Только лишив Англию помощи России, Наполеон мог надеяться на нанесение ей удара и отнятие у нее европейского рынка. Не открывая пока карт своей политической игры, Наполеон открыто делал предложение Павлу отдать Мальту в его руки, находя это более выгодным, «чем оставить ее в руках англичан». И с точки зрения своей политики, он был безусловно прав. Мальта в руках Павла была не опасна для Наполеона, так как интересы России на Средиземном море были ничтожны. Удачно льстя Павлу и оказывая ему услуги в виде возвращения в Россию 5 тыс. пленников с оружием в руках, Наполеон подготавливал франко-русский союз. Становясь на сторону последнего, русская дипломатия в лице Ф. В. Ростопчина надеялась произвести раздел Турции, при помощи Австрии, Франции и Пруссии создать греческую республику под протекторатом России и

остальных держав. Россия получала Румынию, Болгарию, Молдавию и Константинополь. Намечалась дальние экспедиция в Индию, которая должна была существенным образом подорвать значение Англии. В таком проекте много было фантастического, неисполнимого, тем не менее, он так же занимал Павла, как и Екатерину. Впрочем, от Павла не укрылось то обстоятельство, что едва ли Австрия, которой отдавались в жертву Сербия и Босния, отнесется равнодушно к такому территориальному расширению России. Наполеона же весь этот фантастический проект интересовал постольку, поскольку он мог прямо или косвенно задеть торговые интересы Англии и нанести ей так или иначе существенный экономический ущерб.

Благодаря этим переговорам между французским и русским правительством отношения настолько улучшились, что оба, Наполеон и Павел, обменялись любезными письмами, предлагали друг другу союз, чтобы «возвратить миру спокойствие и тишину» и привести Англию к раскаянию «в своем деспотизме и высокомерии». Поэтому несудивительно, что Павел вполне разделял основное положение поданной ему дипломатической записки, «что Англия вооружала попеременно угрозами, хитростью и деньгами все державы против Франции», и одобрял предполагаемое заключение союза с Францией. Победа французской дипломатии была полная, по она досталась Павлу слишком дорогой ценой. Еще до окончания переговоров с Францией Павел предложил Швеции и Дании союз, с целью защиты кораблей под нейтральным флагом. Это был так называемый «второй вооруженный нейтралитет». Швеция и Дания пошли навстречу Павлу, так как их внешняя торговля немало страдала от произвольных действий английских каперов. Эта же система должна была оставить Англию совершенно изолированной на море.

К концу 1800 года отношения России к Франции были окончательно выяснены. Колычев был послан в апреле 1801 года для окончательных переговоров о мире. Павел

оставлял за Францией Испанию и Португалию, но, со своей стороны, Наполеон должен был принять условие вооруженного нейтралитета. В случае войны Наполеон был обязан сделать морскую диверсию к берегам Англии, а Россия должна была отправиться в поход на Индию. Нечего и говорить, что предложение русского правительства более чем соответствовало планам Наполеона. Он был им очень доволен, так как наконец вырывал Россию из цепких рук Англии. Стали готовиться к войне, но пока русские войска делали последние приготовления к выступлению из Оренбурга через Хиву и Бухару в Индию, Павел 10 марта 1801 года, желая на море подорвать экономическую мощь Англии, запретил вступать кому бы то ни было в торговые сношения с ней без особого разрешения самого государя. Такое неожиданное прекращение торговых сношений грозило разорением страны и командующих классов. Оно же переполнило чашу терпения дворянства, и на необдуманное приказание, вредное для землевладельческого сословия, оно ответило 11 марта 1801 года. А его преемник на следующий день поспешил успокоить раздраженное дворянство и отменил опасный указ своего отца.

В. Пичета

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР I И РУССКИЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ НАЧАЛА XIX ВЕКА

I

Шарствование императора Александра I началось событиями ночи с 11 на 12 марта 1801 г. и закончилось пушечной пальбой 14 декабря 1825 г. Между смертью Павла I и расстрелом декабристов есть глубокая внутренняя связь; но социальная подкладка явлений была глубоко различна: в XVIII в. только революция лиц; в XIX в. имеются налицо признаки революционности настроений. Еще современники мрачной ночи с 11 на 12 марта 1801 г. и даже непосред-

венные участники драмы в Михайловском замке открыто указывали на «безрассудность разрыва с Англией, благодаря которому нарушаются жизненные интересы страны и ее экономическое благосостояние». Во мраке упомянутой ночи впервые выдвинулась на политическую сцену фигура царя Александра, а на утренней заре появились обманчивые признаки либеральных надежд...

Царь Александр родился в Петербурге 12 декабря 1777 г. Лирик В. П. Петров, императрицын библиотечный, приветствовал его рождение одой, в которой уверял, что

Ему поклонятся языки,
Днесь станут ране цвести древа,
Его почтут земны владыки...
Волков уже не будет боле...

Мальчик попадал в ужасную обстановку родственных отношений, построенных на начале кровавой мести; его окружала прекрасная внешность бесконечных наслаждений двора, среди которых танцы и флирт занимали первое место: он разрывался на части между императрицей-бабушкой и опальными родителями, приютившимися в солдатско-прусской обстановке Гатчинского двора. Мать Александра — императрица Мария Феодоровна -- подобно деду и бабушке, была также немецкого происхождения, вюртембергская принцесса Доротея-София-Августа-Луиза. Усвоив себе черты психологии своей немецкой родни, Александр I должен был испытать на себе приемы интернационального тепличного воспитания. Его нянькой была Прасковья Гесслер, англичанка, жена камердинера; главным воспитателем был назначен генерал Н. И. Салтыков, дворцовый угодник и льстец, буфер между петербургским и гатчинским дворами, ширма, за которой скрывалась сама императрица, очень высоко думавшая о своих дарованиях по части воспитательной. В 1793 г. Екатерина говорила своему секретарю А. В. Храповицкому, подчеркивая испорченность Павла и красоту Александра: «Какая разница между

воспитанием его и отцовским! Там не было мне воли сначала, а после по политическим причинам не брала от Папина. Все думали, что ежели не у Панина, так он пропал». Наконец, в 1784 г. к Александру был приставлен швейцарский гражданин Фридрих-Цезарь Лагарп, беспочвенный республиканец, носитель отвлеченных идей XVIII в., причем ему прежде всего поручалось говорить с воспитанником по-французски. Республиканизм Лагарпа не мог быть страшным; впоследствии, когда его в сущности уже никто не просил, он давал политически благонадежные советы относительно самодержавия и крепостного права. Наставником христианского закона, как тогда выражались, был приставлен А. А. Самборский, женатый на англичанке, бритый и щеголявший в светском костюме. О воспитании Александра должно сказать только одно: всему он учился сам, ибо выучить его ничему не могли, а старались словами внедрить в него то, чего на деле наблюсти было нельзя. С современной точки зрения ничего не может быть ужаснее такой школы. За время, пока он был цесаревичем *in spe*, ему не было возможности приобрести какие-либо серьезные и прочные знания; вместо науки господствовала фраза, вместо спокойной и разумной обстановки — кипучее разнообразие, бесконечная интрига и ничем не прикрытый цинизм временщицеской знати и ее прислужников... Сама императрица далеко не обманывалась относительно возможных результатов дворцового флирта и рано завязала сношения с Западом по части подыскания немецкой супруги для Александра. Еще 7 сентября 1783 г., когда «будущему венценосцу» пошел только седьмой год, баденский поверенный в делах, кавалер Кох, представил императрице записку о прелестях пяти маленьких дочерей наследного принца Баденского, из которых Луизе пошел четвертый год. По словам Коха, у пей были все качества: «*jolie, gracieuse, enjouée, elle prévient singulièrement du premier abord; la fraîcheur de son teint, ses cheveux blonds; de grands yeux bleus tres-expressifs, une bouche bien formée et sur laquelle le*

sourire le plus agréable est niche, offre un ensemble des plus piquants». В конце 1790 г. чрезвычайному посланнику и полномочному министру во Франкфурте-на-Майне графу Н. П. Румянцеву было поручено изучение баденского двора и особенно принцессы Луизы. Описывая Луизу и ее сестру Фредерику, Румянцев делает характерное замечание, что «изучать детей вообще очень трудно тому, кто мало их видит». Румянцев нашел, тем не менее, что Луиза «слишком развита для своих лет», а Фредерика развита «гораздо менее, чем бы ей следовало». Деликатная миссия Румянцева была проведена с полным успехом, и 31 октября 1792 г. обе баденские принцессы, и Луиза, и Фредерика, были привезены в Петербург. На Луизу пал окончательный выбор императрицы, и 10 мая 1793 г. по воле последней 15-летний Александр и 14-летняя Луиза были объявлены женихом и невестой. Тогда же отцу жениха, Павлу, нанесилось бестактное публичное оскорбление: сыну назначен был больший по составу двор, чем бывший у отца. Это обстоятельство не могло пройти незаметным для наблюдательного Александра. Ужас создавшегося положения для «будущего венценосца» был несколько понятен и для современника-воспитателя, который записал, что Александр «отстал нечувствительно для всякого рода упражнений, пребывание его у невесты и забавы отвлекли его высочество от всякого прочного умствования; положение — бесполезное для будущего времени». Другой современник, граф Ф. В. Ростопчин, рассказав о «необыкновенной пышности» жизни в это время, говорит, что второй малый двор составил из «глупцов и вертопрахов», что «историям нет конца» и что Александр, «окруженный тупоумными людьми, освоился с глупостью»... (Шильдер, 1, 82). Тот же Ростопчин выразил опасение, как бы эта женитьба не повредила Александру. 28 сентября 1793 г. состоялась свадьба Александра и Елизаветы... «C'est Psyché unie à l'Amour», — писала Екатерина принцу де Линю. Несколько иначе писал в своих записках А. Я. Протасов, помощник Н. И. Салтыкова: Александр

«прилепился к детским мелочам, а паче военным, и, следуя прежнему, подражал брату, шалил непрестанно с прислужниками в своем кабинете весьма непристойно; всем таким непристойностям, сходственным его летам, но не состоянию, была свидетельницею супруга... Хотя я и толковал, что поступки благородного человека не должны были походить на поступки низких людей, по все было без успеха». Александр, продолжает Протасов, завел интимные разговоры с некоторыми придворными кавалерами, которые должны были ввести его в круг весьма вредных вещей... «Причина сему — ранняя женитьба и что уверили его высочество, будто уже можно располагать самому собой». И Ростопчин, и Протасов особенно нападают на роль графини Шуваловой — «лукавейшая тварь, сплетница, кокетка», женщина, чуждая какой-либо «благопристойности» (Шильдер, I, 87-88). Шел день за днем, быстро миновали всякие следы брачного угара. Елизавета начинала оставаться одна, а мальчик-муж, «совершенно отстав от упражнений, назначенных с учителями, упражнялся с ружьем и в прочих мелочах, разными шутками с парикмахером Романом и прочими комнатными, — несвойственными никак с данным ему воспитанием... лень и нерадение совершенно делают ему вред». Отзывы Протасова и строги, и правдивы; они очень напоминают забавы Петра III, но по существу они еще ничего не доказывают, только рисуют условия, среди которых слагалась жизнь Александра-мальчика. Напротив, весьма ценно изучить, как Александр все-таки справился со многим в своей дальнейшей жизненной карьере, не потерялся и не погиб, подобно своему деду и своему отцу. Екатерина с самого рождения Александра страшно боялась возможности влияния па него отца; мальчик с первых проблесков своего сознания должен был разрываться между Зимним и Гатчинским дворцами, между экзотической теплицей и военной кордегардией, между блеском и величием Екатерины и приниженностью своего отца, между всесильными временщиками и на все готовыми дамами.

В Гатчине воскрес Петр III и вдохновил Александра: здесь были свои гатчинские войска с 1782 г., не современные и не русские, а немецкие; здесь жила старая Пруссия времен Фридриха II.

Из Гатчины Александр вынес увлечение фронтом, солдатской выправкой, экзерцирмейстерством, парадоманией; это было единственное его увлечение в жизни, которому он никогда не изменял и которое он бережно передал своему преемнику. В Гатчине же Александр нашел свою правую руку, своего сторожевого пса и горячего исполнителя своей воли, Алексея Андреевича Аракчеева, которого однажды сам же назвал под шумок мерзавцем. Мало того: из Гатчины Александр вынес критику Екатерининского царствования, то отрицательное к нему отношение, которое сохранял всю жизнь... В Гатчине же Александру говорили, что «с людьми следует обращаться, как с собаками». С 1780 г. отношения Екатерины к Павлу становились все более острыми; Александру приходилось все время быть настороже и лицемерить, лавируя между странностями отца и прихотями бабушки. К 90-м годам XVIII в. Павла ненавидела не одна Екатерина, об этой «ненависти и отвращении» к нему пишет Ростопчин. В 1791 г. уж был готов Екатерининский план лишить Павла престола; в 1794 г. Екатерина уже объявила о своем плане Совету. Павел не мог не знать о намерении императрицы лишить его престола в пользу Александра; он сгорал от негодования и ярости. Александр I тоже знал о намерении императрицы и очутился в совершенно невероятном положении. Намерению Екатерины не стал содействовать Лагарп, и его убрали из России. Лагарп уехал из России после аудиенции у Павла 27 апреля 1795 г. Павел, приходивший в содрогание при одном слове *якобинец*, обнял республиканца Лагарпа и подарил ему свои перчатки, чтобы тот мог пройти полонез с великой княгиней Марией Феодоровной, его женой... Лагарп заклинал Павла быть другом Александра, его сына, и всегда обращаться к нему открыто и прямо, а не через третьи ли-

цо. Лагарп плохо знал своего воспитанника. Воспитанник писал недурно и обольстительно. В письме от 21 февраля 1796 г. Лагарп читал о намерении Александра «отказаться впоследствии» от престола и своего звания, которое «с каждым днем становится для меня все более невыносимым по всему, что делается вокруг меня; непостижимо, что происходит: все грабят, почти не встречаешь честного человека, это ужасно». Та же тема повторяется в письме к графу В. П. Кочубею от 10 мая 1796 г. и повторяется, если позволительно так выразиться, механически, несколько не выражая сущности настроений Лагарпова воспитанника. Особенно странно читать слова: «придворная жизнь не для меня создана». Блистать же было несомненной страстью Александра.

От престола, писал он Кочубею, «я дал себе клятву отказаться тем или другим способом» и, предусмотрительно указав, что «не могу еще положительно назначить время сего отречения» (Лагарпу было сказано несколько иначе, но столь же предусмотрительно), продолжал в таком тоне: «в наших делах господствует немоверный беспорядок; грабят со всех сторон; все части управляются дурно; порядок, кажется, изгнан отовсюду, а империя стремится лишь к расширению своих пределов; при таком ходе вещей возможно ли одному человеку управлять государством, а тем более исправлять укоренившиеся в нем злоупотребления?» Стоит перейти от этого письма к запискам Чарторыйского, чтобы явственно представить себе, какая бездна ловкости и дипломатии скрывалась в Александре, и навсегда отказаться от мысли, что у Александра будто бы не было ни железной воли, ни удивительной способности обольщать людей. Само собою разумеется, что в беседе с Адамом Чарторыйским критика Екатерининской политики была столь же резка, насколько горяча была его страсть к великой Польше и к ее славному герою Костюшко. Князь Адам в первое время таких бесед просто почувствовал себя находящимся в каком-то невероятном чаду. И как горько он должен был разочароваться гораз-

до позднее! Правда, он уже тогда слышал восторженные возгласы Александра: это по-нашему, по-гатчипски. Как эти слова в устах Александра не согласовались с его фразой о даче на Рейне и тихой сельской обстановке! В переписке и беседах была одна несомненная правда: Александр I отрицательно относился к Екатерине: он был сыном своего отца и слишком хорошо помнил судьбу своего деда. Екатерина революционным путем вступила на престол в 1762 г.; в 1796 г. она умирала, обдумывая новый революционный шаг и принимая уже надлежащие действия. 16 сентября она объясняла Александру всю необходимость в интересах государства лишить престола Павла, его отца, и представила ему на просмотр все бумаги, относящиеся к делу. Александр вместо Павла должен был стать цесаревичем и 24 сентября 1796 г. отвечал Екатерине письмом с выражением своей глубокой признательности за дарованные ему императрицей милости, т. е. выражал свое согласие на устранение Павла, его отца, от престола и на предоставление престола непосредственно ему мимо отцовской очереди.

6 ноября 1796 г. не стало Екатерины, на престол вступил измученный, перепуганный, истерзанный сомнениями

и страхами Павел; Александр стал цесаревичем на 19-м году своей жизни... Эта недолгая жизнь среди водоворота, бурлившего между Екатериной и Павлом, научила Александра очень многому; при императоре Павле образование его характера было закончено. С 7 ноября 1796 г. вахт-парад или развод, по словам Шильдера (I, 140), «приобрел значение важного государственного дела и сделался на многие годы непременно ежедневным занятием русских самодержцев». Цесаревич Александр с жаром и страстью отдался вахт-па-

*Великий князь
Александр Павлович*

радиному делу, работая на этом поприще вместе с «гатчинским капралом», генералом Аракчеевым; Александр вместе с тем был назначен полковником Семеновского полка, сыгравшим в его биографии столь большую роль. А. С. Шишков с негодованием писал: «Все пошло на прусскую статью — мундиры, большие сапоги, длинные перчатки, высокие треугольные шляпы, усы, косы, пукли, ордопанс-гаузы, экзерцир-гаузы, шлагбаумы и даже крашение, как в Берлине, пестрою краскою мостов, будок и проч. Сие уничижительное подражание пруссакам напоминало забытые времена Петра III». Увлекаясь сам марсоманией, Александр очень и очень наблюдает окружающее его общество и чутко прислушивается к его голосу, справедливо подмечая в этом голосе угрожающие тона. Уже 27 сентября 1797 г. он пишет Лагарпу письмо, которое лишний раз подчеркивает любовь Александра к фразе, которая могла бы обольщать, и к манере вечно казаться чем-то, чем угодно, но только не самим собой. Письмо драгоценно, как первоисточник, по которому можно судить о настроениях, бродивших тогда среди петербургских кругов, как свидетель определившегося разрыва между отцом и сыном. Сын вспомнил слова не любимой им бабушки Екатерины: Павел царствовать не может. Александр пишет Лагарпу, что посылает к нему Н. Н. Новосильцова «с исключительною целью повидать вас и спросить ваших советов и указаний в деле чрезвычайной важности — об обеспечении блага России при условии введения в пей свободной конституции». «Вам известны, — писал далее Александр, — различные злоупотребления, царившие при покойной императрице; они увеличивались по мере того, как ее здоровье и силы, нравственные и физические, стали слабеть... Мой отец по вступлении на престол захотел преобразовать все решительно. Его первые шаги были блестящими, но последующие события не соответствовали им. Все сразу перевернуто вверх дном, и потому беспорядок, господствовавший в делах и без того в слишком сильной степени, лишь увеличился еще. Военные почти

все свое время теряют исключительно на парадах. Во всем прочем решительно нет никакого строго определенного плана. Сегодня приказывают то, что через месяц будет уже отменено. Доводов никаких не допускается, разве уж тогда, когда все зло совершилось. Наконец, чтоб сказать одним словом — благосостояние государства не играет никакой роли в управлении делами: существует только неограниченная власть, которая все творит шиворот-навыворот. Невозможно перечислить все те безрассудства, которые совершались здесь; прибавьте к этому строгость, лишенную малейшей справедливости, немалую долю пристрастия и полнейшую неопытность в делах. Выбор исполнителей основан на фаворитизме; заслуги здесь ни при чем. Одним словом, мое несчастное отечество находится в положении, не поддающемся описанию. Хлебопашец обижен, торговля стеснена, свобода и личное благосостояние уничтожены». Особенно знаменательна дальнейшая фраза, которая своим несоответствием с истинными вкусами Александра бьет в глаза чересчур резко. «Я сам, обязанный подчиняться всем мелочам военной службы, теряю все свое время на выполнение обязанностей унтер-офицера, решительно не имея никакой возможности отдаться своим научным занятиям, составлявшим мое любимое времяпрепровождение». Протасов категорически заявляет, что Александр никаким научным занятиям не предавался, интересуясь совсем другим... Еще характернее дальнейшая фраза... О даче на Рейне ни слова. Напротив, цесаревич отрекается от своей прежней мысли, точнее от своей прежней фразы «покинуть свою родину». Он жаждет престола, жаждет власти и абсолютного первенства. «В настоящее время,— пишет он Лагарпу,— я не предвижу ни малейшей возможности к приведению их в исполнение, а затем и несчастное положение моего отечества заставляет придать моим мыслям иное направление. Мне думалось, что если когда-либо придет и мой черед царствовать, то, вместо добровольного излияния себя, я сделаю несравненно лучше, посвятив себя зада-

че даровать стране свободу и тем не допустить ее сделаться в будущем игрушкою в руках каких-либо безумцев. Это заставило меня передумать о многом, и мне кажется, что это было бы лучшим образцом революции, так как она была бы произведена законною властью, которая перестала бы существовать, как только конституция была бы закончена, и нация избрала бы своих представителей». Итак, «даровать России свободу и предохранить ее от поползновений деспотизма и тирании — вот мое единственное желание». Важно не содержание этого письма, а его практическое последствие. С момента появления на свет этого письма Павел был в очевидной опасности. Его устранение от престола стало простым вопросом дня. Ведь еще во время коронационных торжеств цесаревич Александр поручил князю Адаму Чарторыскому составить проект манифеста на случай вступления на престол Александра с возвещением его намерений изменить политический строй России. Одновременно с фразами о конституции росла дружба с Аракчеевым: «гатчинский капрал» так много трудился за шефа Семеновского полка, что не мог не быть для цесаревича, рвавшего всю душу к престолу, безусловно необходимым. В письмах цесаревич неизменно называл Аракчеева своим любезным другом, а на параде 1 октября 1799 г. в виду всеобщей радости по случаю отставки Аракчеева он публично назвал его иначе. Узнав от П. А. Тучкова, что вместо Аракчеева назначен Амбразанцев, цесаревич заявил: «Ну, слава Богу, эти назначения настоящая лотерея, могли бы напасть опять на такого мерзавца, как Аракчеев». Ровно через две недели цесаревич из Гатчины писал Аракчееву письмо (от 15 октября 1799 г.), где называл его своим другом и уверял его в своей «непрестанной дружбе». Спустя немного времени цесаревич Александр при Павле очутился в роли цесаревича Павла при Екатерине. Павел открыто стал приближать к себе принца Евгения Вюртембергского, племянника императрицы Марии Феодоровны, и доверил барону И. И. Дибичу свое намерение усыновить принца Ев-

жения, а сыну Александру лично напомнил историю царя Петра I и царевича Алексея Петровича. Этою беседой Павел открыто разрывал с сыном. В 1800 г. возможность заговора против Павла была очевидной, и граф Н. П. Панин говорил о том с цесаревичем. Цесаревич, казалось, жил незаметно среди резко крепчавших волн ропота и недовольства и всего больше сходил с офицерами Семеновского полка, который как раз сыграл главную роль в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. Вознесенный милостями Павла с.-петербургский генерал-губернатор, граф П. А. фон дер Пален становился все ближе и ближе к цесаревичу... и последний дал Палену карт-бланш действовать по его усмотрению. Так Александр вступил на путь, обычный для XVIII века и не раз испробованный русским дворцом этого века. Но о дальнейшем не рассказать лучше, чем то сделано великим князем Николаем Михайловичем (в книге «Император Александр I. Опыт исторического исследования». СПб. 1912); относительно этого усмотрения Палена в названной книге говорится вполне ясно: «Что это означало? Да просто согласие наследника на исполнение заговора. Раз заговор был решен, началась серия жутких дней, потому что без ведома Александра граф Пален действовать не собирался. Нагляднейшим примером их отношений служит следующий эпизод... Ночное настушение на Михайловский замок было решено предварительно в ночь с 9 на 10 марта. Когда о сем было доложено Александру, он заметил Палену, что 9 марта было бы рискованно действовать, ибо в дворцовом карауле находятся преданные государю преображенцы, а что с 11 на 12 марта будет там по очереди караул от 3-го батальона семеновцев, за преданность которых ему, Александру, он ручается... Граф Пален не сразу согласился отложить назначенное предприятие и заявил наследнику, *qu'il y avait de vos jours*, и что весь заговор может быть раскрыт за эти два дня. Но Александр стоял на своем, и Пален, признав доводы основательными, согласился отложить злополучное дело до ночи 11 марта. Тем не менее и Пален ока-

зался отчасти правым, так как 10 марта Александр вместе с братом Константином были арестованы во дворце домашним арестом. Словом, для каждого было ясно, что готовилось что-то необычное...» (стр. 7 и 9). Далее автор категорически утверждает, что Александр «знал все подробности заговора, ничего не сделал, чтобы предотвратить его, а, напротив того, дал свое обдуманное согласие»... Результатом заговора были смерть императора Павла и вступление на престол Александра I.

II

Император Александр вступил на престол 12 марта 1801 г. на 24-м году своей жизни; он прошел в совершенстве дворцовую школу XVIII в. и гатчинскую выправку. Царь Александр родился в Петербурге, долго жил среди немецких и интернациональных впечатлений; он не имел ни возможности, ни охоты изучить Россию и русских и навсегда сохранил о последних воззрения довольно отрицательные. Царь был отличный дипломат, умел не теряться при всяких обстоятельствах, умел пользоваться людьми в своих исключительно интересах; он любил и обожал свое собственное «Я», охранял его всеми способами, которыми только можно было; от бабушки он перенял страсть к блеску, от деда — увлечение военщиной; от отца перешло к нему незаметное для современников свойство: никто не мог положить на него безнаказанно и бесконечно. Кажется, только один граф Аракчеев чуял это последнее свойство и до конца скрывал от Александра свою душу, не переставая льстить безумно и недостойно унижаться, несмотря на все милости. У Александра не было и тени сколько-нибудь прочного элементарного научного образования; у него не было ни времени, ни желания что-нибудь изучить серьезно; люди, общество, государство существовали или должны были существовать только для него или ради него. Жить без

славы и без блеска, жить без всеобщего преклонения, поклонения и дифирамбов было для него непонятно и ненужно. Ради них все приносилось в жертву. Никакого личного укола он не переносил, а ради апофеоза «Я» и его сохранения Александр мог идти на уступки и скрывать свою ненависть к лицам под маской очаровательной улыбки.

*Император
Александр I*

Молодые люди и женщины были от него без ума. Царь любил красоту и внешний порядок. Надо, чтобы жизнь была красивой, чтобы красива была вся обстановка, надо безудержно смести с дороги все, что могло нарушить эту красоту. При вступлении на престол Александр отнюдь не был неопытным, не установившимся в своих воззрениях молодым человеком. Царь Александр был неизменно горд, отличался удивительно блестящим в известных пределах умом, был художником в уменье строить свою жизнь. О нем нельзя сказать, чтобы он чувствовал когда-нибудь биение общественного пульса, но он всегда умел и мог приостановиться, когда замечал в обществе громаду физической силы, могущей его раздавить. Он умел не столько выбирать людей, сколько пользоваться ими; используя, он начинал тяготиться и отбрасывать от себя ненужный материал смело и с достоинством. Он не выносил никаких проявлений внешней несогласованности действий и порядка; преследовал за это неумолимо и бесконечно, доходя до невероятной щепетильности и мелочности. В достижении поставленной цели он был упорен, как никто; его нельзя было остановить какими-либо соображениями; его воля представлялась ему божественной силой, пред которой должно было присмиреть все. Он так и умер, не признав всей тщеты затеи военных поселений, на которой сгубил окончательно остатки

своей репутации граф Аракчеев. Александр чувствовал к толпе горделивое отвращение, к возражениям знати — крайнее презрение и болезненно развитое обожание своих прерогатив. Признавая вначале известную сумму необходимой с своей стороны деятельности в сфере государственного управления и устройства, он позднее уже не считал этого своей неперемнной обязанностью и сумел главную массу государственной работы перенести на Аракчеева, который закрыл своею фигурой царя и выпес на своих плечах все удары неблагоприятного населения. Аракчеев сыграл и другую роль. Пережив своего «батюшку» и «благодетеля», он продолжал нести на себе грехи Александра, которые только в новейшей историографии получают надлежащее освещение. До самого последнего момента несколько более свободного научного исследования на Аракчеева лишь нападали, а Александра безудержно славословили или причисляли к разряду неразгаданных натур. Нельзя не признать, что положение царя Александра в начале XIX в. было не из легких, тем не менее он сумел удержаться на престоле и проявил немало такта, ловкости и лукавства в сношениях со множеством лиц, его окружавших. А. С. Пушкин заметил в своих записках, что царь первое время «был окружен убийцами своего отца» и что он «должен был терпеть и прощать». Пушкин прав, что царь «должен был терпеть», и царь прекрасно умел терпеть, пока то было необходимо; до нас не дошло, к сожалению, документов, чтобы в то же время Александр умел и прощать. Александр должен был соблюдать наружное спокойствие, полное самообладание, такт. Правда, князь В. М. Яшвиль был удален к себе в деревню с воспрещением появляться в обеих столицах, но он никогда не был прощен, а так и умер у себя в деревне. Фельдмаршал Кутузов поручил один отряд, сформированный большею частью из ополчения, князю Яшвилю. Когда об этом узнал царь, он собственноручно и немедленно, в опасные дни 1812 года, написал фельдмаршалу выговор: «с крайним удивлением увидел я из одного из ра-

портов ваших, что вы употребили на службу находящегося в ссылке известного Яшвиля, невзирая на донесение, которым губернатор известил вас, что он под присмотром. Вы сами себе приписали право, которое я один имею, что поставляю вам на замечание, предписываю немедленно послать Яшвиля сменить и отправить его в Симбирск под строгий надзор к губернатору». Посылая эту бумагу для направления по адресу графу Аракчесву, царь написал карандашом на обложке: «какое канальство!» В книге великого кня-

Граф А. А. Аракчеев

зя Николая Михайловича (стр. 16—18) высказано предположение, что князь Яшвиль навлек на себя опалу государя своим вызывающим письмом к последнему; это письмо — живой показатель того, при каких условиях произошло вступление царя на престол и до чего могли доходить некоторые из членов заговора 1801 г. По словам великого князя Николая Михайловича (стр. 17), Яшвиль, между прочим, писал: «Бог правды знает, что наши руки обагрятся кровью не из корысти. Пусть жертва не бесполезна. Поймите ваше великое призвание: будьте на престоле, если возможно, честным человеком и русским гражданином! Поймите, что для отчаяния есть всегда средство, и не доводите отечество до гибели. Человек, который жертвует жизнью для России, вправе вам это сказать». Если можно еще представить себе письмо впавшего в экзальтацию князя Яшвиля, то

какой бестактностью отдает от письма Лагарпа, очевидно, не сумевшего понять ни умоначертания, ни психологии своего воспитанника. Лагарп в письме от 30 октября 1801 года говорит царю о необходимости суда над участниками злодеяния. «L'assassinat d'un Empereur au milieu de son palais, dans le sein de sa famille, ne peut demeurer impuni sans fouler aux pieds les lois divines et humaines, sans compromettre la dignité impériale, sans exposer la nation à devenir la proie des mécontents assez audacieux pour se venger du monarque, disposer de son trône et forcer son successeur à leur accorder l'impunité». Александр прочитал это письмо, не мог не признать отвлеченной правоты утверждений Лагарпа, но не пошел по опасному для него пути советов пылкого швейцарского гражданина. Тем не менее подобного рода послания не могли не быть тяжелыми психологическими ударами для Александра, и даже сохранение внешнего самообладания могло быть моментами крайне затруднено. Царь получал, однако, послания, которые соответствовали ходячим тогда представлениям о его либерализме. В данном случае в Александре многие современники видели лишь то, что им хотелось видеть, но провозглашать его каким-то официальным глашатаем либерализма в России по меньшей мере неосторожно.

III

Начало XIX столетия является на Европейском континенте ареной крупных событий. То было время, когда в разных формах пытались подвести итоги Великой революции, оперируя в значительной степени старыми средствами в изменившейся социально-экономической обстановке. Продолжая стоять так или иначе на политических основаниях, стремились двинуть в ту или другую сторону разрешение совершенно новых назревавших или назревших социально-экономических вопросов. И писатели, и правительство, кото-

рые вели политическую игру, все-таки не переставали вращаться в области последних, а тем или другим их решением, или обсуждением вступали в характерные течения, получившие прозвания *реакции и либерализма*. Именно с этого времени начинается та бесконечная и шумная игра терминами реакция и либерализм,— игра, которая в конечном счете немало содействовала потемнению общественного сознания, прежде чем последнему удалось расстаться с ними и заговорить открытым и выразительно-ясным языком борьбы классовых интересов,— борьбы за социальное равенство и экономическую свободу. Либерализм сам по себе, как течение в сторону политической и религиозной свободы, как течение, пренесполненное фразами о правде и законном порядке и порицаниями бесправия и произвола, везде равно был бессилён сам в себе и нигде не мог сделаться лозунгом народных масс, для которых хлеб всегда был и будет дороже самой блестящей по красоте либеральных идей фразы о народной свободе в тусклом освещении так называемого правового порядка. Учебник всеобщей истории, трактующий Новое время, начинает изображение девятнадцатого столетия с заголовка *реакция и либерализм*, связывая с этими терминами неоправдываемое в действительности решающее значение и различая их на самом деле формально, а не по существу. Между тем эти термины настолько сбивчивы в своем различии, что не могут быть мерою оценки действительных явлений. Это замечание надо признать настолько бесспорным, насколько осязательно то, что в одном и том же лице могут мирно уживаться оба эти течения, и притом одновременно. В этом случае чрезвычайно ценным объектом для исторических наблюдений является российский либерализм начала XIX в.

В романтические дни первых мгновений царствования Александра к нему обратился с длинным и трескучим посланием дворянин В. Н. Каразин. Послание Каразина было найдено царем 22 марта 1801 г. на его рабочем столе в кабинете. Оставляя в стороне лирическую сторону послания, вылавливаем сущность Каразинского либерализма. Автор

глубоко верит в творческую силу правительства: что оно захочет, то и сделает из нас. «Народы всегда будут то, чем угодно правительству, чтоб они были. Царь Иван Васильевич хотел иметь безответных рабов, с ним подлых, между собою жестокосердных: он имел их. Петр Первый желал видеть нас слепыми подражателями иностранным: к несчастью, мы с излишеством таковыми стали. Премудрая Екатерина начала образовывать россиян. Александр, любимец парода, довершит великое сие дело». Так как правительство все может, а Александр хочет благотворить отечество, то последнее безусловно верит, что царь продолжит и завершит образование россиян из сорока миллионов человек, «искони привыкших беспредельно чтить власть, вне которой они не могут представить себе блаженства; одного взора их помазанников часто довольно, чтоб разлить повсеместную радость, и, конечно, одного веления, чтоб устроить счастье, каковым только человек на земле наслаждаться может». Царь, конечно, окружает себя «соном мужей мудрых», но так как он единственный источник всего, единственная надежда, то автор не мог не «повергнуть» этого послания перед царем, как «лепту вдовы в сокровищницу». Итак, царь «раскроет напоследок великую ту книгу судьбы пашей и наших потомков, которую лишь указал перст Екатерины». Далее Каразии спешит раскрыть перед царем эту книгу судьбы пашей, которую нельзя здесь представить иначе, как в подлинных словах самого автора послания: всякий пересказ смысл бы колорит и краски эпохи. Александр, пишет Каразии, «даст нам непреложные законы, клятвою многочисленных племен своих подданных утвердит оп их в роды родов, оп скажет России: се предел самодержавия моего и моих наследников, нерушимый во веки!.. И Россия войдет, наконец, в число держав монархических, и железный своенравия скипетр не возможет сокрушить скрижалей се завета». Столь сложное политическое преобразование, как смена самодержавной деспотии монархией, не может произойти сразу; медленность долж-

на обусловиться тем, что царь «вопросит совета у мужей мудрых, счастливою для нас судьбою поставленных близ его, и других, которых глас из отдаленнейших краев его государства истину поведать ему станет; он спросит о ней у законодателей мира древних и новых: с светильником беспристрастия пройдет творения их, сообразит оные с обстоятельствами своего народа, с его правами, обычаями, религиею, с местным его положением, с просвещением своего века напоследок; он составит коренное учреждение, изберет ему блюстителей и, оградив их личную безопасность, поставив вне сферы честолюбия и боязни, уделит им избыток своей власти па охранение святых законов отечества. Он ведает, что доверенность к правительству, утверждаемая известностью непременных законов, одна рождает взаимную доверенность граждан между собою, что она есть жизнь промыслов, мать общественных добродетелей и источник благоденствия. Он положит единойжды твердое основание государственному достоянию, изочтет богатства своих обширных владений, определит возможности и повинности подданных всякого состояния и скажет: «сим обязаны вы взаимно между собою, сим обязаны казне, сим обязаны престолу моему — ни более, ни менее, кроме чрезвычайных нужд государства». Не средства к новым на народ налогам велит он изобретать для бесконечного умножения доходов, но с благоволением примет те, кои клониться будут к уменьшению расходов. Он ограничит издержки, которые не служат к пользе империи и не возвышают блеска венца его: уменьшит двор свой, изженет из него сонмы ласкателей и прислужников, бесстыдно мечтающих, что достояния империи им принадлежат, и что они преимущественное имеют право на милости государя по одному тому, что случай поставил их близ его особы... Вообще будет он дорожить произведением кровавого пота подданных, посвященным на пользу общую, и моральное изящество будет первейшим его предметом». Политическая программа Каразина изложена здесь темно по внешности,

но определенно и ясно по существу. Символически рисует автор образ конституционной монархии и не замечает, как резко впадает он в противоречие с самим собой: он исповедует абсолютную веру в абсолютное правительство и в то же время умоляет отставить самодержавие. Изложение Каразина пестрит конкретными и выразительными намеками на отрицательные детали существующего строя; автор далек от того, чтобы ограничиться мечтами о «непреложных законах» и «коренном учреждении»; он пытается набросать картину внутренней и внешней политики российского конституционного монарха, лишенного уже «железного своенравия скипетра». Царь, взывает Каразин, «не удостоит занять себя подробностями и иждивать на мелочи драгоценное время, в которое едва-едва вместиться могут всеобщие попечения владетеля пространнейшей империи в свете; даст правильное движение главнейшим колесам государственного состава, и все прочие потекут правильно». Для нового политического строя, для понимания всей красоты законности необходимо народное образование. Над народом, как, с излишней самоуверенностью, полагал Каразин, «наиболее силы» имеет духовенство, вследствие чего на последнее надо обратить внимание, «учреждая для него гимназии, удаленные от тяжелых начал древней схоластики, и предоставляя отличия и награды не тем из проповедников, которые с пиитическим восторгом станут его (т. е. царя) величать в городских храмах, но тем, которые докажут опытами влияние, какое они имели на благонравие своих паств, тем, которые, учредив училища, не ленились преподавать в них будут чистое учение Христово и своим примером наставлять должностям человека-гражданина. Таким образом, не жезл, денно-нощно властию поднятый, заставит исполнять законы, но, гораздо действительнее, собственное уверение каждого в их пользе. Таким образом, законы будут охраняемы правами и нравы — законами». По вопросу социальному Каразин менее ясен: в своем послании царю он не идет далее смены рабовладения

крепостным правом, отражая этим воззрения большого круга лиц, не исключая либерально настроенных. Царь, пишет Каразип, «обеспечит существование помещичьих крестьян, поставив пределы их зависимости, и сим даст им средства вкушать иногда, в воздаяние трудов своих, сладость жизни, не прибегая к своеволию, питьям, оглушающим чувства, и другим приемам, свойственным отчаянию и неключимому рабству». В области экономической политики Каразин рекомендует покровительственные приемы правительства применительно к земледелию и промышленности. Широко и разумно должна быть поставлена колонизация страны, отнюдь «не насильно исторгая семейства из домов их и переселяя скоропостижно за целые тысячи верст в страны, по одной своей безвестности уже страшные для них и действительно смертоносные по чрезвычайному различию климатов, но из соседственных населеннейших мест вызывая и ободряя льготами». Земледельцев надо поощрить назначением «торжественных наград». Пусть такие награды получают те земледельцы, которые «отличились их редкими примерами благонравия, или трудолюбием, изобретением или введением новых способов, или, наконец, засевом и возвращением растений, до того чуждых их стране». «Рукоделия,— продолжает Каразин,— и здесь, как и во всем его изложении, сквозят конкретные намеки на отрицательные стороны существующего,— возбуждать он (т. е. царь) станет не самовластным скоропостижным запрещением ввоза иностранных произведений (можно сохранить отечественную пользу с миролюбием к чужим народам), но привилегиями, данными мануфактурам и фабрикам, какие теперь еще существуют, наипаче ж снятием налогов, разоряющих их и отнимающих охоту заводить новые. И тогда внутренняя торговля, усилясь от успехов хлебопашества и рукоделий, в течение немногих лет, сама собою, без всяких насильственных приемов возвысит внешнюю в нашу пользу и, уменьшив надобность в иностранных товарах, возвысит достоинство российских

и, следовательно, цену российских денег». Конечно, для всех успехов в области промышленности и торговли необходимо «сохранить мир с державами». Не разрешая социального вопроса, не создавая условий для развития вольнонаемного труда, нельзя было ожидать и категорического роста торговли и промышленности, и в данном случае Каразии здесь возвращается к своей предпосылке, что доброжелательное и разумное правительство может создать все.

Такова была дворянская программа Каразина. Либеральный царь, еще прежде чем прочитать эту программу, открыл целый поток указов и повелений, о которых подобно Екатерине II в 1762 г. Александр I в 1801 г. мог бы сказать, что они единственно склонялись «к восстановлению всего того, что в государстве по сие время противу доброго порядка вкоренилось». С исторической точки зрения прямо ценно перечислить все эти планы либерализации тогдашнего правительства «по желанию всех наших верно-подданных, а наипаче лейб-гвардии полков», как выразилась бы чистосердечно императрица Елизавета. Вот этот характерный поток правительственных распоряжений:

14 марта 1801 г.: снятие запрещения на вывоз разных продуктов и товаров из России.

15 марта: восстановление дворянских выборов и амнистия беглецам, укрывшимся в заграничных местах, с преданием забвению всех их вин, кроме смертоубийства.

16 марта: снятие запрещения на привоз в Россию разных товаров из чужих краев.

17 марта: отмена в губернских городах ратгаузов, а в уездных ордоианс-гаузов.

19 марта: предписание, чтобы полицейские чиновники отнюдь из границ своей должности не выходили, а «тем не менее не дерзали причинять никому никаких обид и притеснений».

22 марта: о свободном пропуске сдущих в Россию и отъезжающих из нее.

24 марта: отмена запрещения на вывоз за границу хлеба и вина.

31 марта: отмена запрещения ввозить из-за границы книги и музыкальные ноты; повеление распечатать частные типографии, закрытые указом 5 июня 1800 г., и дозволение им печатать книги и журналы.

2 апреля опубликовано пять манифестов: о восстановлении жалованной грамоты дворянству; о восстановлении жалованной грамоты городам; о свободном пропуске российских произведений за границу и об оставлении сбора пошлин с них на прежнем основании; об улучшении участи преступников и о сложении казенных взысканий до 1000 руб.; об уничтожении Тайной экспедиции и о ведении дел, в ней производившихся, в Сенате, ибо в благоустроенном государстве «все преступления должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общею силою закона». В манифесте об уничтожении Тайной экспедиции сказано, что в благоустроенном государстве «все преступления должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общею силою закона». Надлежит поручить «единому действию закона охранение имени нашего и государственной целостности от всех прикосновений невежества и злобы».

8 апреля: уничтожение виселиц, поставленных в городах при публичных местах, чтобы прибывать к ним имена провинившихся лиц.

22 мая: «священников и диаконов, в уголовные преступления впадших и судом обличенных, от телесного наказания освободить».

18 мая: генерал-прокурор А. А. Беклешов сообщил президенту Академии Наук указ, дабы «объявление о продаже людей без земли ни от кого для припечатания в ведомостях принимаемо не было».

18 января 1802 г.: Военной коллегии объявлено, чтобы «отныне впредь употребляемую комиссиями военных судов в некоторых приговорах речь, нещадно, касательно наказания, в приговорах не употреблять».

Приведенный перечень требует некоторых пояснений. В нем нет ни одной сколько-нибудь серьезной политической меры по существу. Все это меры, предпринятые в интересах дворянского хозяйственного и частью культурного благополучия. Дворянство устремилось, сколь можно шире, воспользоваться первыми днями Александровского царствования, пока еще не исчез тяжелый призрак ночи с 11 на 12 марта 1801 г. Для народа в ближайшем смысле этого слова, конечно, ничего не было сделано, да и не могло быть что-нибудь сделано при тогдашних условиях. Для дворянства и городов было восстановлено действие Екатерининских грамот 1785 г. Рабовладение не могло лишиться своих ужасов только благодаря тому, что в академической газете не стали принимать объявлений о продаже крестьян без земли; полиция не могла изменить своих традиционных отношений к обывателю только потому, что какой-то указ, забытый в день его опубликования, рекомендовал никому не причинять никаких обид и притеснений; неприкосновенность личности не получила реального бытия оттого, что теперь стало позволительным выписать из-за границы ноты нового романа; уничтожение Тайной канцелярии было одним лицемерием, ибо скоро (5 сентября 1805 г.) появился особый «Комитет для совещания по делам, относящимся к высшей полиции», который должен был иметь попечение «о сохранении общественного спокойствия и тишины», получать «немедленно и исправно сведения» о подозрительных людях и собраниях, о «разглашаемых в городе слухах и известиях, опасение и тревогу наводящих», а также «чрез сношения с дирекцією почт получать немедленные и верные сведения о подозрительных переписках». Комитет этот был учрежден совершенно секретно и по инструкции должен был действовать так, чтобы никто и не подозревал об его существовании. «Я желаю,— сказал император Александр в 1805 г.,— чтоб учреждена была la haute police, которой мы еще не имеем и которая необходима в теперешних обстоятельствах». Указом Сена-

ту от 13 января 1807 г. учреждение это было преобразовано в постоянный «Комитет охранения общей безопасности», в состав которого вошли князь П. В. Лопухин, Н. Н. Новосильцев и А. С. Макаров, который был когда-то преемником Шешковского по Тайной экспедиции. Н. Н. Новосильцев был как раз сочинителем записки, положенной в основу учреждения, ведавшего политическую полицию. Комитет, между прочим, должен был ведать такие дела:

1) О лицах, подозреваемых в переписке с неприятелем и зловердных разглашениях.

2) О разглашаемых слухах относительно восстановления Польши.

3) Возбуждение народа слухами о вольности крестьян.

4) О распространяющих в народе ложные и вредные слухи по поводу военных событий (иначе говоря, запрещалось интересоваться подробностями Аустерлицкого боя).

5) Составление и распространение возмутительных воззваний, вредных сочинений и проч.

6) О тайных обществах и запрещенных сходбищах.

7) О различных представляемых правительству проектах победы над неприятелем, расширения владений, открытия людей злонамеренных и проч.

8) О вредных книгах.

Комитет уже 19 февраля 1807 г. заявил о необходимости особой канцелярии, дел много, «ибо начинают присылать их из всех мест». Такова была обратная сторона правительственного либерализма начала XIX в., которая станет еще понятнее, если принять во внимание, что в 1801 и 1802 гг., когда изливался перечисленный выше поток указов, император Александр уже с 13 марта 1801 г. продолжал неизбежный утренний вахт-парад в Павловском стиле; он не решился уничтожить солдатские косы и только разрешил обрезать букли. Военный генерал, историк Александровской эпохи, Н. К. Шильдер не без иронии замечает, что «для войск была придумана новая форма»: «широкие и длинные прусского образца мундиры были перешиты в

узкие и чрез меру короткие; низкие отложные воротники сделались стоячими и до того высокими, что голова казалась точно в ящике и трудно было ее поворачивать; тем не менее, все восхищались новою обмундировкой». Только спустя слишком год после Аустерлицкого погрома Александр рискнул на столь решительную меру, как уничтожение солдатских кос. 2 декабря 1806 г. Военной коллегии было предписано «всем нижним воинским чипам, исключая гвардии и гусарских полков, обрезать косы под гребенку».

Царь в манифесте, изданном в день коронации 15 сентября 1801 г., говорил, что, «отвергнув ужасы Тайной экспедиции, мы исторгнули из заклепов ее все ее жертвы; уничтожив бесконечные следствия и суды над чиновниками и всякого звания людьми, вовлеченными в преступление заблуждением, случаем или порочными примерами, облегчили мы судьбу их без ослабления силы закона». В тот же день была учреждена особая комиссия для пересмотра прежних уголовных дел, а 23 сентября были изданы «к единственному ее сведению рассуждения», на основании которых комиссия должна была дать новый и значительный материал для амнистии, составив его из трех категорий «политических» жертв Павловских порядков. Наконец, 27 сентября появился указ о том, чтобы «нигде, ни под каким видом, ни в вышних, ни в нижних правительствах и судах, никто не дерзал ни делать, ни допускать, ни исполнять никаких истязаний под страхом неминуемого и строгого наказания,... чтобы самое название пытка, стыд и укоризну человечеству наносящее, изглажено было навсегда из памяти народной». Фактическим плюсом момента коронации надо признать только один факт, а именно, что в столь торжественный день вовсе не было роздано крестьян, и все, мечтавшие получить в свое владение то или другое количество крестьян, должны были жестоко разочароваться. Но разочарование на самом деле получило своего рода национальный характер. Екатерина II издала жалованные грамоты дворянству и городам. Александр манил

своих сотрудников мечтой издать в день коронации всемилостивейшую грамоту, русскому народу жалуюмую. Чуть ли не под непосредственным руководством графа А. Р. Воронцова был написан и проект такой грамоты, по которому чуть-чуть прошла рука Сперанского и который рассматривался в собраниях так называемого Негласного Комитета 15 и 23 июля 1801 г. Грамота начиналась уверением, что «всегда первый и единый наш предмет будет: благополучие, спокойствие и сохранение целости российского государства и народа; не менее правилом себе поставляем признать сию истину, что не народы сделаны для государей, а сами государи установлены для пользы и благополучия народов, под державою их живущих; а потому узаконяем и обещаем императорским нашим словом за нас и преемников наших, яко коренным законом, следующие статьи». Таких статей в проекте значилось двадцать шесть. В первой группе статей подтверждались и возобновлялись в прежней силе: дворянская грамота и городовое положение; право свободного выезда за границу; общие права собственности, личной безопасности и давности гражданской и уголовной; уничтожение конфискации и обращение имущества наказанных гражданской смертию, во всяком случае, к законным наследникам; обращение всяких исков сперва к имению, а потом уже к лицу, и право последнего владельца в роде свободно располагать своим имуществом. Эта группа статей представляет мало интереса и значения. Ценнее вторая группа, по которой вновь постановлялось: 1) что обвиняемый в преступлении, пока он не объявлен по законному приговору виновным, должен сохранять неприкосновенно все свои права; 2) что каждому подсудимому дозволяется избрать себе защитника и, сверх того, в делах как уголовных, так и гражданских, отвергнуть по законным причинам своих судей; 3) что тот, кто, быв задержан, в течение трех дней от задержания не будет представлен к суду для допроса, может требовать от ближайшего начальства немедленного своего освобождения; 4) что наказания за

оскорбление величества должны быть прилагасмы к одним только прямым деяниям, но отнюдь не к словам и сочинениям; 5) что никто не может быть вторично потребован к суду за такое преступление, за которое был уже однажды судом оправдан; 6) что казна, по тяжбам с частными лицами, подчиняется в порядке судопроизводства совершенно одинаковым с последними правилам; 7) что впредь никакие подати и налоги не могут быть учреждены иначе, как по именному указу, обнародованному через Сенат. Все, что в грамоте по существу было новым для России, так и осталось никогда не приведенным в исполнение каким-либо отдельным указом. Осталось особенно забытым обещание свободы веры, мысли, слова, письма и деяния, поколику они законам государственным не противны.

В те же романтические дни первых мгновений своего царствования Александр немедленно приступил к административным мероприятиям, излагая их языком, в котором чувствовался своего рода либерализм момента. Указом 30 марта 1801 г. был учрежден Непременный совет «для рассмотрения и уважения государственных дел и постановлений»; согласно наказу 5 апреля ему принадлежала одна только «сила соображения». Царь присутствовал в нем только один раз 16 мая 1801 г. при рассуждениях о непродаже крепостных людей без земли. Уже Сперанский отметил, что «установление сие не достигло предположенной цели» и не стало своего рода источником законности. 5 июня того же года последовал новый указ: Сенату велено представить особый доклад о своих правах и обязанностях для утверждения оных силою закона на незыблемом основании, как государственный закон. Сенат должен был собрать и в докладе царю представить «все то, что составляет существенную должность, права и обязанность его, с отвержением всего того, что в отмену или ослабление оных доселе введено было». Царь предполагал «права сии и преимущества Правительствующего Сената поставить на незыблемом основании, как государственный закон», а в

особом рескрипте на имя графа В. П. Завадовского при назначении его главой комиссии о составлении законов говорится: «поставляя в едином законе начало и источник народного блаженства и быв удостоверен в той истине, что все другие меры могут сделать в государстве счастливые времена, но один закон может утвердить их навеки,... я всегда знал, что с самого издания Уложения до дней наших, т. е. в течение почти одного века с половиною, законы, истекая от законодательной власти различными и часто противоположными путями, и быв издаваемы более по случаям, нежели по общим государственным соображениям, не могли иметь ни связи между собою, ни единства в их намерениях, ни постоянства в их действии. Отсюда всеобщее смешение прав и обязанностей каждого, мрак, облегающий равно судью и подсудимого, бессилие законов в их исполнении и удобность переменить их по первому движению прихоти или самовластия». Незыблемая роль закона выдвигается Александром и в письме от 7 августа 1801 г. на имя княгини М. Г. Голицыной. просившей остановить взыскание долгов, законность которых была удостоверена подписью ее мужа. «Я не признаю на земле справедливой власти, которая бы не от закона истекала», писал ей Александр. Печать не осталась глухой к словесно-либеральному акту 5 июня, и Шторх в периодическом сборнике *Russland unter Alexander dem Erstem* рассказал о сильном впечатлении, произведенном этим актом на общественные верхушки. «Если,— писал Шторх,— нужно было достигнуть порядка в делах, правильности в действиях судов, если нужно было достигнуть законности в понятиях и представлениях народа, то первым условием для этого было именно смягчение самодержавия и приближение его к законо-монархической форме правления». И вот, по словам Шторха, Сенат, вместо того чтобы «ограничиться историческими объяснениями о том, чем был до сих пор Сенат по существующим постановлениям и законам, это почтенное сословие, напротив, собрало политические мнения своих членов о том,

чем Сенат мог бы быть собственно при новом порядке вещей, и в числе этих мнений находилось много таких, которые были весьма свободно высказаны и довольно близко подходили к основному источнику всех политических зол в России». Иностранные наблюдатели (напр., Дюмон) открыто признавали, что в России нет людей для неуклонного проведения политической реформы, и от их взора порою ускользало прежде всего то, что сам Александр никогда не был способен на серьезную политическую реформу. Вигель не даром дал в своих записках такую характеристику Александра: «Родившись в России и никогда дотоле ее не покидавши, напитанный русским воздухом самодержавия, Александр любил свободу, как забаву ума. В этом отношении был он совершенно русский человек: в жилах его вместе с кровию текло властолюбие, умеряемое только ленью и беспечностью». — «Император любил наружные формы свободы подобно тому, как увлекаются зрелищами; ему правился призрак свободного правительства, и он хвастался им; но он домогался одних форм и наружного вида, не допуская обращения их в действительность, — одним словом, он охотно даровал бы свободу всему миру при том условии, чтобы все добровольно подчинилось исключительно его воле». Тогдашние критики момента совершенно не понимали того, что в России начала XIX столетия совершенно не было почвы для каких-либо политических реформ, ибо не существовало класса, на который они могли бы опереться. Под либеральными фразами дельцов начала XIX века и англоманскими вкусами часто скрывалось не более тех истинных желаний, которыми пропитано было боярство, посадившее на московский престол князя Василия Шуйского, или попытки создать аристократию, скрытую от взоров нации верховной властью царя. 8 сентября 1802 г. было издано два указа, из коих одним учреждались восемь министерств и в сущности комитет министров, а другим устанавливалось расширение прав Сената. Говоря, что «власть Сената ограничивается

единою властью императорского величества, иной же высшей власти он над собою не имеет», указ в особой статье предоставляет ему право ремонстрации, т. е. в данном случае право представлять царю о таких указах, которые в исполнении сопряжены с великими неудобствами, или несогласны с прочими узаконениями, или же неясны. «Введение в указ 8 сентября этой статьи, утвержденной не без некоторого колебания,— пишет Н. К. Шильдер,— имело в виду ограничить произвол министров, имевших возможность испрашивать высочайшие повеления помимо Сената, несколько не сообразуясь с существовавшими законами. Однако при всей скромности содержания этой статьи, она, на первых же порах, оказалась мертвою буквой. Александр, к удивлению ближайших своих сотрудников, не замедлил обнаружить полную нетерпимость к самому умеренному и законному проявлению самостоятельности взглядов этого верховного места в империи». Сенат в начале 1803 г. сделал попытку применить на практике указанную статью закона 8 сентября 1802 г., чем привел Александра в настоящую ярость, и статья погибла навсегда. Поступая, быть может, правильно с точки зрения общей политики, Александр в то же время попираал законы, им же самим установленные: указ 5-12 декабря 1801 г. появлялся вопреки манифесту 2 апреля 1801 г., по докладу министра, а осуществление права ремонстрации Сената произошло вопреки закону 8 сентября 1802 г. Тем не менее, самодержец не в силах был провести на практике указ 5-12 декабря 1801 г., встретив громкую оппозицию со стороны дворянства. Среди преувеличенно пышных фраз по адресу дворянства и Сената в указе 21 марта 1803 г. Сенату ставилось на вид, что он вмешался не в свое дело, и что известная статья указа 8 сентября 1802 г. могла бы касаться лишь законов, изданных до появления на свет обозначенного указа. Таков финал либерального закона. Равным образом министры в силу порядка своего назначения и положения при государе очень скоро сбросили с себя всякий верховный надзор Сената. 14 мая 1803 г. Алек-

сандр призвал А. А. Аракчеева и назначил его инспектором всей артиллерии и командиром лейб-гвардии артиллерийского батальона. Шильдер, военный генерал, историк эпохи Александра, с нескрываемым отрицанием отнесся к этому возвращению Аракчеева, усмотрев в нем окончательное поражение всех благих начинаний. За ним сравнительно скоро утвердилась «слава самоотверженного служения на более безопасном кровавом поле — на поле военных экзекуций». Безусловное презрение Александра к общественному мнению, быстро сдавшему в своей либеральной смелости, разворачивалось вовсю: 13 января 1808 г. граф Аракчеев был назначен военным министром. Это был решительно брошенный вызов армии и дворянству. Позднее, пишет Вигель, «на распростертый перед ним народ взглянул он (т. е. Александр) с досадным презрением, и не было слова его потом, не было действия, которое бы его не выражало». Об Аракчееве в обществе говорили, как о «людоеде». «Сначала,— продолжает Вигель,— был он употреблен им (т. е. Александром), как исправительная мера для артиллерии, потом как наказание всей армии, и под конец, как мщение всему русскому народу».

IV

Подтверждение завоеванной у Швеции Финляндии ее конституции не примиряло общественного мнения с призрачностью либеральных начинаний Александра. Внутри государства продолжали жить одними надеждами, поток казавшихся либеральными указов не освежил страны, и дым пушечных выстрелов, возвещавших Петербургу Фридрихсгамский мир, сумел па всегда затмить попытку конституционной реформы по плану Сперанского... В октябре 1809 г. на столе императора Александра лежал этот план всеобщего государственного образования, в котором автор писал: «Российская конституция одолжена будет бы-

тием своим не воспалению страстей и крайности обстоятельств, но благодетельному вдохновению верховной власти, которая, устроив политическое бытие своего народа, может и имеет все способы дать ему самые правильные формы». Сперанский с его проектами политической реформы, лишенной надлежащего социального подспорья, может быть назван правительственным либералом начала XIX века. «Гениальный секретарь» и «великий бюрократ» в течение всей своей политической карьеры превосходно отражал в своих писаниях все этапы, все интимные модуляции, через которые прошел тогда в России процесс правительственного либерализма. Если прочитать начальные строки так называемого пермского письма Сперанского императору Александру, то нетрудно будет признать их точно выражающими смысл падения Сперанского, осложненного чем-то чересчур личным в отношениях большого барина и слуги. «В самом начале царствования,— пишет Сперанский,— Ваше Императорское Величество постановили себе правилом после толиких колебаний нашего правительства составить, наконец, твердое и на законах основанное положение, сообразное духу времени и степени просвещения, и следовать ему неуклонно. От сего единого начала постепенно возникали все главные учреждения ваши,— учреждения, кои по важности и пространству своему могли бы прославить самое долголетнее и деятельное царствование, если бы или люди были справедливей, или обстоятельства счастливей. Исполнители, коих Ваше Величество употребляли в сем деле, каждый попеременно, в свою очередь, были предметом зависти, клеветы и злословия в большей или меньшей степени. Сему и быть надлежало, когда Ваше Величество и сами нередко встречались с так называемым общим мнением, коего привычка и страсти не терпели перемен в настоящем и страшились их еще в будущем. Невзирая на сие, через 12 лет Ваше Величество постоянно следовали сим путем. Менялись люди, изменялись планы; по главная мысль и намерение оставались непре-

менными. До 1808 г. я был почти только зрителем и удаленным исполнителем сих преобразований; но мысли мои и сердце всегда следовали за ними. Когда в 1808 г. Вашему Величеству угодно было поручить мне через графа Кочубея, в начальстве коего я тогда служил, составить план преобразования судебных и правительственных мест в империи, я принял сие поручение с радостью и исполнил его с усердием. В конце 1808 г., после разных частных дел, Ваше Величество начали занимать меня постоянные предметы высшего управления, теснее знакомить с образом ваших мыслей, доставляя мне бумаги, прежде к вам вошедшие, и нередко удастая провоздять со мною целые вечера в чтении разных сочинений, к сему относящихся. Из всех сих упражнений, из стократных, может быть, разговоров и рассуждений Вашего Величества надлежало, наконец, составить одно целое. Отсюда произошел план всеобщего государственного образования. В существе своем он не содержал ничего нового, но идеям, с 1801 г. занимавшим ваше внимание, дано в нем систематическое расположение. Весь разум сего плана состоял в том, чтобы посредством законов и установлений утвердить власть правительства на началах постоянных и тем самым сообщить действию сего власти более правильности, достоинства и истинной силы. В течение слишком двух месяцев занимаясь почти ежедневно рассмотрением сего, после многих перемен, дополнений и исправлений, Ваше Величество положили, наконец, приводить его в действие. Блистательное, может быть, было бы все установления сего плана приуготовить вдруг, открыть единовременно: тогда они явились бы все в своем размере и стройности и не произвели бы никакого в делах смещения. Но Ваше Величество предпочли твердость сему блеску и признали лучшим терпеть на время укоризну некоторого смещения, нежели все вокруг переменить, основавшись на одной теории. Сколько предвидение сие ни было основательно, но впоследствии оно сделалось источником ложных страхов и

неправильных понятий. Не зная плана правительства, судили намерения его по отрывкам, порицали то, чего еще не знали, и, не видя точной цели и конца перемен, устрашились вредных увещаний». Из дальнейшей части письма видно, что император Александр, ссылая Сперанского, лично ставил ему в вину три пункта: 1) что финансовыми делами он старался расстроить государство, 2) привести налогами в ненависть правительство и 3) отзывы о правительстве. Справедливо не придавая значения этим пунктам обвинения, Сперанский с горестью пишет, что «сие жестокое предубеждение о связях моих с Францією, быв поддержано эпохою моего удаления (а паче в Пермь), составляет теперь самое важное и, могу сказать, единственное пятно моего в народе обвинения». Клевета и донос — вот орудия, путем которых, по мнению самого пострадавшего, он был низвергнут и брошен императором Александром. Но «отчего, спросят, доходили от разных лиц одни вести? Оттого, что сии разные лица составляли одно тело, а душа сего тела был тот самый, кто всему казался и теперь кажется посторонним». Чуть ли не это единственное место в письме Сперанского обратило на себя особенное внимание Александра I, позднее отославшего это письмо графу Аракчеву. Оправдательное письмо Сперанского превращалось под его острым пером в обвинительный акт императора Александра, который должен был теперь почувствовать правоту обвинений, а в свое время сожалеть, что нашел в Сперанском чересчур ревностного исполнителя своих желаний, предназначенных лишь для бойкой дворцовой беседы. Царь охотно прислушивался к тому, что было противно предначертаниям Сперанского. По словам Шильдера, царю нашептывали, что Сперанский хитро подкопался под самодержавие, и государь, в свою очередь, начал говорить, что он обязан самодержавие всецело передать своим наследникам, что учреждение министерств есть ошибка; он высказывал даже сожаление, что согласился на учреждение Государственного Совета и вообще стал как бы забы-

вать, что Сперанский в своих преобразовательных проектах подчинялся самому царю.

Политическая роль Сперанского открылась «запиской об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» в 1803 г., когда чрез министра внутренних дел Кочубея император Александр, немало мечтавший о приведении в порядок с формальной стороны устройства и управления империи, дал поручение Сперанскому составить соответственный проект. Проект был составлен, дошел до нас, практического значения не имел никакого и, кажется, даже не был прочитан Александром. «Записка» Сперанского интересна не тем, что она предлагает, а что она отражает. По ней легко можно судить о хаосе воззрений, которые приходилось объединить Сперанскому; из нее видно, что тогда уже говорилось в сферах о конституции, но как будто были убеждены в том, что и без конституции можно привести в порядок империю, для чего надо сделать то-то в сфере полиции, то-то в сфере юстиции, да посравнить с иными порядками, которые зовутся конституционными. «Составив себе сей отвлеченный образец монархического управления,— пишет Сперанский,— надлежало определить, можно ли ввести его в России». «Для сего должно было исследовать: 1) настоящий образ правления в России и ее конституцию; 2) показать несходство ее с образцом правления монархическим и невозможность его ввести; 3) установить свойства, какие должно иметь управление в России, чтобы оно было сколь можно близко к монархическому и не разрушало бы, однакоже, настоящего порядка». Итак, проект 1803 года открывает собою целый ряд попыток XIX века произвести реформы, не затрагиваясь до основ управления, не взрывляя социально-экономической почвы, без изменения которой невозможна прочная политическая реформа. Беспорядочность управления и суда в России правительство Александра I, несомненно, сознавало и сознавало явственно, но как только старались приложить руку к исцелению язв, так принуждены были ос-

танавливаться пред неосуществимостью задачи. Составив себе «отвлеченный образец монархического управления», т. е. обрисовав тип конституционной монархии, в трех разделах второй части «Записки» (о составе монархического правления вообще, о главных началах монархической организации и об ответственности), Сперанский обрисовывает «единое понятие, которое можно себе сделать о государственном управлении в России». Вот это единственное понятие, которое можно иметь о политической форме России начала XIX века: «Верховное начало в России есть государь самодержавный, соединяющий в особе своей власть законодательную и исполнительную и располагающий неограниченно всеми силами государства. Начало сие не имеет никаких вещественных пределов. Но оно имеет некоторые умственные границы, мнением, привычкою и долголетним употреблением постановленные в том, что власть сего начала не иначе приводится в действие, как всегда единообразным порядком и установленными формами. Сей порядок, коим власть государя изливается к народу в законодательстве и в частях управления, вмещается разными отделениями в сенате, совете и министерстве». Упоминая в другом месте «Записки» совет, сенат, комитет и министров, Сперанский говорит, что «ни одно из сих мест собственной политической силы не имеет... ни одно из них телом политическим, а тем менес законодательным признано быть не может... ни прав, ни преимуществ, свойственных государственным установлениям, в отношении к первому их началу (т. е. к единой воле и мановению силы самодержавной) иметь они не могут» и что, наконец, «различия существенного между собой они не имеют, ибо различие сие может быть только двояко: 1) в предметах и 2) в правиле действий, но предметы во всех сих местах одинаковы... правило действия в них также одинаково... все различие состоит только в разности канцелярского обряда». Таков политический факт русской действительности в его теоретической формулировке. Политическая форма, сейчас

описанная, создаст на практике чрезвычайный беспорядок и величайший произвол. Это удостоверяет сам посетитель верховной власти; это подтверждает и «Записка», формулируя свою мысль в сдержанных и туманных выражениях. Сенат, совет и министерство, пишет Сперанский, «по недостатку связи их между собою, по неточному разграничению их предметов, по разнообразности и несовершенству их форм, в существенном отпадении дел великие представляют неудобства» и «неудобства сии умножаются, когда установления сии рассматриваются в отношениях их к местам губернским». Хаос управления налицо, с ним надо бороться путем реформы. Здесь начинаются неустрашимые затруднения. Усовершенствование губернского управления немыслимо без усовершенствования управления государственного; начав реформу последнего, надо последовательно идти по прямой линии, идти до конца, а это значит произвести переворот, установить конституционную монархию. Поручения начертать основы конституционной монархии за Сперанским не числилось. Правительство хотело произвести реформу без коренной ломки государственного строя, и жизнь оказывалась сильнее его. Никакой реформы нельзя было начинать иначе, как с низов, т. е. с отмены крестьянского рабства, а этого сделать он не смел. Тем не менее «великий бюрократ» должен был придумать реформу: так было приказано, и развитое диалектическое искусство дало Сперанскому возможность продолжать свои соображения, простительные по форме и недостаточно «благонадежные» по существу, ибо где-то в страшном далеке они все-таки предполагают наступление царства политической свободы подобно древней еврейской надежде на появление Мессии. Сперанский писал: «вопрос об усовершеншении настоящего управления в России не в том состоит, каким образом можно превратить его в истинное управление монархическое, но в том, каким образом составить образ управления, который бы соединял в себе следующие свойства: 1) Он должен быть весь расположен на настоя-

щей самодержавной конституции государства, без всякого раздела власти законодательной от власти исполнительной. 2) Он должен сохранить и усилить народное мнение, власть сию ограничивающее не в существе ее, но в форме ее действия. 3) Он должен сколь можно быть приближен к образцу монархического управления, выше изложенного. 4) Он должен содержать в себе разные установления, которые бы, постепенно раскрываясь, приготавливали истинное монархическое управление и приспособляли бы к нему дух народный». Можно вовсе обойти рассуждения Сперанского о наилучшем образовании государственного управления при господстве самодержавного принципа. Необходимым представляется отметить, что это образование управления, по словам Сперанского, временное и преходящее, это — приготовительная школа для поступления в высшие классы политической зрелости. Роль этой школы заключается в постепенном приуготовлении духа народного к восприятию идей конституционной монархии. По этой извилистой тропинке постепенности Сперанский, направляемый министром внутренних дел, полагал правильным пустить страну, издыхавшую от зол помещичьих порядков, достаточно отставших от нормальных запросов народного хозяйства момента. Здесь еще таилась присущая либерализму эпохи какая-то наивная вера в идеи, кои движут народами, в какой-то народный дух, понимание которого давно стало политической привилегией помещиков и чиновников, наконец, в высшую роль логических построений на бумаге и стройных юридических установлений в законе. Таким-то образом устройство государственного управления, которое предлагает автор «Записки», представляется «правильным и основанным на твердых началах». Не без некоторой торжественности Сперанский излагает поэтому такие положения. Порядок государственного управления, предлагаемый в «записке», основан «на неделимости власти самодержавной,— ни сенат законодательный, ни сенат исполнительный не могут сделать никакого движения без

воли государя; в существе своем они суть непосредственное только его орудие и собственной силы не имеют». «Между тем,— продолжает Сперанский,— наружною важною своею и составом они утверждают народное мнение, возводят его ближе к идеям монархическим и ставят Россию на одной чреде с прочими государствами европейскими, не отнимая ничего от силы ее необходимого самодержавия. Государь благонамеренный не найдет, конечно, в сих установлениях никаких препятствий к совершению своих предположений; по самодержец, который бы захотел употребить во зло неограниченную волю, встретил бы твердую преграду своим насилиям, если не в самых сих установлениях, то в мнении, в уверенности, в привычках народных, особливо когда привычки сии долголетним продолжением доброго царства в сердцах укрепятся. Сие укрепление всегда было признаваемо важнейшим оплотом политической свободы и, может быть, лучшею гарантисю закона. Сей образ управления (т. е. изложенный в «Записке») столько сближен с монархическим, сколько конституция (т. е. самодержавная) России может сие позволить, не вводя великих переломов. Но то, что довершает убеждение в его пользу, состоит в удобности, какую сей образ управления имеет, чтобы со временем превратиться в совершенную монархическую систему. В самом деле, приучая народ взирать на законодательную власть в некотором наружном отделении, он воспитывает, так сказать, дух его к другому порядку. Когда приспест время, т. е. когда разлитием просвещения и сопряжением многих обстоятельств, от времени зависящих, созреет возможность лучшего управления, тогда без всякой почти перемены и в те же, так сказать, рамы вместится другое устройство, не на видимом порядке, но на внутреннем и вещественном основанное. Тогда надобно только будет сенат законодательный составить по другой лучшей системе, переименовать сенат судебный высшим судом и, основав его подобно прочим частям управления на единстве, ввести с ними в параллельное по-

ложение; тогда все превратится в истинную монархическую систему». Так удивительно просто и легко гениальное бюрократическое перо начала XIX века разрешало на бумаге вопрос, который практически не разрешен в России еще и во втором десятилетии XX века.

Приведенный ряд выдержек из «Записки об устройстве судебных и правительственных учреждений в России», изготовленной Сперанским в 1803 г., целиком исчерпывает и ее принципиальную сторону, и сущность ее либеральных построений. Она ценна, как показатель того, до каких высот поднималась тогда либеральная бюрократическая мысль с ее классическим пренебрежением к самостоятельности народных масс, с ее верой в хорошие законы и учреждения, с ее признанием возможности политической реформы при условии черепашьей постепенности и незаметности ее наступления. «Записка 1803 г.» несколько незаслуженно игнорируется в литературе, о ней обыкновенно говорят вскользь и спешат перейти к плану 1809 г. А между тем этот последний в своих основах становится понятным лишь после детального изучения «Записки». Само собою разумеется, что говорить здесь об революции политических взглядов Сперанского не приходится; это вопрос во всяком случае праздный. И в 1803 и в 1809 г. Сперанский пишет не по собственной инициативе, а по поручению правительства; в 1803 г. он был еще подчиненным Кочубея, а в 1809 г.— Александра I и первым после Александра человеком в государстве. Записка 1803 г. передает достаточно искренние намерения правительства, а план 1809 г. являлся довольно лицемерной игрой. «План всеобщего государственного образования» был заранее обречен на крах: он появился ранее практической возможности в России конституционного строя, не мог быть ни оценен современниками, ни выполнен по своей бюрократической сложности и вследствие неподготовленности социального организма; наконец, не мог он увлечь и императора Александра. Государственная Дума проекта Сперанского при иных условиях

и в иных формах нашла себе место в цикле русских государственных учреждений лишь сто лет спустя после первого своего формального выражения в проекте, вышедшем непосредственно из правительственных недр. План 1809 года написан более резко и смело, чем записка 1803 г.; видно, что автор его чувствовал под своими ногами крепкую почву, а потому и осмелился писать вещи, которые могли причинить и в конце, а не только что в начале XIX века, весьма крупные неприятности. Пермское письмо Сперанского очень выразительно вскрывает именно эту сторону Плана и категорически подтверждает абсолютную «неблагонадежность» последнего, возлагая вину за это исключительно на волю и повеления императора Александра. Нет возможности пересказать содержание Плана 1809 г. так, чтобы оно было вполне ясно для лиц, не читавших его подлинного текста. Всего надежнее познакомить с Планом возможно таким путем: представить программу Плана в подлинных выражениях самого автора, а затем оговорить особо основные принципы и некоторые технические подробности.

Вот прежде всего выразительная программа Плана 1809 года.

Введение к уложению государственных законов (План всеобщего государственного образования)

I.

План и распределение предметов, входящих в состав государственного уложения.

О плане уложения:

А. О свойстве законов государственных.

Б. О свойстве государственных коренных законов¹.

---

¹ «Предмет и свойства государственных коренных законов есть определить образ, коим силы государственные сопрягаются и действуют в их соединении».

- В. Предметы коренных законов:
- а. О державной власти.
  - б. О законе.
  - с. О правах подданных.
  - д. Законы органические.

II.

Начала и разум, в коем государственное уложение составлено.

О разуме государственного уложения¹.

- А. Об общем разуме преобразования.
- Б. О разуме законов в державной власти:
- а. О действии державной власти в порядке законодательном:
    - (а) В предложении закона.
    - (б) В уважении закона.
  - б. О действии державной власти в порядке исполнительном².
  - с. О действии державной власти в порядке судебном³.
- В. О разуме государственного уложения в составлении закона.

---

¹ Автор дает здесь, между прочим, сжатый очерк политической истории России со времени «удельных владений князей» до времени Александра I включительно. Интересно замечание о Петре. Петр «во внешних формах правления ничего решительного не установил в пользу политической свободы, но он отверз ей двери тем самым, что открыл вход наукам и торговле».

² В известных «пределах ответственности власть державная, действуя в исполнении закона, всегда будет освещаемая мнением народным и, следовательно, будет действовать с достоверностью и без всякого внимания к слухам посторонним».

³ «Действие власти державной в суде должно быть ограничено одним установлением власти, надзирающей и охраняющей судные образы».

Г. О разуме законов в правах подданных:

а. Причины разделения состояний:

(а) Права гражданские общие.

(б) Права гражданские особенные.

б. Права состояний:

(а) Права и состав дворянства.

(б) Права и состав среднего состояния.

(в) Права и состав народа рабочего.

Д. О разуме законов органических

а. Порядок законодательный (волостная дума, окружная дума, губернская дума и государственная дума)

б. Порядок судный.

с. Порядок исполнительный.

(а) Управление государственное (министерства)

(б) Губернское управление.

(в) Управление окружное.

(г) Управление волостное.

Е. Государственный Совет.

А. Основание коренных законов, определяющих совет.

Б. Основания к учреждениям совета.

а. Предметы департаментов совета.

б. Предметы общих собраний совета.

с. Об установлениях при совете состоящих.

Записка 1803 г. выражала глубокое убеждение в том, что Россия непременно придет к конституционно-монархическому строю, но что в настоящее время, т. е. в 1803 г., пет наличности реальных условий для политической реформы, а, стало быть, и без таковой возможно упорядочить управление и суд. Иначе смотрит на дело План 1809 г., оперируя теми же логическими и отвлеченными приемами. Автор исходит из понятия о благоустроенном государстве вообще: «во всяком благоустроенном государстве

Граф М. М. Сперанский

должны быть начала законодательства положительные, постоянные, неподвижные, с коими бы все другие законы могли быть соображаемы. Сии положительные начала суть коренные государственные законы. Три силы движут и управляют государством: сила законодательная, исполнительная и судная. Начало и источник сих сил в народе, ибо они не что другое суть, как нравственные и физические силы в отношении к общежитию. Соединенное действие сих сил составляет державную власть». Россия не есть государство благоустроенное; это — деспотия, в которой все подданные представляются рабами государя, а часть населения (крестьяне), и притом очень значительная, не имеет свободы располагать своей личностью, не имеет собственности, составляя рабов помещиков-дворян. Россия, как государство, представляет собою аномалию. «Если бы права державной власти были неограниченны, если бы силы государственные соединены были в державной власти в такой степени, что никаких прав не оставляли бы они подданным, тогда государство было бы в рабстве, и правление было бы деспотическое. Рабство сие может быть двояко: политическое вместе и гражданское, или одно только политическое. Первого рода рабство бывает, когда подданные не только не имеют никакого участия в силах государственных, но и, сверх того, не имеют и свободы располагать лицом их и собственностью в связи их с другими. Рабство второго рода бывает, когда подданные, не участвуя в силах государственных, имеют свободу в лице их собственности». Итак, деспотизм — аномалия, права державной власти не должны быть неограниченными. Россия в своем развитии вышла уже из пределов, в которых безнаказанно для порядка деспотизм может существовать. Время постепенно сделало свое дело. «Время, — пишет Сперанский, — есть первое начало и источник всех политических обновлений. Никакое правительство, с духом времени несообразное, против всемогущего его действия устоять не может. Посему первый и главный вопрос, который в преддверии

всех политических перемен разрешить должно, есть благовременность их начинаний». В 1803 г. полагали, что политическая реформа была бы неблагоприятной; в 1809 г. утверждали, что такое время настало. В 1803 г. приводились свои мотивы в пользу несвоевременности; в 1809 г. подобраны были мотивы в пользу благовременности политической реформы, которая должна направиться в сторону конституционной монархии. Ныне, т. е. в 1809 году, Россия «имеет прямое направление к свободе», ряд признаков даст несомненное к тому показание. Сперанский, во-первых, усматривает перемену в предметах народного уважения. Правительство действовало когда-то на народное воображение при посредстве чинов и почестей. «Доколе сила воображения поддерживает их в надлежащей высоте, доколе они сопровождаются уважением. Но как скоро по стечению обстоятельств сила сия их оставит, так скоро и уважение исчезает. Чины и почести в сем положении могут быть еще лестны, но в одном только том отношении, что они служат знаками доверия или милости; внутренняя же их очаровательная сила, впечатление на народ мало-помалу изглаживается и пропадает», ибо «когда разум начинает распознавать цену свободы, он отмечает с небрежением все детские, так сказать, игрушки, коими клялся он в своем младенчестве». Второй признак Сперанский усматривает в ослаблении власти. «Если физическая власть, по его словам, осталась в прежнем положении, то моральная, без сомнения, весьма ослабела... С горестью, но с достоверностью можно сказать, что в настоящем положении все меры правительства, требующие не физического, но морального повиновения, не могут иметь действия... Образ мыслей настоящего времени в совершенной противоположности с образом правления». Указания Сперанского на другие два признака еще характернее; он прибегает здесь к приему, который очень эффектно использован в Записке 1803 г., но для доказательства противоположного. Никакие частные исправления в старой системе теперь не призна-

ются уже возможными. Так дальше жить нельзя, хочет сказать Сперанский... «Все жалуются на запутанность и смешение гражданских наших законов. Но каким образом можно исправить и установить их без твердых законов государственных? К чему законы, распределяющие собственность между частными людьми, когда собственность сия ни в каком предположении не имеет твердого основания? Жалуются на запутанность финансов. Но как устроить финансы там, где нет общего доверия, где нет публичного установления, порядок их охраняющего? Жалуются на медленность успехов просвещения и разных частей промышленности. Но где начало, их животворящее? К чему послужит народу просвещение? К тому только, чтобы яснее обозрел он всю горесть своего положения». Что русская жизнь представляла собой тогда сплошную жалобу на все и на всех, в этом Сперанский, конечно, прав, но выводы, которые он отсюда делает, никуда не годятся. Всего яснее эта отвлеченность суждения и это классическое непонимание роли социально-экономической стороны сказываются при формулировке четвертого признака своевременности политической реформы,— реформы в том смысле, чтобы «правление, доселе самодержавное, постановить и учредить на неперемняемом законе». О какой конституционной монархии может идти речь, можно было бы спросить автора Плана, раз не поставлен ребром вопрос о немедленном крестьянском освобождении? Автор не замечал этих тисков дворянства и бюрократии, в которых была сжата верховная власть.

Почему Сперанский так яростно расписался в Плане на тему о своевременности для России политического освобождения и почти вовсе замолчал о необходимости уничтожить ныне же крестьянское рабовладение? Первое было приказано написать, о втором сам самодержец должен был молчать, и есть основание предположить, что Сперанский сознавал нелепость проектировать конституцию без крестьянского освобождения, а, стало быть, лично

он был ближе к формулировке 1803 года, вращаясь в заколдованном кругу: без крестьянской свободы не может быть конституции, без конституции не может быть упорядочения правления,— и он проектировал реформу правления без конституции и конституцию без крестьянского освобождения. План 1809 г. должен был отразить дворянско-помещичью Россию; поместное дворянство, достаточно обюрокраченное, безраздельно царит в Плане, который другие классы только терпит, как неизбежное зло. Социальный элемент Плана 1809 г., представляя большой исторический интерес, превосходно отражает как пустоту тогдашнего политического либерализма, так явственный деспотизм правящего класса. Как смотрит План на дворянство, видно из одного очень ценного замечания Сперанского, что «каждый дворянин, в существе своего состояния, представляет потомство тех родов, кои некогда обладали частью народа самодержавно и зависели от великих князей более словом, нежели делом». Сперанский, конечно, прав, когда говорит о феодализме московской Руси, но понимание этого термина ему слабо дается, он забывает старое верстанье в дворяне из холопов и мужиков, он забывает возведение в потомственное дворянство любого подьячего, или, как говорили когда-то, представителя кропивного семени, согласно Петровской табели о рангах. Происхождение дворянства он представляет себе неправильно, так же как и происхождение крестьянской крепости: для него это все разные оттенки юридической терминологии, не больше. «Крепостные люди,— читаем в Плане 1809 г.,— вначале имели некоторую степень гражданских прав. Они могли иметь собственность и право перехода с одних земель на другие. Но впоследствии, по мере того, как от удельных владельцев права политические переходили и присоединялись ко власти державной, права гражданские сего последнего класса, как бы в вознаграждение первых, переходили к их помещикам и, наконец, разными обстоятельствами, особенно же системою составления военных наших сил, быв укреплены

к земле, потеряли как личную, так и вещественную свободу». Что касается общественного класса купцов, мещан и проч., то, говорит Сперанский, он «основался переходом и постепенным освобождением из третьего». Едва ли следует говорить о фантастичности социальных построений Сперанского, это понятно само собой, но их необходимо подчеркнуть, так как его справки в области русской социальной истории всегда идут в дело при обрисовке проекта государственного преобразования. Рабы всегда и везде существовали и, по мнению Сперанского, в «самых республиках число их почти равнялось числу граждан, а участь их там была еще горше, нежели в монархиях». Итак, отчего же и не быть рабам в проектируемой конституционной монархии на восточно-европейской равнине? Возможность этого рабства тем более ясна Сперанскому, что он и не предполагает, и даже не понимает равенства состояний, демократического равенства всех граждан; напротив, в его Плане 1809 г. намечен строго сословный строй с коренным различием людей в их правах и обязанностях. Рабство можно и должно потерпеть, хотя, снисходительно замечает План, не надо думать, чтобы «рабство гражданское было необходимо» и «чтобы в России не могло оно уничтожиться, если приняты будут к тому действительные меры, но чтобы меры сии были действительны, они должны быть постепенны». В Плане 1809 г. по вопросу о реформе социально-экономической видим ту же проповедь постепенности, какую видели по вопросу о реформе политической в записке 1803 г. Исторически вполне попятно, что легче установить призрак политической свободы, чем пробить брешь в стене социально-экономического рабства. План 1809 г., напротив, старательно занят тем, чтобы всячески оградить твердыню социально-экономического рабства от покушений бедняка. Это значило, что План выработал разнообразные конституционные детали в системе представительства и выборов, охраняя земельных собственников и поддерживая командующее значение этого класса. У Сперанского

ранского выходит все это и красиво, и либерально. Он начинает с довольно спорных истин: «закон составляется в защиту лица и собственности... самое приобретение собственности в обыкновенном порядке предполагает разум и трудолюбие... в общем исчислении человек, имеющий собственность, по уважению собственных своих польз, более приемлет участия в доброты закона и более соединяет вероятностей к правильному его усмотрению, нежели человек без собственности или бобыль». На этих спорных, но ходячих истинах построен вывод, что только собственники должны быть допущены к участию в правах политических. Беднота, в которой предполагается отсутствие разума и трудолюбия, не может иметь политических прав. План 1809 г. идет и дальше, он говорит: «сверх сего, есть в обществе положения, кои по образу жизни и воспитания не заставляют предполагать ни довольно разума, ни столько любочестия, чтобы допустить людей, их занимающих, к участию в составлении закона. Таковы суть состояния домашних слуг, ремесленных и рабочих людей и поденщиков, хотя бы они и имели собственность, в капиталах состоящую». Тенденция понятна — первая роль в государстве должна принадлежать поместному дворянству: ведь у него только и могут быть и разум, и трудолюбие, и любочестие. По проекту Сперанского дворянство превращается в своего рода касту. Потомственному дворянину становится легче превратиться в личного дворянина, чем личному стать потомственным; личное дворянство не превращается в потомственное одним совершением службы; такое превращение может состояться лишь по особому пожалованию императора при условии особенных заслуг. Стоит какому-нибудь захудалому потомственному дворянину поступить в лакеи или дворецкие графа М. М. Сперанского, и он тем самым теряет принадлежность к дворянству вообще, ибо одна из статей Плана прямо говорит, что «вообще дворянство теряется вступлением в класс людей рабочих». Любопытно, что План 1809 г. давал поместному дворянству все

то, чего оно страстно домогалось еще в половине XVIII в. План, подтверждая в пользу дворянства «особенное право приобретать недвижимые имения населенные», говорил, что «все свободные промыслы, дозволенные законом, открыты дворянству; оно может вступать в купечество и другие звания, не теряя своего состояния» (кроме упомянутого выше случая вступления в класс людей рабочих). Статья Петровской табели о рангах, предоставлявшая права потомственного дворянства за выслугу, косвенно отменялась, взамен чего на дворянство возлагалась обязанность «непременно отправлять службу в гражданском или воинском звании не менее десяти лет по своему выбору, но без перехода, исключая случаев, особнным законом определенных». В связи с указанной обязанностью в проект были введены особые статьи, которыми определялось, что «дети дворянина потомственного до совершения положенных лет службы суть дворяне личные» и что «дети личных дворян суть люди среднего состояния». Указанная черта проекта Сперанского обращает на себя, несомненно, значительное внимание, и она не могла не вызвать дворянской оппозиции, ибо дворянство очень дорожило своею так называемой «вольностью», т. е. правом не служить и жить исключительно даровым трудом своих рабов. За этот принцип временно обязательной дворянской службы император Александр держался очень цепко, но провести его в действительную жизнь не смог. Включая в состав среднего состояния купцов, мещан, однодворцев и всех поселян, имеющих недвижимую собственность в известном количестве, План не предоставлял купцам права владеть населенными имениями, — права, которого купцы очень домогались в 1767-8 годах. Что касается «народа рабочего», то о нем (потомственный дворянин, попадая в него, как видно из предыдущего, лишался всяких дворянских прав абсолютно) говорится в Плане 1809 г. только следующее:

1) Народ рабочий имеет общие права гражданские, но не имеет прав политических.

2) Переход из сего класса в следующий всем отверст, кто приобрел недвижимую собственность в известном количестве и исполнил повинности, коими обязан был по прежнему состоянию.

3) К классу рабочего народа причисляются все поместные крестьяне, мастеровые, их работники и домашние слуги». Проект предоставляет народу рабочему скромно желать политических прав и «надеяться от труда и промышленности». Рабочих в собственном смысле План 1809 г. не упоминает, их приходится косвенно включить в упомянутое третье состояние, — и весь либерализм Плана сводится к тому, что народу рабочему разрешается вообще только желать про себя, скромно ждать и надеяться. При этом Сперанский спешит освятить свои предложения авторитетом Запада: никто же в самом деле и на Западе не признавал, чтобы у рабочих были разум и трудолюбие! Любопытно, что о духовенстве, как особом состоянии, нет никакого упоминания в проекте Сперанского. План 1809 г. возвел прежде всего твердую и прочную стену государственного устройства из дворянства и бюрократии, бросив небольшую кость крупному капиталисту и оградившись от напора бедноты, рабов и рабочих лишением их всяких политических прав. Оставалось увенчать здание постоянством «органических коренных законов», которыми были бы определены четыре установления: совет, законодательное сословие, сенат и министерства с верховной властью императора во главе. Автор Плана 1809 г. признает, что «установления законодательные по существу своему требуют содействия многих лиц в суждении и единства в утверждении» и что введение нового политического порядка требует и нового разделения империи, сообразуясь с расположением государственных сил. Предполагалось разделить империю на губернии и пять областей, которые, как отдельные части, по пространству и населению своему не могут войти в общий распорядок управления. Вот эти пять областей с особенным устройством

вом: 1) Сибирь, 2) Астрахань и Кавказ с Грузией, 3) Оренбургский край, 4) Область войска Донского и 5) Новороссия. Вся остальная часть империи делится на губернии, каждая губерния — на округа, а округ — на волости. В непосредственной связи с этим делением и находится организация знаменитой государственной думы Плана Сперанского, долго стоявшей вне круга предметов, доступных для изучения ученому русскому историку. Обращаясь к государственной думе Сперанского, необходимо прежде всего припомнить основные принципы, какими он руководился в своем проекте, а именно: «Законодательное сословие должно быть так устроено, чтобы оно не могло совершать своих положений без державной власти, но чтобы мнения его были свободны и выражали бы собою мнение народное.— Сословие судебное должно быть так образовано, чтобы в бытии своем оно зависело от свободного выбора, и один только надзор форм судебных и охранение общей безопасности принадлежали правительству.— Власть исполнительная должна быть вся исключительно вверена правительству; но поскольку власть сия распоряжениями своими под видом исполнения законов не только могла бы обезобразить их, но и совсем уничтожить, то и должно поставить ее в ответственности власти законодательной». Эти принципы, при неуклонном их применении, могли бы создать определенные конституционные формы. План 1809 г. предполагает, что государственная дума собирается «по коренному закону и без всякого созыва ежегодно в сентябре месяце» и обсуждает дела по предложению «от имени державной власти одним из министров или членов государственного совета», причем из сего исключаются: 1) представления о государственных нуждах, 2) представления об уклонениях от ответственности и 3) представления о мерах, нарушающих государственные коренные законы. Что касается так называемого роспуска государственной думы, то он производится актом державной власти в государственном совете. Этот акт мог или отсрочить засе-

дания думы до следующего сентября, или уволить всех членов думы; в последнем случае тот же акт должен был означить новых членов, назначенных последними выборами губернских дум. Не входя в излишние подробности, остается показать, как выбирались депутаты в государственную думу. Процесс этих выборов является до чрезвычайности сложным и составляет весьма слабое место в Плане 1809 г. Необходимо прежде всего припомнить проект указанного выше разделения империи, тогда только этот сложный процесс может представиться несколько ясным.

I. «В каждом волостном городе или в главном волостном селении каждые три года из всех владельцев недвижимой собственности составляется собрание, под названием волостной думы». Волостная дума выбирает депутатов в окружную думу (в количестве не больше двух третей всего числа землевладельцев) и составляет «список двадцати отличнейших обывателей, волость населяющих, хотя бы некоторые из них были в отсутствии».

II. «Из депутатов волостных дум каждые три года в окружном городе составляется собрание под именем думы окружной». Окружная дума выбирает депутатов в губернскую думу (в количестве, не превышающем двух третей окружной думы) и из списков, представленных от волостных дум, составляет список двадцати отличнейших обывателей округа, причем отсутствующие не исключаются.

III. «Из депутатов окружных дум составляется в губернском городе каждые три года собрание под именем губернской думы». Губернская дума выбирает членов в государственную думу из обоих состояний, политические права имеющих. Не следует при этом забывать, что все члены губернской думы непременно землевладельцы. Число членов, выбираемых в государственную думу, по каждой губернии назначается законом. Губернская дума также составляет список двадцати отличнейших в губернии обывателей по спискам окружным, не исключая и отсутствующих. Любопытно, что план называет членов думы не

гражданами, а обывателями. Каждая из предшествующих дум последовательно представляет о местных общественных нуждах. Председатель губернской думы представляет на имя канцлера государственной думы, т. е. председателя государственной думы, списки членов, избранных в законодательное сословие, и отличнейших губернии обывателей вместе с представлением об общественных нуждах губернии.

Изложенный выше План 1809 г. никогда не был осуществлен в действительности, да и не мог бы быть осуществленным без коренной переработки, так как на многие необходимые вопросы он не давал никакого ответа. В его основаниях покоится, конечно, немало заимствований из западно-европейского конституционного и литературного материала. Кроме того, в составлении Плана в смысле предварительной подготовки данных принимал участие чиновник М. А. Балугьянский, та или другая значительность роли которого покуда недостаточно выяснена в литературе. План 1809 г. в связи с целым рядом тогдашних условий подготовил падение Сперанского 17 марта 1812 г., когда он внезапно, после продолжительной беседы с императором Александром, был отправлен в ссылку и 23 сентября того же года прибыл в Пермь в сопровождении частного пристава. Если План 1809 г., с одной стороны, являлся превосходной уликой в политической неблагонадежности Сперанского, то, с другой,— он готовил ему положительную ненависть дворянства и духовенства. Последнее осталось вне политических прав, ибо План умолчал о самом его существовании. Первое, подобно Александру, могло бы сказать, что он хитро подкопался под самое его существование. Помимо обещания в отдаленном будущем отнять у него даровой труд рабов, План 1809 г. всех дворянских сыновей превращал в личных дворян, раз они не прошли устанавливаемой теперь десятилетней службы вопреки жалованной грамоте 1785 г., а дети этих последних становились уже людьми среднего состояния. Это было логичес-

ким развитием мысли Александра I, но дворянство не простило бы Сперанскому подобного новшества. Высоко ценя общественное мнение на бумаге, Сперанский, как «великий бюрократ», мало стеснялся с ним на практике, как не стеснялся порою зло посмеиваться над самим императором Александром I. Ко времени Сперанского относятся два либеральных указа, которые сделали его предметом жгучей общественной ненависти, именно указы от 3 апреля и 6 августа 1809 года: первый вызвал негодование против Сперанского в аристократических кругах, второй вообще в чиновничестве. И указ о придворных званиях, и указ об экзаменах чиновников, жаждущих чинопроизводства, не могли улучшить положения страны, впавшей в особый род самодержавной анархии. Сперанский был наказан все-таки прежде всего, как автор хартии, изображенной им в «Плане» 1809 г.: «1) Без суда никто не может быть наказан. 2) Никто не обязан отправлять личную службу иначе, как по закону, а не по произволу другого. 3) Всякий может располагать своею собственностью по произволу, сообразно общему закону; без суда никто собственности лишен быть не может. 4) Никто не обязан отправлять вещественной службы иначе, как по закону или по условию, а не по произволу другого». В 1810 и 1811 гг. падение Сперанского уже носилось в воздухе. В июле и августе 1811 г. в Государственном Совете рассматривался проект Правительствующего и Судебного Сената, составленный Сперанским. В этом проекте современников должны были поражать два пункта: 1) что решения Сената — окончательные и что никакие жалобы на решения общего собрания Сената не должны быть допускаемы; 2) что часть членов Сената должна быть выборной. В Государственном Совете оба пункта были поняты, как косвенное нападение на незыблемость самодержавия, и вызвали против себя решительное возражение. Граф Кочубей, напротив, находил недостаточным либерализм автора проекта и сомневался в возможности по тогдашним «жестоким» правам министрам и членам Го-

сударственного Совета быть сенаторами по своему званию. Часто видел, говорит Кочубей, большую храбрость, когда не было министра, по части коего дело производилось, но лишь только являлся он, то следовало молчание или самое «подлое» снисхождение. Пункт об определении в Сенат по выборам собрал в Совете 15 голосов за и семь против; запрещение жалоб на решения Сената собрало 9 голосов за и 13 голосов против; царь утвердил мнение меньшинства, но закон о Сенате по проекту Сперанского никогда им не был издан, и в Совете яростными возражателями и защитниками незыблемости самодержавия были люди очень близкие к царю: граф Н. И. Салтыков и князь А. Н. Голицын. Их возражения не могли быть сильными по существу, но их упорство и наивная нагота могли только льстить несомненному властолюбию Александра. Хотя проект и прошел таким образом в Государственном Совете, оставалось только распубликовать его, как закон, хотя Александр два раза внимал мнению меньшинства, тем не менее, политическая репутация Сперанского в августе 1811 г. уже была подорванной: элементарный конституционалист мог казаться тем опаснее, что он находил пути подходить к конституции незаметными и скрытыми шагами. В этом Александр мог видеть только личную обиду, глухое нападение на самого себя, — словом, то, чего он никогда бы не мог простить. Понятие о конституции было для него кабинетной игрушкой, красивым словом для пышной многообещающей речи, отнюдь не понятием глубоко продуманным и подлежащим осуществлению.

V

Непрочность Сперанского, как лица, изображавшего в своих записках и планах словесные предначертания тогдашнего правительства, является не только результатом печальных свойств личности императора Александра, но

прежде всего неустойчивости настроений правительства, его неподготовленности к реформам и полного отсутствия социальной среды, которая могла бы вынести на своих плечах политическую реформу. Быть может, еще более характерным фактом в этом отношении представляется то правительственное раздвоение, которое наблюдается в начале царствования императора Александра и к которому Сперанский имел косвенное отношение. Это — появление так называемого Комитета Общественного спасения или Негласного комитета. Первое заседание этого комитета состоялось 24 июня 1801 г., последнее 9 ноября 1803 г., причем с 12 мая 1802 г. по 26 октября 1803 г. комитет не собирался вовсе, а всего заседаний комитета было сорок. «Негласный комитет» — создание графа П. А. Строганова; кроме последнего и самого императора, в его состав входили гр. В. П. Кочубей, Н. Н. Новосильцов и князь А. А. Чарторыйский. Сперанскому приходилось иметь дело с некоторыми документами, исходившими из Негласного комитета, а Лагарпу — давать некоторые советы императору Александру. Строганов полагал, что «необходимо составить план реформ и уяснить себе цель их, чтобы труды наши не зависели ни от чьего произвола, точно установив, чего мы желаем добиться от императора, необходимо определить его характер, чтобы сообразно этому составить наш план атаки, если я смею так выразиться». Неправильно оценивая личность императора Александра, Строганов полагал, что группе благонамеренных и благожелательных реформам лиц возможно захватить волю правительства и повести Россию по пути реформ благодетельных, осторожных и постепенных. «Император,— писал гр. Строганов,— вступил на престол с наилучшими намерениями возможно больших усовершенствований. Этому препятствуют только его неопытность и его характер, мягкий и ленивый. Для достижения доброй цели необходимо, следовательно, преодолеть эти три препятствия. Так как у него мягкий характер, то его должно поработить, чтобы иметь необхо-

димое на него влияние. Вследствие чистоты его принципов, наиболее верный способ порабощения его заключается в приведении всего к чистым принципам, в справедливости которых он не мог бы сомневаться. Эта мягкость его характера существенно обязывает не терять время, чтобы другие не предупредили нас, о чем они, несомненно, должны стараться и чем значительно затруднят наш труд. По лености своего характера, он естественно должен предпочитать тех, которые легко схватывают его мысль, способны выразить ее так, как он сам того желал бы и, избавляя его этим от труда отыскивать желательное им выражение, способны ясно и даже, если возможно, изящно изложить его мысль. Это условие избавления его от труда существенно необходимо. Так как неопытность заставляет его быть недоверчивым к самому себе, то, чтобы укрепить его и указать, с чего начать, необходимо предоставить ему возможность обозреть одним взглядом все отрасли управления, для чего потребно представить ему краткую картину положения империи в тот момент, когда он принял бразды правления». Без этого письма графа Строганова не понять условий возникновения Негласного комитета, вместе с тем оно ценно для характеристики тогдашних воззрений на Александра, как главу правительства, и представлений о приемах, путем которых, казалось, возможно было данной группе овладеть внутренней политикой. Строганов, сравнительно, был и наиболее либеральным, и наиболее убежденным из всех членов Негласного комитета. В период, когда еще были надежды на реформу, Строганову пришлось высказаться и по вопросу о конституции, и по вопросу крестьянскому. Строганов так изъяснял *la cause du mot constitution*: «Конституция есть законное признание прав народа и тех форм, в которых он может осуществлять эти свои права. Для укрепления действительности этих прав необходимо иметь обеспечение, что посторонняя власть не воспрепятствует пользованию этими правами. Где нет такого обеспечения, которое воздерживало бы правитель-

ство от мер, противных интересам народа, там нет и конституции». В первом заседании Негласного комитета 24 июня 1801 г., деятельность которого должна была оставаться безусловно неизвестной современному обществу, была формулирована задача его работ; в конечном счете эти работы должны были увенчать российскую империю конституцией, основанной на «истинно русском духе». В указанный день лица, облеченные доверием императора, начали совещания *pour coopérer en quelque sorte à un travail regulier de la réforme de l'édifice informe du gouvernement de l'empire*. Новосильцов, читаем далее в Строгановских протоколах, предложил точно определенный порядок занятий. Прежде всего надлежало узнать действительное положение вещей в стране, потом произвести реформу различных частей управления и увенчать эти разнообразные учреждения конституцией, основанной на истинном духе нации. Итак, прежде всего надо представить картину действительного положения страны. Надо начать с характеристики положения империи в отношении внешней обороны на море и на суше (*nos moyens de défense contre nos voisins*), затем перейти к уяснению природы отношений империи к иностранным державам и системы, которой в этих отношениях следовали, и уже потом, после изучения внешнего положения России, перейти к ее внутреннему состоянию, которое можно было бы представить с двух сторон — статистики и управления. В первом случае естественно пришлось бы дать картину состояния в России торговли, путей сообщения, земледелия и промышленности, во втором — собственно управления, юстиции, финансов и законодательства. Стройная по внешности, программа Новосильцова хоронила Негласный комитет скорее, нежели он мог бы умереть естественною смертью. Обзор протоколов комитета показывает, что, с одной стороны, не существовало резкой принципиальной разницы между группой сенаторов, прозванных консерваторами, и членами Негласного комитета, прослывшими почему-то

либералами, и что, с другой стороны, между комитетом и императором отнюдь не было надлежащей солидарности. И консервативные сенаторы, и либеральные советчики комитета равно казались неприятными Александру, когда они в той или другой форме пытались, как казалось императору, умалить его прерогативы самодержца. Поговорив о конституции, о правах русского народа, о гарантиях политической свободы, Негласный комитет примирялся с мыслью о таких преобразованиях, которые совмещали бы в себе незыблемость самодержавного строя с установлением в стране начал политической свободы. И Сенат, и комитет стояли за преобразования, но за преобразования не по существу, а в смысле той или другой формы усовершенствования техники государственных учреждений. Первый выдвигал историческую роль Сената, второй проектировал ряд учреждений. Комитет обсуждал и реформу Сената, и учреждение министерств, заговаривал о государственном совете и кабинете министров, обсуждал грамоту вольности российскому пароду и очень заинтересовался тайной полицией. Действительная политическая роль Негласного комитета едва ли не равняется нулю; император выслушивал прения, вмешивался в споры и всегда стоял на своем настолько, что уходившие из негласного собрания члены, так называемые друзья императора, не могли себе ясно представить ни мнения последнего, ни того, что он может предпринять. Классовая подоплека Негласного комитета претила иногда самому самодержцу в вопросе о положении дворянского класса, и, может быть, всего характернее открывается надлежащая физиономия комитета в прениях по крестьянскому вопросу. Царствование императора Александра в целом очень небогато мероприятиями в деле устройства крестьянского населения. Правительство вовсе не было заинтересовано в том, чтобы поддержать на практике распоряжение Павла о трехдневной работе помещика и о воскресном отдыхе рабов; дворяне не имели никаких побуждений соблюдать ненавистный им закон;

в царствование Александра, особенно в первое время, ничто Павловское вообще не могло встретить поддержки, и русская действительность в силу железных экономических условий развивалась в сторону крайней эксплуатации дарового крестьянского труда. В академической газете перестали, как указано выше, принимать объявления о продаже крестьян без земли¹; во время коронации императора Александра I не было пожаловано ни одной крестьянской души; наконец, был издан напрасно нашумевший и празднично рассердивший дворян именной указ 20 февраля 1803 года «об отпуске помещиком крестьян своих на волю по заключении условий, на обоюдном согласии основанных». Представляется ценным отметить, что и в этом указе, имевшем до чрезвычайности ничтожные практические последствия, виновато не правительство, а граф Сергей Румянцев, изъяснивший «желание некоторым из крепостных его крестьян при увольнении их утвердить в собственность продажею или на других добровольных условиях участки из принадлежащих ему земель». Румянцев просил царя, чтобы такие «условия, добровольно заключаемые, имели то же законное действие и силу, какое прочим крепостным обязательствам присвоено», и чтобы «крестьяне таким образом уволенные могли оставаться в состоянии свободных земледельцев, не обязываясь входить в другой род жизни». На основании этой просьбы графа Румянцева и появился указ о свободных земледельцах или свободных хлебопашцах. Исторический интерес указа заключается не в том, что было позволено на тех или других условиях отпускать крестьян на волю или даже отпускать на волю с землей, а в том, что указом предreshалось образование свободного сельского состояния с правом владеть землей на основах полной собственности. Надо заметить, что по существу указ 20 фе-

---

¹ 29 сентября 1822 г. был издан указ, согласно которому предписывалось «публикации в Сенатских объявлениях о продаже людей без земли остановить впредь до воспоследования о сем положения в Государственном Совете».

враля 1803 г. поддерживал ту правительственную тенденцию, которая сказалась еще в именном указе 12 декабря 1801 г., по которому предоставлено было «ие только купечеству, мещанству и всем городским правом пользующимся, но и казенным поселянам, к какому бы они ведомству ни принадлежали, равномерно и отпущенным на волю от помещиков приобретать покупкою земли от всех тех, кои имеют по законам право на продажу». Этот вопрос о праве приобретения земель не дворянами был предметом обсуждения в Негласном Комитете; его настроение легло в основу указа 12 декабря 1801 г. и отразилось позднее в указе о вольных хлебопашцах. Указ о вольных хлебопашцах устанавливает отпуск крестьян на волю с землей на известных условиях между помещиками и крестьянами каждый раз с высочайшего соизволения. Сущность указа достаточно определяется двумя его статьями, а именно: «4) Крестьяне и селения, от помещиков по таковым условиям с землею отпускаемые, если не пожелают выйти в другие состояния, могут оставаться на собственных их землях земледельцами и сами по себе составляют особенное состояние свободных хлебопашцев. 5) Дворовые люди и крестьяне, кои доселе отпускаемы были лично на волю с обязательством избрать род жизни, могут в положенный законами срок вступать в сие состояние свободных земледельцев, если приобретут себе в собственность. Сие распространяется и на тех из них, кои находятся уже в других состояниях и перейти в земледельческое пожелают, приемля на себя и все обязанности оногo». Вот и все законодательство о крестьянах времени императора Александра, который, не жалуя населенных земель вновь, вопреки мнению Негласного Комитета склонялся в сторону мнения разрешить не дворянам приобретение населенных земель, что отчасти и проскользнуло в указе 18 октября 1804 года, разрешавшем купцам, получившим классные чины до VIII включительно, владеть крестьянскими душами. Просьба графа Румянцева вызвала негодование против него помещичьего класса;

указ 18 октября 1804 г. не был благоприятен для популярности Александра I среди последнего. Негласный Комитет имел целью поработить волю Александра, но жестоко в том ошибся. При петербургском дворе Александра не мог обосноваться Каразин, очень быстро должен был рассыпаться кружок друзей Негласного Комитета, попал в ссылку Сперанский и неизменно сохранялся один только Аракчеев, взявшийся так или иначе взрастить Александровскую мечту о военных поселениях. Безуспешно пытался сыграть влиятельную роль при дворе Александра и Н. М. Карамзин.

15 марта 1811 года император Александр посетил в Твери свою сестру Екатерину Павловну; она вручила ему с надписью «Моему единственному брату» записку Н. М. Карамзина «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». Записка Карамзина ценна, как удивительно стройный взгляд на историю России в целом и как блистательный классовый памфлет; ее публицистическими элемент в высокой степени прямолинейен и выразителен; не будь в ней узко классовой критики царствования Александра I, последний был бы от нее совсем в восторге. Самодержавие есть палладиум России, восклицал Карамзин. Россия не может существовать без самодержавия; колебался в России самодержавный строй, и она начинала гибнуть, как, напр., во время смуты... «Но бедствия мятежной аристократии просветили граждан и самих аристократов: те и другие единогласно, единодушно наименовали Михаила самодержавцем, монархом неограниченным... Князя московские учредили самодержавие, отечество даровало оно Романовым». Автор ненавидит аристократию, против ее политической роли, ибо «самодержавие основало и воскресило Россию; с переменою государственного устава ее, она гибла и должна погибнуть, составленная из частей столь многих и разных, из коих всякая имеет свои особенные и гражданские пользы». В эту именно записку, а не за «Историю Государства Российского» автор получил, по свидетельству графа Д. Н. Блудова, в марте 1816 г. анненскую

ленту, но, несмотря на эту записку, он был принят императором Александром 15 марта 1816 года, только прогулявшись «по тернистому пути» апартаментов графа Аракчеева, к заступничеству которого должен был прибегнуть и Сперанский. В январе 1818 г. Карамзин подносит Александру первые восемь томов своей истории в отпечатанном виде, сообщая И. И. Дмитриеву, что «был у него (т. е. императора) в кабинете, имел счастье обедать». 15 марта 1818 г. последовало торжественное открытие первого польского сейма. Александр, развертывая перед поляками *charte constitutionelle*, произнес речь, многих смутившую в России: трудно быть в одно и то же время самодержцем в России и конституционным монархом в Польше. «Варшавские новости,— писал 8 и 23 апреля Карамзин Дмитриеву,— сильно действуют на умы молодые... Варшавские речи сильно отзывались в молодых сердцах; спят и видят конституцию; судят, рьят; начинают и писать... Но будет, чему быть». В 1819 г. Александр все еще не оставлял мысли восстановить Польшу в ее прежних восточных границах и беседовал по этому вопросу с Карамзиным в Царском Селе. 17 октября 1819 года Карамзин пил у Александра в царско-сельском кабинете чай и представил свои возражения по вопросу о восстановлении Польши в особой записке, известной под названием «Мнение русского гражданина». «Мы пробыли вместе,— писал Карамзин по этому поводу,— с глазу на глаз, пять часов, от восьми до часу за полночь. На другой день я у него обедал; обедал еще и в Петербурге... Но мы душою расстались, кажется, навек»... Однако в одной заметке 1825 г. Карамзин писал так: «В течение шести лет (от 1819 до 1825 года) мы имели с ним несколько подобных бесед о разных важных предметах. Я всегда был чистосердечен. Он всегда терпелив, кроток, любезен неизъяснимо; не требовал моих советов, однакож слушал их, хотя им, большею частью, и не следовал... Я не безмолвствовал о налогах в мирное время, о нелепой Гурьевской системе финансов, о грозных военных поселениях, о странном вы-

боре некоторых важнейших сановников, о министерстве просвещения или затмения, о необходимости уменьшить войско, воюющее только Россию, о мнимом исправлении дорог, столь тягостном для парода, наконец, о необходимости иметь твердые законы, гражданские и государственные». Советов Александр вообще не слушал, ограничиваясь разве их выслушиванием, и Карамзин позднее был прав, когда, выслушав в ноябре 1824 г. намеки на то самого Александра, писал: «Россия удержала свои польские области, но более счастливые обстоятельства, нежели мои слезные убеждения спасли Александра от дела равно бедственного и несправедливого». Если никто не спрашивал советов Карамзина в вопросе польском, то его усиленно вызывали на красноречивое описание красот военных поселений. Последними принужден был увлечься даже Сперанский в особой брошюре «О военных поселениях» (СПб. 1825). Карамзин сумел миновать этот подводный камень. Говорят, что в разговоре с царем он не раз «скорбел о горькой участи, которой подвергала крестьян жестокая система управления военных поселений». Говорят, что царь старался объяснить ему, что военные поселения «были учреждены с целью избавить народ от тягости рекрутства»; говорят, что царь выражал желание, чтобы Карамзин сам побывал в поселениях, и «тогда он, конечно, убедится в своем заблуждении». Аракчеев и призван был спасти Карамзина от этого неприятного заблуждения. «Желание мое показать вашему превосходительству самому военные поселения, — писал Карамзину «истинно-русский неученый дворянин», — то я и прошу вас пожаловать ко мне в Грузию в будущий четверг, то есть 16-го числа июля, к обеду, откусать у меня деревенского хлеба-соли, а после обеда мы отправимся вместе с вами в военное поселение». Три дня наслаждался Карамзин военными поселениями и любезностями графа Аракчеева. Угощение последнего, по-видимому, было очень внушительным. Во-первых, сам хозяин оказался далеко не поклонником химеры военных поселений.

«К удивлению моему,— рассказывал потом Карамзин,— я не мог не заметить, что граф сам в числе недовольных». А, во-вторых, его гость потерял свое даровитое перо, налюбовавшись поселениями, и не написав о них ни одной прекрасной строки. Только в письме к Дмитриеву от 31 июля 1825 г. из Царского Села Карамзин писал так: «Зная милостивое расположение ко мне государя, граф Аракчеев угостил меня с ласкою необыкновенною. Поселения удивительны во многих отношениях. Там, где за восемь лет были непроходимые болота, видишь сады и города. Но русский путешественник уже стар и ленив на описания». И гость, и хозяин не могли не остаться довольными друг другом. Хозяин не убедил гостя, и гость к высокому удовольствию хозяина не мог выиграть больше в глазах царя. Гость понял тенденцию хозяина и не сделал неугодного последнему, да, к тому же выиграл нечто в глазах не всегда взирающего далеко вглубь потомства. 28 августа 1825 г. Карамзин в последний раз беседовал с Александром от 8 до 11^{1/2} часов вечера. «Государь,— патетически заметил Карамзин,— ваши годы сочтены. Вам нечего более откладывать, а вам остается еще столько сделать, чтобы конец вашего царствования был бы достоин его прекрасного начала». Царь, очевидно, мало слушал своего собеседника, когда «движением головы и милою улыбкой» выразил одобрение, прибавив, что «непременно все сделает» и «даст коренные законы России». Не понимавший в данном случае Александра Карамзин впал в наивность и написал Дмитриеву: «Мы расстались не без чувства, привязанность моя к нему сердечная и вечная». В письмах того же времени Карамзин, которому, по его словам, царь доверил тайну своих наследственных распоряжений, писал Дмитриеву относительно поведения Аракчеева после убийства в Грузии дворовыми Н. Ф. Минкиной: «Важный государственный человек, огорченный ужасным домашним происшествием, отказался от всех дел; как слышно: заменить его другим не легко. Дельных людей на большой сцене у нас немного. Министры стары и дрях-

лы, кроме финансов и морского. Больше лиц, нежели голов, а душ еще менее. Впрочем, это не новое и не особенное, не чрезвычайное. Смотрю, замечаю и не дивлюсь».

«Мнение русского гражданина» — коротенькая записочка, смесь политических грез и близорукого патриотизма с детской мотивировкой очень серьезного положения, с едва скрытой резкостью рассердившегося консерватора, за которой могли следовать кружки либеральничавшего дворянства. «Захотев быть христианами-политиками,— говорит Карамзин,— впадем в противоречия и несообразности». Царь должен быть двуликим, должен разделять в себе христианина и политика. Царь может быть добродетельным «единственно в таком случае, когда сие благотворение не вредно для отечества», во всех других случаях он действует силою, забыв в себе христианина. Автор и грозит, и умоляет, и переходит на властный несколько тон землевладельца, которому нужен царь для охраны его классовых интересов. «Вы думаете,— писал царю историкограф,— восстановить древнее королевство польское, но сие восстановление согласно ли с законом государственно-го блага России? Согласно ли с вашими священными обязанностями, с вашею любовью к России и к самой справедливости? Во-первых, не говоря о Пруссии, спрашиваю: Австрия отдаст ли добровольно Галицию? Можете ли вы, творец Священного Союза, объявить ей войну, противную не только христианству, но и государственной справедливости, ибо вы сами признали Галицию законным владением австрийским. Во-вторых, можете ли с мирною совестью отнять у нас Белороссию, Литву, Волынию и Подолию, утвержденную собственностью России еще до вашего царствования? Не клянутся ли государи блюсти целостность своих держав? Сии земли уже были Россиею, когда митрополит Платон вручал вам венец Мономаха, Петра и Екатерины, которую вы сами называли Великою. Скажут ли, что она незаконно разделила Польшу? Но вы поступили бы еще незаконно, если бы вздумали загладить ее несправедливость

разделом России. Мы взяли Польшу мечом: вот наше право, коему все государства обязаны бытием своим, ибо все составлены из завоеваний. Екатерина отвечает Богу, отвечает истории за свое дело, но оно сделано, и для вас уже свято: для вас Польша есть законное российское владение. Старых крепостей нет в политике: иначе мы должны были восстановить и Казанское, Астраханское царство, Новгородскую республику, великое княжество рязанское, и так далее. К тому же и постарым крепостям Белоруссия, Волыния, Подолия, вместе с Галицией, были некогда коренным достоянием России. Если вы отдадите их, то у вас потребуют и Киева, и Чернигова, и Смоленска: ибо они также долго принадлежали враждебной Литве. Или все, или ничего. Доселе нашим государственным правилом было: ни пяди ни врагу, ни другу. Наполеон мог завоевать Россию; но вы, хотя и самодержец, не могли договором уступить ему ни одной хижинки русской. Таков наш характер и дух государственный. Вы, любя законную свободу гражданскую, уподобите ли Россию бездушной, бессловесной собственности? Будете ли самовольно раздроблять ее на части и дарить ими, кого за благо рассудите». Усердный историограф грозит далее, что, если царь ради «рукоплескания» поляков восстановит Польшу, русские никогда его за то не простят, лишат его своей любви, видя свое отечество «игралем самовластного произвола», более того «восстановление Польши будет падением России, или сыновья наши обогрят своею кровию землю польскую и снова возьмут штурмом Прагу». «Нет, государь,— заключает Карамзин,— никогда поляки не будут нам ни искренними братьями, ни верными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны: слабые не любят сильных, а сильные презирают слабых; когда же усилите их, то они захотят независимости, и первым опытом ее будет отступление от России». Итак, пусть остается Польша, «как она есть ныне», и пусть благоденствует Россия, «как она есть», а «поляки, законом утвержденные в достоинстве особенного, державного на-

рода, для нас опаснее поляков-россиян». Едва ли Александру могли поправиться намеки Карамзина на «самовластный произвол», «самовольство» и на возможность его «беззаконных» поступков.

Изложенным исчерпывается вопрос о правительственном либерализме начала XIX в., поскольку царь Александр и его сотрудники являлись выразителями этого либерализма. Ни по своей природе, ни по существу своих воззрений царь Александр никогда не был сколько-нибудь либералом в старом смысле этого слова, но когда надо, он в совершенстве владел всей шумихой либеральных фраз в целях общественного гипноза. Будучи убежденным самодержцем, совершенно не понимая и принципиально отрицая роль конституционного монарха, он тяготился ролью дворянского царя, вследствие чего и не был сторонником исключительного развития дворянских прав, и если бы мог, резко сузил бы таковые. Мистицизм Александра I и противоречия всех его воззрений после 1812–1815 гг. могут быть понятны только на этой почве его преклонения пред идеей величия самодержавия, для которого только и должны дышать не только страна и народ, но и вообще все страны и все народы.

Василий Сторожев

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР I И ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА

Великая княгиня Екатерина Павловна, четвертая дочь императора Павла, была щедро одарена природой. Она была умна, талантлива, красива и грациозна, обладала живым энергичным характером и редкой способностью обаятельно действовать на окружающих. К этой характеристике прибавим еще широкое образование, развитую любознательность и интерес к общественной жизни. Она была баловнем в царской семье, сумела достигнуть известной независимости от своей матери, сурово и деспотически относившейся к другим членам императорской фамилии; император Александр не скрывал перед ней своего чувства обожания. Перед вел. кн. Екатериной Павловной открывалось широкое поле деятельности, по роль ее, хотя была блестяща, однако далеко не так значительна, как можно было бы ожидать, потому что характер ее не был чужд очень существенных

недостатков. Первым было чрезмерное честолюбие. Она постоянно стремилась играть выдающуюся роль, ничем не была довольна и, гоняясь за недостижимым, мало использовала ту силу и значение, которое ей было доступно. Даже императрица Мария Феодоровна, слепо ее любившая и в ее претензиях обыкновенно видевшая только оригинальность и талантливость, однажды не могла удержаться от восклицания: «Не понимаю, чего еще хочет Екатерина! Она имеет самые лучшие в России губернии, а все недовольна». Конечно, трех губерний было мало, чтобы удовлетворить честолюбие той, кому виделся в перспективе трон. По словам Сен-Жюльена, австрийского посла при русском дворе, в. к. Екатерина Павловна подготовлялась к тому, чтобы последовать примеру своей бабушки и рано или поздно занять императорский трон. Действительно, судьба не раз приближала ее к власти и жестоко обманывала. Как известно, император Павел относился к своим сыновьям с большим недоверием. Незадолго до своей смерти он носился с мыслью устранить сыновей от престола и назначить своим наследником принца Евгения Вюртембергского, женив его на вел. кн. Екатерине Павловне. Невесте в то время было только 13 лет, но она уже была преисполнена чувством собственного достоинства и не понравилась жизнерадостному и несколько легкомысленному жениху, который дал ей такую характеристику: «Мрачная и скрытная, но преждевременно развитая и сознававшая это, она отталкивала меня своей чопорностью». Преждевременная кончина императора расстроила этот план.

Когда вел. кн. Екатерина Павловна достигла 18-летнего возраста, то мать ее, императрица Мария Феодоровна, стала искать достойной партии для своей любимой дочери. Она поручила послу в Вене кн. Куракину позондировать почву, нельзя ли устроить брак вел. кн. Екатерины Павловны с императором австрийским Францем. Более блестящую партию найти было трудно, и великая княжна горячо приняла к сердцу этот проект, хотя ради удовлетворения

Великая княгиня Екатерина Павловна

честолюбия ей пришлось бы принести немалую жертву: император был уже вдовцом и пользовался за свои личные качества очень нелестной репутацией. Напрасно имп. Александр указывал на недостатки жениха и убедительно отговаривал от рискованного шага, вел. кн. Екатерина Павловна настаивала на своем и доказывала, что недостатки императора несущественны: «Говорят, что он стар, но ему нет и 38 л.; безобразен, но я никогда не обращала внимания на красивое мужское лицо; грязен — я его вымою». Очевидно, здравый смысл и личное достоинство могли быть при-

несены в жертву честолюбию. И этот план расстроился по той простой причине, что император Франц и не собирался просить руки вел. кн. Екатерины Павловны. Одно время она могла иметь виды сделаться женой Наполеона, императрицей французов, но подобный проект не мог осуществиться, главным образом вследствие непопулярности союза с Наполеоном. Внешняя политика императора Александра вызывала такое раздражение среди родовой аграрной аристократии, что иностранные послы писали тревожные донесения о возможности в России нового дворцового переворота. Общая молва приближала теперь вел. кн. Екатерину Павловну уже к русскому престолу: заметить императора Александра одним из братьев нельзя — они более солдаты, чем правители, императрица-мать неспособна к правлению, и только вел. кн. Екатерина Павловна способна восстановить славное прошлое. Недовольство, однако, не разрослось до открытого бунта и ограничилось одними разговорами.

Не пашедши себе жениха среди крупных владетельных особ, вел. кн. Екатерина Павловна принуждена была ограничиться незначительным прицем. 1 января 1809 г. она была помолвлена с генерал-майором русской службы принцем Георгом Ольденбургским, занимавшим в качестве младшего сына незначительного немецкого князя очень скромное положение. Человек очень посредственных талантов, не блестящий и некрасивый, он зато был корректен, скромен, услужлив и уступчив, — словом, был очень удобен для честолюбивой великой княжны, которая так любила повелевать и играть первую роль. К тому же она могла остаться в России, где деятельность для нее была шире, а влияние значительнее, чем в каком-нибудь немецком княжестве. Принц Ольденбургский был назначен генерал-губернатором Новгородской, Тверской и Ярославской губерний и главным директором водяных коммуникаций с резиденцией в г. Твери. Честолюбивые планы великой княгини видеть себя на престоле не осуществились.

Другим ее недостатком была способность поддаваться увлечениям. И сердечные увлечения, и увлечения какой-либо идеей, симпатией или антипатией у ней были сильны, хотя и не всегда продолжительны. Под влиянием страсти или захватившей ее мысли она могла наделать немало ошибок, при противодействии быть резкой и упрямой, а при неудаче скоро утешиться. В 1808 г. она сильно увлеклась кн. Долгоруким и даже собиралась выйти за него замуж, забыв все свои честолюбивые планы. Еще раньше у нее было увлечение кн. Багратионом, сильно шокировавшее императрицу Елизавету Алексеевну. Она увлекалась также страстно вопросами внутренней и внешней политики, и эта страстность придавала ее влиянию на окружающих, и благодетельному, и вредному, особую силу и убедительность, но подчас вызывала излишнюю суетливость и неутомимую торопливость. Прибавим к этому, что она была русской патриоткой, хотя после 1813 г. жила за границей и редко посещала свое отечество; была покровительницей русской науки и литературы, хотя русская речь представляла для нее значительные затруднения.

Такова была вел. кн. Екатерина Павловна, имевшая на своего брата императора влияние большее, чем обе императрицы или кто-либо другой из родственников. Но это влияние не надо преувеличивать. Император Александр подчинялся обаянию ее личности преимущественно тогда, когда имел ее перед глазами, на него действовала ее жизнь, увлечение и красота. Он боготворил сестру и писал ей такие письма, которые напоминают переписку влюбленных. При личных свиданиях, подчиняясь обаянию великой княгини, император советовался с ней по самым разнообразным вопросам внутренней и внешней политики и даже предварительно составлял программы бесед, чтобы не оставить без внимания ничего важного, но в письмах он не так откровенен и иногда посылает ничего не значащие записочки в то время, как был всецело занят важными мыслями и заботами. Некоторую роль тут играло и недоверие к

почте, которая не избавляла от перлюстраций даже императорские письма. Чувствуя себя часто одиноким, император Александр любил побеседовать с сестрой, хотя бы письменно, сообщить ей свои радости и огорчения, но совета он просил очень редко.

До 1809 г., года замужества, вел. кн. Екатерина Павловна вряд ли оказывала заметное влияние на ход государственных дел. По крайней мере, переписка ее с императором носит игривый характер обмена комплиментами и поверхностной передачи своих впечатлений. Серьезные ноты звучат только в тех письмах, в которых обсуждаются проект брачного союза с императором Францем и отношения императора Александра к Наполеону. В горячем письме от 27 июня 1807 г. вел. кн. Екатерина Павловна закликает брата отстаивать перед Наполеоном интересы России, чтобы заставить ее уважать не только на словах, но и на деле. С своей стороны и император Александр рассказывает о впечатлении, произведенном на него беседами с Наполеоном.

Переселившись в Тверь, великая княгиня, вдали от шумного петербургского двора с постоянными празднествами и церемониями, получает все больший вкус к общественным делам, честолюбие ее от брачных вопросов с владетельными особами обращается к тому, чтобы и в сравнительно скромном положении жены провинциального генерал-губернатора играть видную роль в центре. Она довольно часто видалась с императором, так как подолгу гостила в Петербурге, и неоднократно принимала брата в своем тверском дворце. Беседы их стали носить более деловой характер, переписка стала гораздо содержательнее. Влияние и сила великой княгини становились все заметнее. Всем было очень хорошо известно, что в Твери не раз обсуждались и решались назначения на ответственные посты, что расположение вел. княгини открыло быструю карьеру многим честолюбцам, а неудовольствие ее равнялось царской опале. Московские власти прислушивались, что говорят в тверском дворце. Так, П. И. Голенищев-Кутузов,

попечитель Московского университета, иногда пренебрегал прямыми указаниями министерства, если великая княгиня с ними не соглашалась. Ее влияние было известно и за границей, и прусские агенты, хлопотавшие о браке вел. кн. Анны Павловны с прусским принцем, сочли долгом прежде всего посетить Тверь и посоветоваться с вел. кн. Екатериной Павловной.

Вокруг великой княгини составилъ тесный кружок определению консервативного направления, и самым желанным гостем в Твери был Н. М. Карамзин. Она считала конституцію «совершенным вздором», а самодержавие полезным не только в России, но и в западно-европейских государствах, и достаточно, думала она, государю показать свою личную энергию, чтобы завладеть неограниченной властью. Она охотно подписала бы свое имя под известным рассуждением Карамзина «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении», под этой горячей проповедью самодержавия и осуждения либеральных реформ. Это сочинение вел. кн. Екатерина Павловна передала императору во время одного из его визитов в Тверь. Как известно, император Александр держался иных взглядов и принял подношение довольно холодно. Другим частым посетителем Твери и постоянным корреспондентом великой княгини был гр. Ф. В. Ростопчин. Он сообщает ей последние новости, ходатайствует за своих друзей и ведет беседы на политические темы. Гр. Ростопчин пришелся ко двору, и вел. кн. Екатерина Павловна провела его на высокий пост московского главнокомандующего.

Так как основные политические взгляды императора Александра и вел. кн. Екатерины Павловны были слишком различны, то влияние великой княгини на брата в том случае, когда вопрос касался организации новых учреждений и реформы старых, было едва ли особенно сильно. Правда, император продолжает беседы с сестрой на политические темы и посылает ей на рассмотрение проект переустройства Сената, но ниоткуда не видно, чтобы мнения великой

княгини имели решающее значение. Но ей удалось другое — вместе с группой влиятельных лиц добиться ссылки либерального реформатора, гр. Сперанского, которого она считала «преступником», овладевшим волей слабохарактерного монарха. Помимо идейного антагонизма, к этой вражде, быть может, примешивалось и личное неприятие к человеку, который заслонял ее от императора и не раз становился ей поперек дороги. Сперанский имел смелость высказаться против кандидатуры Карамзина на пост министра народного просвещения, выдвинутой вел. кн. Екатериной Павловной после смерти Завадовского, и отказал в поддержке той шведской политической партии, которая прочила на шведский престол мужа вел. княгини, принца Ольденбургского. Конечно, много было существенных оснований политического и личного характера, почему император Александр должен был расстаться с Сперанским, но, несомненно, вражда вел. кн. Екатерины Павловны имела в этом случае немалое значение.

В тяжелое время Отечественной войны великая княгиня оказалась на высоте положения. Среди всеобщей растерянности и уныния она одна из немногих стояла за продолжение войны с Наполеоном до последней крайности и в этом смысле писала императору горячие, одушевленные истинным патриотизмом письма. Конечно, император Александр не считал сестру компетентной в военном деле и не искал у нее советов, но зато обращался к ней за моральной поддержкой и находил искреннее сочувствие. Но великая княгиня

Император Александр I

сама проявила свою инициативу в создании военных сил империи и едва ли не первая высказала мысль о повсеместной организации ополчений. Из своих крепостных она составила особый батальон, который содержала на свои средства до самого конца войны с Наполеоном. Ей хотелось бы проявить еще большую деятельность, она сожалела, что родилась не мужчиной и мечтала видеть своего мужа героем, увенчанным военными лаврами. Но принц откровению признавался, что не чувствует к военному делу особой склонности и хотя отправился к действующей армии в свите императора, но играл в ней незавидную роль и вместе с императором Александром покинул армию. Великая княгиня не хотела с этим помириться; она докучала брату письмами с требованием командировать принца па театр военных действий, допускала даже резкий тон, но успеха не имела. Принц, пося военный мундир, оставался гражданским чиновником. Он вместе с супругой немало заботился об устройстве госпиталей для раненых, лично вникал во все мелочи и при посещении больных заразился тифом и скончался.

Горе вел. кн. Екатерины Павловны было глубоко и искренне, хотя императрица Елизавета Алексеевна, бывшая с великой княгиней в довольно натянутых отношениях, ядовито заметила, что она утешилась слишком скоро. Пошатнувшееся здоровье и желание забыться в новой обстановке заставили ее выехать за границу для лечения водами. Тут она увлеклась вопросами внешней политики и со всей своей страстностью окунулась в море дипломатических интриг и переговоров. Она дает императору подробные отчеты о своих беседах с иностранными принцами и министрами и исполняет довольно сложные дипломатические поручения. Так, она подготовляла присоединение Австрии к коалиции против Наполеона. Но играть выдающуюся роль ей удалось только в 1814 г., во время своего продолжительного пребывания в Англии. С первого же дня своего пребывания в Лондоне она стала делать ошибку за ошибкой.

Принц-регент ей очень не понравился, и она стала относиться высокомерно и крайне нетактично и к нему, и к правительственной торийской партии, была очень любезна с опальными принцессами и с руководителями вигской партии и так раздражила английское правительство, что русский посол кн. Ливен должен был сделать ей серьезные представления. Но сломить ее упрямство было нелегко; русская великая княгиня перестала разговаривать с русским послом. Когда император Александр приехал в Лондон с целью завязать более дружественные отношения с английским двором, то подпал вполне под влияние сестры, в отеле которой остановился, и не только не поправил дела, а совершил новый ряд бестактностей и грубых дипломатических ошибок. Английские представители на Венском конгрессе не забыли этого и заняли позицию, враждебную русским интересам.

Великая княгиня была и в Вене во время конгресса, но играла ли какую-либо политическую роль, пока неизвестно. Вряд ли она ограничилась только участием в блестящих празднествах. После конгресса влияние вел. кн. Екатерины Павловны на брата, по-видимому, все более ослабевает. Она увлеклась наследным принцем Вюртембергским и, несмотря на убеждения матери, отдала ему руку. Это сердечное увлечение вряд ли было счастливо. По наблюдениям современников, принц обращался с ней довольно грубо и, вероятно, смотрел на этот брак только как на выгодную политическую комбинацию. Скоро она сделалась королевой, наконец, увидела себя на троне, но рожистое воспаление прервало ее еще молодую жизнь. Она умерла 28 декабря 1818 г. только тридцати лет от роду.

С. Богоявленский

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

I

В последние месяцы трагически оборвавшегося царствования Павла курс русской внешней политики подвергался таким же резко импульсивным воздействиям, как и все дела тогда в России. Война с Англией и союз с первым консулом, разрыв с Австрией и сближение с Пруссией — главные события последнего периода Павловской политики — ставили Россию на новый путь, глубоко противоречивший общему настроению влиятельных кругов. Но если во внутренних делах несколькими указами и повелениями можно было удовлетворить руководящие слои общества, повергнув пра-

вительственную политику в прежнее русло, для международных отношений России вопрос решался не так легко и просто. Нетрудно было восстановить порванные Павлом традиционные связи, но, с другой стороны, едва ли было безопасно и выгодно для России круто порвать со всем, что им было сделано. Большинство деятелей, восстановивших или вновь получивших в эту пору влияние и правительственные дела, стояли, однако, за полный перелом в русской политике. При всех различиях взглядов между братьями Воронцовыми, гр. А. К. Разумовским, гр. В. П. Кочубеем, гр. Н. П. Паниным, кн. Ад. Чарторыйским и другими руководителями русской дипломатии, все они одинаково твердо были убеждены в необходимости для России вернуться к ее прежним союзным отношениям, принимая все последствия этого шага. Такой взгляд был прежде всего основан, конечно, на господствовавшем в русском обществе недоверии к Франции, у одних, как носительнице революционных идей, у других, либеральных молодых друзей Александра, как к грозной нарушительнице европейского равновесия. Но наибольший вес этим убеждениям верхов общества давало то, что в основе их лежали действительные интересы государства.

Как и во всех экономически отсталых странах Европы, для народного хозяйства России сыграл чрезвычайно важную роль подъем английского промышленного производства, совершившийся во второй половине XVIII века. Быстрое увеличение промышленного, т. е. городского населения в Англии вызвало столь же быстрый рост спроса и поднятие цен на сырые материалы и сельскохозяйственные продукты. Создавшиеся вследствие этого благоприятные условия для развития отпускной торговли продуктами сельского хозяйства, с одной стороны, значительно улучшили торговый баланс России, а с другой — повысили против прежнего зависимость русского хозяйства от внешней торговли рынка. Эта внешняя восприимчивость русского народного хозяйства — истинное начало новейшего перио-

да нашей истории — очевидно, предопределяла и направление симпатий русского общества в основной политической проблеме эпохи, в великой англо-французской борьбе, которую лорд Чатам так исчерпывающе ясно определил знаменитой формулой: «единственное, чего Англии следует бояться, это превращения Франции в морскую, торговую и колониальную державу». В первые годы XIX века громадная часть нашего вывоза шла в английские порты, весьма крупная доля потреблявшихся в России товаров была английского происхождения; между обеими странами существовала, таким образом, крепкая экономическая связь, вне которой нельзя было прочно ставить вопроса об их взаимных политических отношениях. С другой стороны, правильная оценка англо-французского соперничества не позволяла рассчитывать на возможность занять сколько-нибудь нейтральную позицию. Генерал Бонапарт восстановил самую глубокую и жизненную традицию французской политики, взяв в свои руки борьбу с Англией; положив в основу своей дипломатической деятельности экономические интересы Франции, он обеспечивал себе могущественнейшее орудие владычества и силы. У тех, кто вполне сознавал это в то время, не могло быть оптимистических взглядов на европейский мир.

Гр. А. К. Разумовский, восстановленный в звании русского посла в Вене, через неделю после воцарения Александра в обширной докладной записке доказывал необходимость воскресить Екатерининский «тройственный» противо-революционный союз. То, что он предлагал, сводилось к заново обоснованному, но наиболее привычному для России курсу: австро-русскому союзу с поддержкой Англии против Франции и Пруссии. Также возвращенный на свой прежний пост, посол наш при английском дворе гр. С. Р. Воронцов настаивал на том, что непосредственно примирения с Англией — первого шага Александра — недостаточно; он восставал против начал вооруженного нейтралитета, против созданного Россией для борьбы с

Англией союза с Швецией и Данией,— словом, выступал ярким сторонником наступательного и оборонительного англо-русского союза. Сам официальный руководитель русской внешней политики гр. Н. П. Панин стоял также за тесное сближение с Англией, но в сочетании с Пруссией и Портой, чтобы «обуздывать честолюбие Австрии политикой Екатерины II и сдерживать Швецию союзом с Турцией». Наконец, многие из «молодых», напр., Строганов и Ад. Чарторыйский, были выразителями яркого антифранцузского течения.

И тем не менее первые же выступления русского правительства показали, что ни общее настроение руководящих кругов, ни более отграниченные течения, так близко сходявшиеся в главном, не определяют нового курса. Это сказалось и в объяснениях с уполномоченным первого консула ген. Дюроком, и в циркулярной инструкции послан 5 июля 1801 г., и в суждениях неофициального комитета. Александр не предпринял ничего решительного; не отвергнув ни одной из предлагавшихся ему программ, он не дал хода ни одной из них.

Он внимателен к гр. А. К. Разумовскому, но до осени не пускает его в Вену; он мягко возражает гр. С. Р. Воронцову, но дает ему понять, что то, в чем посол упрекает гр. Н. Панина, исходит от императора, и спокойно ставит его в самое тягостное положение перед английским двором. Мало-помалу все действия дипломатии сводятся к одному, еще не для всех исполнителей ясному, для многих крайне неприятному курсу. Его задачи: «сдерживать честолюбие Франции, не компрометируя себя», использовать взаимную вражду «естественных союзников» России, Австрии и Пруссии, выходя из нейтралитета лишь тогда, когда этого потребуют выгоды России, сохранять, пока можно, союзные отношения с «естественными же» врагами, Швецией и Турцией, и, наконец, в основном вопросе, о позиции России между Англией и Францией, держаться по возможности самостоятельно, т. е. искать, пока позволяют обстоя-

тельства, позиции нейтральной. «Я особенно постараюсь следовать национальной системе, т. е. системе, основанной на выгодах государства, а не на пристрастиях к той или иной другой державе, как это часто случалось», — пишет Александр С. Р. Воронцов.

Этой программе — программе императора Александра — с редкой последовательностью отвечают действия направляемой им дипломатии. Он заключает мир с Англией, но не отказывается ни от одного из выгодных для России последствий разрыва с нею — соглашения с Швецией, восстановления порванной революцией связи с Францией; он посылает специальную миссию в Вену, назначает туда послом любимца австрийского двора Разумовского, но в то же время хлопочет и о поддержке дружеских отношений с Пруссией. И — самый яркий факт: прежде всего и больше всего его заботят переговоры, которые ведет Морков в Париже. Следуя инструкциям императора, Морков заключает мирный договор и конвенцию, являющиеся действительными выражениями политики интересов, а не пристрастий и традиций. Вопреки требованиям и выгодам Англии, о тесном сближении с которой Воронцов ведет в это время переговоры в Лондоне, в конвенцию включается условие о русском посредничестве между Россией и Портой, потому что это обеспечивает хотя бы временно сохранение русского влияния в Константинополе. Условия разрешения германского вопроса вырабатываются на основе соблюдения в Германии равновесия между Габсбургским и Бранденбургским домами. Но наиболее характерной и замечательной чертой этих договоров является условность их. Александр признает последствия революции, но лишь как завершившиеся; цель договоров — создание устойчивого порядка, восстановление нарушенного революционными войнами равновесия в Европе, но равновесия чисто фактического без всякой реставрационной окраски. Ни компенсации обездоленным на левом берегу Рейна германским князьям, ни вопрос о Пьемонте и вознаграждении

сардинскому королю не выходят из рамок политики интересов. И то, и другое — в интересах России. Дух договора обязывал первого консула считаться с европейским равновесием в той форме, в какой, по мнению Александра, оно было необходимо для России: основным условием согласия с Францией было положено равновесие между русским и французским влиянием.

Этот первый период внешней политики Александровского царствования характеризуется большой осторожностью, постоянным стремлением сглаживать опасные противоречия, не принимать на себя никаких решающих обязательств — и в то же время настойчивой работой над определением, обоснованием и утверждением самостоятельного и вполне реалистического курса русской политики. В основных чертах это — политика мира, но мира, основанного на твердой защите государственных интересов. Эти черты предрешают и условность этой политики. С другой стороны, в рядах русской дипломатии, неоднородных по взглядам и приемам работы, устанавливается непривычно строгая централизация. В общем, воспитывается внешняя гибкость политики при внутренней определенности ее. И в этих чертах вырисовывается ее основной характер: она глубоко отражает личные свойства молодого императора; выясняется, тогда еще, впрочем, для немногих, что руководят ею не славные дипломаты «Екатерининской школы», не блестящая плеяда «молодых», а ее направляет железная рука в бархатной перчатке — рука самого Александра.

II

Политика Александра была в это время определенно миролюбивой. Но мир не был ее исчерпывающей целью. Как только обнаружилось, что нельзя надеяться на точное осуществление заключенных Морковым договоров, на со-

блюдение главной цели их, в русской политике вполне последовательно выступили вперед иные настроения. Первым ясным симптомом этой перемены была передача ведомства иностранных дел гр. А. Р. Воронцову, стороннику англо-австрийского союза; помощником его был назначен кн. Ад. Чарторыйский.

Ряд фактов доставил бесспорные доказательства, что, сближаясь с Россией, первый консул хотел лишь использовать ее в своих целях и при этом отнюдь не был намерен считаться с русскими интересами, иначе говоря, не думал ни о каком уравнивании русского и французского влияния в Европе. Обнаружилось это и в германском, и в итальянском делах, и в вопросе о посредничестве России в Константинополе. Все подозрения, недомолвки, недоразумения получили для русского правительства вполне определенный смысл, когда стал известным заключенный первый консулом в мае 1802 г. тайный договор с Пруссией, по которому решение германского вопроса определялось на особо выгодных для нее условиях, взамен чего Пруссия признавала итальянскую республику и присоединение Пьемонта к Франции и принимала на себя посредничество между Францией и Турцией. Хотя условия первой части договора были вскоре сообщены Александру и одобрены им, самый факт сепаратного и тайного от него соглашения и особенно дальнейшее содержание его ясно указывали на истинные цели французской политики. Ни делить влияния с Россией, ни принимать в соображение предначертанных ею условий мирного сосуществования первый консул, очевидно, не хотел. Оказывалось, что таким путем сдерживать «французское честолюбие» нельзя.

Со своей стороны и Наполеон успел убедиться в тщетности надежды на союз с Россией против Англии. Он решил, по крайней мере, отвлечь Россию от активного участия в европейских делах, надолго заняв ее на Востоке. Он постоянно намекал Моркову на близость разложения Турции, наконец, прямо заговорил о возможности ее раздела:

«Турецкая империя готова рухнуть, и в таком случае соседние державы, Россия и Австрия, естественно захотят унаследовать ее развалины; я с своей стороны ничего против этого не имею, если только Франции будет предоставлена выгодная доля». Если бы в Петербурге последовали этому совету, Россия была бы тогда же, в 1802 г., затянута в войну с Турцией; первый консул надеялся, что эта война должна будет столкнуть нас затем и с Австрией, искони опасавшейся расширения России на Балканах и на Дунае. Таким образом была бы предупреждена не только возможность союза России с Англией, но и еще большая опасность образования коалиции с Россией во главе. В Петербурге это прекрасно понимали и решительно отвергли мысль о разделе Турции, известив о предложении первого консула Порту и Англию. Этот шаг был в сущности уже началом дипломатической войны.

Тем временем отношения между Францией и Англией становились все более натянутыми. Амьенский мир (25 марта 1802 г.) был очень непопулярен в Англии: борьба с Францией знаменовала для англичан борьбу за их важнейшие интересы, и поэтому искусственное прекращение ее вызвало страстное противодействие со стороны обширных общественных кругов. Это отразилось на образе действий английского правительства: вопреки договору оно не отозвало своих войск с о. Мальты. Возник очень острый конфликт. Не теряя надежды использовать пока еще нейтральную позицию России, первый консул поставил перед Александром задачу спасения европейского мира, предложив ему принять на себя посредничество. Наша политика в этом решительном эпизоде отличается чрезвычайной ясностью и определенностью. Русское правительство стремится остаться нейтральным. Оно готово самым усердным образом хлопотать об улажении конфликта; но — пишет А. Р. Воронцов Моркову — «если нам удастся добиться документа, которым бы Франция и Англия, с присоединением других держав Европы, гарантировали существова-

ние и целостность оттоманской империи, мы покуда сделаем все, что можно было ожидать и желать лучшего. Если бы можно было включить в этот договор новую гарантию для итальянских государств, присоединив сюда и немецкую империю, Голландию и Швейцарию, и обеспечить нейтралитет этих стран, так сказать, заковать Францию в ее настоящие границы, то это было бы наилучшим результатом». Первый консул сделал вторую, усиленную попытку: предложил Александру занять Мальту русскими войсками. Но ловушка была слишком груба; стремление втянуть Россию в конфликт с Англией было слишком откровенно. Облеченный в безукоризненную форму отказ вызвал со стороны первого консула ряд резкостей по отношению к Моркову и жалоб на гр. С. Р. Воронцова. Морков был отозван и одновременно награжден Андреевской лентой. В мае 1803 г. война между Францией и Англией была объявлена.

Еще в одном из своих докладов о мальтийском конфликте А. Р. Воронцов указывал, какие опасности для России должна повлечь эта война. В стремлении разрушить английскую торговлю, французы — полагал он — могут занять ряд пунктов на континенте, с которыми мы связаны весьма крупными коммерческими отношениями; эти действия должны вызвать и со стороны англичан крайне стеснительные для нас меры. Его предсказания оправдались. Осенью 1803 г. канцлер докладывал государю о громадных затруднениях для русской торговли, вследствие блокады англичанами устья Эльбы и опасности, грозящей от французов Гамбургу и Любеку. В широких кругах русского общества росло возбуждение против Франции. Воронцов, докладывая о несовместимости с интересами и достоинством России «предавать в руки дерзкого властолюбца соседей, искони преданных ей», выражал общее настроение. Александр решил создать коалицию в тех формах, которые предусказал своими первыми же дипломатическими шагами, т. е. со включением в нее как Австрии, так и Пруссии.

В обращениях его к этим державам, надо отметить, впервые зазвучала старая нота призыва к борьбе с революционной страной. Но это, несомненно, было лишь отзвуком прежних коалиций, лишь дипломатическим приемом, особенно по отношению к Австрии. Сверх ожидания призыв русского императора к новому крестовому походу против дерзкого нарушителя общего покоя был встречен «искони преданными соседями» далеко не с восторгом. Австрийское правительство еще больше боялось первого консула, чем ненавидело его. Слишком свежи были воспоминания о недавних поражениях и почти позорном мире. Присоединение Пьемонта к Франции и занятие французами Гамбурга и юга Италии довели эту боязнь до панического страха. Разумовский доносил, что его предложения о союзе выслушиваются с ужасом. Австрийские министры даже подозревали Россию в скрытом намерении вызвать полный разгром Австрии французами, чтобы затем беспрепятственно завладеть нижним течением Дуная. Австрия, однако, прямо не отказывалась от участия в коалиции, но затягивала переговоры, а в то же время нащупывала почву для сближения с Францией; между преемником Тугута гр. Фил. Кобенцелем и Талейраном шла оживленная переписка. С другой стороны, Пруссия отнеслась вполне отрицательно к предложению Русского двора. Вопреки советам Гарденберга, предсказывавшего вторжение французов в северную Германию и возможность разрыва с Россией, король и слышать не хотел о коалиции; он считал Францию своей естественной союзницей против Австрии и, питая широкие планы расширения в Германии, ждал их осуществления от помощи Наполеона. Пока, впрочем, и русское правительство действовало еще не с окончательной решимостью. Сохранение нейтралитета пока казалось возможным. Неторопливость русской дипломатии объяснялась и тем, что в Петербурге возникло серьезное недовольство англичанами, допустившими захват каперами русских судов и блокировавшими устья Эльбы; недовольны были и действиями

английского посла в Константинополе. Это было серьезным препятствием для осуществления коалиции, так как без английских субсидий трудно было бы вести войну. Такое состояние неопределенности длилось бы, может быть, еще долго, если бы не совершилось поразившее как громом всю старую монархическую Европу убийство герцога Англенского, захваченного французскими жандармами на германской территории. Это роковое преступление оживило угасавшие чувства ненависти к Франции, как к стране революции, и в то же время показало, до какой степени доходит в центральной Европе панический страх перед Наполеоном. Отчасти из чувства искреннего негодования, отчасти из желания использовать момент, чтобы создать, наконец, коалицию, инициативу протеста взяло на себя русское правительство. Оно обратилось к Регенсбургскому сейму с предложением потребовать от Франции удовлетворения за дерзкое нарушение границ империи. Вместо ожидавшегося единодушного выступления германских государей русская нота вызвала жалкий переполох. К русскому протесту присоединились только ганноверский посланник и шведский король. Франция ответила России крайне резкой нотой, содержавшей прямые угрозы. Хотя коалиция не была еще создана, Александр не поколебался и потребовал немедленного очищения северной Германии и Неаполя и вознаграждения сардинского короля. Наполеон отказал, и в августе 1804 г. дипломатические сношения были прерваны.

Этот момент является для внешней политики Александровского царствования чрезвычайно важным. С одной стороны, у Александра, преемника победоносного «века Екатерины» и — не следует забывать — великолепной эпопеи последней Суворовской войны, была еще неприкосновенной гордая вера в непобедимость русского оружия; опато и поддерживала в нем ту решимость, которая была до сих пор внутренней психической основой его действий. С другой стороны, он был человеком своего времени и сознавал, что «самое могущественное оружие, которым поль-

зовались до сих пор французы и которым они еще угрожают всем странам, состоит в общем мнении, что их дело есть дело свободы и благосостояния народов». Захватить это оружие в свои руки — какая великая цель! И не столько для ученика Лагарпа, сколько для реалиста-политика. Посылая Александра Новосильцова в Лондон для соглашения о коалиции, Александр предписывал ему предложить английскому правительству соединиться с Россией для достижения этой цели: «в странах, которые должно будет освободить от ига Бонапарта, не восстанавливать прежних злоупотреблений и такого положения дел, к которому народы, испытывавшие формы независимости, применить не могут; напротив, надобно постараться упрочить им свободу, установленную на своих настоящих основаниях». Император горячо воспринял этот план, созданный и разработанный двумя иностранцами, учителем Чарторыйского Пиатоли и сардинским посланником Жоз. де-Местр. Это видно из того, что исполнителем его был призван кн. Адам Чарторыйский, последовательно распространявший его и на польский вопрос. Практическая программа, вытекавшая из приложения этих принципов к реальной политике, весьма примечательна. Предполагалось восстановить сардинского короля, но с тем, чтобы он дал населению «мудрую конституцию», Швейцарии и Голландии предоставить свободно устроить свой государственный строй, Франции объявить, что союзники ведут войну не с ней, а с ее правительством, и предоставить ей полную свободу выбора правления, в Германии изъять второстепенные государства из под влияния Австрии и Пруссии и образовать из них тесный союз и, наконец, — по мысли Чарторыйского, подготавливавшего для России компенсацию за польские области, — присоединить к России Молдавию и Валахию и более или менее широко облегчить участь турецких христиан. Очевидно, эта программа в основных чертах совпадала с начальной компромиссной программой Александра, построенной, однако, на исключительно практических соображениях.

В Англии так и поняли, и так приняли русские предположения. Ничего по существу не возражая против предлагаемого общего принципа политики, Питт решительно отказывался обсуждать его практическое применение; что же касается восточного вопроса, то английские государственные люди не только не выказали сочувствия русским планам, но, наоборот, проявили явное и решительное намерение им противодействовать. Они твердо настаивали, что практическая задача момента сводится к тому, что Россия должна составить коалицию, а британское правительство помочь ей своими силами и средствами.

В начале 1805 г. английский парламент вотировал 5 миллионов фунтов на военное пособие континентальным державам, а 30 марта был подписан англо-русский союзный договор. И в этот момент Александр сделал попытку получить от Англии то, что здравый политический расчет не позволил ему принять от Франции: он предложил занять о. Мальту русским гарнизоном. В Англии это произвело впечатление громового удара; «я никогда не видел Питта в таком горе», — писал С. Р. Воронцов. Действительно, спор из-за Мальты, важной станции между Францией и Египтом, не случайно оказался поводом к возобновлению англо-французской борьбы. И Англия вовсе не намерена была терять ради союза с Александром то, что она приобрела ценой разрыва с Портой. Тут начиналась область столкновения англо-русских интересов. На этой почве соглашение было невозможно. Александр это понял и отступил. В договоре было определено целью союза освобождение Италии, Швейцарии, Голландии, Ганновера и северной Германии.

В конце 1804 г. австрийское правительство решилось, наконец, определить свою политику. Его побудила к этому жуткая тревога за участь Италии. Казалось ясным, что Наполеон, теперь уже император французов, не удовлетворится званием президента итальянской республики. Тревожили Австрию и возможные осложнения на востоке.

В каждый момент ей грозили приближение войны к ее границам, нарушение ее жизненных интересов. 6 ноября 1804 г. Австрия условно вступила в коалицию, обязавшись выставить войска в случае покушений Франции на независимость Италии или на занятие Египта.

В конце мае 1805 г. Генуя была присоединена к Франции, а Лукка сделана владением сестры императора. 28 июля 1805 г. Австрия присоединилась к англо-русскому союзу. Если ценою долгих и тягостных хлопот удалось преодолеть колебания австрийских политиков, людей, которые, по выражению Питта, «всегда на год отставали на войско и на идею», любимой мысли Александра относительно включения в коалицию и Пруссии на этот раз не суждено было осуществиться. Король более чем когда-либо верил, что дружба с Францией даст, наконец, желанные плоды, и Наполеон его горячо в том заверял; с другой стороны, и Гаугвиц, и даже решительный противник нейтралитета Гарденберг не доверяли чистоте намерений России. Может быть, тут сказался результат глухого противодействия Воронцовых и Чарторыского желаниям Александра. Воронцовы считали Пруссию опасной соседкой для России в случае расширения ее к северу по балтийскому побережью. Чарторыйский ненавидел в ней виновницу раздела Польши и мечтал о восстановлении Польши под скипетром Александра путем присоединения к России Познани и обмена Галиции на Силезию и Баварию. При этих условиях даже «личная дружба» Александра с королем не могла ничего изменить. Пруссия решила держаться вооруженного нейтралитета. Следует отметить, что в Пруссии произвело очень тягостное впечатление вступление в коалицию Швеции. Явилась опасность нарушения нейтралитета в северной Германии. Наполеон использовал момент, обострив эти опасения и поставив перед Пруссией реальную приманку — Ганновер. Россия двинула войска к прусской границе.

III

Неудача в переговорах с Пруссией была первой серьезной дипломатической неудачей Александра. Она тяжело подействовала на него. Впервые он обнаружил нерешительность. Положение было тягостное: с одной стороны, сделанные в Вене и Лондоне заявления, что Россия принудит Пруссию войти в коалицию, и настояния Чарторыйского, с другой — горячие протесты «любимого друга» Фридриха-Вильгельма и представления венского двора против войны с Пруссией. Вывел его из затруднения император французов.

Пока шли переговоры о коалиции, пока Россия и Австрия медлительно вооружались, император, вождь армии, казалось, бездействовал. Работал лишь великий дипломат, не допустивший вступления Пруссии в коалицию и подготовивший диверсию против России на Востоке. Но в этом заблуждении, которое разделялось слишком многими и в Вене, и в Петербурге, вскоре пришлось раскаяться. Наполеон, как теперь доказывают многие военные историки, не думал серьезно о высадке в Англию, сосредоточив свои силы в Булонском лагере. Он надеялся принудить этой угрозой Англию к миру. Но, помимо этого, в Булони он воспитал свои войска. Якобы бездействовавший император готовил Англии удар на континенте. Почти полной неожиданностью для союзников было появление его войск в Швабии и Франконии уже в конце сентября. Одновременно Наполеон предложил союз Пруссии, затем, соглашаясь на сохранение ею нейтралитета, предложил ей взять в залог Ганновер и выступить посредницей между ним и коалицией. Он хотел выиграть время, потому что в Пруссии многое к этому времени изменилось. Король и его ближайшие советники держались прежних взглядов, но патриотическая партия, во главе с королевой Луизой и принцем Людвигом, могла теперь противопоставить им настроение всей страны. Наконец, Наполеон сам показал свое истин-

ное отношение к прусскому нейтралитету: когда понадобилось, он не задумался перевести свои войска через прусскую территорию.

Между тем война началась раньше, чем союзники успели к ней подготовиться. Хотя австрийский генерал-квартирмейстер Мак еще в июне обещал в два месяца приготовить армию в 250 тыс. чел., но в действительности был готов только 80-тысячный корпус, который он и повел на границу Баварии, чтобы предупредить Наполеона. Вместо предположенных 180 тыс. русских войск к театру военных действий приближался лишь 50-тысячный корпус Кутузова. Наполеон в несколько дней трижды разбил австрийцев, перешел Дунай и занял Аугсбург и Мюнхен. Мак, верный своей системе предупреждать Наполеона, поспешил к Ульму, где и был окружен. После кровопролитной победы Нея при Эльхингене, Мак 20 октября сдался с 23 тыс. австрийского войска. Впечатления этих побед, уничтоживших первую австрийскую армию, до вступления на театр войны союзных войск, не могла сгладить весть о Трафальгарском бое 21 октября. В Англии торжествовали, но теперь континентальной коалиции было мало утешения в ее торжестве. Под впечатлением этих событий произошло свидание Александра с прусским королем в Берлине. Поражение австрийских войск еще не было поражением России. Александр явился в Берлин в еще не померкнувшем ореоле вождя коалиции; восторженный прием, оказанный ему населением, свидетельствовал о блеске и обаянии этого ореола. Недаром прусский король, помня Александра с мемельского свидания, теперь так долго уклонялся от личных переговоров с ним. Сильный своей еще ничем не поколебленной уверенностью в своей военной мощи, сильный окружавшей его общенародной симпатией, сильный, наконец, своим личным обаянием, Александр сделал то, чего не мог достигнуть через своих дипломатов. Насилюя волю короля, он добился перемены прусской политики. Правда, Пруссия не присоединилась к коалиции, а лишь принимала

на себя вооруженное посредничество, выставив и с своей стороны те требования, которые были положены в основу программы союза. Но и этим достигалось уже многое. Наполеону грозил союз всей Европы.

В это время войска Кутузова пришли, вернее, прибежали на Инн, где их встретили одушевленные рядом побед и значительно более многочисленные французские войска. Пришлось немедленно же начать отступление под натиском неприятеля. Главные арьергардные бои при Дюрентштейне и Шенграбене не могли при этих условиях ни улучшить положения русских войск, ни дать им уверенности в победе. Отовсюду шли вести о поражениях австрийцев. Французы уже заняли Вену. Наконец, у Ольмюца отступление прекратилось; туда подошли свежие войска из России и небольшой австрийский отряд. Прибыли Александр и император Франц. До сих пор Кутузов вел и, отступая, спасал армию. Теперь он отошел на второй план. Эти дни были днями «молодых». Наполеон вступил в Брюнн. Союзники двинулись им навстречу, и 20 ноября под Аустерлицем произошла губительная для них встреча с Наполеоном.

«Я был молод и неопытен; Кутузов говорил мне, что нам надобно было действовать иначе, но ему следовало быть настойчивее!» В этих словах Александра звучит вся горечь разочарования в своих силах и в своих средствах, последовавшего за этим роковым в его жизни днем.

Только теперь он понял и оценил Наполеона. В следующие же после Аустерлица дни он покинут своими союзниками. Австрия немедленно начала сепаратные переговоры с Наполеоном, закончившиеся позорным Прессбургским миром (14 декабря 1805 года), по которому она уступала Наполеону Венецию, Истрию и Далмацию, допускала значительное приращение территории его союзников, Баварии, Вюртемберга и Бадена, и признавала Наполеона итальянским королем. Англия и Швеция отзывали свои войска. Александр почувствовал себя оставленным всеми в

единоборстве с Наполеоном. И это еще углубило горечь поражения. Конфликт политический принимает уже личную окраску. «Делайте, что хотите, но не вмешивайте меня ни под каким видом», — отвечает он австрийскому императору, обратившемуся к нему после Аустерлица с предложением обсудить вопрос о мире. Он резко отклоняет и настояния Чарторыйского принять участие в мирных переговорах, чтобы спасти, насколько возможно, равновесие Европы, так как с Россией Наполеон принужден считаться: ее войска потерпели поражение, но силы ее не тронуты. Александр не хочет и слышать о каком-либо компромиссе. Все, что ему приходится переживать дальше, только усиливает его упорство; а переносить приходится удар за ударом. Он узнает, что в армии и в Петербурге его считают виновником поражения. Из Константинополя доносят, что старания Наполеона поднять против России Турцию, по-видимому, увенчаются успехом; весть об Аустерлицком поражении подорвала престиж России в Константинополе. Меркнет и последняя удача его: соглашение с Пруссией. Гаугвиц, посланный к Наполеону для переговоров о посредничестве, поздравляет его с победой. Наконец, под влиянием угроз и обещаний Наполеона, 3 декабря Пруссия заключает с Францией наступательный и оборонительный союз, при этом со включением в договор прямо направленной против России статьи о гарантии неприкосновенности Турции. Наполеон передает Пруссии права на Ганновер взамен уступки Анспаха Баварии и княжества Невшательского Франции.

Перед Россией возникали новые и серьезнейшие опасности: восстановление Польши Наполеоном и приближение его по адриатическому побережью к границам Турции. Одна едва начатая кампания, проигравшая по вине, как все говорили, Александра, могла стоить потери почти всех приобретений последних 20 лет. Император чувствовал, что справиться с общим настроением, овладеть им можно, только дав ему выход. Этим объясняется назначение им

знаменитого январского обсуждения европейских дел в Государственном Совете. На постановлениях его останавливаться мы не будем, потому что они не имели практических последствий. Императором решение было уже принято: возобновить войну с Наполеоном, взять реванш и тем спасти свое личное положение. Но пока Александр скрывал это. 12 февраля в рескрипте Разумовскому он пишет в согласии с мнением Совета, что его система будет преимущественно состоять в защите его владений. Он не отказывается и от ведения переговоров с Францией при посредстве Пруссии; на место Чарторыйского назначает бар. А. Л. Будберга, также сторонника соглашения с Францией. Но одновременно подписывает тайный договор с Пруссией, в котором обещает употреблять большую часть своих сил на защиту Европы. Возобновление войны, несмотря на переговоры, которые Убри вел в Париже, действительно приближалось. Инициатива ее на этот раз исходила от Пруссии. Занятие пруссаками Ганновера повлекло военное столкновение с Англией. Английские корабли блокировали все порты Пруссии, более 100 прусских торговых судов были захвачены английскими каперами, к которым присоединились и шведские. Полная приостановка морской торговли Пруссии, уже сильно развившейся к этому времени, вызвала серьезный экономический кризис, затронувший интересы как буржуазии, так и помещиков и крестьян, вследствие сильного падения цен на главный предмет вывоза, сельскохозяйственные продукты. Пруссия послала Наполеону ультиматум. Сроком для ответа было назначено 8 октября. В этот же день французы начали наступление. 10-го при Саальфельде прусская армия, создание Великого Фридриха, примерное войско, образец для всех старых монархий Европы,— встретила с войсками Наполеона. Победенная 10-го, разбитая дважды 14-го при Йене и Ауэрштедте, образцовая армия через неделю после начала войны перестала существовать. 27-го Наполеон триумфатором вступил в Берлин и предложил Пруссии страшно тяже-

лые условия мира. Прусский король колебался между страхом перед французами, уже занявшими Познань, и надеждой на Александра, горячо убеждавшего его не подписывать мира. Гаугвиц стоял за мир, по победило мнение меньшинства во главе с Гарденбергом и Штейном. Между тем русские войска вступили в Пруссию. Главнокомандующий, престарелый гр. Каменский, прибыв к войску, приказал отступать. Один из двух подчиненных ему корпусных командиров, Беннигсен, вопреки приказу, дал 14 декабря удачный бой под Пултуском. Луч надежды мелькнул для Александра; он немедленно назначил Беннигсена главнокомандующим. Страшно кровопролитная двухдневная битва под Прейсиш-Эйлау (26 и 27 января 1807 г.) была нерешительной. Но и это произвело громадное впечатление. Наполеон не потерпел поражения, даже поле битвы осталось за ним, но в первый раз он не победил в большом сражении. Союзники преисполнились надежд тем более, что в Мемель прибыл генерал Бертран с мирными предложениями. Начались переговоры. Александр как бы стряхнул с себя после Эйлаусского боя охватившее его с Аустерлица сомнение в своих личных способностях и сам поехал в Мемель, где его осадили различными широкими планами: восстановления Польши, компенсаций для Пруссии и России и т. п. 26 апреля была заключена Бартенштейнская конвенция, определявшая политические результаты победы. Конвенция носила явно реставрационный характер, свидетельствуя, что поражение под Аустерлицем повлияло не только на образ действий Александра: до Аустерлица он готов был на компромиссы, теперь он был непримирим. Но реванш был учтен слишком рано, и все задуманное в предвидении победы не осуществилось, так как 2 июня русские войска потерпели серьезное поражение под Фридландом.

Продолжать войну было невозможно, хотя русские войска не были разбиты, и к ним подходил свежий корпус кн. Лобанова-Ростовского. Ряд неустрашимых препятствий заставил Александра решиться на прекращение войны.

Прежде всего старания Наполеона вызвать разрыв между Россией и Портой увенчались, наконец, успехом. В декабре 1806 г. русские войска вступили в княжества. Война с самого начала оказалась нелегкой и опасной потому, что немедленно вызвала резкие недоразумения с Австрией и с Англией, затрудняя русской дипломатии возможность искать где-либо поддержки в дальнейшей борьбе с Наполеоном, так как Пруссия не могла считаться опорой. Между тем Наполеон стоял почти на границе России, и войну, не имея союзников, пришлось бы перенести внутрь страны, т. е. допустить полное уничтожение Пруссии и восстановление Польши под эгидой французского императора. Но была и другая, не менее серьезная причина для прекращения войны. Не хватало денег для ее ведения. До сих пор военные издержки в значительной степени покрывались английскими субсидиями. Теперь этот источник иссяк. Неудача двух коалиционных войн не только стоила Англии громадных непроизводительных затрат на субсидии, но имела материально тяжелый для нее результат: закрытие для ее торговли всех портов от Любека до Кенигсберга, оккупированных французами. Декретом 21 ноября 1806 года Наполеон создал «континентальную систему», запрещавшую торговые сношения с Англией всем французам и союзникам Франции. Англия ответила действительной при ее перевесе на море блокадой французских портов и портов союзных с ней государств. Эта форма борьбы требовала крупнейшего напряжения финансовых сил страны. Поэтому решено было более не тратить денег на субсидии терпящим поражение за поражением континентальным государствам. В начале 1806 г. Александр обращался к Англии с просьбой о займе и получил сильно оскорбивший его отказ.

Таковы были обстоятельства, вынудившие его решиться не только на переговоры с Наполеоном, но и на далеко идущее соглашение с ним. Не с легким сердцем, не с искренней улыбкой на своем красивом лице встретился он в

Тильзите с Наполеоном. В этом страстно честолюбивом и самолюбивом человеке все должно было кипеть и напрягаться среди обмена любезностей, среди торжеств и парадов, которыми вчерашний поручик и, что больше, победитель под Аустерлицем ласкал его, русского самодержца. У Александра, всегда ясно видевшего ближайшие цели, были две главных задачи: спасти, что возможно, от раздавленной Пруссии и не поступиться интересами России в польском и восточном делах. В первом вопросе интересы России и Франции были прямо противоположны; Наполеону важно было создать в Германии новые крупные государства в сфере своего влияния. Польский вопрос — любимая область политических планов Александра — мог при неблагоприятном исходе создать для России новую опасность: образования польского государства под эгидой французов. Важность интересов России на востоке не допускала даже небольших уступок. Но с первым, хотя и не самым существенно важным вопросом связывались мотивы личного самолюбия: Александр побудил Пруссию к войне с Наполеоном, Александр поддерживал надежды на победу, Александр должен был ее спасти. Это было для него «вопросом чести». И вопросу чести Александр пожертвовал очень многим: не только вступил в союз с Наполеоном, но и приступил к явно губительной для русской торговли континентальной системе, сделал ряд других крупных уступок: признал и обязался поддерживать положение, которое за два месяца уничтожил на листах Бартенштейнского договора, допустил образование герцогства Варшавского, очевидной базы для французской армии в случае разрыва союза, принял французское посредничество между Россией и Турцией с очень неопределенным условием о судьбе дунайских провинций. Все это он принял, на все согласился и, уехав из Тильзита, нашел в себе достаточно силы, чтобы убедить других и, главное, почти убедить себя, что он доволен и что не только ничего не потерял, но и выиграл.

IV

Русско-французский послетильзитский союз был заключен Александром под страшным гнетом неудач, разочарования, в унижительном сознании своего бессилия перед врагом, равенства которого с собой — не то что превосходства — он не мог даже внешне признать без тягостной внутренней борьбы. Может быть, не сознательный перелом в мирозерцании Александра, а эти дни, превратившиеся затем в годы унижения, не рассудочный процесс, а реакция чувства предрешили перемену в его политических взглядах. Эти переживания императора отражались в русской политике этой эпохи, придавая ей особо своеобразную окраску. С каждым днем, протекшим после Тильзита, можно проследить усиление этого личного элемента. Путь, на который поставило императора примирение с Наполеоном, становится тем тяжелее для него, что возникшая вскоре и быстро развившаяся оппозиция придворных и вообще дворянских кругов придала русско-французскому союзу парадоксальный характер личного дела, личного почина Александра. Эта оппозиция, центром которой являлся салон Марии Феодоровны, глубоко задевает его. Он расходится со своими «молодыми друзьями», основательно подозревая их в сочувствии враждебным ему толкам и сплетням. И, по справедливости, не трагично ли было его положение, когда единственное, чем он мог и хотел оправдать союз в глазах общества, не давалось ему, почти ускользало? Вся первая напряженность его восточной политики в это время, энергичное устремление в сторону Персии, желание во что бы то ни стало добиться территориальных приобретений на Дунае, непосредственно связывается с этим одиночеством в России, на которое обрек его союз с Наполеоном. Великий дипломат, читая донесения своего посла, не мог не видеть, что тильзитские обещания дали ему больше, чем он ожидал. Он хотел очаровать и увлечь русского императора и получил влияние на его положение

в его собственной стране, среди его двора и приближенных. И он пользовался фальшивым положением Александра, как пользовался всем в эту блистательную пору своей карьеры, т. е. почти беззастенчиво, почти грубо. Александру необходим «реванш» со стороны Турции, необходимо показать русскому обществу плоды Тильзита. И неделю за неделей, месяц за месяцем идут унылые, докучные переговоры, в которых Александр иногда выступает чуть ли не смиренным просителем. Но Наполеон твердит одно: поступите вашим союзником, Пруссией, тогда я поступлюсь интересами Турции. Александр в разговорах с Савари, в инструкциях Толстому десятки раз доказывает, что это невозможно, что это значило бы для него подписаться под собственным бесчестьем. Помимо личного отношения императора к этому вопросу, разрушение Пруссии было недопустимо с русской точки зрения не только потому, что тогда Франция проникла бы на собственную почву ближайших интересов России, но с падением Пруссии окончательно пал бы в Европе русский престиж, так как это было бы полным крахом русской политики. Отторжение Силезии было бы вторым шагом к восстановлению Польши; Силезия предназначалась для Австрии в обмен на Галицию, с присоединением которой к герцогству Варшавскому для поляков создавался бы мощный центр притяжения в решительный ущерб интересам России. В дунайских княжествах Наполеон предлагал Александру только компенсацию. Ни допустить распада Пруссии, ни отказаться от княжеств Александр не мог и, связанный своим одиночеством, изнывал в усилиях добиться от Наполеона сколько-нибудь приемлемого исхода. Яркий эпизод — знаменитое письмо Наполеона от 2 февраля 1808 г. — показывает, как тяготило Александра это ложное положение. Он уже способен был терять равновесие, ему уже изменяла обычная трезвость его взглядов; достаточно было десятка громких фраз, почти фантастических обещаний, чтобы он с нескрываемой жадностью бросился на приманку грандиозных завоеваний

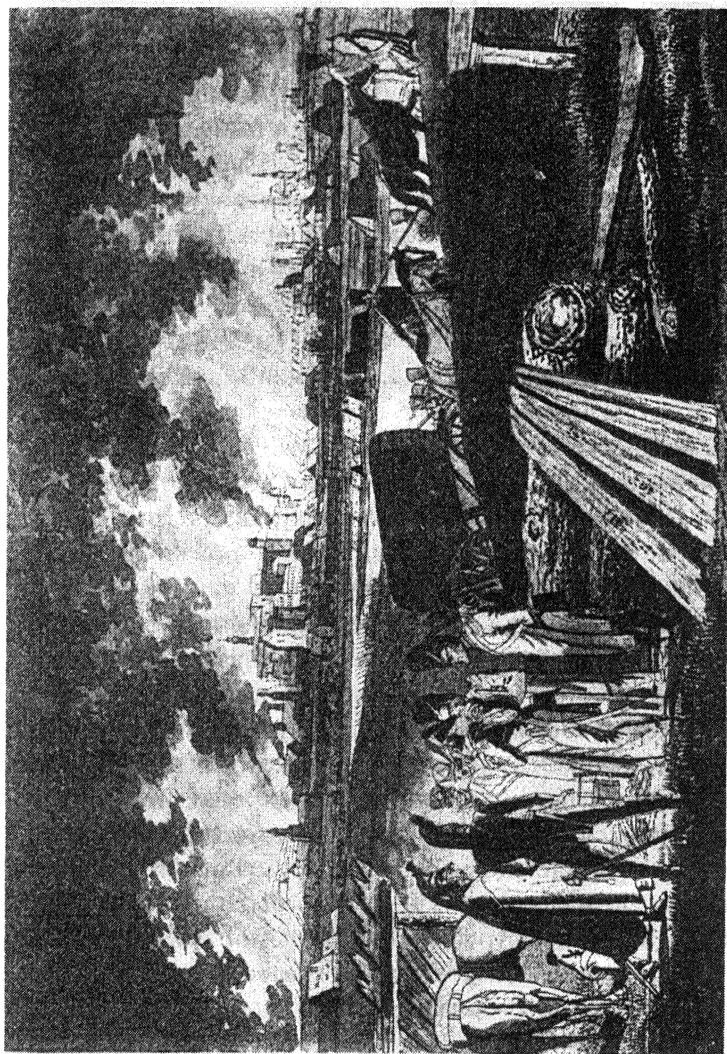
на Востоке, закрывая глаза на то, что в предложениях Наполеона было много явно, почти грубо недоговоренного и несбыточного. Все, что в этом историческом послании было существенного, сводилось к давно уже выработанному принципу восточной политики Наполеона: создать на Востоке почву для политического расхождения между Россией и Австрией и экономического между Россией и Англией и, наконец, создать там базу для нанесения возможно чувствительных экономических ударов Англии. Поэтому лишь дело дошло до реальных переговоров, восточный «реванш» оказался миражем. И все же, несмотря даже на это тяжелое разочарование, Александр держится системы союза. Он почти единственный ее защитник в России. С каждым днем, однако, защита эта становится все более затруднительной, чтобы не сказать опасной. Чарторыйский преувеличивал, намекая, может быть, на событие 11 марта, когда писал императору: «Я думаю, что Ваши теперешние отношения с французским правительством окончатся самым печальным образом для Вашего Величества». Но в этих словах была большая доля правды. Общественное недовольство, обращенное на Александра, поддерживалось причиной, более неустранимой, чем оскорбленное национальное самолюбие дворянства и легитимистское негодование великосветских салонов. Присоединение России к континентальной системе вызвало резкое понижение ввоза и вывоза, вздорожание привозных товаров и вообще предметов потребления и быстрое падение цены ассигнационного рубля. Массы населения, помещиков, крестьян и даже значительной части купечества эта экономическая катастрофа не задела; наоборот, в некоторых отклонениях для многих она оказалась даже выгодной. Но всем, живущим на жалованье, служилому классу, чиновному дворянству, офицерству приходилось переживать крайне тяжелый кризис. В 1808 г. ассигнационный рубль упал до 50 коп., т. е. доходы чиновного населения сократились наполовину. Понятно, что Петербург, чиновничий и живущий от чинов-

ников, роптал. Обостряемое очень болезненным чувством оскорбленного национального самолюбия, недовольство ширилось и в армии.

И все же Александр не только пассивно примирялся с союзом, но сам как будто стремился его упрочить. В этом освещении для русского общества была обесцвечена единственная крупная удача русского оружия за эти годы — завоевание Финляндии. Тильзитский мир, имевший следствием разрыв России с Англией, не оставил Швеции выбора политики. Около $\frac{7}{10}$ шведского вывоза шло в Англию; вся морская, т. е. вся вообще внешняя торговля Швеции могла быть парализована английским флотом. Но, с другой стороны, для России Швеция была страной дружественной только пока она была страной союзной. Среднего положения быть не могло. Шведская граница проходила слишком близко от Петербурга. И потому Александр охотно поддался в начале 1808 г. на уговоры Наполеона, желавшего отвлечь шведской войной внимание и силы России от восточного вопроса, в области которого нетерпение Александра все решительнее сталкивалось с его видами. Завоевание Финляндии, при котором Александр применил намеченную еще до войны 1804 г. широко либеральную политику, отвечало государственным интересам и, однако, не улучшило отношений между императором и обществом его столицы.

Положение становилось нестерпимым, и Александр, веруя в магическую успокоительную силу восточной компенсации, хотел, почти просил личного свидания с Наполеоном, но тот, очевидно, уклонялся. «Когда же мы сдем?» — несколько раз спрашивал Александр Коленкура. Свидание состоялось, но тогда лишь, когда оно оказалось необходимым для Наполеона. Русский император ехал в Эрфурт за дунайскими княжествами, император французов, чтобы исправить последствия своей первой серьезной неудачи, байонской капитуляции. В апогее могущества и величия он неожиданно почувствовал, что почва колеблется

у него под ногами. Неопровержимые признаки показывали, что поражение его войск в Испании может оказаться сигналом для всей как будто покорной Европы, окружавшей его блестящей свитой своих королей и принцев. Австрия к 1809 году должна была закончить переустройство своих армий. Англия уже не отказывалась от субсидирования всех возможных противников Франции. Наконец, если кто-нибудь не верил в преданность Александра союзу с Францией, то это Наполеон. И после долгих отсрочек, он сам вдруг торопится согласиться очистить Пруссию, спеша сделать это раньше, чем до царя дойдет весть о неудаче французских войск. Сам неожиданно начинает торопить и свидание, которое, наконец, состоялось в Эрфурте (сентябрь 1808 г). Александр поехал в Эрфурт вопреки запугиваниям Чарторыйского и прусского короля, вопреки мольбам матери. Но недаром он был одним из самых чутких и гибких людей своего времени. С большой прозорливостью он учитывает общую перемену и именно в Эрфурте кладет первую грань послетильзитскому периоду. Он не только ясно, но решительно высказывает русские требования. Восстановление Пруссии, отказ Франции от восстановления Польши и вмешательства в вопрос о дунайских провинциях — эту программу он настойчиво противопоставляет всем предложениям Наполеона. Тильзитские переговоры протекали под личиной взаимных дружеских восторгов; Эрфуртские — были бурны, дело доходило до крупных пререканий, чуть не до разрыва. Для обоих соперников-союзников момент был решительный, и оба учли его за счет взаимного доверия. Его мало было раньше, теперь не стало совсем. Оба достигли намеченных целей, но оба сделали уступки, которых не могли и не хотели ни извинить друг другу, ни исполнить. Наполеон отказался от посредничества между Россией и Турцией, признал Дунай границей России, Молдавию, Валахию и Финляндию присоединенными к ней, дал потребованные Александром обещания относительно Пруссии и Польши. Взамен Россия обязалась под-

Пожар Москвы в 1812 г.

держивать Францию против Австрии и скрепила наступательный союз против Англии. Все же цель, которую преследовал, отправляясь в Эрфурт, Наполеон, была достигнута. Демонстрация прочности русско-французского союза была проделана перед лицом всей Европы, и ближайшее будущее было обеспечено главной его гарантией, изоляцией России. Самое согласие на русские восточные требования должно было углубить разрыв России с Австрией и сделать его, во всяком случае, более серьезным, чем даже данное Александром обещание военной поддержки. Расчет оказался верным. Австрия вскоре обратилась в Петербург с предложением союза и встретила там такую же уклончивость, какую сама она проявила в 1804 г. Разбив в следующем 1809 году австрийские войска, Наполеон пожал плоды Эрфуртского договора. Он не только затруднил образование новой коалиции, но, взяв инициативу, обеспечил себе возможность разбивать в отдельности возможных ее участников. Однако и Александр вернулся из Эрфурта если не победителем, то и не побежденным. Он снова нашел в себе твердость и больше уже не терял ее.

Влияние канцлера гр. Румянцева, главного сторонника и теоретика «восточной политики», призванного к власти в момент ее постановки на первый план, падало по мере того, как блекли восточные надежды. Удачи русского оружия в Персии, далекой и не втянутой в круг интересов европейской политики, не могли компенсировать неудач в возобновившейся войне с Турцией. Вынужденное согласие Наполеона еще не отдавало, оказалось, России дунайских княжеств. Их надо было взять, надо было сломить сопротивление Турции, а это дело шло медленно и малоуспешно. С другой стороны, обязательство оказать помощь Наполеону против Австрии, обязательство, резко противоречившее настроению двора, общества, армии, глубоко тягостное для самого императора, оказывалось политически крайне опасным. Движение французских войска против Австрии вызвало в Галиции взрыв польских патриотичес-

ких чаяний, направленных после образования Варшавского герцогства в сторону Наполеона. В Петербурге тревожно следили за событиями в Галиции, опасаясь, что польское восстание может распространиться и на русскую Польшу. Корпус русских войск, двинутый в Галицию, не только не действовал наступательно против австрийцев, но, по приказу Александра, явно стремился парализовать или, по крайней мере, локализовать действия польских отрядов. Поворот в русской политике ярко сказался после Ваграма, доказавшего, однако, еще раз силу Наполеона. Александр с большой твердостью протестовал против отторжения Галиции от Австрии. Действительно, положение складывалось так, что с русской точки зрения переставало быть вопросом общеевропейским, вопросом равновесия, а остро затрагивало самые серьезные и близкие интересы России. Присоединение Галиции к герцогству Варшавскому — это восстановление Польши, — восстановление, проведенное Наполеоном и обеспечивающее ему сильный авангард и великолепный плацдарм против России. Отныне польский вопрос становился ареной единоборства России и Франции. Для той и другой стороны решение его будет представляться или победой, или поражением. По Венскому миру к Варшавскому герцогству были присоединены западная Галиция и округа Кракова и Замостья. Присоединение к России восточной части Галиции с 400 тыс. жителей не могло ни удовлетворить, ни успокоить Александра. Все его внимание, вся его дипломатическая работа сосредоточивались на польском вопросе. Он составил в январе 1809 года вместе с Коленкуром проект конвенции об отказе обеих империй от восстановления Польши. Наполеон ее не подписывал. Недовольство Александра росло вместе с тревогой за будущее. Но период слабости и колебаний миновал. Влияние французских неудач в Испании, влияние стойкости Англии, мужественно выдерживавшей страшный экономический кризис, вызванный континентальной системой, создавали новую и бодрящую атмосферу. Алек-

сандр вновь сходится с «англо-русской» партией, которую недаром с момента ее возникновения называли партией войны. Разрыв с Францией предвидят, о нем громко говорят, и руководители внешней политики с императором во главе только оттягивают решительный кризис. Эпизод с неудачным сватовством Наполеона к великой княжне Анне, обостривший личные отношения императоров, был только характерен для момента: наиболее решительным противником брака оказался — не явно, конечно, — Александр, тогда как императрица-мать колебалась.

К польскому вопросу, главной политической причине расхождения между Россией и Францией, в начале 1811 г. присоединились причины экономические, резко выдвинувшие вопрос о защите русских интересов против французской торговой политики. Неукоснительное проведение континентальной системы вызвало такое громадное развитие контрабандной торговли колониальными товарами, что Наполеон был принужден пойти на компромисс. Осенью 1810 г. им был утвержден так называемый Трианонский тариф, допустивший ввоз колониальных товаров, хотя бы и от английских фирм, при высокой таможенной оплате. Разрешался и прямой торг с Англией колониальными товарами, но с условием ввоза в Англию на равную сумму произведений французской промышленности. Все другие английские товары, где бы они ни оказались, во Франции или у ее союзников, должны были подвергаться истреблению. Трианонский тариф еще раз и особенно резко подчеркнул различие влияния континентальной системы для стран с развивающейся промышленностью и стран, вывозящих сырье. Саксония, западная Германия, Бельгия начали под влиянием ее процветать; разрешение ввоза колониальных товаров смягчило для них последние неудобства системы. Для северной и восточной Германии, для России действие ее было крайне тяжким. Александр категорически отказался принять французский тариф, позволил вопреки требованиям Наполеона выгрузиться судам,

привезшим в русские порты английские товары под нейтральным флагом, и — больше того — 18 декабря ответил на Триапонский декрет указом о новом русском тарифе, установившем почти запретительные пошлины на предметы роскоши, т. е. на главную часть французского ввоза, решительно нарушив, таким образом, Тильзитский договор. Таможенная война предшествовала войне Отечественной. На почве экономической борьбы Франции с Англией произошло и то событие, которое позже было выдвинуто, как один из поводов войны — присоединение к Франции владений родственника императора, герцога Ольденбургского. Это было сделано на основании постановления французского сената, решившего в целях лучшего наблюдения за береговой полосой присоединить к империи ганзейские города с прилегающими территориями.

Дальнейшие события вплоть до войны были только развитием этих основных мотивов. И переговоры с поляками чрез Чарторыйского о восстановлении Польши Россией, и миссия Чернышева в Париж, и спешное завершение войны с Турцией с отказом от княжеств являлись прелюдией к решенной обеими сторонами великой и окончательной борьбе.

V

«Вы надеетесь на ваших союзников? Где они?» — говорил Наполеон кн. А. Б. Куракину в августе 1811 г. И с нескрываемым самодовольством указал на то, что он сделал с целью изолировать Россию. Действительно, Россию и Австрию разделяли война 1809 г. и русские приобретения по Венскому миру; от Пруссии, после поражения второй коалиции, Россия взяла Белосток с округом; с Англией Россия разорвала после Тильзита; у Швеции отняла Финляндию. Предсказания Наполеона не были преувеличенными: Россия в начале 1812 г. оказалась одинокой; однако изолирова-

ли ее не чувства обиды на пее или недоверия к ней (хотя в австрийской политике и этот мотив играл немалую роль), главной причиной ее одиночества был всеобщий страх перед Наполеоном. Этот страх принудил Пруссию заключить в феврале 1812 г. союз с Францией. Вера в могущество Франции и ужасная память о трех позорно проигранных кампаниях заставили отдать Австрию ему в жены свою эрцгерцогиню и заключить с ним в марте 1812 г. союз. Даже Англия далеко не с прежней готовностью отнеслась к русским предложениям: она согласилась дать России денежные средства только позже, уже в начале войны. Удалось заключить союз лишь с Швецией, для которой борьба против Франции была прежде всего борьбой с убийственной для страны континентальной системой. Наконец, удачный поворот военных действий на Дунае дал возможность заключить в мае мир с Турцией, хотя и с пожертвованием почти всех результатов семилетней борьбы. Тем не менее Россия оставалась изолированной, но ждать лучших обстоятельств не приходилось. Дальнейшая отсрочка войны могла быть полезной России, и поэтому Наполеон спешно двинулся к русской границе¹.

С переходом войск Наполеона через Неман русская внешняя политика как бы раздваивается. В ней ясно намечаются и последовательно проводятся два курса, две линии. Одна — неразрывно связана с фактом вторжения Наполеона в пределы России, только этим фактом и определяется, им одним исчерпывается. Отечественная война — борьба с неприятелем в пределах страны — была не войной правительственной; это была война народная, — война, цели которой определил народ, вождя которой выдвинула народная воля,

---

¹ В сжатом изложении хода русской внешней политики во время царствования Александра I мы не можем останавливаться на истории великой войны, как таковой. Военные события Александровского царствования ярко обновлены в памяти русского общества в прошлый юбилейный год, и мы позволяем себе поэтому касаться их лишь тогда, когда это необходимо для освещения внешней политики России.

дух и формы которой создали массы, борьба инстинктивная, стихийная, сразу ставшая вне контроля власти. От Смоленска до Москвы, от Москвы до Березины раздвигалась цепь событий, ускользавших от всякого верховного руководства и тем более от воздействия дипломатии. Войну вел народ, чтобы извергнуть из своих пределов чужеземное нашествие. Эта единственная побудительная причина народного порыва, эта единственная цель его, естественно, была самодовлеющей, неизбежно — самой в себе ограниченной. С точки зрения народных требований внешняя политика России, отношения ее к другим государствам сводились только к вопросу о помощи в тяжелой борьбе. Поэтому получение английских субсидий было дипломатическим актом, стоявшим в органической связи с характером войны. Решительный отпор советам Кэстльри и Меттерниха вступить в мирные переговоры с Наполеоном, пока он был еще в пределах России, был поэтому же неизбежен. Но после Березины, после извержения неприятельской армии из страны, для народного сознания дело было завершено. Ранее мир был невозможен, теперь для народа он сделался логичным: Отечественная война была кончена.

Другая политическая линия, частично совпадавшая с обрисованной, но всегда по духу обособленная от нее, воплощалась в личной политике Александра. Уехав в сентябре 12 г. от армии, император сознательно уступал общественному мнению, жертвуя и честолюбием своим, и самолюбием. Жертва тяжелая для каждого человека — для него она была безмерной. Отходя на второй план, он уступил необходимости, но не покорился ей. Со свойственным ему тонким чувством действительности он точно оценивал стихийный характер борьбы и избрал единственное достойное положение для себя лично: не мешать активным действиям народа. Известная всем твердость духа его во время самых серьезных военных неудач объясняется, однако, не тем, что он думал и чувствовал едино с народом. Казалось, что он исчерпывал свою дипломатическую деятельность

решительным противодействием всем попыткам начать переговоры о мире; это совпадало с народной волей, выражало ее, окружало Александра тем же ореолом, какой для народных масс осиял уже образ Кутузова. Но Александр в народной борьбе видел только эпизод своей личной борьбы, в народных победах только начало своей победы, в народной политике только этап своей политики. Его дело начнется, когда кончится дело Кутузова. Отодвинувшись на задний план, уйдя в тень, он в действительности энергично готовился к своему делу, чуждому народной стихии, поднявшейся на спасение русской земли, — он готовился к «спасению Европы».

От начала войны до назначения Кутузова государь принимал ближайшее участие в распоряжении военными действиями. Он лично боролся с Наполеоном, руководя Барклаем. Вынужденный назначить Кутузова главнокомандующим, он прежде всего был отстранен именно от личной борьбы, а между тем он был полон личного мстительного чувства к Наполеону, выросшего за года их унижительного для него союзничества. Эти два элемента — честолюбие, манившее его ролью спасителя Европы, и уязвленное самолюбие — обусловили поражавшую современников твердость его даже в дни самых тяжелых военных неудач и создали в нем решимость довести борьбу до полного уничтожения противника: «Наполеон или я, я или он, но вместе мы не можем царствовать». Во время Отечественной войны, для него — прелюдии к настоящему делу, он твердо направлял внешнюю политику России к этой своей цели. Но пусть это было личным делом Александра — история оправдала его: его личная политика не противоречила государственным интересам. Мир с Наполеоном после Березины, несомненно, был бы только перемирием.

Склонность Александра к широким планам, к почти всеобъемлющим политическим построениям, проявлялась и теперь, даже в более, чем когда-либо, мечтательных по внешности формах. Но, как всегда, глубокий реализм,

лежавший в основе его характера, переводя эти планы на почву действительности, умерял их словесный размах обдуманностью действия. Яркий пример тому — эпизод с миссией адм. Чичагова, посланного им поднять славян и венгров против Австрии и им же остановленного, как только Александр увидел опасные стороны этого полуфантастического плана. Так и в мечтах о «спасении Европы» государь не сходил с реальной почвы. В самые тяжелые дни войны он не переоценивал своего положения, полагая, что с его судьбой связана судьба Европы. Именно так смотрели на дело и на Западе, ждавшем в страшной тревоге исхода борьбы в пределах России. Гарденберг спрашивал у Меттерниха, возможно ли спасение для Европы, если «гений Наполеона» одержит верх над «слабохарактерным Александром». И Меттерних ответил, что не рассчитывает «ни на какую твердость со стороны Александра, ни на какую связность в настоящих и будущих планах его кабинета»; он предвидел только «потерю европейского существования России». Но если Пруссия с отчаянием следила за отступлением русских войск перед Наполеоном, если Англия через своего агента Вильсона старалась ободрять «слабохарактерного» Александра, то Меттерних готовился «спасать Европу», предполагая выступить посредником — между Францией и Россией. На развалинах Европы за счет униженной России он рассчитывал разрешить польский и турецкий вопросы в пользу Австрии. Но уже отказ Александра вступить в мирные переговоры после Москвы оказал громадное действие на руководителей европейской политики. О «бесхарактерности» Александра перестают говорить. С ним уже считаются не в одних лишь фразах личных и дипломатических сношений, но и в затаенных расчетах. Бегство великой армии довершило перемену. «Пришло время, когда я могу доказать императору французов, что я такое!» — так великолепно выразил император Франц чувство злорадного и мстительного торжества, охватившего европейских венценосцев и дипломатов. «Слабохарактерный» Александр пра-

вильно предугадывал результаты народной победы и своей личной твердости: глаза всей Европы обратились на него. Первой примкнула к нему Пруссия: вспомогательный корпус Йорка отделился от великой армии. Король еще колебался, боясь французских войск, занимавших Пруссию; но всю страну охватило непреодолимое возбуждение. Меттерних и император Франц искали способов учесть перемену судьбы Наполеона с возможной выгодой для австрийских интересов. И Александру, и Наполеону расточались предложения австрийской поддержки, но в плохо прикрытой форме торга с переторжкой. Наполеон был еще страшен, но страшным становился и Александр. Положение осложнялось польским вопросом. Мечты Александра относительно восстановления Польши ни для кого не были тайной. Раздражая Австрию, эти планы отпугивали от сближения с Россией и Пруссию. Александр с обычной трезвостью политического взгляда уже решил пока отказаться от восстановления Польши, чтобы не толкнуть Австрию и Пруссию к Наполеону и, отвечая в этом смысле на представления Чарторыйского, сам предупредил те советы, которые ему давали позже Нессельроде и Новосильцов. Как и в 1804 г., как в 1806 г., он выказал способность подчинять главной цели свои желания. И примечательно, что именно в эту переходную эпоху, когда он начинал свою «романтическую», по выражению Меттерниха, деятельность, он решил расстаться с Румянцевым и приблизил к себе человека, вполне чуждого всякому романтизму, графа Нессельроде.

16 февраля 1813 г. в Калише был подписан союзный договор. В новую коалицию вступили Россия и Пруссия. Англия обязалась субсидировать союзников; Швеция, которой Александр обещал Норвегию, выставила вспомогательный корпус. Одна Австрия продолжала колебаться. Но ее двуличная политика отразила происшедшую перемену. Уже не у Александра, а у Наполеона требует она вознаграждений; она уже грозит Наполеону. И в то же время ищет средств спасти его от конечного крушения. В австрийских

государственных кругах ощущали в этот момент особого рода тревогу: следуя принципам, провозглашенным еще при посылке Новосильцева в Лондон, Александр, а за ним и Пруссия, облекли для Германии свой союз освободительно-либеральным характером, и это приводило в ужас европейских политиков. Призрак германского национального освободительного движения уже стоял перед Веной. Отныне Меттерних главную часть своей дипломатической работы направил на борьбу с «тлетворной заразой». Национальное движение в Германии пугало Австрию больше, чем угроза Наполеона — предложить Александру Польшу и «раздел мира»; в Вене правильно учитывали, что между Россией и Францией больше не может быть соглашения. Цель австрийской политики в этот момент — прекращение войны, грозящей «революционными комитетами в Германии», мир, но при посредстве Австрии, т. е. установление такой системы равновесия между Россией и Францией, где бы Австрия навсегда явилась охранительницей его и, следовательно, повелительницей средней Европы. Александр, слишком хорошо знавший методы австрийской дипломатии, чтобы обманываться насчет планов Меттерниха, не терял из вида своей единственной цели: изолировать Наполеона, чтобы низвергнуть его. И потому, как бы идя навстречу Меттерниху, он отказался вступить в переговоры с Наполеоном иначе, чем при посредстве Австрии. Наполеон принял это посредничество после кровопролитной битвы при Бауцене, хотя кончившейся для него победой, но при условиях, показавших, что одной-двумя победами судьбы борьбы ему не решить. Одновременно Австрия обязалась вступить в коалицию, если Наполеон не примет ее условий. Стороны собрались на конгресс в Праге. Занятия конгресса не кончились ничем; австрийские предложения не были приняты Наполеоном, и Австрия вступила в коалицию. Этот момент предрешил торжество Александра, еще до занятия Парижа обеспечило ему первенствующую роль в Европе. Действительно, отказываясь от отдельного

мира с Наполеоном, Александр отвергал именно тот компромисс, которого страстно желала Австрия; с другой стороны, принимая ее посредничество, он знал, что оно заранее обречено на неудачу. Ибо чего желала Австрия? Сохранения французской империи в виде противовеса России, следовательно, в зависимости от Австрии. Такого мира, такого положения Наполеон не мог принять. Он не мог вернуться во Францию побежденным и униженным: «я солдат — мне нужны честь и слава... я должен оставаться великим и славным!» Личное унижение — конец власти Наполеона. Александр к этому и вел дело; Меттерних этого именно и боялся. Но русский император лучше понимал положение Наполеона, чем его австрийский тесть и Меттерних. Неудача Пражского конгресса была не только решением судьбы Наполеона, она была крушением австрийских планов и личным торжеством Александра. «Двенадцать лет я слыл в Европе посредственным человеком; посмотрим, что она заговорит теперь!» — сказал он Ермолову.

19 марта 1814 года после трудной кампании, проведенной, наконец, им лично в качестве признанного главы коалиции, Александр вступил в Париж, окруженный по-наполеоновски блестящей свитой государей-союзников. Солнце Аустерлица, наконец, померкло.

VI

К времени вступления в Париж, на русской дипломатии лежал ряд очень серьезных обязательств. Первому из вступивших в коалицию государств, Швеции, была обещана Норвегия; в 1813 г. Бернадот уже использовал это обещание и оттягал Норвегию от Дании. Норвегия была компенсацией за Финляндию. Пруссия была увлечена в коалицию народным движением. Как всякий освободительный порыв в Германии того времени, и движение 1813 г. принимало объединительный характер. Становясь во главе его,

Пруссия выдвигалась на первое место в Германии и могла рассчитывать, что, с изгнанием Наполеона за Рейн, это место не будет ею потеряно. В то же время Пруссия не могла не тревожиться из-за польского вопроса; решение его должно было определить и ее отношения с Россией, и самую сущность русской политики вообще. Поэтому на русской дипломатии лежала обязанность найти такое удовлетворение Пруссии, которое дало бы возможность не поступиться русскими планами при решении польского вопроса. Не менее сложно было положение относительно Австрии. Вступая в коалицию, Австрия принесла в нее определенно-реакционный элемент. Один из главных побудительных мотивов ее присоединения к союзникам — испуг перед национальным движением в Германии и возможностью политических успехов Пруссии — определял и ее дальнейшее стремление: связать реставрацию с реакцией, внешнее устройство Европы с внутренним воздействием на ее народы. Наконец, Англия не удовлетворялась уничтожением континентальной системы и восстановлением французских границ 1792 г.; не желая допустить возвращения Испании возмущившихся против нее и объявивших себя республиками американских колоний, английская дипломатия, в противоположность австрийской, была против принципиальной реставрации. Одинаково Александр ради одной из главных целей своей политики хотел воспользоваться несомненным следствием революции и Наполеоновских войн, восстанием поляков против своих законных государей. Еще перенося войну в Европу, он решительно заявлял кн. Ад. Чарторыйскому, что не допустит нового раздела и, сохранив в целости герцогство Варшавское и слив его с русской Польшей, восстановит королевство — для себя. Он только временно отсрочил исполнение этого проекта. Теперь Александр готовился повторить то, что так легко удалось Наполеону: воспользоваться польским патриотизмом, чтоб создать для себя военный авангард, и, кроме того, обезвредив польский вопрос для себя,

осложнить его для Пруссии в Познани и для Австрии в Галиции. Вытекавшие из такого положения противоречия между союзниками не могли еще сказаться, пока Наполеон был в Германии. В договоре 13 августа 1813 г. была только в общих чертах намечена ликвидация французских завоеваний. До Лейпцигской битвы договор оставался только предварительным соглашением па случай победы. Но к моменту перехода Наполеона за Рейн и перенесения войны в пределы Франции, когда конечный успех казался уже почти несомненным, разногласия между союзниками быстро стали определяться. Судьба Наполеона была предрешена волей русского императора. Он один — против Кэстльри, против Шварценберга, против императора Франца — настаивал па продолжении войны до занятия Парижа и низложения Наполеона. 1 марта 1814 г. в Шомоне союзники подписали договор на двадцатилетний срок о ликвидации завоеваний французской империи и о военном надзоре за Францией. Первое основное несогласие между союзниками проявлялось в вопросе о судьбе Франции. Александр, верный давнему принципу своей политики, склонен был предоставить самой стране решить вопрос о будущем образе правления. Предварительное решение, принятое 25 января в Лапгре,— вернуть Бурбонов,— было основано на убеждении, что Наполеон не может согласиться на мир, который бы вернул Францию к пределам 1792 г. В феврале Бурбоны вступили во Францию следом за войсками коалиции. Но для Александра январское решение не казалось обязательным. Он колебался до последней минуты, и только в Париже решился признать провозглашение Бурбонов в Бордо за голос Франции. Нерешительность русского императора вытекала из глубоко практического понимания того положения, которое должно было создаться по окончании войны. Его политическая программа — возвышение Пруссии, восстановление Польши и дальнейшее расширение русских пределов на востоке — неизбежно должно было нарушить согласие между ним, Австрией и Англией.

Естественной союзницей для России являлась бы в этом случае Франция. Поэтому задача его двойится: с одной стороны, он хочет оградить себя и Европу от повторения Наполеоновских нашествий, с другой — создать почву для будущего сближения с Францией. И не кто иной, как Александр, против Меттерниха, против других союзников, настаивает на подписании Фонтенеблоского договора, сохранившего за Наполеоном титул императора и на два года отсрочившего его ссылку за океан; не кто, как он, настаивает на сохранении во Франции конституционного строя; наконец, при составлении мирного договора 30 мая он является единственным защитником Франции от хищнических посягательств других союзников. С другой стороны, он же возобновил в Лондоне (29 июня) Шомонский договор четырех держав, устанавливавший как бы политический карантин для Франции.

Чисто монархический принцип реставрации видоизменился на Венском конгрессе под влиянием политических интересов различных держав в принцип компенсаций. С первого же заседания это прекрасно поняли самые нетерпеливые из его участников, пруссаки: «при чем тут международное право!» — воскликнул Гумбольдт в ответ на упоминание Талейрана о принципах международного права: «Вы мне не говорите о каких-то принципах; международное право для меня — ничто; я его не признаю», — сказал на конгрессе же Александр.

Австрия с первых же дней заседаний начала борьбу против России, опираясь на поддержку Англии. Меттерних предложил Пруссии владения союзника Наполеона, Саксонского короля, взамен обязательства воспрепятствовать восстановлению Александром Польши. Цель Австрии была рассорить Россию с Пруссией, изолировать ее. Отдавать Саксонию Пруссии Меттерних не собирался; он рассчитывал опереться на протест Баварии. В этом с ним был солидарен Талейран. Вырисовывались очертания новой коалиции: на этот раз против России. Александр тогда решил

форсировать положение: исполнить свои намерения и обещания, не ожидая санкции их конгрессом. Русская армия очистила Саксонию, прусская — вступила в нее; великий князь Константин Павлович занял герцогство Варшавское и обратился к полякам с призывом встать на защиту их национальности. Австрия в ответ на это двинула свои войска к границам; ее решимость поддерживалась протестом германских государей против прусского захвата. Одновременно Меттерних и Кэстльри вступили в переговоры с Талейраном о включении Франции в соглашение против России и Пруссии. 3 января 1815 г. их Тройственный союз был подписан. Самой важной стороной этого факта было возвращение только что разбитой Франции к активной роли — в соглашении с Австрией. Александр был глубоко смущен тем, что Австрии удалось предупредить его в этом отношении и, по обыкновению, поступил менее важным для важнейшего. Он пошел на уступки. В следующей стадии сделок — о судьбе Италии — Александр поддерживал Францию против Австрии. Он хотел французским влиянием уравновесить в Италии австрийское.

Возвращение Наполеона, на три месяца повергшее союзников в страшную тревогу, обострило реакционный характер их соглашений. Уже 12 мая в докладе Гентца, секретаря конгресса, было ясно сформулировано основное положение Священного союза: «союзники признают общественную свободу Франции, но настолько, насколько она совместима с их безопасностью и общим спокойствием Европы». Этот принцип был позже только расширен. Непосредственным следствием возвращения Наполеона было возобновление четверного союза (25 марта 1815 г.). «Сто дней» имели и другое последствие: дипломатический успех Австрии. Второстепенные государства Германии выставили свои войска против общего врага, но после того лишь, как им было обещано, что союзная конституция не затронет их суверенитета. Возникший отсюда «Союзный акт», создавший «Германский союз», был торжеством авст-

рийской программы. Третьим следствием возвращения Наполеона было спешное завершение работ конгресса. 9 июня 1815 г. был подписан «Окончательный акт». В результате венских совещаний в Европе возникла политическая система, носившая в самой себе зародыши скорого разложения. Франция, возвращенная к границам 1792 г., униженная после стольких годов беспримерного величия, подвергнутая международному надзору, остается непримиренной и непримиримой. Англия, остановив морское и колониальное развитие Франции, переходит к повсеместному расширению сферы своей империалистической политики, что неизбежно должно было столкнуть ее на востоке с Россией. Австрия, установив свою гегемонию в Германии, входит в конфликт с Пруссией; утвердившись в Италии, она обращает против себя итальянский патриотизм. В славянском и турецком вопросах для нее неминуемы столкновения с русской политикой. Пруссия, восстановленная, но географически и стратегически разорванная на две части, возвращается к своей традиционной германской политике, объединительной и противоавстрийской. Наконец, Россия, разрешив польский вопрос, открыла на конгрессе свою игру, отказавшись гарантировать неприкосновенность Пруссии. Александр, освободившись от Наполеона, хочет теперь вновь попытаться достигнуть того, чего ему не дал Тильзит.

Недолгий и непрочный мир сулили такие взаимоотношения союзников. Их разъединили противоречия интересов; только общим интересом же можно было их объединить. Провозглашением такой объединяющей монархов формулы и явилась знаменитая Парижская декларация Александра 26 сентября 1815 г. королю прусскому и императору австрийскому. Сквозь мистическое содержание этого документа, полагающего правила веры в основу управления государствами и догмат Божественного водительства в обоснование монархической власти, ясно просвечивает призыв трех абсолютных государей

ко всем остальным монархам объединиться, чтобы «во всех случаях и во всяком месте» защищать абсолютизм. Непосредственный практический вывод из этого документа — защита всеми монархами каждого из них от народных движений — отвечал личным и династическим интересам европейских государей и должен был их объединить. Кроме английского принца-регента, все монархи Европы присоединились к этому акту, к Священному союзу. Ближайшим приложением провозглашенных принципов должен был быть, как все понимали, надзор за Францией и общая гарантия ее реставрированной законной монархии. Что касается лично Александра, то в это время он придавал Священному союзу только узко практическое значение; автор Парижской декларации не задумывался, когда того требовали интересы России, пользоваться либеральной идеей, как политическим оружием. В 1815 г. он еще раз настоял на том, чтобы Франции была дана конституционная хартия; в ноябре 1816 г. ввел, согласно Венскому договору, подобие национального конституционного устройства в русской Польше, от чего уклонились прусский король и австрийский император; поддерживал либеральную агитацию в Германии и Италии; наконец, поощрял революционные движения славян и греков против султана. Взгляды и намерения Александра очень определенно сказались в опубликованном в феврале 1816 г. акте Священного союза. Создавалось не только объединение монархов, но провозглашалось и объединение христианских держав Европы. Турция исключалась из европейской политической семьи.

Все державы распускали значительную часть своих войск, одна Россия оставила в полном составе свою армию. Было ясно, что Александр решил возобновить прерванную нашествием Наполеона восточную войну.

VII

До окончательной победы над Наполеоном восточная политика Александра не могла быть самостоятельной. Отношения между Россией и Турцией с точностью зеркала отражали все эпизоды русско-французских отношений. В первый период царствования, когда Александр искал компромиссных соглашений, русская дипломатия в силу договора 1798 г., благодаря египетской войне, обладала почти безграничным влиянием в Константинополе. Основной задачей русской политики было сохранение этого авторитета. Поражение под Аустерлицем подорвало престиж России на Востоке, и Порта быстро подпала под французское влияние. По внушению Наполеона турецкое правительство перестало считаться с русскими требованиями. Со своей стороны и Россия изменила свою политику на Востоке: русские агенты волновали христианских подданных Турции; русская поддержка давала силу и восстанию сербов, и греческому движению. Война оказалась неизбежной. До Тильзита русско-турецкая война играла для Наполеона роль диверсии, отвлекавшей русские силы и русское внимание от европейских дел. В послетильзитский период до Эрфурта, восточный вопрос, как мы видели, был в руках Наполеона средством личного влияния на Александра. В Эрфурте русский император воспользовался испанскими затруднениями Наполеона, чтобы прежде всего высвободить свою восточную политику от давления Франции. Вторая кампания на Дунае началась уже в предвидении великой войны с Наполеоном и поэтому велась торопливо, затруднялась необходимостью отвлечь от сближения с Наполеоном Австрию, ревниво следившую за действиями русских войск на Дунае, и закончилась спешно подписанным Бухарестским миром, при заключении которого Александр принужден был близостью войны с Францией пойти на уступки. Удачная война с Персией, законченная выгодным Гюлистанским миром, была только отдаленным эпизо-

дом, не входившим в схему восточных чаяний императора. Теперь, освободившись от воздействия Наполеона, он считал, что пришло время их исполнить.

С 1816 года русская дипломатия явно начала искать поводы к разрыву с Турцией, не только не исполняя некоторых пунктов мирного договора и настаивая на исполнении Портой других его статей, но и ведя деятельную агитацию среди сербов и греков. Но вскоре же Александру пришлось убедиться, что свержение Наполеона не развязало ему рук на Востоке. Противодействие Англии, проявлявшееся только эпизодически до этого времени, стало главным препятствием для политического и экономического расширения русского влияния на Востоке. В декабре 1810 г. Александр предложил европейским державам начать борьбу против корсаров на Средиземном море; в марте 1817 г. он пытался путем тайного договора с Испанией получить Порт-Магон. Англия усмотрела в этих шагах стремление России захватить морские станции на Средиземном море; вопрос о пути в Индию, создавший англо-русское соперничество, окрасившее всю дальнейшую политическую историю Европы до XX века, грозно встал перед английским правительством. Русская агитация среди придунайских славян волновала Австрию, и Англия нашла в ней немедленную поддержку. Кэстльри и Меттерних уже начали готовить коалицию против России, стараясь привлечь к ней Пруссию. Но Александр уступил. Однако, очертания будущей русской политики ясно определились для него. Уничтожив французскую экономическую конкуренцию и французское политическое преобладание на материке, Англия становилась теперь на пути развития русской мощи. Отступив в восточном вопросе, чтобы предупредить опасность коалиции, русская дипломатия не отказалась от борьбы с Англией, перейдя только на более безопасную почву испано-американского дела. Испанские колонии южной Америки были под непосредственным влиянием Великой революции охвачены мятежным движением. Занятая вой-

ной с Наполеоном, Испания была бессильна усмирить восставшие заокеанские провинции. Англия, давно уже с вожделением смотревшая на громадные колониальные владения Испании, всячески поддерживала американских революционеров. Кроме того, в пограничном конфликте, возникшем в южной Америке между Испанией и Бразилией, Англия решила выступить против Испании. В начале 1817 г. Александр, опираясь на «принципы международного права», предложил державам Священного союза отдать Испании Португалию в вознаграждение за захват Бразилией испанских владений в Америке или в залог их возвращения, причем советовал не останавливаться перед вооруженным занятием королевства. Англия энергично протестовала, но в то же время поспешила уничтожить и самый повод, использованный русской дипломатией: она настояла перед бразильским двором на возвращении Испании спорной территории. Александр через своего мадридского посла Татищева побудил тогда испанского короля обратиться к Священному союзу за помощью против его мятежных подданных во имя монархического принципа (летом 1817 г.); в январе 1818 г. царь поддержал его особой нотой к великим державам, настаивая именно на принципиальной стороне вопроса. Английское правительство было на этот раз поставлено в очень затруднительное положение, по все же нашло выход, предложив Испании свое посредничество с тем, чтобы из восставших колоний было образовано несколько независимых монархий с испанскими принцами во главе. Предложение было для Испании неприемлемо, но «принципиальное» вмешательство России оказалось парализованным.

Другим важнейшим предметом русской политики были французские дела. Рассчитывая на Францию, как на будущую союзницу против Австрии и Англии, Александр был сильно озабочен ее внутренними обстоятельствами. Роялистский террор и реакционная деятельность «бесподобной» палаты грозили новой революцией, т. е. новым

ослаблением Франции. Ни того, ни другого Александр не желал. Под прямым его воздействием Людовик XVIII распустил осенью 1816 г. палату и призвал к власти умеренно-либеральное и конституционалистское правительство во главе с лично близким русскому императору герцогом Ришелье. Вслед за тем по настоянию России был уменьшен международный оккупационный корпус.

Абсолютист в испанском вопросе, конституционалист по отношению к Франции, Александр одновременно поддерживал и определенно революционные движения. Он делал это не только в Турции, где мятеж против законного государя отчасти оправдывался в глазах даже легитимистской Европы исконной борьбой христиан против мусульманского ига, но и в Италии, потаенно обнадеживая карбонариев. Германские родственники царя вводили или обещали умеренно-либеральные, но все же более или менее конституционалистские реформы. Наконец, сам он, дав Польше органический закон, испугал монархическую Европу заявленным публично в Варшаве намерением даровать конституцию и России. Для Австрии, оплота реакции, для Меттерниха, паладина реакционной идеи, это положение казалось грозным. Меттерних выступил на борьбу. Легко овладев доверием прусского короля, Меттерних сломил влияние умеренно-либеральных деятелей, Штейна, Гумбольдта и Гарденберга, настаивавших на даровании обещанной в 1815 г. конституции, и увлек Пруссию на путь активной борьбы с освободительными идеями. Усиление гнета вызвало естественное противодействие в Германии. Съезд в Вартбурге (октябрь 1817 г.) по случаю 300-летия Реформации превратился в противоправительственную демонстрацию. Видя основную опасность в русской политике, Меттерних начал правильную кампанию с целью воздействовать на Александра. Он легко нашел союзников. Прусский король, английская дипломатия, граф д'Артуа, наконец, петербургская придворная бюрократия соединили свои усилия, чтобы напугать царя призраком грядущей

революции. Поколебался ли Александр, или опять осторожно отступил, не желая остаться изолированным, по он почти немедленно дал монархической Европе доказательство своей «лояльности»: посоветовав Ришелье изменить выборный закон 1817 г., с целью сузить избирательные права буржуазии.

В апреле 1818 года четыре союзных державы решили вывести свои войска из Франции. Одним из главных мотивов этого решения было небезосновательное опасение, что офицеры и солдаты заразятся во Франции освободительными идеями. Для рассмотрения этого дела и связанных с ним вопросов в сентябре был созван в Аахене конгресс. Александр предложил пригласить на совещание все державы Европы; он рассчитывал вновь поднять испано-американский вопрос. Но план его был угадан Англией, и ему не удалось побороть ее противодействия. На конгрессе были представлены только четыре союзных державы и Франция.

Отправляясь в Аахен, Александр знал, что встретит там затаенное недоверие, глухую и завистливую враждебность. Он был убежден, что между Австрией и торийским английским кабинетом существует формальное соглашение с целью ограничить влияние России во Франции, устранить ее от пиренейских и итальянских дел и парализовать ее на Востоке; он подозревал тайный план вооружения против России германской федерации. Все реакционные силы объединились против него, «освободителя Европы» и «покровителя слабых». И он прекрасно понимал основу этой тайной коалиции: Австрию и Англию, а с ними и Пруссию объединила неуверенность в его планах, очевидность его отношения к Священному союзу как к политическому средству, к его условиям, как к обязательным для других и необязательным для него. В Аахене союз мог рухнуть. Между тем Александр хотел преобразовать его, расширить в Великий союз всех христианских держав; в таком случае Россия, как наиболее могущественная из его

участниц, легко могла бы комбинировать свое влияние на мелкие государства с задачами своей политики. И еще раз он уступил, чтобы ослабить нарождавшееся соглашение против России и спасти от крушения Священный союз. Для русской политики эта политическая комбинация представлялась единственной гарантией сохранения того доминирующего положения, которое Россия заняла в Европе после 1812 г. Председательствуя в «совете монархов», Александр всегда обновлял для себя незабвенный день вступления в Париж. Эти два стимула, государственный и личный, заставляли его, реалиста, идти на всевозможные уступки и жертвы, по внешности во имя «идеи» союза, в действительности, ради его сохранения. При первом явном признаке разложения союза — в Аахене, он сделал первый шаг по этой наклонной плоскости, первый шаг на том пути, который привел его к краху его личной политики и к ущербу для русского престижа, не сохранив все же Священного союза. В Аахене Александр не только согласился на сохранение прежней формы союза, настояв лишь на возвращении реставрированной французской монархии политического равноправия, но постарался рассеять предубеждение против его личной деятельности. Он заверил своих союзников, что не намерен ни сближаться с Францией в ущерб своей связи с ними, ни изменять характера и целей союза, ни поддерживать революционный дух в Европе. Вместе с тем он сделал еще одну попытку обходным путем обратить союз в более поддающееся личному влиянию, в более прочное орудие гегемонии для сильнейшей державы континента: он настаивал на еще большем укреплении союза принятием союзниками обязательства собираться периодически на конгрессы. Это предложение, развивавшее Священный союз в личную федерацию монархов великих держав, в совместное управление делами Европы, встретило решительное противодействие со стороны английского правительства, предвидевшего, что это приведет к росту влияния России на материке и потому неизбежно слишком

затянет и Англию в континентальные дела, лишая ее выгод ее островной изолированности. В результате занятий конгресса Франция была эвакуирована и условно — под прежней угрозой вооруженного вмешательства — принята в европейский концерт. Был подтвержден и консервативный характер союза. Декларация 15 ноября говорила, между прочим, что государи решили озаботиться подъемом «религиозных и нравственных чувств, упадок которых так резко отмечен печальными событиями последнего времени». Секретарь конгресса Гентц писал, что монархи согласились предохранить от крушения власть путем борьбы с заблуждениями народов. Александр «реабилитировал» себя в глазах Меттерниха и его английских единомышленников. И Кэстльри, и австрийский дипломат убедились, наконец, что либерализм и конституционализм для Александра представляют только политические средства, орудие наступления или защиты, его «государь-идеолог» является меньше всего борцом за идеи. Как и «международное право» для него, по мнению Меттерниха, убедившегося в этом еще раньше Гентца, «не существуют никакие препятствия, останавливающие других государей, как, например, конституционные формы, общественное мнение и проч.». Он, прежде всего, практик, расчетливый и холодный; его политика — политика личных интересов и личного самолюбия. Вывод ясен: необходимо доказать ему, что его интересы совпадают с общими, и тогда у революционного движения не будет более страшного врага.

Эту задачу — заинтересовать Александра в борьбе с революционным духом и сделать дело реакции в Европе его личным делом — Меттерниху облегчали, казалось, многие обстоятельства, и прежде всего постепенно совершившаяся перемена в настроении самого царя. Доложенная ему в Аахене записка Стурдзы о революционном движении в Европе встретила уже давно подготовленную почву. «Реоабилитируя» себя перед Меттернихом, Александр был, конечно, более искренним, чем в своих либе-

рально-конституциональных выступлениях предшествовавшего года. Не забудем, что с 1817 г. он следил за освободительным движением в Германии через такого осведомителя, как известный реакционер Коцебу. Убийство этого агента студентом Запфом (март 1819 г.) не могло не поддѣствовать на него. Понятно поэтому, что в том же 1819 г., когда прусский король, напуганный растущей популярностью даровавших или обещававших своим подданным конституции герцога саксен-веймарского, баварского и вюртембергского королей, задумал исполнить свое обещание 1815 г., и Меттерних энергично восстал против такой «якобинской» мысли, Александр не оказал никакой поддержки либеральному течению. Но Меттерних, освободившись от одного заблуждения — веры в либерализм Александра — слишком склонен был впасть в противоположную ошибку: поверить в прочность его реакционного настроя. Эта ошибка не замедлила выясниться.

В конце июля Меттерних свиделся с Фридрихом-Вильгельмом в Теплице и без труда убедил его не только отказаться от введения конституции в Пруссии, но и добиваться вместе с Австрией отмены конституционного режима повсеместно в Германии. 7 августа в Карлсбаде Австрия и Пруссия потребовали от представителей девяти крупнейших германских государств принятия и неуклонного проведения ряда решительных реакционных мер по надзору за преподаванием, за союзами и собраниями и за печатью. За санкцией этих постановлений Меттерних обратился к Александру. Ему представлялось прежде важным, чтобы русский император, «августейшим именем которого часто злоупотребляют демагоги», публично одобрил карлсбадские постановления. Но Меттерних ошибся в расчете. Он не предвидел, что в карлсбадском совещании Александр учтет, прежде всего, давление Австрии и Пруссии на мелкие германские государства и в силу постоянного принципа своей политики будет противодействовать обличению стоящего под австро-прусским влиянием сейма диктатор-

ской властью, хотя бы и во имя борьбы с революцией. Английская дипломатия ясно понимала причину противодействия России и, тем не менее, высказалась за полное невмешательство во внутренние германские дела. В Англии боялись именно того, чего в пылу борьбы с революцией хотел Меттерних: публичного оказательства авторитета русского императора в Германии; английское правительство небезосновательно, может быть, думало, что это создаст прецедент для непосредственного вмешательства. Но Александр вовсе не был намерен ограничиться пассивным воздержанием, как советовала ему Англия. В октябре он благосклонно принял в Варшаве своего шурина, Вюртембергского короля, обнаруживавшего вопреки карлсбадским решениям конституцию, и, не обнаруживая прямо враждебных намерений, перевел в Польшу значительные массы войск. В декабре он открыто поддерживал оппозицию южно-германских государств, доказывая этим, что ради сохранения партикуляризма в Германии он так же готов пожертвовать абсолютистской идеей, как в других случаях ради других интересов — идеей освободительной. Под непосредственным влиянием позиции, занятой Россией, прошли венские совещания германских государей (с 25 ноября 1819 г. по 15 мая 1820 г.). Англия, боявшаяся осложнений на Востоке в случае русско-австрийского столкновения, категорически отказала Меттерниху в поддержке, и он принужден был пойти на компромисс, получивший выражение в «заключительном акте» 15 мая, обращенном через три недели во Франкфурте в основной закон Германской империи, надолго обеспечивший сохранение в ней партикуляризма.

Случай как бы намеренно все ярче выказывал основные тенденции русской политики. В том же 1819 г. между Россией и Францией возник конфликт вследствие того, что Людовик XVIII, стремясь освободиться от чересчур стеснительного русского влияния, заменил Ришелье Деказом и, прямо наперекор советам Александра, ввел ряд либеральных реформ; между прочим, позволил многим спо-

движникам Наполеона, частью революционерам 1789—1792 гг., вернуться во Францию. Александр воззвал к «принципам» и предложил державам вмешаться во французские дела на основании союзного соглашения. Но Англия вовсе не желала содействовать восстановлению русского влияния в Париже и решительно отвергла русское предложение. Даже для Австрии «принципы» не могли в этом случае пересилить политических соображений. Предложение Александра не было принято. Но последовавшее вскоре убийство герцога Беррийского вернуло к власти Ришелье; он изменил избирательный закон согласно желаниям Александра и вообще дал внутренней политике королевства удобное России умеренно-реакционное направление.

1 января 1820 г. в Испании вспыхнула революция. 7 марта король принужден был принять демократическую конституцию 1812 г. Александр немедленно сообщил державам-союзницам, что он считает испанские события за несомненный *casus foederis*. Едва ли не самое характерное доказательство внутренней несостоятельности Священного союза дало отношение союзников к этому заявлению императора. Англия учла в революции падение русского влияния в Мадриде и отказалась поэтому от вмешательства. Австрия, а за нею и Пруссия отклонили предложение потому, что вооруженное вмешательство могло бы быть поручено только Франции, что значительно подняло бы ее авторитет; кроме того, содействие Франции подавлению революции в Испании имело бы косвенным последствием восстановление там русского влияния, что создало бы новую почву для русско-французского сближения. Наконец, даже французское правительство уклончиво и сдержанно встретило русский план; для Франции представлялось, конечно, очень выгодным выступить в роли уполномоченной Европы, но Ришелье и вместе с ним король опасались, что открытое содействие абсолютизму вызовет в стране противоправительственное возбуждение.

Испанская революция нашла отклик в Италии, стоившей под деспотическим гнетом большинства восстановленных в 1815 г. государей. В июле 1820 г. вспыхнуло восстание в Неаполе. В Вене это вызвало сильнейшую тревогу; там основательно опасались, что мятежное движение примет националистическую окраску и, охватив всю Италию, обратится, прежде всего, против иноземного владычества. В Ломбардию были двинуты австрийские войска. К неаполитанским событиям не могла остаться безучастной и Франция. Людовика XVIII связывало с королем Фердинандом родство; поддерживать его против его подданных французское правительство не могло из боязни общественного мнения, но оно не хотело допускать и австрийского вмешательства. Ришелье предложил Фердинанду посредничество Франции между ним и его народом. Меттерних, желая, во что бы то ни стало, преградить французскому влиянию доступ в Италию, перенес дело на обсуждение Священного союза.

С этой целью 25 октября 1820 г. в Троппау вновь собрался конгресс. С первых же заседаний обнаружилось, что Священному союзу вновь грозит распадение. Александр возобновил свое предложение о привлечении к союзу всех христианских государств, о создании Великого Союза монархов, облеченного верховным правом вмешательства во внутренние дела всякого государства в случае несоблюдения им договоров или в случае, если в нем совершатся события, грозящие «порядку». Он предлагал немедленно ввести этот принцип в жизнь и в силу его уполномочить Австрию подавить неаполитанский мятеж. Кэстльри от имени Англии заявил решительный протест. Англия — объяснил он — рассматривает Священный союз, только как соглашение с целью охранять европейское равновесие, установленное в 1815 г. Кроме особо предусмотренных случаев, например, возвращения Бонапартова на французский престол, никакое вмешательство во внутренние дела государств не может входить в задачи союза. Австрия имеет

полное право силой подавить движение, грозящее ее интересам и соблюдению договора 12 июня 1812 г.; но это ее дело, а не дело союза. В виду этого Англия решительно отказалась присоединиться к предложенной царем декларацией. Представители Франции не хотели раздражать Александра и в то же время из соображений внутренней политики не могли принять его предложения; они также уклонились от присоединения к нему, но в условной форме. Присоединение Австрии пришлось купить распространением полицейского контроля на монархов, добровольно сделавших конституционные уступки, т. е. на южногерманских государей, и согласием на восстановление абсолютизма в Неаполе. 9 декабря русское правительство опубликовало принятую тремя державами декларацию о вмешательстве во внутренние дела государств, принимающих участие в европейском союзе, в случае изменения в них образа правления путем восстания или даже иным путем, если эта перемена будет признана опасною для других членов союза. Казалось, план Александра близок к осуществлению. Но английское правительство протестовало против этой декларации, заявляя свое несогласие с принципом вмешательства. Затем и французское правительство объявило, что Людовик XVIII не может присоединиться к декларации, так как в ней не оговорены его обязанности конституционного государя. Священный союз, вместо того чтобы, по мысли Александра, охватить всю христианскую Европу, сузился; фактически в нем остались три абсолютных государя. Неудача Александра была не в падении идейного плана, она была чисто практической. «Великий Союз» прежде всего дал бы возможность вмешаться в испанские дела. В Троппау, с другой стороны, ясно обнаружилось, что Александр определенно переходит к реакционным взглядам. Известный эпизод с сообщением ему Меттернихом о бунте в Семеновском полку сыграл в этом некоторую роль. «С 1814 г. я ошибался относительно общественного настроения; теперь считаю ложным то, что считал ранее за правду; я сделал много зла,

но теперь постараюсь это исправить», говорил он, между прочим, Меттерниху. Это не помешало, однако, Александру сказать через немного недель французскому уполномоченному в Лайбахе Ла-Фероннэ: «чем я был, тем и остаюсь, и останусь навсегда; я люблю конституционные учреждения и думаю, что всякий порядочный человек должен их любить; но можно ли давать их без различия всем народам?» Но теория у Александра последовательно расходилась с делом; и если что-нибудь в словах этих заслуживает внимания, то разве лишь оговорка. Поддерживая рушившееся здание Священного союза, как формы и гарантии русского престижа, Александр силою обстоятельств был принужден постепенно отступать от требований реальной политики и подчинять свои мнения и интересы интересу, казавшемуся ему высшим, т. е. сохранению союза. Эта двойственность его политической позиции была как бы естественным последствием его личной двойственности, ее неизбежной внутренней карой. Падение созданной им неустойчивой системы уже готовилось. Его внешним поводом был греческий вопрос. Пока Александр поддерживал греческое движение, все еще надеясь выделить свою восточную политику из опутавшей его европейской конъюнктуры. Самым приближенным советником его был в это время грек Каподистрия; его справедливо считали либералом, и Меттерних, например, многие поступки императора приписывал его влиянию. Между тем правильнее было бы заключить, что и самое приближение Каподистрии и сочувствие его либерализму имели причиной то, что он был живою связью государя с греческой гетерией, живым орудием русской восточной политики.

Для окончательного решения неаполитанского вопроса представители великих держав еще раз съехались в Лайбахе, куда были приглашены и король Фердинанд, и другие итальянские владетели. Еще по пути в Лайбах из Ливорно Фердинанд послал союзным государям заявление, что согласие его на перемену образа правления было вынуждено.

Это укрепило позицию, занятую Меттерпихом, и Александр без труда согласился на вооруженное австрийское вмешательство в неаполитанские дела, несмотря на убеждения Каподистрии и недовольство Франции. Уже в марте неаполитанские владения были заняты австрийцами, внесшими туда безудержный реакционный террор. Но конгресс еще не успел разойтись, как пришли известия о провозглашении конституции в Пьемонте и о вторжении греческих отрядов под предводительством генерала русской службы кн. Ипсиланти в дунайские княжества. Для Меттерниха это было громовым ударом. Он был убежден, что Александр хочет воспользоваться итальянскими затруднениями Австрии, чтобы обрушиться на Турцию. Англия также чрезвычайно встревожилась. Вновь налаженный тройственный союз уже готов был распасться. Александру опять пришлось считаться с возможностью столкновения с половиной Европы. Он поспешил успокоить Меттерниха: предложил ему русскую помощь против Пьемонта, в чем Австрия вовсе не нуждалась, и публично объявил, что не имеет ничего общего с безрассудным и мятежным предприятием Ипсиланти. В мае, уезжая из Лайбаха, представители трех держав вновь циркулярно объявили о принципиальной цели своего соглашения. Франция и Англия все более отделялись от союза. Но зато Меттерних торжествовал. Он добился в Италии того, чего хотел, разделил Россию и Францию и думал, что предупредил новое движение России на Восток.

VIII

Между тем греческое восстание развивалось все шире и шире. Из дунайских княжеств турки выгнали повстанцев и свирепствовали над мирным населением. Но вся Морья, все греческие острова поднялись против турок. К январю 1822 г. в Греции была уже организована центральная

власть. Все, что было либерального в Европе, с восторгом приветствовало возрождение Эллады. В России греческое восстание вызывало всеобщее сочувствие, основанное на исконном покровительстве единоверцам и вообще на традициях русской восточной политики. Турция с неслыханной жестокостью мстила христианам за успехи греков. Александр без всякого затруднения отказался от публично заявленного им взгляда на греческое восстание, как на мятеж против законного государя. При этом он, вопреки его же собственным недавним заявлениям, опирался на «принципы Священного союза»; недаром он так настойчиво с 1815 г. подчеркивал его христианский характер. В ультиматуме Турции (28 июня) он говорил, что «Порта ставит христианские государства в необходимость задать себе вопрос, могут ли они спокойно смотреть на уничтожение целого православного народа и допускать существование государства, угрожающего нарушить мир, купленный Европой ценой стольких жертв». В случае неисполнения русских требований, сводившихся к удалению турецких войск из княжеств и дарованию христианской рае рядя гарантий, государь грозил объявить Турцию «врагом христианского мира». 4 июля он заявил Австрии, Пруссии, Англии и Франции, что его образ действий вполне последователен и вполне отвечает задачам и принципам союза, так как цель его прекратить революцию на Балканском полуострове. Он предлагал поручить России восстановить порядок в Греции, а в то же время, указывая на возможность противодействия Порты, запрашивал, как отнесутся державы к войне между Россией и Турцией и каковы их взгляды на возможное уничтожение турецкого владычества. В августе, действительно, дипломатические отношения между Россией и Турцией были прерваны, и русские войска стягивались к границе княжеств.

Можно считать несомненным, что Александр имел в виду, действительно, не поддержку греческого восстания, отталкивавшего его своим демократическим характером,

Император Александр I

а раздел Турции, причем будущее ее христианских народов представлялось ему в образовании подвластных России вассальных княжеств. Он готов был обсуждать вопрос о компенсациях. «Выбирайте от Гибралтарского пролива до Дарданелл то, что вам нравится», — говорил он французскому послу.

В Европе русская нота вызвала попятное волнение. Не спеша с официальным ответом, Меттерних немедленно снесся с Анг-

лией и совместно с Кэстльри пытался убедить Александра, что содействие грекам есть содействие революции. В октябре король Георг IV прибыл в Ганновер, Меттерних поспешил туда, и там было решено всемерно противиться русским проектам. К концу года для Александра выяснилось, что он не может рассчитывать ни на Пруссию, вполне подчинившуюся австрийскому руководительству, ни на Францию, слишком запятую испанскими делами. 1 января 1822 г. греческое национальное собрание приняло чрезвычайно демократическую конституцию, что дало Александру благовидный повод согласиться на предложение Меттерниха разрешить греческий вопрос на конференции в Вене. В доказательство своей искренности он вскоре удалил даже Каподистрию. Все лето 1822 г. Англия и Австрия затягивали венские переговоры, чтобы успеть за это время найти почву для примирения между Россией и Турцией. С этой целью была проделана очень сложная дипломатическая комедия, которой Александр как будто легко поддался. В действительности, он уступал необходимости и хотел

только выждать более благоприятных обстоятельств. Пока же он без особых затруднений согласился (сентябрь 1822 г.) приступить к переговорам о возобновлении дипломатических отношений с Турцией на легких для нее условиях.

Главное его внимание было опять привлечено испанскими делами. Революционное движение там не ослабевало, что, по мнению царя, способствовало развитию возникшего и во Франции опасного брожения. Отправляясь на Веронский конгресс, созданный в октябре для окончательного решения итальянского вопроса, он хотел вновь поднять испанский вопрос, как орудие против Англии, надеясь в то же время вмешательством в испанские дела и подавлением революции на Пиренейском полуострове укрепить французское правительство, чтобы обеспечить себе в нем будущего союзника в восточном вопросе. Французское правительство, во главе которого стоял осторожный Виллель, ничего в принципе не имело против вмешательства в испанские дела, но боялось, что это испортит отношения с Англией и, кроме того, вызовет внутренние осложнения. Но представители Франции в Вероне, Монморанси и Шатобриан, не выполнили его инструкций, а прямо пошли навстречу желаниям Александра. Меттерних на этот раз особенно старался не раздражать императора, и потому представитель Англии, Георг Каннинг, остался один противником карательной экспедиции; она была решена. В итальянском вопросе Меттерних потерпел серьезное поражение. Он предложил учредить в Пиаченце следственную комиссию для надзора за революционной пропагандой. Тайным планом его было преобразование Италии в подобный Германии федеративный союз с Австрией во главе. Но в этом он столкнулся с решительным противодействием как итальянских государей, так и Франции. Россия не поддержала его; Александр не мог согласиться на такое усиление Австрии. Меттерниху пришлось уступить. Зато в восточном вопросе он взял решительный реванш. Упорное желание Александра сохранить Священный союз и свою

первенствующую роль вовлекло его в гибельную ошибку. Демократический характер греческого движения, определенно революционные отголоски его на Балканах раздражали его, что побудило его открыто заявить себя солидарным с Австрией и другими союзниками, признавшими греков, как мятежников, недостойными сочувствия. Довершая эту ошибку, он принял посредничество Англии и Австрии между собой и Портой. «Русский кабинет одним ударом ниспроверг великое дело Петра и всех его преемников» — так оценил свою удачу Меттерних. Но эта же удача подорвала и самое значение союза для Австрии, как средства воздействия на русскую политику. Не прошло нескольких месяцев, как Александр понял свою ошибку. Посредничество Австрии и Англии, конечно, не было таким, чтобы удовлетворить его. Между тем восточная торговля России, в значительной степени производившаяся греками, была подорвана. В то же время стало обнаруживаться, что Англия начинает принимать активное участие в событиях на ближнем Востоке, переходя от выжидательного положения к деятельной поддержке греков. В январе 1824 г. в Лондоне Греция заключила свой первый государственный заем. Австрия напрягала усилия, чтобы окончательно примирить Александра с Портой. Цель была ясна. Россия оказывалась в положении главного противника освободительного движения на Балканском полуострове. Александр потребовал уже в 1823 г. выяснения дела. С этой целью он свиделся в Черновицах с австрийским императором, а Нессельроде отправился к Меттерниху в Вену. Решено было созвать конференцию держав в Петербурге. Меттерних между тем повел двойную игру. Опасаясь русско-турецкой войны и не сочувствуя поддержке Англией греческого восстания, австрийская дипломатия способствовала заключению турецко-египетского соглашения (в начале 1824 г.); с помощью Мехмеда-Али турки, рассчитывали в Вене, раздавят греков, и вопрос падет сам собой, а престиж России останется подорванным. Англия поставила условием свое-

го участия в конференции, чтобы Александр предварительно сообщил свой план устройства Греции. Это была ловушка, и Александр в нее попался. В секретной ноте он объяснил, что имеет в виду образование трех вассальных княжеств наподобие дунайских. Эту ноту английские дипломаты сообщили и в Константинополе, и в Навилии, чем окончательно испортили русско-турецкие отношения и укрепили в Греции недоверие к Александру. Александр скоро окончательно убедился, что ни на какую поддержку он рассчитывать не может, и что его обманывают, обманывают уже давно, с Вероны. Это было для него страшным ударом, может быть, вторым Аустерлицем, с той разницей, что теперь уже силы его падали. «Дело его жизни» рушилось. В порыве гнева он грозил, что «Россия будет действовать, соображаясь только с своими взглядами», т. е. вне соображений о принципах Священного союза. В июне Англия опубликовала русский проект устройства Греции. Временное греческое правительство в августе заявило решительный протест против русской политики. В ноябре Англия официально поддержала этот протест, чем в сущности признала Грецию воюющей стороной, т. е. признала ее государственное бытие. Негодование Александра не знало пределов.

В феврале, наконец, начались петербургские переговоры. Император предложил потребовать прекращения военных действий на полуострове, а в случае неповиновения применить силу. В сущности он повторял свое старое предложение поручить России вооруженное вмешательство. Австрия ответила на это, что принуждение может быть применено только в виде признания независимости Греции. Австрия этого не имела в виду и сама, но, зная, что Александр никогда на это не согласится, она ставила его в необходимость еще раз раскрыть свои планы. Сильно оскорбленный государь циркуляром 16 апреля предложил непосредственно монархам, «своим союзникам и друзьям», исполнить его желание. Но и эта попытка кончилась неудачей. Тогда Александр, по-видимому, решил покончить с

«Священным союзом». Осенью на представления Меттерниха он с открытою почти враждебностью заявлял, что намерен сам вести свою восточную политику. Он явно готовился к войне с Турцией. В сентябре он уехал на юг. Русские войска стягивались к Пруту. Между тем Англия спасла Грецию, пригрозив Мехмеду-Али своим вмешательством. Возник вопрос о замещении греческого престола, сразу принявший неприятный для России оборот. Тогда Александр решился на рискованный дипломатический маневр: он предложил Англии посредничество в греко-турецком вопросе. Каннинг, полагая, что цель царя скомпрометировать Англию на Востоке, отказался и заявил, что, если русские войска перейдут через Прут, английский флот займет Морею и острова Архипелага. Казалось, события принимают такой грозный оборот, что мир Европы вновь будет потрясен. Но судьба готовила неожиданный исход: 1 декабря Александр I скончался...

В итоге 25 почти лет дипломатической работы этого блестящего царствования остались только сожаления об утерянном, разбитые иллюзии и назидательные уроки печальных увлечений. Грандиозный идейный опыт либерального абсолютизма выродился в реакцию, с одной стороны, в политиканство — с другой, и рухнул, похоронив все былые успехи своего творца.

Л. Гальберштадт

ФИНАНСЫ В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА I

Правительство XVIII века оставило после себя весьма тяжелое финансовое наследство. Форсированная внешняя политика, бесцеремонное расходование народных денег на содержание двора, поражавшего своею роскошью и развращенностью даже современников-иностранцев, привыкших к великолепию и развращенности французского Версаля, требовали большого финансового напряжения, которое не могло быть удовлетворено текущими доходными поступлениями. Образовавшиеся в бюджете дефициты приходилось покрывать или внешними займами, пока кредит Екатерининского правительства стоял высоко на денежном рынке Европы, или новыми выпусками ассигнаций, благодаря которым постепенно падала ценность ассигнационного рубля. К концу XVIII века внешние займы достигли довольно значительной суммы — 33 678 т. р., а общее количество ассигнаций, находившихся в обращении, доходило до 212 689 335 руб. при курсе в 66¹/₄%. Конечно, чрезмер-

ный выпуск бумажных денег производил большие опустошения в народном хозяйстве, разрушал и сбивал все хозяйственные расчеты и планы населения. Но государственные деятели Екатерининского и Павловского царствования все время жили с закрытыми глазами и предпочитали катиться по наклонной плоскости, не утруждая себя думами о будущем, а только заботясь об удовлетворении финансовых потребностей данного момента. От преемника Екатерины и Павла государственное хозяйство требовало большой осторожности как в расходовании народных средств, так и в изыскании новых источников денежных поступлений. Александру и его министрам была не чужда мысль о необходимости и своевременности бережливости, но это сознание было чисто платоническим. На практике финансовая политика Александра мало чем отличалась от политики бабушки и отца. Александр вел также чрезвычайно интенсивную внешнюю политику, потребовавшую колоссальных средств и чрезвычайно напрягшую платежные силы населения.

Правительство Александра I не сумело быть бережливым даже в первые годы его царствования. В сравнении с Екатерининским царствованием значительно увеличился расходный бюджет. Параллельно этому рос и доходный бюджет. Тем не менее, смету на 1801 год все-таки пришлось свести с дефицитом в количестве 7 069 794 руб. И в последующие годы финансовая смета сводилась с дефицитом, так что последний стал хроническим явлением в бюджете первой четверти XIX века.

В общем за первые восемь лет нового царствования дефицит равнялся 306 600 274 р., причем дефициты прогрессивно увеличивались с 1806 года. На их увеличение влияли и участие России в коалициях против Наполеона, и введение континентальной системы, уменьшившей таможенные поступления, и шведско-русские и турецко-русские войны, и уменьшение общего количества косвенных сборов. Благодаря этому, дефицит 1802 года, равнявшийся 5 548 572 руб., уже

в 1807 году достиг 26 228 198 руб., в 1808 г.— 124 017 530 руб., а в 1809 г.— 143 361 514 руб.

Конечно, при таких хронических дефицитах все внимание правительства было сосредоточено на покрытии их. Делалось это без всякого плана и системы, так как имелось в виду исключительно лишь удовлетворение нужд текущего момента. Обыкновенно для покрытия дефицитов вместо сокращения расходов и упорядочения системы налогов, падавшей всею тяжестью на крестьянскую массу, правительство прибегало к весьма простому способу — заимствованиям из кредитных установлений, а также из свободной наличности других правительственных учреждений, к внутренним займам, наконец, к форсированному выпуску ассигнаций. Нельзя было обратиться к помощи внешних займов: неудача коалиции против Наполеона подорвала доверие к кредитоспособности России, да и сами европейские банкиры в виду всемогущества Наполеона с большой осторожностью снабжали деньгами воюющие державы... Однако не все финансовые эксперименты правительства дали положительные результаты. Так, правительство потерпело решительную неудачу с выпуском в 1809 году внутреннего займа из 7% на 5 лет. Его реализация шла очень медленно, и за два года было реализовано облигаций на 3 285 558 р. Конечно, неудачу с внутренним займом можно объяснить отсутствием у населения свободных денег, благодаря общим экономическим условиям России, недостаточной развитости внутреннего и внешнего рынков, но, не-

Граф М. А. Милорадович

сомненно, и само население, преимущественно, купечество, относилось без всякого доверия к финансовой политике правительства. Как могло купечество и дворянство подписываться на внутренний заем, когда торговая политика правительства нанесла значительные убытки и оптовикам-купцам, и поземельному дворянству, связавшему себя крепкими нитями с английским рынком? Зато правительство не стеснялось с выпуском ассигнаций. С 1801 года по 1810 г. ассигнаций было выпущено на сумму 366 694 540 р., так что всего состояло в обращении ассигнаций на сумму 579 373 880 руб. Неудивительно, что курс бумажного рубля очень понизился и составлял только $22\frac{2}{5}\%$ его нарицательного достоинства. Такое падение ассигнационного рубля, конечно, было угрожающим, и на него нельзя было не обратить внимания. Правительству волей-неволей приходилось отказаться от бессистемного ведения государственного хозяйства и приняться за упорядочение финансов.

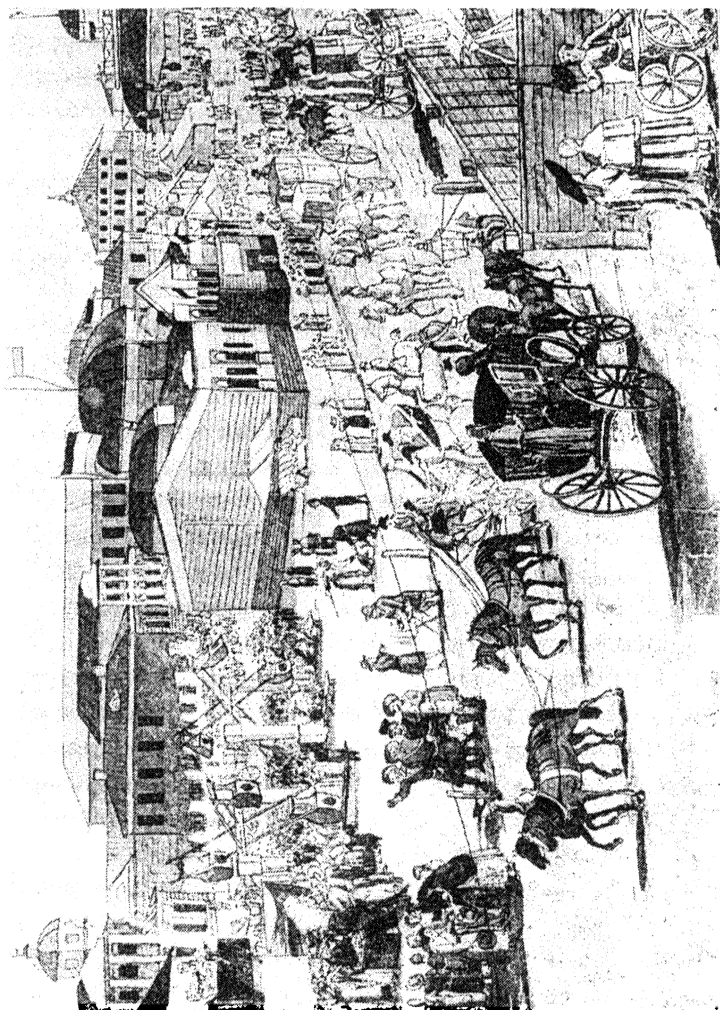
Составление общего плана реформы финансового хозяйства было поручено М. М. Сперанскому, представившему довольно скоро проект предполагаемых реформ в финансовом ведомстве. Сущность его плана заключалась в желании не только сначала приподнять ценность ассигнаций, но также и возвысить их до их нарицательного достоинства. Согласно его проекту все ассигнации объявлялись государственным долгом, обеспеченным достоянием государства. Для поднятия их курса рекомендовалось уменьшение общего количества ассигнаций, находившихся в обращении. С этой целью предполагалось прекращение дальнейших выпусков ассигнаций. Для погашения находившихся в обращении ассигнаций рекомендовалось приступить к распродаже части государственных имуществ, а также установить новые налоги, а, главное, сократить вообще расходы вместе с установлением правильного контроля над государственными издержками. Во исполнение плана Сперанского высочайшим манифестом на погашение ассигнаций были отведены государственные имущест-

ва, предполагалось сокращение расходного бюджета на 20 лет с тем, чтобы суммы, полученные от сокращения, шли на погашение налогов, затем были увеличены подушная подать и оклады с купцов и мещан, возвышались таможенные пошлины, увеличивалась цена на соль и т. д. Но эта реформа не достигла целей: а) распродажа государственных имуществ шла очень медленно и не дала желательных результатов; б) сокращение расходов осталось только одним платоническим пожеланием в виду приготовлений к войне с Наполеоном; в) министр финансов отказался вводить новые налоги для погашения ассигнаций, указывая, что они не нужны для покрытия текущих расходов; г) хотя правительство и отказывалось от дальнейшего выпуска ассигнаций, тем не менее, дефицит 1810 года заставил обратиться к выпуску ассигнаций и в этом году. Всего было выпущено ассигнаций на сумму 46 172 580 руб. Правда, этот выпуск правительство объявило последним. На деле он таковым не был: в 1811 году было выпущено ассигнаций на 2 020 520 руб., а в 1812–1813 гг. на сумму — 167 240 000 р., тогда как общее количество выкупленных ассигнаций равнялось только 5 миллионам рублей. Но Сперанскому удалось немного поднять ценность бумажного рубля, благодаря отказу правительства от принципов континентальной системы и переходу к покровительственному таможенному тарифу. Но такое повышение ценности ассигнационного рубля оказалось недолговечным. Благодаря выпуску новых ассигнаций курс их сразу понизился, так что в 1814 году курс ассигнационного рубля составлял только 20% его нарицательного достоинства. С удалением в отставку Сперанского финансовая политика правительства совершенно уклонилась в сторону от «плана» Сперанского, а начавшиеся в 1812 году военные действия являлись только оправданием несочувствия планам Сперанского. К началу 1812 года положение России в финансовом и экономическом отношении было весьма неблагоприятным. Благодаря выпуску бумажных денег и обильным позаймствованиям из кредит-

ных учреждений смету 1811 года удалось свести не только без дефицита, а даже с некоторым остатком в размере 83 398 279 рублей. Очевидно, этот бюджетный остаток был необходим в виду близости военных действий. Плохо же было состояние финансов, если для образования военного фонда приходилось прибегать к таким своеобразным финансовым приемам. Помимо этого, и народное хозяйство было мало удовлетворительно. В 1811 году горели города и села. Население, и без того разоренное финансовой политикой правительства, терпело многомиллионные убытки. В большинстве черноземных губерний был неурожай. Поэтому можно удивляться той чрезмерной беспечности, с какой правительство Александра I стремилось довести себя до разрыва с Наполеоном, совершенно не озабочиваясь вопросом, в каком положении находилась страна. При таких плохих предзнаменованиях приходилось составлять смету на 1812 год, на который расходы на армию и флот были увеличены на 43 милл. в сравнении с бюджетом предыдущего года. Затем в виду войны были сделаны кое-какие сокращения в расходах: так, министерство финансов сократило свои расходы на 32 млн руб., министерство внутренних дел — на 1½ млн, по министерству полиции были сделаны сокращения на 500 т. р. и т. д. Словом, под угрозой войны, правительство в конце концов решилось на то, что раньше предлагал Сперанский, и на чем он так решительно настаивал. Смета на 1812 год была составлена с небольшим дефицитом, но война 1812 года расстроила все сметные предположения: при расходе в 342 192 564 руб. и доходе в 270 981 872 руб. получился дефицит в 91 210 692 руб. Для покрытия необходимых военных расходов правительство применяло те же средства, что и раньше. Были выпущены ассигнации на сумму 64 500 000 руб. и были сделаны позаймствования из разных кредитных установлений. Кроме того, были выпущены краткосрочные обязательства сначала на сумму 6 млн, потом 10 млн из 6% годовых. Пришлось прибегнуть также и к увеличению прямых налогов.

Гуляние под Новинским в Москве в начале XIX в.

Крестьянское население должно было платить теперь подушную подать в размере трех рублей. Одновременно была увеличена подушная подать с цеховых и мещан. Параллельно увеличению подушной подати росли также и оброчные сборы, размеры которых, по мнению правительства, не соответствовали действительной доходности с разных угодий, о чем можно было судить на основании оброка помещичьих крестьян, действительно сильно увеличившегося к концу XVIII века. Для этой цели еще в 1808 году была организована особая комиссия, которая «разобрала бы не только губернии и уезды, в коих коренные крестьяне жительствоуют, но колико возможно ближе и самые в них волости населения, узнала каждую из них, выгоды и невыгоды и в чем они перед другими преимуществуют, сравнила оные с помещичьими крестьянами, какой они в тех местах оброк платят, и таким образом, разделив крестьян казенных по различию местного их положения, промыслов и других выгодностей, составила из того общий план или определение, кого в какой оклад ввести, по мере их выгодностей и в сравнении с помещичьими крестьянами». 2 февраля 1810 года было велено взимать с казенных крестьян сверх существующей оброчной подати — дополнительные сборы в 3 р., 2 р. 50 к. и 2 руб. с ревизской души; при этом все губернии были разделены на 4 класса. В 1812 году по манифесту 11 февраля «для утверждения и возвышения государственного кредита» оброчная подать с казенных крестьян была вновь увеличена на 2 рубля, так что крестьянам по отдельным губерниям, в зависимости от принадлежности их к тому или другому классу, приходилось на одну ревизскую душу платить оброка: 10 р., 9 р., 8 р. и 7 р. 50 копеек.

Установленные таким образом оклады оставались без всякого изменения до конца царствования Александра I. В поисках денег правительство не оставило без внимания и купечество, освобожденное еще в Екатерининское царствование от платежа подушной подати и вносившее вместо нее 1% с объявленного капитала. Уже во время второй коа-

лиции правительство Александра I повысило размеры гильдейских капиталов и одновременно увеличило взимаемый с них процентный сбор. В 1812 году по манифесту 11 февраля с объявленных купеческих капиталов было предписано взимать 3% дополнительно и, кроме того, была установлена ежегодная пошлина с листа купеческих книг. Увеличивая промысловое обложение для купечества, правительство постановило, чтобы и крестьяне, занимающиеся торговлей, брали особые свидетельства на производство торговли с уплатою за них 2500 руб., 1000 и 400 руб.

Для увеличения доходных ресурсов правительство в 1812 году решилось даже на героическую меру. Оно решило обложить помещичьи доходы, так как «к уплате государственных долгов все состояния имеют равную обязанность участвовать по мере их достояния». К сбору были привлечены удельные имения, а также принадлежавшие особам императорской фамилии. Обложению подлежал весь доход, получаемый со всех доходных статей.

Таким образом, все предпринятые правительством финансовые мероприятия не вносили ничего нового в характер доходного бюджета. Он оставался таким же, каким был в XVIII веке после введения подушной подати. По-прежнему подушная подать и разного рода оброчные платежи составляли основную часть доходного бюджета. Косвенные налоги, конечно, в бюджете занимали второстепенное место, но и они сравнительно с началом века значительно были увеличены. Так, были увеличены почти вдвое питейные сборы, вследствие производства новых торгов на откупа. Благодаря этому в 1811–1814 году питейных сборов поступило всего на сумму 70¹/₂ млн руб., тогда как в 1810 году поступление с питейных сборов выразилось в размере 31 647 т. руб. С возвратом к протекционизму и по мере восстановления нормальных торговых сношений постепенно увеличивался таможенный доход, выражавшийся в 1810 году в сумме 11 185 т. руб., а в 1813 г. — 31 599 т. руб., в 1817 году — 43 226 т. руб., в 1824 году —

50 226 т. руб. Из косвенных налогов важную часть бюджета составлял соляной налог. Правительство, заботясь о его увеличении, отказалось от патентной продажи соли и разрешило вольную ее продажу. Возлагаемые правительством надежды на вольную ее продажу вполне оправдались: в 1812 году соляной доход давал 11 336 тыс. руб., в 1813 г.— 17 781 тыс. руб., в 1814 г.— 19 695 тыс. руб.

Таким образом, чтобы увеличить размеры доходного бюджета, правительство обратилось ко всем имевшимся в его распоряжении средствам и тем самым до крайности напрягло платежные силы населения. Казалось, благоразумие требовало от него возможно скорейшего заключения мира. К сожалению, его у правительства не оказалось. Александр I перенес войну в Европу и своей форсированной внешней политикой довел государственное хозяйство до полного банкротства. Бюджетная смета после 1812 г. всегда сводилась с значительным дефицитом. Так, в 1813 году дефицит достиг суммы — 117 122 275 руб., в 1814 году он равнялся 151 190 100 руб., а в 1815 г.— 64 175 332. Словом, в течение трех бурных лет дефициты выразились в колоссальной сумме, покрыть которую было возможно только путем усиленного выпуска ассигнаций. С 1812 г. по 1815 год пришлось выпустить ассигнаций на сумму 244 429 300. Благодаря такому обильному выпуску ассигнаций курс ассигнаций еще более пал. Помимо выпуска ассигнаций — дефицит покрывался взносами, уплачиваемыми, вместо рекрутства, внутренними займами, субсидиями от Англии, позаймствованиями из разных кредитных установлений и т. д.

Для уменьшения размеров дефицита пришлось в конце концов обратиться к средству, рекомендованному еще Сперанским, и сократить доходы по важным статьям, преимущественно по смете Министерства внутренних дел и народного просвещения. Но и это не помогало. Дефициты стали хроническим явлением в бюджете эпохи Александра I. Истощенная страна была не в силах покрывать его текущими поступлениями, благодаря этому и ежегодный дополни-

тельный выпуск ассигнаций стал самым обыкновенным правительственным приемом для покрытия дефицитов, так что к 1818 году находилось в обращении ассигнаций на сумму 836 млн руб. Низкий курс ассигнаций показал, что дальнейший выпуск ассигнаций может привести государственное хозяйство к весьма печальным результатам. Поэтому не только было необходимо прекратить дальнейший их выпуск, но следовало бы принять радикальные меры к сокращению их наличности. Забросив в 1811 году план Сперанского о выпуске ассигнаций, Министерство финансов должно было опять к нему возвратиться. С большими усилиями министру финансов, Гурьеву, удалось уменьшить их количество на сумму 229,3 млн руб.

Некоторое уменьшение количества ассигнаций и улучшение торгового баланса в связи с поворотом в сторону запретительных тарифов подняли курс ассигнационного рубля до $28\frac{1}{3}\%$ его нарицательного достоинства. Таким образом, благодаря форсированной трате народных денег, в стране установилось бумажно-денежное обращение, чрезвычайно разорительное для народного хозяйства и сильно стеснившее развитие нашего международного товарообмена. Раз государственное хозяйство находилось в столь плачевном состоянии, то неудивительно, что у правительства не было денег на удовлетворение культурных нужд народа. Почти весь доход поглощали войско и флот, проценты по займам, содержание двора, расходы по содержанию министерств,— словом, расходный бюджет по своему характеру напоминал бюджеты Екатерининского царствования.

В. Пичета

ИДЕАЛИСТИЧЕСКИЕ КРУЖКИ ДВАДЦАТЫХ И ТРИДЦАТЫХ ГОДОВ

Двадцатые годы, темные Александровские годы... пора тупой и злобной реакции, мистики, обскурантизма, солдатчины, сыска, тяжелое пробуждение после чудных освободительных грез и народного подъема, пора тайного собирания сил для отпора, скрытых организаций, обществ и заговоров, томительный канун декабрьского взрыва... Воздух насыщен тревогой, борьбой. Для «сладких звуков и молитв», для умозрения, философского созерцания не время, не место. Но в тайниках старозаветной, дворянской Москвы именно в эту пору зарождается литературно-философское содружество, избравшее своим девизом не политику, не общественность, не работу для широких народных масс, но «любому-дрие» и светлое, облагораживающее искусство, — словно оазис, островок блаженных, на который люди спасаются от сует, пороков и зол низменной жизни. Впереди — у него

внушительное потомство, кружки и группы, которыми так богата была потом первая половина прошлого века; для них это родоначальник, пращур, со своевольной семьей потомков, далеко его обогнавших, молившихся другим богам. Позади — связи и корни, входящие в глубь Екатерининской эпохи. Пусть на первом русском философском кружке, — лейпцигской дружине Радищева, — свободно соединявшем интересы знания с ревностью к общественной работе, с подготовкой к труду просветителей-народников, лежит отпечаток исключительности, обособленности его зарождения, — несомненная филиация идет от человеколюбцев и проповедников нравственного совершенствования, с Новиковым во главе, от Дружеского Ученого Общества, в котором так мало было строгой учености и так много идеализма, к молодой группе на рубеже двух веков, Дружескому Литературному Обществу, арене Жуковского и братьев Тургеневых, возникшего под сенью масонского по духу и преданиям Благородного Пансиона при Московском университете, и приводит к любомудрам, связанным большею частью по воспитанию и первым умственным возбуждениям с этим же очагом гуманизма или с культурным влиянием немногих лучших сил университета. В смене одного поколения другим постепенно тускнела, отходила вдаль активно-просветительная сторона целей и задач, но культ идеализма всецело перешел к поздним преемникам. Они вступали в жизнь, воодушевленные проповедью

А. И. Герцен

тех поклонников и пропагандистов немецкой идеалистической философии, которые встретили их с новым учительным словом в высшей школе, нарушая этой жизненной струей ее почтенный квиетизм. Следуя за своими, одиночно действовавшими еще, наставниками-новаторами, в чью непогрешимость уверовали, за такими людьми, как Ив. Давыдов или Мих. Гр. Павлов, совсем не творцами, созидателями, а только убежденными апостолами, шли они на борьбу против постылого французского рационализма, вступили в очарованный мир шеллинговской философии, узнавая все его чудеса, упиваясь высокими радостями философских исканий, — тогда как воздушные замки романтизма стали для них, больших словесников, обетованной областью в литературе.

Пансионское или университетское товарищество, совместная служба-синекура целой юношеской дружины в тихой и сонной обители Московского архива иностранных дел, как-то сподобившегося стать родиной философского и литературного новаторства, притяжение, по духовному сродству, свободных и сочувствующих сил извне, не все из одной Москвы, определили состав первых организаций. Барчуки-философы и эстетики, составляя большинство, сходились в них с интеллигентами-разночинцами, Одоевские, Веневитиновы, Киреевские, с семинаристом Раичем, сыном дворового Погодиным, прежние однокашники-пенсионеры или студенты, продолжавшие после школы свои философские подвиги, с волонтерами науки и поклонниками поэзии, подошедшими к ним с воли, испытав в большей или меньшей степени (как Веневитинов) влияние кафедры, но располагая помимо того и свободно добытым, среди барского приволья, развитием. Вырастая, дифференцируясь, переходя частями из одной группы в другую, образуются три кружка, — идеалисты-художники, сошедшиеся вокруг Раича, друзья Рожалина с их сильным уклоном к философии, и венец всего движения, немногочисленный, интимный, но богатый дарованиями и сильным подъемом мысли, кру-

жок «любомудров», с такими руководителями, как Владимир Одоевский, как Веневитинов.

Это было в 1823 году. Общественно-политическое движение пережило тогда уже начальные, сокровенные свои формы, Союз спасения, Союз благоденствия, и воплотилось в двух больших обществах, покрывших своею сетью и север, и юг России. В духе времени любомудры образуют также тайный союз, хотя для целости и блага государства ни философия природы, ни изучение «основ, на которых зиждутся и знания, и религия», ни высокий культ «добродетели», ни эстетические священнодействия не представляли никакой опасности. Когда настал разгром декабризма, любомудры поспешили уничтожить все свои бумаги и протоколы. Но это — лишь отражение той паники, которая охватила тогда все общественные слои, вызывая безотчетные поступки самосохранения и галлюцинации слепо разящего все и всех палачества. Дрогнуло, быть может, у многих из молодых философов сердце при виде крушения целого поколения, полного самоотверженной преданности народу и его освобождению; для иных оно вырывало из жизни близких, дорогих людей, — но светлой лампадой горела и после декабрьской трагедии перед престолом Истины, Добра и Красоты вера идеалистов-мечтателей, и не в политической, бурной борьбе видели они путь к торжеству Света.

В то время, как общественная среда, придавленная реакцией, не дерзала обращать свои взоры за пределы, очерченные повседневностью, эти люди, выделяясь большою интенсивностью мысли, полные возбуждений, вызванных в них такими могучими ее двигателями в новейшей Германии, как Кант, Фихте, Шеллинг, вдохновленные величием немецкого поэтического творчества и гением Гёте, шли последовательным путем через первичное настроение ревностного шеллипгианства и высший эстетизм не только к философской проповеди, призванной поднять и облагородить жизнь, но и к вызову живых творческих сил, которые осуществят и для народа своего, и для человечества, подоб-

но Гётевской поэзии и откровениям германских философов, идеал совершенного искусства и глубокой мысли, — и к постановке насущных вопросов русской культуры.

Порою мудреная, невыработанная, книжная речь философских статей первого органа любомудров, сборника «Мнемозина», полна еще ученического увлечения немецкой философией. Издатели способны даже утверждать, что «главнейшая цель издания была распространить несколько новых мыслей, блеснувших в Германии, обратить внимание русских читателей на предметы в России мало известные, по крайней мере, заставить говорить о них». И этот усердный философский дилетантизм, конечно, очень своеобразно встречался на тех же столбцах с живыми сатирическими нападками и па отжившую, лживую пауку французского материалистического пошиба, и на чуждое всякой науке, затхлое и невежественное русское общество, — с картинами современной культуры запада, — наконец, с чудесными поэтическими вкладами Пушкина. Но от «Мнемозины», с характерной двойчаткой ее редакторов, ретивого философа-пропагандиста Одоевского, бредившего Шеллингом и Океном, обращавшего благоговейный взор своей к «стране древних Тевтонов, стране возвышенных помыслов, в которой заблистает свет не вечерний», и будущего участника в декабрьском заговоре, Кюхельбекера, публицистика любомудров в своей эволюции придет к сложным задачам, поставленным ими «Московскому Вестнику» (1827). Вступительная статья в этом журнале, написанная Веневитиновым, явилась точно манифестом нового направления мысли, вполне независимым, провозглашая необходимость самостоятельного национального, общественного и литературного развития для России. Прилагая шеллинговское философско-историческое учение к задачам, предстоящим отечеству, и исходя из основного положения, что каждая культурно-правоспособная раса призвана внести в духовную жизнь человечества присущую ей отличительную идею, Веневитинов предви-

дел в вечном круговороте влияний, в котором в данное время первенство за Германией, выставившей Гёте, Шиллера, великих мыслителей, славную очередь, которая настанет для русско-славянского племени, и хотел бы устремить все его лучшие силы, всю национальную энергию на проявление важнейшего нашего духовного достояния. Но сознаем ли мы, в чем оно заключается, какая сущность русского духа, проявлявшегося во всей нашей многовекковой истории? Мы слишком долго подражали, жили чужим, слишком много произвели, и оттого страдаем. Нужно остановиться, взглянуться внутрь себя, в недра своей народности, и из всего, что создал народ, из его исторических судеб, из его нравственных устоев, из народной думы и откровений творчества, раскроется то, что определит путь для самостоятельной русской деятельности, призванной войти, с полным равенством, в круг развития и взаимодействия величайших культурных племен. И в роскошной культурной грезе отразился не только пыл идеалиста, но, на основе философского германофильства, чуть не космополитизма, воздвиглась национальная идея, нашедшая дальнейшее свое развитие уже в позднем потомстве любомудров...

Полный светлых порывов, шел впереди небольшой, но сплоченной и убежденной рати Веневитинов. Превышая всех своих сверстников дарованиями мыслителя (его юношеские работы, — разбор учения Платона и «письмо о философии», уже примечательны), вдумчивый поэт, критик, искусно опиравшийся на опыт мировой литературы, публицист, способный волновать умы, горячо преданный идее и неспособный на компромиссы, он призван был, казалось, оставить глубокий след в своей современности; идеализм воинствующего любомудрия воплотился в нем. Одоевский делил с другом своим руководство в кружке и кипучей своей деятельностью популяризатора философии, критика, сатирика, бытописателя, автора глубокомысленных аналогов и едких «характеров», в которых закалялось и развивалось редкое слоговое мастерство боевого и начинавшего

уже волновать умы публициста, которого новейший его биограф мог назвать (в обстановке его времени) «Грибоедовым прозы», — всей своей сложной журнальной работой и в органах кружка, и в «Вестнике Европы» Качеповского, и в «Московском Телеграфе», и в «Атепсе», являлся выдающеюся двигательной силой кружка. Благородный образ Ивана Киреевского с рано проявившимся философским складом ума, исканиями нравственного и религиозного смысла жизни, мечтами о великом призвании русской народной культуры, которую общение с европейской цивилизацией должно привести к всемирно-исторической роли, — образ этого непонятого, непризнанного, затерявшегося впоследствии в мистике, печально замолкшего накануне новой просветительной поры, мыслителя выделяется за вожаками группы. Дальше идут в ней менее выдававшиеся личности участников и единомышленников. Жизнь увела их потом на иные пути, внушила им и развила другие идеи. Погодина и Шевырева она сделала проводниками и защитниками доктрины «официальной народности», научила соединять деятельность кафедры с усердной публицистикой национализма. Титова ожидала деловая карьера русского дипломата на Востоке, Кошелева — своеобразнейшее сочетание идейной работы с предприимчивым фипансизмом, даже откупничеством, ревности к земским нуждам, оппозиционной деятельности зарубежного русского публициста, как будто идущего следом за Герценом, с мастерскими приемами усовершенствованного гоголевского Костанжогло или гончаровского Штольца, бойкого «хозяина» и дельца-практика. Но все они вступали в жизнь под священной хоругвью идеализма, все были полны тогда божественного огня его философии, которым хотели возродить жизнь, все проходили школу европейской мысли, чтобы служить потом высшим задачам своего народа; иные устремлялись — как братья Киреевские — на Запад, припадая к ее источнику, усваивая ее заветы.

Идейное возбуждение кружка было так сильно, так пастойчиво, что сохраняло влияние свое и продолжало

развиваться среди неблагоприятных условий, разобщавших адептов и во времени, и в пространстве, и в (относительной) свободе существования. В крепостных казематах и в деревенской ссылке Кюхельбекер остался в непреклонно работавшей своей мысли любомудром. Сверстник Веневитинова по воспитанию, связанный с Московским университетом своим (правда, математическим) патентом, свидетель первых шагов, начала работ кружка, Хомяков верен его идеям и исканиям среди петербургского душевного холода, в долгих странствиях по Европе, под военной амуницией добровольного борца за славянское освобождение. Невинная, безгрешная организация любомудров, словно приравнивая себя к опасному тайно-политическому обществу, кончает самоубийством, но не замирает возбужденная ею деятельность мысли. Привычная неразрывность кружкового состава может расстроиться. Случайности жизни могут отдалить, увести из его среды важнейших двигателей умственной работы, но Одоевский, Веневитинов и в Петербурге сохраняют живейшие связи с нею, руководят, направляют. «Московский Вестник», его новые речи, всемирно-исторические и национальные взгляды, философская и эстетическая проповедь — факты уже по ту сторону пережитого странною глубокого перелома.

Зреет и вырабатывается, чуждое исключительности, народного самодовольства и мессианизма, полное равенства и соревнования с другими факторами европейской культуры, учение о русском поступательном движении. Силе поэтического творчества указано в нем могущественное воздействие, идейное, нравственное, эстетическое. Возле гениального блеска Гёте, перед которым благоговейно преклоняются друзья, издававшие с его благословения и свой «Московский Вестник», засветилось уже солнце русской поэзии в творчестве Пушкина, — и лучезарною чудится славная будущность поэта, лучшего выразителя нацией народной стихии. Горячо и сочувственно подошли к нему, среди охлаждения и враждебности общественного боль-

шинства к прежнему кумиру, примирившемся с новым строем, неизменные поклонники Прекрасного, увлекая за собою любимого поэта в область чистого, светлого, независимого от ядовитых влечений мира, поэтического искусства, внушая свою теорию высшего художественного объективизма. Они ценили по достоинству пережитый поэтом наплыв байронического протеста и борьбы,— не допуская и сравнения с потрясающим оригиналом,— но восторгались поворотом к народности, чародейством оживления старины, чудесами «Годунова», красотой мысли и формы в пушкинской лирике. С культом Пушкина, этого рыцаря духа, будущего русского Гёте, соединилось сочувствие Мицкевичу, мыкавшему свою опалу и ссылку среди «героического в своей неволе» русского народа, признание выдающегося, феноменального дарования в барде родного славянского племени, не считавшееся ни со старой племенной враждой, ни с религиозной рознью. И на почве этого свободного славянского общения возникал уже, задуманный Мицкевичем при участии его русских друзей и польских интеллигентных сил, орган единения, взаимного понимания и изучения, двуязычный журнал «Ирида», задуманный в зародыше мстительным недоверием высшей политической полиции,— первый опыт свободной постановки вопроса о славянстве, проникшего в свод убеждений идеалистического кружка и начинавшего уже волновать умы отдельных его сторонников, следом за Хомяковым, после странствий по славянскому миру, ставшим первым пионером этой идеи.

Интенсивная работа мысли, ревность идеалистической проповеди, зовущей к возрождению и облагорожению жизни, сильное, возбуждающее влияние немецкой философии и романтики, поднимавшее самостоятельные запросы и построения, проникнутые духом народности, воспитывающий опыт мирового творчества, отлагавшийся опять в грезах о славе русского народного гения, наконец, первые проблески славянской идеи, далеко увели первых Любомуд-

ров и примкнувших к ним впоследствии адептов от исходной точки движения. Начинали с философского и эстетического катехизиса, в котором откровения Шеллинга встречались еще с разными доисторическими авторитетами, проникшими в научные храмы Благородного Пансиона и университета или в улучшенное, подкрепленное обыкновенно университетскими же силами, домашнее воспитание, выпадавшее на долю немногих баловней судьбы,—вступали в жизнь с гуманными, честными, но отжившими свой век преданиями Дружеского Ученого Общества, с налетом масонского добротолубия, и могли потом проходить почти безучастно мимо общественных страданий и торжествующего гнета, как воздымающиеся над жизнью книжники-мыслители, но перед ними раскрылось призвание истинных просветителей и подвижников культуры, свободная мысль устремилась к новому идейному горизонту, творческая работа соединяла уже скудные еще численно, но сплоченные и воодушевленные силы единомышленников. То был расцвет, то было увенчание любомудрия,—по дальше пойти в развитии своем, не выходя из испытанных на деле норм, ему не было суждено.

Безжалостно ранняя смерть Веневитинова лишила его главного вдохновителя, Одоевский в неутраченных своих запросах и исканиях ушел на время, и, казалось, всецело, в иную сторону, и идеалистический мистицизм, новая переходная стадия его нескончаемой эволюции, овладел им. Из похода своего за знанием на Запад Киреевские возвратились, укрепившись в решимости служить руководящим заветам кружка, соединяя просвещение европейское, в высших его проявлениях, философском, нравственном, эстетическом подъеме, с широким развитием русских народных начал, своего «Европейца» (1882) хотели сделать органом основных своих идей, собрав в нем с наличными силами старого кружка цвет современной литературы,—но грубое насилие прервало их речь на полуслове, «Европейец», оклеветанный, злостно непонятый, был закрыт за мас-

кированное будто бы сочувствие Июльской революции, Киреевские были вырваны из общественной среды, надолго осуждены на деревенское отшельничество, и, когда они покинут его наконец, не традиции любомудрия и философски понятого славянизма, по выводы сложного процесса мысли, пережитого в одинокой созерцательной жизни, отразятся в их дальнейшей деятельности искренних и убежденных славянофилов. Хомяков, сильно возбужденный и личными впечатлениями народного возрождения, словно благовестие возведенного с начала столетия на весь славянский мир энергической кучкой пражских вожakov — народников, ученых и мыслителей. ставших агитаторами патриотизма и независимости, и уроком миновавшей русско-турецкой войны, прерванной, казалось, накануне освобождения турецкого славянства, насыщает отныне широко поставленной народной идеей и верою в призвание родного племени, просветленного самосознанием и возрождением заветов старины, свое исповедание, от старой философской доктрины отклоняется навсегда к делу проповедника и пророка славянского народничества, и сначала выступая почти одиноко в русской среде, словно сеятель, вышедший на посев свой до зари, соберет вокруг себя со временем новую группу единоверцев. У других, меньших, идейно слабейших членов старого кружка жизнь охладила начальное возбуждение, развела их по сторонам, указала практические пути личного благополучия, научила оппортунизму, умению ладить с господствующим строем.

Былое любомудрие распалось, отошло в прошлое, внешние признаки существования кружка и его работы как будто изгладились, доступные только внимательному исследованию историка, летописца движений и идей. Но «архивные юности» и их друзья сделали все же свое ценное дело, заветы и запросы их не замерли, традиция установилась, и по следу, проложенному этими предтечами, прошли, призванные к долговому, животворному влиянию па умы, их преемники, выставленные новым молодым, еще

более чутким, жизнеспособным поколением. Идеалисты Александровской эпохи, сумрачных двадцатых годов — провозвестники богатых и численностью, и запасом дарований идеалистических кружков годов тридцатых. Движение, возобновляясь с новою силой, вливается в те же испытанные формы, дробясь на группы и общины верующих, идя вперед не сплошным натиском иконоборцев и завоевателей, а действиями партизанских отрядов. Они, эти новые кружки и группы, казались впоследствии такому зоркому наблюдателю хода общественного прогресса, как Герцен, «начальными ячейками, зародышами истории», «зачинщиками России будущего»; это снова — идейные союзы учащейся молодежи, представленные «несколькими мальчиками»; они организуются, собираются, расходятся, снова делятся под влиянием насущных потребностей развития, и все служат одной и той же цели, храня и распространяя «общечеловеческую науку». С кафедры слышатся такие же, по-прежнему одиночно звучащие, речи немногих ее истинных проповедников, окруженных в профессорском штате уродливыми жрецами старой схоластики. Тот же Мих. Павлов, официально — лишь профессор агрономии, встречает толпящееся вокруг него юношество, которое стремится к знанию природы прежде всего вопросом — что есть познание — и уводит их надолго, если не совсем, от прямой сущности своих курсов в светлое царство немецкой философии, и тот же Шеллинг является для молодежи виновником ее прозрения. Смежно раздастся красноречивое слово такого просветителя, как Надеждин, сбросивший с себя маску обличителя новых литературных течений, фельетонного, хоть и очень острого, колкого охранителя старшей литературы, и вошедшего на кафедру с широким культурным кругозором, всесторонним философским образованием и мастерскими изучениями всемирного творчества. Такая проповедь будит, ведет вперед, вызывает к самостоятельности. И в студенческих рядах поднимается встречное образовательное течение; почин к

группировке, сборной работе, кристаллизации дан, и неизбежные кружковые ячейки обозначаются. На их целях и направлении отражаются изменившиеся условия времени, подавленное состояние жизни. Прежде впереди всего шли бы вопросы общественно-политические, теперь же философия, эстетика, вопросы нравственные владеют молодыми умами. Потомство Любомудров, видимо, стремится опередить их, оставить далеко за собой. Пусть немногие политически чуткие товарищи сближаются ради обмена мыслей протеста и гнева, для усвоения начал истинной гражданственности и свободы, для контрабандного изучения первых систем социализма, и готовят себя к жизни, опираясь на опыты русской и западной реакции и революции, на судьбу декабризма, на бунт военных поселений и его усмирение, на июльский переворот во Франции и польское восстание, — они сходились, организовывались и гибли, одни за другими, Критские, Сунгуровы, и только небольшая и полная страстных влечений к активной работе группа студента Герцена и его товарищей осталась одна на поверхности. Пусть сходятся такие люди и под знаменем интереса к естествознанию, так слабо представленному и в университете, и в медико-хирургической академии, но неотразимо привлекавшему своим европейским движением. Это — частичные, одиночные явления, — но растут и множатся силы кружка идеалистов, и он завоевывает себе положение первостепенное среди молодежи. Он полон самостоятельности и, идя по пути, указанному немногими любимыми, возбuditельно действующими представителями науки, отдается всеми своими силами самообразованию, основанному на взаимопомощи и круговой поруке всех, кто только входит в группу; он становится большой лабораторией мысли и знания; значение этой самостоятельной юношеской работы скоро превысило силу прямого влияния кафедры. Дух равенства, царивший в кружке, который вмещал в себе наряду с неизбежным еще элементом дворянства много демократических, разночинских

сил, дух дружной солидарности, выдержки и последовательности, проникавший всех участников, тесная связь, соединявшая в этой свободной ассоциации студентов различных курсов, людей, уже покинувших университет, но верных идейной работе кружка, наконец, волонтеров науки, привлеченных с воли горевшим в нем светом знания, были явлениями небывалыми среди ветхих, косных форм общественности. С умилением обращались впоследствии к тем чудным дням воспоминания

А. С. Грибоедов

этих новейших Любомудров, ставших потом выдающимися деятелями. Константин Аксаков, на краю жизни вспоминая ее светлое начало, преклонялся перед духовной цельностью молодого кружка, его свободой от всяких авторитетов, самостоятельностью мнений, стремлением к «правде, серьезному делу, искренности и истине», и видел в этом стремлении, которое «само в себе справедливо», «явление вполне русское».

Но европейская наука и творчество все же оказали на него великое влияние, и, как в двадцатые годы, Германия стояла во главе его. Последовательными переходами шли от Шеллинга к Фихте, чтоб прийти к Гегелю и надолго остаться в его власти, следили, насколько возможно было, за всеми новыми научными явлениями германскими; Москва не на шутку делалась «одним из губернских городов немецкой философии». Величие, красота, вдохновляющая, гуманная сила творчества гениальных поэтов новой Германии действовали столь же могущественно. Поклонники ли Гёте или горячие сторонники Шиллера, переживавшие нередко несколько переходов в своих эстетических

увлечениях, чтобы обоготворить того, кто подвергнут был сначала суровому осуждению, все члены кружка прошли через определенно выразившуюся, развивавшую их дух школу художества, и с светилами германской поэзии мог состязаться лишь своим сильным влиянием Шекспир, нашедший тогда в феноменальном самородке — Мочалове изумительного отгадчика и истолкователя, внезапными вспышками своего таланта освещавшего тайники мировой поэзии и психологии. Вокруг чарующей, центральной личности Станкевича, разливавшей жизнь и свет вокруг себя, поражавшей (говорит снова Аксаков) необыкновенно «стройным существом своего духа», сходятся, как выдающиеся деятели кружка, такие блестящие своими дарованиями и высокой нравственной силой аспиранты философии, словесности, облагораживающего темную и печальную Русь, просвещения, как Белинский, Аксаков; рефератные вечера, и у Станкевича, и в «казенных» студенческих «нумерах», философские прения, литературные собрания, на которых может ураганом пронестись юношеская драма Белинского «Дмитрий Калинин», полная шиллеровских свободолюбивых мотивов, первые опыты журнальных статей и переводов, первые выступления на арене литературной критики, еще приверженные к романтической теории искусства, переносят внутреннюю работу кружка в более обширные слои. В рядах товарищей проявляются незаурядные дарования; Ключников, Красов, Ефремов, Петров, будущие поэты, мыслители, ученые,— не праздные свидетели совершающегося духовного пира, но деятельные его пособники; к нему подходят и принимают вскоре живое участие во всех запросах и начинаниях такие дилетанты философии, как отставной офицер Бакунин или закончивший свое домашнее образование культурной побывкой во Франции Боткин,— и старое тверское дворянское гнездо, Прямухино, образовательными интересами Бакунинской семьи и ее родичей представлявшее тоже чуть не философско-идеалистический кружок, и именитое

московское купечество, так мало повинное тогда в культурной деятельности, вводят в жизнь группы немалые силы. Скоро голос Бакунина, вошедшего в нее сначала под знаменем Канта, чтобы стать затем, пережив и увлечение Фихте, пламенным апостолом Гегеля, гремит в кружковых собраниях,— и в предисловии его к переводу «гимназической речи» Гегеля звучит словно философское *credo* народившегося русского гегельянства. Появляются в *Телескопе* «Литературные мечтания» Белинского, и влияние идей кружка отмечает новую эру в литературном движении. Влияние это растет, переживает неудачу самостоятельного органа группы, «Московского Наблюдателя», перегруженного философией и не поддержанного читающей массой,— и начальный дружеский союз идеалистов, не распавшийся и после великого урона, болезни и смерти на чужбине Станкевича, подходит к концу тридцатых годов, когда его ждет обновление свежими силами, перестройка наличных отношений, пересмотр основных начал исповедания, образование из традиционных кружковых форм новых сочетаний и школ, славянофильства и западничества, элементы которых даны были с первых дней существования философских союзов. Наступали сороковые годы с их сложной, интенсивной культурной работой. Стремления и искания «идеалистов» былых времен всегда останутся примечательным прологом к ней.

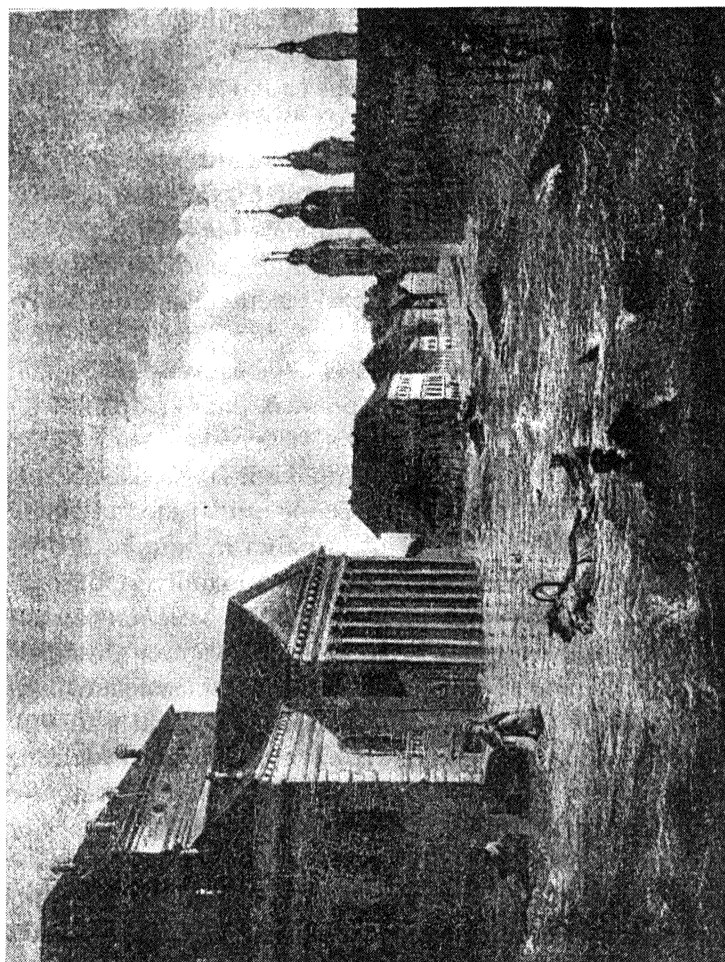
Алексей Веселовский

ПИСАТЕЛЬ И КНИГА В АЛЕКСАНДРОВСКУЮ ЭПОХУ

После цензурного террора Павловского времени, когда запрещалось употребление в печати таких обыденных слов, как *врач, обозрение, граждане, общество, пособие, отряд*, не разрешалась книга, где автор доказывал, «сколько убытков терпят города от деревянного строения», когда из-за нескольких стихов в оде на «Рождение Михаила Павловича» в обществе разнесся слух, что Державина сошлют, автор «Ябеды» едва не попал в Сибирь, Карамзин признавался, что если б не «экономические обстоятельства», он, «положив руку на алтарь Муз и заплакав горько, поклялся бы не служить им более ни сочинениями, ни переводами»; Коцебу вынужден был исключать из своих драм такие «вредные мысли», что икра получается из России и что Россия страна отдаленная; когда рижский цензор Туманский пытался задержать немецкий перевод «Писем русского путешественника» и в пьесе Коцебу выбрасывал слова безнадежно влюбленного сапожника: «Я отправляюсь в Россию, говорят,

Алексеев. Наводнение 7 ноября 1824 г. в Петербурге

там холоднее здешнего!» и заменял их: «Я уезжаю в Россию, там только одни честные люди»; после настоящего погрома просвещения, когда запрещался «выпуск из-за границы всякого рода книг, на каком бы языке оные ни были без изыятия, равномерно и музыку», когда за устройство домашней библиотеки и за раздачу книг своим знакомым пастор Зейдер был подвергнут телесному наказанию и сослан в рудники, — «дней Александровых начало» могло, действительно, показаться прекрасным. Ряд указов молодого монарха говорил о благожелательном отношении к культуре, печати: 31 марта 1801 года отменялось «запрещение на впуск всякого рода книг и музыки», предписано было распечатать частные типографии, в 1802 г. разрешено было открывать вольные типографии по Екатерининскому указу 1783 г. с тем, чтобы цензура печатаемых книг лежала не на Управе Благочиния, а на директорах народных училищ под наблюдением гражданских губернаторов, указом 26 января 1803 г. цензура всех печатаемых в губернии книг возлагалась единственно на университеты, «коль скоро они в округах учреждены будут». Таким образом цензура из полицейского учреждения перешла в Министерство народного просвещения, «немысленный урядник благочиния» заменен был образованным чиновником «главного правления училищ». Тип старого цензора, подозрительного, выдававшего книгопродавцам даже «несумнительные» иностранные книги с предосторожностями, «осматривая каждый экземпляр прилежно, ибо опыт научил, что нельзя иметь довольно предосторожности, поелику уже встречалось, что под книги одни подкладывали другие без титула, что даже в переплетных начало и конец одной книги, а в середине совсем особая книга», тип такого цензора становился анахронизмом, когда в главном правлении училищ при разработке цензурного устава некоторые члены говорили, что «строгость цензуры всегда влечет за собою пагубные следствия: истребляет искренность, подавляет умы и, погашая священный огонь любви к истине, задерживает развитие

просвещения», что «свобода мыслить и писать есть одно из сильнейших средств к возвышению народного духа», что «истинного успеха в просвещении, прямого и прочного стремления к достижимому для человечества совершенству можно ожидать только там, где дозволяется открыто рассуждать о важнейших интересах человечества, об истинах, наиболее дорогих человеку и гражданину». Немудрено, что цензурный устав 1804 года, составленный людьми таких убеждений, восторженно был встречен русским обществом, окрылил надежды наших писателей. В самом деле, что могло быть более благожелательного для печати §§ 21 и 22 нового устава, гласивших, что «цензура в запрещении печатания или пропуска книг и сочинений руководствуется благоразумным снисхождением, удаляясь всякого пристрастного толкования сочинений или мест в оных, которые по каким-либо мнимым причинам кажутся подлежащими запрещению», что «когда место, подверженное сомнению, имеет двоякий смысл, в таком случае лучше истолковать оное выгоднейшим для сочинителя образом, нежели его преследовать», что «скромное и благоразумное исследование всякой истины, относящейся до веры, человечества, гражданского состояния, законоположения, управления государственного или какой бы то ни было отрасли правления не только не подлежит и самой умеренной строгости цензуры, но пользуется совершенною свободою тиснения, возвышающей успехи просвещения»? Один из образованнейших журналистов того времени, Каченовский, приведя в статье о книжной цензуре в России эти §§, пророчил русской словесности скорое обогащение памятниками изящного вкуса и учености... Первые годы применения нового устава, действительно, сказались небывалым оживлением нашей печати: появилось много периодических изданий; некоторые журналы, как «Петербургский Журнал» (1804—1809 гг.), «Северный Вестник» (1804—1805 гг.) касались самых важных вопросов государственной жизни (по преимуществу в переводных статьях из Бенстама, Монтескье и

др.), было переведено немало ценных сочинений европейских мыслителей и экономистов; писатели, по их собственному признанию, высказывали вещи, о которых не решились бы говорить печатно в прежние времена¹. Но недолго продолжалось это оживление, и вскоре литературе пришлось испытать всю тяжесть цензурных «разъяснений», часто сводивших на нет существование устава, предоставлявшего «свободу тиснения», убедиться, что предварительная цензура, связанная с личными настроениями того или иного цензора, вкусами сменяющихся министров, неизбежно должна вступить с писателем в состязание, что без определенных правовых гарантий положение последнего обречено на нечто неопределенное, неустойчивое, в конце концов, стесняющее его деятельность. Уже в 1805 году цензор Яценков запретил драму Антона Автушкевича «Увенчанная Добродетель» по причине «несообразности с отечественными постановлениями окончания пьесы, где самые узнанные и доказанные злодейства остаются без должного наказания»; в 1808 г. цензор Тимковский не одобрил к напечатанию «Грамматики милым женщинам» (Некрасова) по причине «недостатка в смысле» представленной рукописи; в 1810 г. запрещена была комическая опера «Дидона и Эней», так как «вся пьеса преисполнена выражений слишком подлых и для тонкого слуха оскорбительных, особливо, если их произносит Эней или Дидона, или другие важные особы, например: «вся глотка пересохла» и пр., «а после они нас так взбутетенили, что небо в овчинку показалось» и пр., «Ох, матушка, ох, милая, не огурчика мне хочется». Вместо того чтобы, согласно § 21 цензурного устава, руководствоваться благоразумным снисхождением, цензора силой вещей превращались в суровых ревнителей то отечественной нравственности, то логики, то стилистики, и писателю, лишенному возможности отстаивать свое произведение судебным порядком,

---

¹ Сухомлинов. «Исследования и статьи». Т. I, стр. 421.

приходилось склоняться перед цензурными резолюциями. В зависимости от того, кто стоял во главе Министерства Народного Просвещения, естественно менялось отношение к одной и той же книге, к известным течениям мысли. Так, в начале эпохи запрещались книги масонские, мистические, в 1807 г. закрыт был «Сионский Вестник» Лабзина; с вступлением же в 1816 г. в министерство кн. Голицына мистическая литература находит особое покровительство у цензурных властей, журнал Лабзина вновь стал выходить, автор резкого памфлета против мистиков, Станевич, был выслан из Петербурга, его книжка «Беседа на гробе младенца о бессмертии души» была отобрана из лавок и сожжена, а в 1824 году при министре Шишкове эта же книга была издана на казенный счет, «по высочайшему повелению»... Различные международные отношения России немедленно же вызывали разнородные циркуляры цензурного комитета, заставлявшие журналиста исключительно «согласоваться с намерениями правительства» и по-молчалински не смей свое суждение иметь. То, что можно было писать о Наполеоне до Тильзитского мира, запрещалось после 1807 года, а в 1814 году председатель петербургского цензурного комитета, Уваров, предлагал комитету следить за тем, чтобы «журналисты, писавшие в 1812 году, иначе бы писали в 1815 году»... Несколько раньше было предписано, чтобы «цензуры не пропускали никаких артикулов, содержащих известия и рассуждения политические» (1808 г.), но события 1812-13 гг. слишком задевали, чтобы не откликаться на них «политическими рассуждениями», и цензурным властям приходилось только направлять статьи подобного характера в известном направлении. Но если по некоторым вопросам предоставлялась кой-какая возможность высказываться, несколько тем совершенно было изъято из печатного обсуждения как в начале царствования Александра, так и в конце, как в годы «либералистов», так и в мрачное десятилетие Аракчеева, Магницкого и других гасителей просвещения. Крестьянский вопрос прежде всего

был той скалой, о которую разбились попытки образованного меньшинства поставить его, как паиглавнейший. В 1804 г. была задержана цензурой книга Пнина «Опыт о просвещении относительно к России» потому, что «автор (по мнению Комитета) с жаром и энтузиазмом жалуется на злосчастное состояние русских крестьян, коих собственность, свобода и даже самая жизнь, по мнению его, находятся в руках какого-нибудь капризного паши... Хотя бы то и справедливо было, что русские крестьяне не имеют собственности, ни гражданской свободы, однако — заявлял Комитет — зло сие есть зло, веками укоренившееся, и требует осторожного и повременного исправления... Разгорячать умы, воспалять страсти в сердцах такого класса людей, каковы наши крестьяне, это значит в самом деле собирать над Россией черную, губительную тучу». В 1809 году пострадал Анастасевич за перевод брошюры Стройновского «Об условиях помещика с крестьянами»; в 1818 г. кн. Голицын обратил внимание попечителя Петербургского учебного округа, что «издатель Духа журналов помещает статьи, содержащие в себе рассуждения о вольности и рабстве крестьян и многие другие неприличности», и предписал цензорам следить за журналами и другими сочинениями, «дабы в них ни под каким видом не было печатаемо ничего ни в защищение, ни в опровержение вольности или рабства крестьян не только здешних, но и иностранных»; в 1820 году удален был от звания цензора проф. Черепанов за пропуск в «Историко-статистическом журнале» переводной статьи «Взгляд на успехи земледелия и благосостояния в Российском государстве», в которой доказывалось, что главным средством к возведению Русского государства на высшую степень просвещения и благосостояния является дарование крестьянам большей свободы и тех прав, которые принадлежат им, как людям и существам разумным. Если социальный вопрос относился к «неприличностям», то и темы политического характера вызывали со стороны цензуры подозрительное или враждебное отношение.

В 1814 году министр полиции Вязьмитинов нашел «совершенно неуместным» желание издателя Духа журналов касаться вопроса о внутреннем состоянии России, «великих ее способов и выгод, некоторых недостатков и злоупотреблений», так как «упоминаемые предметы относятся до попечения самого правительства и отнюдь не могут подлежать суждению частных лиц публично»; в 1818 году кн. Голицын подтвердил приказ, чтоб в журналах не касались «материй, касающихся до распоряжений правительства», в 1820 году опять приказал цензорам не пропускать статей, подобных статье «О влиянии правительства на промышленность» (Невский Зритель), «в коей делаются замечания правительству в распоряжениях его и даются оному наставления весьма неприличные ни в каком отношении»; в том же году (6 окт.) предписал прекратить с 1821 г. издание «Духа Журналов» за постоянное антиправительственное направление журнала, выразившееся в книжке №№ 17 и 18 даже в «явном порицании монархического правления». Печатать что-либо о конституции категорически запрещалось в последние годы Александровской эпохи: цензурный комитет не одобрил рукописи «Нечто о конституциях», как потому, что не находил ни нужным, ни полезным, ни даже приличным в государстве с самодержавным образом правления публично рассуждать о конституциях, так и потому, что вообще частным лицам не следует писать о политических предметах ни за, ни против: и то и другое нередко бывает одинаково вредно, давая повод к различным толкам и заключениям...

Так, под влиянием господствующих политических настроений, на практике применялся § 22 устава 1804 года; не отмененный законом, он не существовал в жизни, опутанной циркулярами и разъяснительными «отношениями». Могла ли мириться с этой инквизиционной опекой общественная мысль, сильно выросшая после 1812–1815 годов?

Цензурные стеснения, несомненно, были одной из причин, усиливавших общественное недовольство,— неда-

ром Кюхельбекер показал на следствии, что «крайнее стеснение, которое российская словесность претерпевала в последнее время», вызывало в нем «неудовольствие настоящим положением дел», Грибоедов мечтал о преобразовании России, желая этого для свободы книгопечатания. Особенно невыносимо стало во вторую половину Александровской эпохи, когда поход против литературы стал систематическим, принял резко воинствующий характер, когда в проявлении свободной мысли мерещились разные ужасы, «яд неверия», «правственная революция» и прочие «разрушительные начала». Немало терний причинило русской литературе учрежденное в 1811 г. Министерство полиции, коему помимо наблюдения за театральными сочинениями поручалось следить и за такими книгами, которые «хотя и были пропущены цензурою, подавали бы повод к превратным толкованиям, общему порядку и спокойствию противным»: о таковых книгах министр полиции имело право сноситься с министром просвещения или представлять о них с своими замечаниями на Высочайшее усмотрение. Новое министерство энергично «наблюдало», нередко самостоятельно, без ведома Министерства просвещения: так, за пять лет (1811—1816) оно запретило 53 театральных сочинения, в 1814 году изъяло из обращения роман Нарезного «Российский Жильблаз», разрешенный петербургской цензурой, в 1815 г. запретило печатать критические отзывы об Императорском театре и актерах, находящихся в службе Его Величества.

Чем далее, тем резче обозначались полицейские тенденции и в Министерстве народного просвещения, цензура все более превращалась в карательное учреждение, предпочитавшее запрещать книгу, чем «истолковывать ее выгоднейшим для сочинителя образом». С 1818 г. особенно рельефно стала определяться эта система гонений, придинок, оскорблявших писателя, достигшая вершин нелепости, нередко анекдотической, при знаменитых цензорах Бирукове и Красовском.

Циркулярным отношением министра народного просвещения попечителю Петербургского учебного округа 29 июня этого года предписано было цензурным комитетам не разрешать новых периодических изданий без согласия министра. Циркуляр так подействовал на членов комитета, что они не разрешили Бестужеву издавать журнал «Зимцерла» частью по молодости лет его, частью из-за трех орфографических ошибок, допущенных им в представленной программе, отказали капитан-лейтенанту Броневскому в издании еженедельной газеты в Туле как потому, что издание это совершенно излишне в Туле, так и потому, что там цензуры нет... Угнетаемые страхом (ведь за одобрение к напечатанию статьи Ломоносова о размножении и сохранении русского народа Яценкову угрожали отставкой, за пропуск романа «Элоиза и Абельяр, жертва любви» Тимковский получил «строжайший выговор» от министра, обещавшего «принять меры, дабы все экземпляры вредной книги были покупаемы на счет одобрявшего оную цензора и истребляемы»), цензоры с необычайным усердием стали выискивать опасные места и по самым разнообразным поводам стремились уничтожить статью или какую-либо книгу. Кто из русских писателей не чувствовал тогда цензорской опеки, кому не приходилось чувствовать обиду, раздражение, нередко глубокое страдание? И малоизвестному Олину пришлось услышать по поводу стихотворения *Стансы к Элизе* известные классическим тупоумием замечания Красовского, находившего, напр., что стихи:

О, как бы я желал пустынных стран в тиши,
Безвестный, близ тебя к блаженству приучаться,

значили не что иное, как то, что «автор не хочет продолжать своей службы государю для того только, чтобы всегда быть с своей любовницей»; и Жуковскому не сразу удалось напечатать балладу «Иванов вечер» (Замок Смальгольм), признанную соблазнительной по содержанию и идущей вразрез с представлением об этом празднике сынов господ-

ствующей греко-российской церкви; и даже Карамзину чинили препятствия в печатании «Истории Государства Российского»... Благонамеренный князь Вяземский, раздраженный мелочными стилистическими придирками Красовского, писал в 1822 г. А. И. Тургеневу, что если б был в Петербурге, «ударил бы Красовского в щеку. Да и теперь готов выбить золотую медаль в тысячу рублей в честь того, который поколотит его или, по крайней мере, огрест его арапником... Должно бить цензоров до того, что никто за миллионы и за Андреевские не пойдет в цензора». И как было не взбеситься, когда запрещались, как оскорбительные для веры, выражения: *небесный* взгляд, *ангельская* улыбка, божественный Платон, *ей-богу*, когда признавались эротическими слова: жених *поцеловал* свою невесту, он *любил* ее, *нагая* истина и т. п.

Пушкин, не раз страдавший от «утрюмых сторожей» его музы и вынужденный или печатать с пропусками («Послание к Чаадаеву») и искажениями («Кавказский пленник»), или писать не для печати, то и дело прорывался в письмах характерными выражениями: «зарезала меня цензура!.. уж эта мне цензура!.. *delenda est censura*»... В 1821 г. он писал Дельвигу: «о чем цензуру ни прошу, ото всего Тимковский ахнет. Теперь я, право, чуть дышу, от воздержанья муза чахнет, и редко, редко с ней грешу»... А о Бирукове и Красовском отзывался, как о «невтерпеж глупых, своенравных и притеснительных» цензорах... Яркую фигуру Александровского цензора создал Пушкин в двух «посланиях цензору», навсегда пригвоздив своих «давних гонителей» к позорному столбу:

О варвар! кто из нас, владелец русской лиры,
Не проклинал твоей губительной секиры?
Докучным евнухом ты бродишь между муз:
Ни чувства пылкие, ни блеск ума, ни вкус,
Ни слог певца «Пиров»¹, столь чистый, благородный —
Ничто не трогает души твоей холодной!

---

¹ Е. Баратынского.

На все кидаешь ты косой, неверный взгляд,
Подозревая всех — во всем ты видишь яд...
Глупец и трус! что делаешь ты с нами?
Где должно б умствовать, ты хлопаешь глазами,
Не понимая нас, мараешь и дерешь;
Ты черным белое по прихоти зовешь,
Сатиру — пасквилом, поэзию — развратом,
Глас правды — мятежом, Куницына¹ — Маратом.
Решил — а там поди, хоть на тебя проси!
Скажи, не стыдно ли, что на Святой Руси,
Благодаря тебе, не видим книг доселе?...

Нет необходимости говорить, что Пушкинские послания «в печати не бывали» и подобно другим его произведениям («Деревня», «Вольность», «Сказки» и др.) распространялись в рукописях, приобретая автору восторженную славу среди одних, репутацию «корифея мятежников» среди других. Что цензурное иго было невыносимо, что «бессмысленные» притеснения стали, наконец, невтерпёж, подтверждается тем, что среди писателей готовился в 1822 г. план массовой жалобы на действия цензуры...

Славьтесь, Бируков, Красовский!..
Вас и дух святой робеет;
Он, как мы, у вас в когтях —

восклидал Дельвиг одновременно с Пушкиным, вновь указывая на «доблестных подлецов» эпохи кн. Голицына...

Была надежда, что Шишков, ставший в 1824 г. министром, облегчит тягостное положение литературы. Пушкин рассчитывал на «улучшение цензуры», но вскоре должен был сознаться, что все «при старом по-старому»... Можно было бы сказать, что с усилением реакции последних лет цензура еще более освиrepела, печати стало еще хуже: «Го-

---

¹ В 1820 г. было запрещено его «Естественное право»...

ре от ума» не увидело света, запрещен был «Катехизис» Филарета, запрещено было касаться в журналах военных поселений, чиновникам было предписано не издавать «сочинений, заключающих что-либо касающееся до внешних и внутренних отношений Российского государства, сверх обыкновенной цензуры, без дозволения своих начальств» и т. д., и т. д. Шишков, недовольный «духом времени», готовил новый цензурный устав, имевший задачей еще крепче связать писателя... Это и было сделано, но уже в следующем царствовании, 10 июня 1826 года: то был знаменитый «чугунный» или «алжирский» устав, представлявшийся современникам в окружении «кнутов и батогов», превращавший, по словам Глинки, цензурный комитет в инквизицию... Наступала темная ночь Николаевской цензуры, когда «плакать хотелось» даже Булгарину, когда времена Магницкого и Рунича казались «золотым веком литературы»...

Н. Бродский

ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА И 14 ДЕКАБРЯ 1825 Г.

I

Вторая половина царствования Александра I характеризуется обильным ростом в России кружков и тайных обществ, главным образом в военной среде, между просвещенною частью офицерства, выросшей в эпоху великих Наполеоновских войн, под прямым воздействием последних. Кружковщина стала каким-то эпидемическим явлением времени: тайные общества возникали часто вне всякой связи между собой. Основатели одних обществ, при вербовке членов, совершенно неожиданно наталкивались на возникшие уже самостоятельно общества; ходили слухи о тайных организациях, каких в действительности не было (кавказская, напр.), и существующим приписывали несоответствующие

размеры. Для многих лиц одна возможность упрека в подпольной бездеятельности была побуждением к энергичной работе. Тайные общества этой поры являются продуктом очень сложных влияний и взаимодействий. Явления русской жизни здесь переплетались с влияниями событий Западной Европы, которая превратилась для русского войска на многие годы не только в место «постоя», но и в подготовительную школу политического миросозерцания. Последнее обстоятельство и сами члены тайных обществ считали важнейшим условием развития революционного миросозерцания в России. В мемуарах декабристов и в их показаниях перед следственным Комитетом рассеяны заявления об этом. А. А. Бестужев-Марлинский писал Николаю I из крепости: «Наполеон вторгся в Россию, и тогда-то русский народ впервые ощутил свою силу; тогда-то пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии и народной. Вот начало свободомыслия в России. Правительство само произнесло слова: «свобода, освобождение». Само рассевало сочинения о злоупотреблении неограниченной власти Наполеона... Войско от генералов до солдат, пришедши назад (из Зап. Европы), только и толковали, как хорошо в чужих землях»... Этого мало,— нужно не забывать бурных событий Западной Европы того времени, чтоб представить себе неотразимость их впечатлений даже на неподготовленного зрителя. «Происшествия 1812, 13, 14 и 15 годов, равно как и предшествовавших и последовавших времен,— писал Пестель следственному Комитету,— показали столько престолов пизверженных, столько новых учрежденных, столько царей изгнанных, столько возвратившихся или призванных, и столько опять изгнанных, столько революций совершенных, столько переворотов произведенных, что все сии происшествия знакомили умы с революциями, с возможностями и удобствами оные производить. К тому же имеет каждый век свою отличительную черту. Нынешний ознаменовывается революционными мыслями. От одного конца Ев-

П. И. Пестель

ропы до другого видно одно и то же, от Португалии до России, не исключая ни единого государства, даже Англии и Турции, сих двух противоположностей. Дух преобразования заставляет, так сказать, везде умы klokотать» (*fait bouillir les esprits*).

Клокотание это поддерживалось не одними впечатлениями от событий Западной Европы, но и серьезной книгой, которой стал уделять внимание русский офицер.

По словам бар. Розена, в это время «между офицерами стали выказываться личности, занимавшиеся не одними только учениями, картами и уставом воинским, но чтением научных книг. Беседы шумные, казарменные о прелестях женских, о поединках, попойках и охоте становились реже, и вместо них все чаще слышались суждения о политической экономии Сэя, об истории, о народном образовании. Место неугасимой трубки вытеснила на несколько часов в день книга и перо,— и вместо билета в театр стали брать билеты на получение книг из библиотек». Не говоря уже о произведениях таких западных писателей, как Адам Смит, Монтескье, Дэтью де-Траси, на которых ссылались декабристы, как на своих руководителей в области политического мышления, русская литература этого времени давала пищу взволнованным умам и своими выпадами, чаще всего аллегорическими, производила сильное впечатление на умы. В этом отношении характерно свидетельство современников, что даже тот том Карамзина, где историограф обрушился на чудовищного тирана XVI в., Ивана Грозного,

производил сенсацию в усердных читателях, усмотревших в энергических выражениях «историографа» выпады против современности, вопреки сознательным намерениям автора.

Мы не будем останавливаться на том громовом впечатлении, которое произвели на читающую публику стихотворения Рылеева «К временщику» или Пушкина «Вольность»...

Впрочем, и заграничные впечатления, и политическая литература, развивавшие политический кругозор русского общества, не могли бы подвинуть его на революционные выступления, если бы в самой русской жизни не было явлений, остро отражавшихся в сознании чутких людей. Русская политическая и общественная жизнь не только не выдерживала сравнения с виденным на Западе, но, казалось, шла назад даже от того состояния, которое было осуждено самим Александром, как форма народной жизни, не отвечающая духу времени. Всем известны были либеральные взгляды Александра, высказываемые им и в частных разговорах, и в актах общеевропейской важности, и в речи при введении конституции в Польше.

В этой речи, называя «законносвободные учреждения» «предметом непрестанных своих помышлений», Александр I выражал надежду «распространить (их) и на все страны»...

Напрасно ожидало русское общество «законносвободных учреждений», вместо которых получило Аракчеева с всесильным произволом этого тупого временщика. Несомнительно подаваемых с трона надежд с тяжелою действительностью ярко выражено в письме декабриста Н. Каховского к Николаю I из крепости. «Император Александр,— читаем мы,— много нанес нам бедствий... Не им ли раздут в сердца наших светоч свободы и не им ли она была после так жестоко удушена не только в отечестве, но и во всей Европе! Он помог Фердинанду задавить законные права народа Испании и не предвидел зла, тем причиненного всем тронам. С тех пор Европа в один голос воскликнула: нет до-

говора с царями!.. В войну с Наполеоном что цари не обещали, и кто же из них что исполнил?.. Кончилась война, мы все надеялись, что император займется внутренним управлением в государстве, с нетерпением ждали закона «поставительного» и преобразования судопроизводства нашего, и что же? Через 12 лет лишь переменилась форма мундиров гражданских... Покойный император, объезжая области государства, вникнул ли где в состояние народное? Нет, он смотрел лишь войска. Местное начальство старалось представить Его Величеству все в лучшем виде, чем есть оно на самом деле; в некоторых городах целые улицы заносились заборами, чтобы скрыть лачуги бедных жителей от взора императора. Были частные лица за притворное приветствие награждаемы, а несчастный народ во всех тех местах, где проезжал Его Величество, разорялся тяжкими земскими повинностями. И общее негодование громко говорило по всей России: император занимается лишь солдатами, играет ими, как игрушкой, не печется о благосостоянии нашем, тратит сотни миллионов на армии, бесполезным содержанием в мирное время миллиона войск искушает источники богатства народного. У нас нет закона, нет денег, нет торговли, — что составят для нас штыки внутри государства? Они не прокормят нас, мы чрез них голодаем».

«Что винить министров? Они что значат? У нас правление самодержавное. Государственный совет — игрушка! Мы знаем мнения, с которыми соглашаются и которые отвергаются. Государь не подчинил себя ему, а посредством учреждения

С. И. Муравьев-Апостол

оного сжал лишь власть Сената. Поездки на конгрессы какую принесли нам прибыль? Разве только то, что деньги наши вывозят из отечества. Мы не можем страшиться внешних врагов, но у нас внутренние враги терзают государство: отсутствие закона, справедливости, убыток торговли, тяжкие налоги и повсеместная бедность...»

Беспристрастная оценка фактов оправдывает дышащий искренностью тон приведенной цитаты. Беспорядок и гнет управления, игнорирование поставленных жизнью важных вопросов в области социальных (крепостное право) и государственных (реформа управления) отношений достаточно выяснены выше в соответствующих статьях по эпохе Александра I.

Мы здесь остановимся на той только стороне управления, которая содействовала развитию именно в армии революционного духа, подготовившего и деятелей для тайных обществ и окрылившего их надеждой на переворот при содействии рядовых войск. Всем известны ужасы военных поселений, в которых Александр I видел панацею немощей русского народа. «Надеемся,— писал он в 1814 г.,— что продолжение мира и тишины подаст нам способ не только содержание воинов привести в лучшее и обильнейшее прежнего, но даже дать им оседлость и присоединить к ним их семейства». Предполагалось, что от введения военных поселений сократятся рекрутские наборы и уменьшится расход на содержание войска¹. Соппротивление населения и кровавая расправа с упорствующими взволновали общество. По словам кн. Трубецкого, «жестокые меры, употребленные против жителей мирных селений, при которых хотели сделать военных поселенцев, возбудили всеобщее негодование. Исполнители, гр. Аракчеев и Витт, сделались предметом всеобщего омерзения, и имя самого императора не осталось без нареkania». Самый режим во-

---

¹ В. И. Семевский. «Политические и общественные идеи декабристов», 170 стр.

енных поселений, которому было подчинено почти полумиллионное население, был возмутителен.

Немудрено, что декабристы рассчитывали на военные поселения, как естественную базу отступления, в случае неудачи в центре.

И в регулярных прославленных на весь мир войсках дела обстояли далеко не гладко.

Военная муштра выела «душу живу» из армии. Генерал Сабансеев писал известному Киселеву: «Нигде не слышно другого звука, кроме ружейных приемов и командных слов, нигде другого разговора, кроме краг, ремней и вообще солдатского туалета и учебного шага. Бывало, везде песни, везде веселье, теперь нигде его не услышишь, везде цыцгаузы, и целая армия состоит из учебных команд. Чему же учат? — Учебному шагу, стойке и проч. Не совестно ли старика, которого ноги исходили десятки тысяч верст, которого тело покрыто ранами, учить наравне с рекрутом, который, конечно, в короткое время сделается его учителем?» Возмутительными казались для всех мыслящих людей телесные наказания, применявшиеся к славным в Европе солдатам, бессмысленно и очень часто с виртуозною жестокостью. Очень распространенною была песенка, в которой «служивый» описывал «жизнь солдатскую»: «Я отечеству защита, а спина всегда избита. Я отечеству ограда, в тычках, в пинках вся награда. Кто солдата больше бьет, и чины тот достает». Даже знаменитые гвардейские полки Петра Великого, изменившие свой рядовой состав, но не утратившие еще своих старых боевых традиций, не избавились от позорной палки. Назначенный командиром Семеновского полка, полковник Шварц возмутил своим обращением с гвардейцами не только рядовых, но и офицеров. «По показанию ротного командира Левенберга, Шварц ударил одного рядового так, что он «из передней шеренги очутился в задней» за то, что тот «невесело смотрел»; другого за то, что он «дурно держался», ударил коленом в живот; один рядовой, по приказанию Шварца, был наказан в дворцовом

манеже фухтелями (тесаками плашмя) за то, что кашлял во фронте... Солдаты жаловались, что «Шварц приказывал одному плевать другому в лицо: одной шеренге другую бить по щекам, сам щупал за губы под носом тех», у которых усы, за неимением натуральных, не регулярно нарисованы были, разувал ноги и голыми ступнями заставлял у себя маршировать для выправки носков, поправляя ноги шомполом, дабы иметь себе новомодную похвалу марширования, увязывал солдат в ремни для выправки талий»¹.

Немудрено, что полк не выдержал и взбунтовался, вызвавши сочувствие в других войсках. Бунт не перешел в восстание только благодаря его стихийности и неорганизованности. Несмотря на чрезвычайное благородство поведения семеновцев во время бунта, вызвавшее слезы у старых вояк, и на несомненную виновность начальствующих лиц, расправа с полком была суровою. Полк, после экзекуции наиболее виновных, решено было по резолюции Александра I раскассировать по корпусам Оренбургскому, Сибирскому и Кавказскому. Уже современники понимали недальновидность этой меры. Вел. кн. Константин Павлович упрекал Александра в том, что «не кто иной, как он сам заразил армию, разослав в ее недра семеновцев, и что это распространит заразу повсюду». Опасения основательные. В числе видных декабристов были офицеры Семеновского полка. Достаточно назвать Пестеля и С. И. Муравьева-Апостола. Кроме того, на рядовых семеновцев члены тайного общества смотрели, как на подготовленных агитаторов в среде тех полков, между которыми их распылили. Члены тайных обществ не имели влияния на бунт Семеновского полка, зато последствия бунта послужили одним из толчков в развитии тайных обществ.

Вот те общие условия, которые давали толчки и содержание развитию тайных обществ в России после Наполеоновских войн.

---

¹ Семевский. Указ. соч., 136 стр.

II

То общество, которое выступило 14 декабря 1825 г. с оружием в руках с целью политического и социального переворота, пережило сложную эволюцию, прошло чрез ряд преобразований, то распадаясь, то сливаясь с параллельно возникшими обществами и на всем протяжении своей девятилетней деятельности так меняло свою физиономию и состав, что немыслимо в кратком очерке останавливаться на всех этапах его развития.

Возникновение этого общества возводят к 1816 г., когда возвратившиеся из Зап. Европы войска посмотрели на русскую действительность сознательно открытым взором. Офицеры Семеновского полка, сжившиеся в походной жизни, и по возвращении в отечественные казармы устроили на товарищеских началах нечто вроде паевой артели для общих обедов и времяпрепровождения за шахматами, чтением газет и в спорах на злободневные вопросы. «Тут разбирались,— скажем словами декабриста Якушкина,— главные язвы нашего отечества: закоснелость народа, крепостное состояние, жестокое обращение с солдатами, которых служба в течение 25 лет была каторга, повсеместное лихоимство, грабительство и, наконец, явное неуважение к человеку вообще».

В этой обстановке и среде и зародилась в голове Александра Муравьева мысль об организации тайного общества в целях «всеми силами трудиться для блага России». Отстранение иноземцев, ра-

Князь С. П. Трубецкой

зоблачение злоупотреблений в управлении, освобождение крестьян и в конечной стадии — введение конституционного строя в России — вот объем стремлений этого общества. Соответственно цели было и название общества: «Союз спасения». Учредителями были, кроме инициатора, Никита Муравьев, кн. Сергей Трубецкой, затем присоединились М. и С. Муравьевы-Апостолы и Якушкин. Вербовка членов пошла успешно, главным образом, в Петербурге среди передового гвардейского и кавалергардского офицерства. Впрочем, перешедший в Москву Якушкин с принятым им фон-Визинным составили как бы ответвление в Москве, куда потом были переведены и другие петербургские члены «союза» (М. Муравьев и П. Колошин). Пестель, в качестве адъютанта при штабе южной армии, и Бурцев занесли семена «Союза» в Тульчин, сыгравший видную роль в истории декабристов. Впрочем, этому физическому росту и географическому распространению не отвечала внутренняя деятельность «Союза». Составленный Пестелем устав «Союза» носил на себе печать масонских лож с многостепенными клятвами, обрядностью и даже пресловутым ядом и кинжалом для нарушителей клятв. Этот устав, как и дух общества, вызывали раскол в среде членов его. Даже по признанию следственной Комиссии, «общество не могло хвалиться успехами. Некоторые члены (в том числе Пестель) уехали из Петербурга: иные находили неопределенность в цели, неудобства в исполнении предписаний устава; другие не иначе соглашались (вступить в союз), как с тем, чтобы общество ограничилось медленными действиями на мнения, чтобы устав одного, основанный на клятвах, правилах слепого повиновения и проповедовавший насилие, употребление страшных средств, кинжала, яда, был отменен и вместо одного принят другой»¹. На почве этих и подобных разногласий общество едва не распалось, когда в 1818 г. члены его собрались в Москву по случаю пребыва-

---

¹ Декабристы (дело их). Изд. Саблина. М. 1906 г. 11 стр.

ния там гвардии, при торжественной закладке Храма Спасителя. Распад был предотвращен предложением принять новый устав, заимствованный с некоторыми изменениями из устава немецкого Союза Добродетели, который, будучи утвержден прусским королем, больше на шумел о себе, чем оказал действительное влияние на подъем национальных сил Германии в ее борьбе с Наполеоном.

Преобразовавшееся на основах этого устава общество под новым названием «Союз благоденствия» ставило своей целью следующие отрасли практической деятельности: 1) человеколюбие, 2) образование, 3) правосудие, 4) общественное хозяйство. Желая оградить общество от преследований, составители ввели §, которым «вступление в такие общества, кои правительством не одобрены, членам союза воспрещаются, ибо оно, действуя к благу России и, следовательно, к цели правления, не желает подвергнуться его подозрениям». Но это была, так сказать, показная часть устава Союза благоденствия для привлечения членов и отвода глаз правительства. Предполагалась вторая часть — для основателей и руководителей Союза (членов Коренного союза, как он назывался в уставе). Следственный Комитет утверждает, что эта часть «не была сочинена или, по крайней мере, не была одобрена Коренным союзом», но об одной упоминали, и, быть может, сверх приманки для любопытства, видели в ней средство когда-нибудь открыть новым членам настоящие намерения основателей общества». Семенов показывал, что эти намерения недолго хранились втайне: «сначала знали только главные, а впоследствии проникли и другие члены, что целью союза было изменение Государственных установлений; признавали равно нужным усиливать общество (для обеих целей), распространять политические знания и стараться овладеть мнениями публики». Впрочем, как справедливо замечает доклад След. Комитета, члены общества «не строго и даже очень мало сообразовались и с правилами, в первой части означенными». Это зависело прежде всего от слишком общих опреде-

лений задач деятельности Союза. Что, напр., нужно было понимать под «человеколюбием?» Ведь в это определение можно было вложить простую подачу милостыни рядом с отменой крепостного права, с реформой военного режима и т. д. Деятельность В. Ф. Раевского на юге показала, что и в задачу «образования» можно было вложить довольно неожиданное содержание. В качестве преподавателя Ланкастерской школы в Кишиневе он в прописях помещал слова: «свобода, равенство, конституция, Квируга, Вашингтон, Мирабо», разъясняя эти слова юнкерам на уроках приблизительно в таком духе: «Квируга, будучи полковником, сделал в Мадриде революцию, и когда въезжал в город, то самые значительные дамы и весь народ вышли к нему навстречу и бросали цветы к ногам его, а Мирабо был тоже участником во Французской революции и писал много против государя, и что конституционное правление лучше всех правлений, а особенно нашего, монархического... хотя и называется монархическим, но управляется деспотизмом»...

Если устав по самой широте своих задач позволил вкладывать в него самое неожиданное содержание, в меру темперамента и настроений, то, с другой стороны, самая организация общества содействовала индивидуализации деятельности его частей, вне согласования их с общим направлением Союза. Дело в том, что по уставу члены Коренного союза могли заводить самостоятельные отделения (Управы), которые, достигши 10 чл., получали, в свою очередь, право заводить зависевшие от них побочные Управы, становившиеся независимыми при составе в 10 членов. Это и было главною причиною более или менее серьезных расхождений между такими, напр., управами, как Петербургские, с одной стороны, и Тульчинская с Васильковскою — с другой. Не спасали от подобного разномыслия в среде общества и общие собрания руководителей Управы. По словам Пестеля, «вообще в союзе с самого его начала до самого конца ни одно правило не было постоянным образом в действии и ни одна мысль не была постоянным обра-

зом в памяти членов: весьма часто то, что сегодня было решено, завтра опять поступало на суждение и спор; поэтому нельзя никак удостоверительно сказать, какой образ правления Союз в самом деле, наконец бы, избрал. Сие более всего зависело от обстоятельств»¹. Важным моментом в истории Союза благоденствия были собрания членов союза в 1820 г. В это время приехал из Тульчина в Петербург Пестель, самый энергичный и талантливый член тайного общества. Его содействию обязан был Союз спасения своей программой и оживленной пропагандой; отъезд Пестеля в Тульчин был временем замирания жизни Союза и преобразования его в Союз благоденствия, с заменой Пестелевского устава сколком с устава Тугенд-Бунда. В Тульчине Пестель в качестве члена Союза благоденствия проводит свою революционную программу, имеющую мало общего с официальной частью устава — достигать общего блага «медленным действием на мнения путем распространения просвещения, благотворительности и нравственности». Пестелю пришлось здесь столкнуться с полковником Бурцевым, который был ортодоксальным членом Союза благоденствия. Об этом столкновении Бурцев рассказывает: «Пестель сначала подделывался к моему мнению, но впоследствии начал против оного восставать, к чему склонял и своих приятелей как насмешками, так и убеждениями. Он утверждал, что для образования нравов нужны века, но что подлежит исправить правление, от коего уже и нравы исправятся». С такими мыслями Пестель явился в Петербург и произвел в настроении петербургских членов Союза и в направлении самого общества сдвиг в сторону революционного мышления. Этот знаменательный момент в жизни общества в «Докладе» следственного Комитета изображается так: «В начале 1820 г. было в Санкт-Петербурге собрание Коренной Думы, которая по уставу имела в Союзе власть законодательную. В сем собрании Пестель по

---

¹ Н. Павлов-Сильванский. «Пестель пред Верх. Уг. Судом», 33 стр.

П. Г. Каховский

предложению исправлявшего должность блюстителя исчислял выгоды и невыгоды правления монархического и республиканского, и после многих рассуждений собирали голоса; все,— утверждает Пестель,— объявили, что предпочитают республиканское правление (между прочим, Н. Тургенев, следующими словами: *un president sans phrase*), кроме одного полковника Глинки (хозяина квартиры), который говорил в пользу монархическо-

го и предлагал вручить скипетр императрице Елизавете Алексеевне. Это заключение Коренной Управы, по уверению Пестеля, определено было сообщить всем другим, и он сообщил его Тульчинской; с тех пор,— прибавляет он,— республиканские мысли стали брать верх над монархическими. Но эти показания Пестеля не все подтверждены другими допрошенными; один (Глинка) говорит, что все рассказанное происходило не на правильном совещании, а в обыкновенном разговоре о разных политических предметах. Фон-дер Бриген утверждает, что большая часть присутствующих членов была не готова к рассуждениям этого рода и к объявлению какого-нибудь решительного мнения... Вскоре после вышеописанного,— совещания или разговора, читаем мы дальше в «Докладе»,— некоторые из членов опять собирались, но случайно, как сказывает Пестель, и, продолжая прежние рассуждения, один подал мысль о покушении на жизнь императора Александра; Никита Муравьев утверждает, что, кроме его и Пестеля, все бывшие с ними члены отвергли это предложение, как преступное, доказывали, что неминуемым последствием

такого злодейства были бы все бедствия, все ужасы безначалия; Пестель отвечал, что оные могут быть отвращены учреждением временного Правления из принадлежащих к их тайному обществу; на него восставали единодушно, с жаром; но ужасное предложение, если верить показанию одного Сергея Муравьева-Апостола, было снова сделано на другом собрании и принято большинством голосов». Даже если и не согласиться с показаниями Пестеля об обязательности решений Общества по названным вопросам, что он мог утверждать в оправдание своей дальнейшей деятельности, и то остается важное значение за собраниями Общества 1820 г. Мысль о республике и цареубийстве, как средстве достижения, а также идея временного правления во избежание анархии после переговоров становится теперь достоянием не одного только Пестеля и его тульчинских единомышленников, а входит в сферу суждений всех членов Союза благоденствия, по крайней мере, участвовавших на этих собраниях. Впрочем, непосредственное значение эти собрания Общества имели только на деятельность Пестеля в Тульчине, где он, опираясь на решение собрания в Петербурге, стал энергичнее проводить свою революционную республиканскую программу, организовал Тульчинскую Думу, согласно уставу, с регулярными заседаниями и расширил число членов Общества. Зато другие управы почти бездействовали. «Союз Благоденствия,— пишет Якушкин,— казалось нам, дремал. По собственному своему образованию он слишком был ограничен в своих действиях. Решено было к 1 января 1821 г. пригласить в Москву депутатов из Петербурга и Тульчина, чтоб они на общих совещаниях рассмотрели дело тайного Общества и приискали средство для большей его деятельности». Но вместо приискания средств оживления, съезд постановил закрыть общество отчасти в виду известий, что общество открыто и полиция следит за членами, отчасти вследствие неудовольствия некоторых членов радикальными течениями среди Общества и, наконец, из желания очистить Общество от ненадежных

членов. Пестель, не могший присутствовать на этом ликвидационном собрании, не признал Общество закрытым в виду неисполномоченности депутатов, посланных для преобразования, а не для закрытия, и решил продолжать свою деятельность самостоятельно; также поступили и некоторые из членов Петербургской думы (Н. Муравьев, кн. Оболенский и Н. Тургенев), и, таким образом, образовалось два тайных Общества — Северное в Петербурге и Южное в Тульчине с их разветвлениями. Этот распад, подготовленный отчасти уже давнишним расколом в направлениях разных частей Союза, теперь содействовал еще большему расхождению их в смысле программы, характера деятельности и настроения, хотя взаимодействие между этими двумя Обществами, как увидим, почти не прекращалось.

III

Южное Общество, распадавшееся на три управы, Каменскую, Васильковскую и Тульчинскую, сорганизовалось по типу Союза спасения. В нем различались три степени членов: бояре (основатели), мужья и братья, а сочувствующие, но еще не принятые, именовались друзьями. Во главе всего Общества стояла директория, сначала из двух лиц (Пестеля и Ющинского), к которым потом был присоединен пылкий и энергичный руководитель Васильковской Управы, Сергей Муравьев-Апостол. По словам Матвея Муравьева-Апостола, «принятые члены должны были только стараться принимать других; весь же труд умственный вверен был директориату», вернее сказать — Пестелю, который, по словам декабристов, «получил большой вес и влияние в Южном Обществе», потому что был человек высокого, ясного и положительного ума. «Будучи хорошо образован, он говорил убедительно, излагал мысли свои с такою логикою, такою последовательностью и таким убеждением, что трудно было устоять против его влияния»

(Басаргин). С политическим мирозерцанием этого человека лучше всего знакомит писанная им в течение 10 лет, но еще далеко не законченная «Русская Правда», на которую Пестель смотрел, как на наказ при введении обновленного строя в России.

В первой главе этого труда¹ «О земельном пространстве государства», Пестель высказывается «за единую и нераздельную Россию» с сильной централизацией и даже обрусительными тенденциями по отношению к инородцам. Федеративный строй он считает гибельным для России. Только Польша, по его мнению, должна получить полную независимость. Лучшим цементом для создания «крепкой и истинно-тесной политической связи» народов России Пестель считает «одинаковые» на всем пространстве государства «гражданские законы», так как они «более всего содействовать будут к дарованию всем частям одного одинакового оттенка нравственности». Касаясь социального вопроса, Пестель высказывается за отмену всех сословных прав и привилегий: 1) за уничтожение «рабства и крепостного состояния», а равно и майоратов; 2) дворяне должны платить подати и нести воинскую повинность наравне с другими условиями и подвергаться за преступления общим для всех наказаниям. Все сословия уничтожаются, и члены их приписываются к волостям. Важное внимание уделяет Пестель и аграрному вопросу. Земли каждой волости распадается на две половины: 1) общественная половина должна служить «для доставления необходимого всем гражданам без изъятия и будет подлежать обладанию всех и каждого; 2) частная половина, принадлежащая казне и частным лицам, должна составлять полную их собственность». В отношении религии Пестель признает православие господствующим в России вероисповеданием: «все прочие христианские исповедания, равно как и все инородные веры,

---

¹ П. И. Пестель. Русская Правда. Наказ временному Верх. Правлению. Книгоизд. «Культура».

дозволяются в России, если только не противны они российским законам духовным и политическим, правилам чистой нравственности и не нарушают естественных обязанностей человека». Главы, касавшиеся гражданского, экономического, военного и политического строя России, Пестелем не были закончены. По признанию Пестеля, он имел намерение написать главу о верховной власти вдвойне: одну монархическую, а другую республиканскую, потому что «нельзя было никак удостоверительно сказать, какой образ правления Союз в самом деле, наконец бы, избрал». Но сам Пестель, как доподлинно известно, стоял за республиканское устройство России, достигнуть которого он надеялся путем истребления государя и всей династии и установления временного правительства, обязанного постепенно вводить конституцию в духе «Русской Правды». Мы остановились на существенных сторонах содержания «Русской Правды» и революционных мнений Пестеля потому, что идеи его, после обсуждения их в собраниях членов, стали программой Южного Общества. Сильную оппозицию встретил Пестель со стороны Сергея Муравьева-Апостола и М. Бестужева-Рюмина по вопросу об истреблении династии. Муравьев соглашался на цареубийство, но уничтожение всей царской фамилии считал излишним. Но на собрании 1823 г. в Каменке Пестелю удалось добиться признания своего предложения за решение Общества. Не было согласия между Пестелем и Сергеем Муравьевым и по вопросу о способах революционного выступления. Пестель не спешил. Он настаивал на медленной и всесторонней разработке конституции и деталей выступления. Сергей Муравьев и Бестужев кипели нетерпением и стремились использовать первый удобный случай для захвата Александра I, чтобы заставить его дать конституцию. Два раза решили они воспользоваться смотром государя (в Бобруйске и в лагере при Белой Церкви), вопреки прямому неодобрению Пестеля, и только отмена смотра помешала им выполнить свой план на свой рис и страх. В третий раз

чуть не подняли они восстания но случаю отнятия у члена Общества, полковника Повало-Швейковского, его полка.

В 1823—1825 гг. Южное Общество развивает особенно напряженную деятельность. Не ограничиваясь выяснением общей программы и плана действий, вербовкою новых членов и. пропагандою революционных идей среди войск, руководители Общества стремятся установить связи с самостоятельно возникшими тайными обществами. В 1823 г. члены Южного Общества узнают о существовании Польского Тайного Общества, образовавшегося в 1821 г. с целью восстановления свободы и независимости Польши. Южное Общество вошло в сношения с польской организацией, и хотя формальный договор между ними и не был заключен, но принципиальные условия союза были выработаны и состояли в признании со стороны русского Общества независимости Польши, с возвращением ей польских губерний с русским населением, «что справедливо и возможно будет». За это Польское Общество обязывалось начать восстание вместе с Русским, задержать членов царской фамилии, которые будут в Польше, и поступить с ними так, как русские поступят с захваченными в России, препятствовать Литовскому корпусу, в случае его попытки выступить против восставших. Впрочем, в этих переговорах уполномоченные больше выпытывали друг у друга о силах Обществ, относясь с заметным недоверием друг к другу. Гораздо важнее были для Южного Общества встреча и слияние его с Обществом Соединенных Славян, возникшим в 1823—1824 гг., главным образом, среди армейских офицеров (Пензенского полка и конных рот гренадерской бригады). «Настоящая цель Общества,— по словам члена его, Киреева,— было уничтожение существующей власти и введение народного образа правления». Более отдаленной целью Общество это ставило себе образование федеративного союза из всех славянских племен путем предварительной борьбы за их освобождение и уничтожения разделяющей их вражды. «Не желай иметь раба, когда сам рабом

быть не хочешь,— говорилось, между прочим, в правилах Соединенных Славян.— Ты еси славянин и на земле твоей при берегах морей, се окружающих, построишь четыре флота — Черный, Белый, Далмацкий и Ледовитый, а в середине оных воздвигнешь город, и в нем богиню просвещения... Оттуда будешь получать для себя правосудие, и ему повиноваться обязан»... Бестужев-Рюмин вместе с Пестелем привели это немногочисленное, но состоявшее из энтузиастов Общество в соединение с своим. «Славяне» прониклись мыслью о царсубийстве и готовы были приступить к ее осуществлению по первому призыву вождей Южного Общества. Между прочим, «Соединенные Славяне» оказались деятельными пропагандистами революционных идей среди солдат. По совету члена Спиридова, заговорщики должны были «стараться войти в доверенность нижних членов и возбуждать их к ненависти на начальство, осуждая его строгости и муку, которую терпеливо сносят от них нижние чины».

Южное Общество оказало важное влияние и на жизнь и деятельность Северного Общества, которое вначале почти бездействовало.

Во главе этого Общества стоял первое время Никита Муравьев, человек умеренных политических взглядов, больше академист-теоретик в политике, чем революционный деятель. Составленный им проект конституции не был принят Северным Обществом, хотя служил предметом частых обсуждений его членов и возражений Пестеля. По мнению Н. Муравьева, наиболее отвечающим условиям жизни России политическим строем была бы конституционная монархия, федерального характера. «Федеральное или союзное правление одно разрешило бы задачу — согласить величие народа и свободу граждан». «Источником верховной власти есть народ... Свободный и независимый, который не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства». Власть императора, наследственная в мужской линии, ограничивается в законодательстве только правом veto, ко-

торое не имеет силы после вторичного принятия законопроекта $\frac{2}{3}$ голосов думы и палаты представителей, этих двух органов представительного правления.

«Все русские равны перед законом» — «крепостное состояние и рабство отменяются». Но участие в законодательных учреждениях и в органах самоуправления ограничивается чрезвычайно высоким цензом. В управлении проводятся строгое разделение властей и ответственность министров пред народными представителями. Федеральный характер и высокий ценз вызывали главные возражения оппонентов Н. Муравьева. Его более академический, чем революционный образ действий вызывал неудовольствие даже у членов Северного Общества. «Муравьев ищет все толкователей Бентама, а нам действовать не перьями», роптали недовольные. В результате на помощь Н. Муравьеву были избраны в содиректоры Сев. Общества кн. Сергей Трубецкой и кн. Евг. Оболенский.

Директоры избирались по уставу думою, состоявшею из членов учредителей и неопределенного числа кооптированных «убежденных» членов. Остальные члены Общества составляли разряд «согласных», управляемых думою и директорами, делом которых было «рубиться», в случае надобности. Целью своей деятельности члены Общества считали — «распространять понятие о правах людей и со временем восстановить их в России». «Занятия самой думы, — по словам кн. Оболенского, — были вообще незначительны. Они состояли более в беседах о состоянии государства, о разных пунктах будущей конституции, предполагаемой ввести в отечестве нашем. Совещание оживлялось при появлении члена с юга с предложениями о соединении». Вообще юг являлся для членов Северного Общества непрерывным возбудителем к деятельности. Бестужев, кн. Барятинский, кн. Волконский, и особенно Поджио и Матвей Муравьев были неотступными пропагаторами идеи соединения обществ и революционно-республиканской программы Южного Общества.

К. Ф. Рылев

Умеренные в своих взглядах на революционную деятельность тайного общества, руководители Северного Общества с опасением смотрели на рост революционного движения на юге, называли безумием готовившиеся там выступления и даже не прочь были оказать противодействие влиянию юга в столичных кругах.

Не удалось достигнуть соединения Обществ и самому Пестелю, который к 1824 г. отправился в Пе-

тербург для переговоров с руководителями Северного Общества. Вначале он имел успех и достиг было не только принятия Северным Обществом программы Южного, но и соединения их под общей диктатурой. Но два директора, С. Трубецкой и Н. Муравьев, всячески воспротивились этому решению. Они боялись Пестеля, не доверяли ему, подозревали его в личных видах, в непомерном честолюбии, и тем более противились его влиянию, чем сильнее чувствовали его превосходство над собою. Отзывы их о Пестеле во время следствия говорят о враждебных чувствах и соперничестве этих лиц с руководителем Южного Общества. Результаты переговоров Пестель резюмировал в таких словах: «Так, Северное и Южное Общества отделены. Все сведения, которые вы будете желать иметь от Южного Общества, оно вам их доставит, надеясь, что с вашей стороны то же сделаете». — «Стыдно будет тому, кто не доверяет другому и предполагает в другом личные какие виды; последствие окажет, что таких видов нет», — упрекнул Пестель на прощанье С. Трубецкого. Но недоверие это было столь ве-

лико, что переведшийся вслед за тем в Киев кн. Трубецкой одной из своих миссий считал следить за Пестелем и ослаблять его силу на юге.

Дела Северного Общества приняли более решительный оборот, когда, за отъездом С. Трубецкого и Н. Муравьева, в состав директории вошли, наряду с оставшимся кн. Оболенским, Рылеев и А. Бестужев-Марлинский. Кн. Оболенский один из прежнего состава директории сочувственно отнесся к планам Пестеля, о котором отзывался в самом восторженном тоне, поддерживая его во время переговоров в Петербурге. Но особое влияние на дела Общества приобретает в это время Рылеев. Он был для Северного Общества тем же, чем Пестель для Южного, при всей противоположности их характеров. Говорят, что император Николай I, ознакомившись с делами декабристов, сказал: «Пестель — воплощение всех пороков революции, Рылеев — добродетелей». Холодная бесстрастность и несокрушимая логика, при глубокой вере в правоту своих мнений, укладывавшихся в его голове с математической последовательностью, составляли основную черту характера Пестеля и делали его непоколебимым борцом за то дело, в которое он уверовал. Рылеев подкупал больше искренностью своего чувства, обаятельностью своей нравственной природы и беззаветным порывом, романтическим отношением к тому, что он считал нравственную идею своей жизни. «Рылеев — человек весь в воображении, — характеризовал его А. Бестужев, — но, кроме либерализма, составлявшего, так сказать, точку его помешательства чистейшей нравственности, он веровал, что если человек действует не для себя, а на пользу ближних, и убежден в правоте своего дела, то, значит, само Провидение им руководит... Он воспламенял всех своим воображением, подкреплял свою настойчивостью». Пестель подавлял всех своими талантами, диалектикой, умом, но, может быть, по этому самому не мог подчинить и привязать к себе людей, заставить беззаветно верить себе. Влияние Рылеева, как раз наоборот, состо-

яло в уменыи не столько убедить, сколько вдохновить и заставить слиться с ним в беззаветном порыве к долгу и прекрасному. Вот портрет Рылеева, набросанный М. Бестужевым по впечатлению от пего накануне восстания 14 декабря: «Как прекрасен был в этот вечер Рылеев! Он был пехорош собой, говорил просто, но не гладко, но когда он попадал на свою любимую тему — на любовь к родине — физиономия его оживлялась: черные, как смоль, глаза озарялись неземным светом, речь текла плавно, как огненная лава, и тогда, бывало, не устоишь любоваться им. Так и в этот роковой вечер... его лик, как луна, бледный, но озаренный каким-то сверхъестественным светом, то появлялся, то исчезал в бурных волнах этого моря, кипящего различными страстями и побуждениями. Я любовался им. Рылеев подошел к нам (со словами): — мир вам, люди дела, а не слова. Вы не беснуетесь, как Щепкин или Якубович, но уверен, что сделаете свое дело». Никто не вспоминает о Пестеле с такой теплотой. Якушкин восхищается цельностью и силою его разума, добавляя, что Пестель «никогда и ничем не увлекался». — Да и не увлекал, — добавим мы, — а заставлял себе подчиняться. «Помню, — рассказывает Давыдов, — об одном собрании у кн. Волконского. Пестель говорил о разных предметах своих проектов. Против всех статей я покушался говорить, но имел слабость против своих мнений уступить мнению Пестеля, как и в важнейших, к несчастью, разговорах». При встрече Рылеева с Пестелем они во многом не сошлись, Рылеев почувствовал в Пестеле честолюбца, которому улыбается роль Наполеона: «В паше время, — будто бы сказал Рылеев по поводу восхваления Пестелем Наполеона, — даже и честолюбец, если только он благоразумен, пожелает лучше быть Вашингтоном, нежели Наполеоном». Но эта встреча не прошла бесследно для Рылеева: неустойчивый в своих взглядах, не успевший еще выработать себе ясного воззрения на цели Общества, Рылеев после беседы с Пестелем постепенно переходит от монархического конституционализма Никиты Муравьева к

республиканской программе Пестеля с его мыслью об истреблении царской фамилии, об устройстве временного правления, увлекая при этом руководимых им членов Северного Общества на тот же путь. В лице Якубовича и Каховского Рылеев находит добровольных исполнителей цареубийства, настолько решительных, что ему приходится пускаться в ход всю силу своего авторитета и личного влияния, чтобы удержать их от поспешного замысла. При этом в своем простодушном доверии к людям, Рылеев не распознал неврастеничного фразера Якубовича, крайне двусмысленно поступившего 14 декабря, от убежденного фанатика идеи Каховского, не изменившего себе ни на йоту в деле 14 декабря, как на допросе, в письмах к Николаю I и на плахе. Рылееву же удалось завести отделение Общества среди молодых флотских офицеров, восторженно воспринявших идею «федеративной республики» и уничтожения династии. Главными помощниками Рылеева в пропаганде во флоте были Завалишин и Арбузов. Общество моряков, состоявших, главным образом, из мичманов и лейтенантов, на деле доказало 14 декабря свою решительную приверженность революции.

Возвращение из Киева кн. С. Трубецкого с вестями о чрезвычайных успехах революционной пропаганды в войсках (о чем была речь выше) и о готовности Южного Общества приступить к действию, поставило Рылеева в необходимость подвести подсчет своим силам и приступить к организации выступления. Для придания единства действия Северному Обществу Рылеев пришел к мысли о необходимости диктатуры, которая и была вручена кн. С. Трубецкому. Крайняя бесхарактерность Трубецкого и неустойчивость его в своих воззрениях помогали Рылееву руководить всеми делами, выдавать свои распоряжения за волю Верховной Думы и диктатора; но это же свойство Трубецкого было одною из причин неудачи выступления 14 декабря. Несмотря на оживленную деятельность Северного Общества под руководством Рылеева, вопрос о решительном вы-

ступлении был далек от разрешения. Ал. Бестужев так рисует положение дел Общества к концу 1825 г.: «Рылеев проговаривал, что надобно начинать в мае или летом, но как это были слова без основания, я говорил: конечно, надобно, и строил свои частные планы в полной уверенности, что в Обществе ничего быть не может... Я ничего не видел вблизи... Совершенное мое недоверие к средствам Общества, когда я увидел Верховную Думу, было причиною беззаботности моей насчет ее подробностей и моего неведения о многих вещах»...

В таком положении находились дела тайных обществ, когда обстоятельства потребовали от них приступить к действию.

IV

Таким обстоятельством послужили неожиданная смерть императора Александра I и связанный с нею вопрос о престолонаследии. После бездетного Александра престол должен был перейти к следующему за ним брату Константину Павловичу. Но последний отказался по разным мотивам, и прежде всего, по-видимому, обстоятельства смерти отца побуждали его на это решение. «После того, что случилось,— открыто говорил цесаревич Константин Павлович,— брат мой может царствовать, если хочет, но если бы престол достался мне когда-нибудь, то я, конечно, никогда его не приму». Позже Константин говорил брату Михаилу: «Я дал себе святой обет отказаться навсегда и невозвратно от наследственных мне прав. Я, во-первых, слишком чту, уважаю и люблю государя, чтоб вообразить себя иначе, как с прискорбием и даже ужасом, на том престоле, который прежде был занят им, и, во-вторых, я женат на женщине, которая не принадлежит ни к какому владетельному дому и, что еще более, на польке; следственно, нация не может иметь ко мне необходимой доверенности,

и отношения наши всегда останутся двусмысленными». Мотивы эти, по его же словам, вполне были оценены Александром и матерью императрицей. После формального отречения Константина был составлен в 1823 г. манифест, которым престол передавался Николаю Павловичу. Но по совершенно непонятной причине манифест этот, изменяющий основной закон императора Павла о престолонаследии, решено было держать в строжайшей тайне. Самый манифест был передан митроп. Филарету с надписью на конверте: «Хранить в Успенском соборе до востребования моего, а в случае моей кончины открыть прежде всякого другого действия». Тайнственность была столь велика, что не сочли нужным посвятить в дело, как следует, самого наследника престола, Николая Павловича, если не считать заобеденного разговора в 1819 г., когда Александр сказал, обращаясь к Николаю и его супруге, что он очень доволен успехами брата по службе, так как со временем на Николае будет лежать большое бремя, как его заместителя (*remplacant*). Мы сидели, говорит вел. кн. Александра Феодоровна, как окаменелые, широко раскрыв глаза, не будучи в состоянии произнести слова. Государь продолжал: «Кажется, вы удивлены; так, знайте же, что мой брат Константин, который никогда не заботился о престоле, решил ныне более, чем когда-либо, формально отказаться от него, передав свои права брату своему Николаю». После этого, кроме неопределенных намеков, которые делались, по словам Николая Павловича, «про сей предмет, об оном более не распространялись, а мы всячески старались избегать оного». В результате такой тайнственности и произошло то, что при вести о смерти Александра Николай Павлович поспешил сам присягнуть и привести учреждения и войска к присяге Константину, считая это своим гражданским долгом. «Николай, что ты сделал? — воскликнула императрица-мать, узнав о присяге. — Разве ты не знаешь, что существует акт, по которому ты назначен наследником престола?» — «Если такой акт существует, — то он мне неизвестен, и ни-

кто о нем не знает; но мы все знаем, что наш монарх, наш законный государь, после императора Александра, есть мой брат Константин: мы исполнили только нашу обязанность: пусть будет, что будет».

Как бы ни оценивать поступок Николая Павловича, но он был так решителен, что не давал возможности Северному тайному Обществу, застигнутому врасплох, приступить к какому-либо действию: с точки зрения основных законов Николай поступил вполне лояльно, так как учреждениям и обществу не был известен манифест Александра о престолонаследии. Кн. Оболенский рассказывает о настроении общества в эти минуты: «Накануне присяги все наличные члены Общества собрались у Рыльева. Все единогласно решили, что ни противиться восшествию на престол, ни предпринять что-либо решительное в столь короткое время было невозможно. Сверх того, положено было, вместе с появлением нового императора, действия Общества на время прекратить. Грустно мы разошлись по своим домам, чувствуя, что надолго, а, может быть, навсегда отдалилось осуществление мечты нашей жизни. На другой же день весть пришла о возможном отречении от престола нового императора. Тогда же сделалось известным завещание покойного и вероятное вступление на престол вел. кн. Николая Павловича. Тут все пришло в движение, и вновь надежда на успех блеснула во всех сердцах», — надежда тем более соблазнительная, что дальнейшее поведение Николая и Константина как бы нарочно вовлекало умы в смущение. Вместо того, чтобы признать факт совершившимся или личным появлением в столице заявить о своем отречении, Константин вступил в бесконечную переписку с Николаем, в которой они изливались в своих чувствах, восторженно говорили о выполнении своего долга, призывали друг друга уступить в великодушии. Константин даже грозил удалиться за границу, если Николай не выполнит завещания Александра I.

Волей-неволей пришлось приводить общество вторично к присяге и задним числом от лица вступившего на

престол Николая объявлять об отречении Константина Павловича. На собраниях тайного Общества, которыми всецело руководил теперь Рылеев, было постановлено возмутить войска, при вторичной присяге во имя поддержания прав будто бы законного государя, Константина, узурпированных его братом, и в случае удачи «провозгласить престол упраздненным и предоставить членам временное правление». Началась усиленная агитация среди войска. По словам Н. Бестужева, члены Общества «работали усерднее: готовили гвардию, питали и возбуждали дух неприязни к Николаю, существовавший между солдатами. Рылеев не переставал быть источником и главной пружиной всех действий Общества... Рылеев, мой брат Александр и я решились идти ночью по городу, останавливать каждого солдата, останавливаться у каждого часового и передавать им словесно, что их обманули, не показав заветания покойного царя, в котором дана свобода крестьянам и убавлена до 15 лет солдатская служба... Нельзя представить жадности, с какою слушали нас солдаты, нельзя изъяснить быстроты, с какою разнеслись наши слова по войскам; на другой день такой же обход по городу удостоверил нас в этом». Несмотря на энергичную агитацию, на собраниях заговорщиков обнаружилась неуверенность в деле. По словам барона Розена, «еще не знали хорошенько, сколькими батальонами или ротами, или какими полками будут располагать. Во всяком случае решили воспользоваться смущением, которое произведет между солдатами новая присяга. Предполагалось занять Зимний дворец... правление банка, почтамт. В случае недостаточности войска и неудачи предприятия, предполагалось отступить в Новгородские военные поселения, где можно было держаться. Но ни одна мера не была определена с точностью... Но все участвующие готовы были действовать». «В разговорах наших,— говорит другой участник этих совещаний,— сомнение насчет успеха выражалось очень положительно... Рылеев всегда говорил: «предвижу,

не будет успеха, но потрясение необходимо. Тактика революции заключается в одном слове: держай!»

Не менее определению было и положение правительства. Генерал-губ. Петербурга, гр. Милорадович, докладывал Николаю, что в столице все обстоит благополучно, а между тем из пакета, адресованного Александру, Николай узнал о заговоре в южной армии, а от молодого офицера Я. И. Ростовцева, впоследствии председателя «Редакционных Комиссий», о заговоре в столице. Ростовцев, личный друг декабриста Оболенского, удерживал последнего от революционных замыслов и предупреждал даже, что выдаст заговор Николаю. В доносе своем Ростовцев не руководился личной целью, а основывался на долге, причем не выдал имен заговорщиков, а посоветовал Николаю вызвать Константина в Петербург, чтобы он «всенародно на площади провозгласил» Николая. После этого Ростовцев сообщил Оболенскому о своем доносе и предложил, если он найдет нужным, отомстить ему сейчас же. Бывший при этом Рылеев бросился Ростовцеву на шею, говоря: «Нет, Оболенский, Ростовцев не виноват, что различного с нами образа мыслей. Какое ты сам имел право быть с ним откровенным»? Ты должен обнять его, как благородного человека!» (Шильдер). Несмотря на все это, и заговорщики, и Николай решительно приступили каждый к исполнению своего дела, в полном сознании предстоявшей им опасности. Во время принятия присяги Николаю Павловичу восстал почти целиком Московский полк, который и был приведен братьями Бестужевыми на Сенатскую площадь. М. Бестужев и Кюхельбекер привели к ним батальон гвардейского экипажа; вскоре прибежали лейб-гренадеры, которые свободно могли бы занять Зимний дворец, куда они печально зашли. Больше того, в их руках мог очутиться сам Николай I, с которым они встретились по дороге, причем император спросил их: «Куда? Если за меня, то поворачивайте направо, а если против, то ступайте налево!» Кто-то скомандовал: «Налево!» и лейб-гренадеры побежали на

Исакиевскую площадь. Восставших было всего около 2 тыс. человек.

По словам Розена, «при сосредоточении команды и с помощью массы собравшегося народа, готового к содействию, благоприятный исход кампании был возможен, тем более, что противная партия колебалась, и многие полки, собравшиеся около императора, готовились присоединиться к мятежникам. Но восставшие положительно не имели предводителя, и солдаты должны были стоять без действия... Избранного диктатора, кн. Трубецкого, нельзя было найти. Назначенный ему помощник также не был на месте, хотя и был на площади. Полковник Булатов отказался, Бестужев I (тоже)... отказался потому, что был флотским капитаном и не знал пехотной службы. Наконец, обратились к кн. Оболенскому, который не был тактиком, но солдаты его знали и любили. Господствовала совершенная анархия: все командовали и кричали в беспорядке». Рылеев в одежде простолюдина разыскивал «диктатора» и старался привести на площадь подкрепления. Между тем Николай I стянул большое количество войска против мятежников. Уговаривать последних подъехал было Милорадович, но, сраженный пулей Каховского, пал. Послали митрополитов в полном облачении. Из рядов мятежников слышались голоса: «Где Константин?» — «В Варшаве», — отвечал митр. Серафим. «Нет, он не в Варшаве, а на последней станции в оковах... Какой ты митрополит, когда на двух неделях двум императорам присягнул? Ты изменник; ты — дезертир Николаевский, калугер, не верим вам — подите прочь»... Только с наступлением сумерек Николай решил прибегнуть к картечи, которой восставшие были рассеяны. По словам очевидца, «когда открыли огонь по мятежным войскам, выстрелы попадали и в скопившуюся вокруг них толпу. Началась паника и... давка». Рассказывали, что «Нева, набережная, улицы были покрыты трупами», которые полиция ночью бросала в прорубь «со многими ранеными»... Так кончилось восстание в Петербурге.

Не большой успех имело выступление Южного Общества. По доносам, которые были сделаны еще при Александре I, Пестель был арестован 13 декабря 1825 г.; лишенное вождя Южное Общество бездействовало, и только вести о восстании в Петербурге и приказ арестовать Сергея Муравьева-Апостола побудили южан выступить под Белой Церковью, опираясь только на силу одного Черниговского полка. Картечь оставшихся верными войск и здесь сделала свое дело.

Императору Николаю I оставалось только ликвидировать подавленное восстание. Было привлечено по обвинению в восстании 121 человек. По делу был назначен Следственный комитет, который работал под наблюдением и при ближайшем участии самого императора. Биограф Каховского, П. Е. Щеголев, отдаст справедливую дань деятельности императора в этом направлении. «Николай Павлович мог гордиться тем, что материал, который лег в основу следствия, был добыт им и только им на первых же допросах. Без отдыха, без сна он допрашивал в кабинете своего дворца арестованных, вынуждал признания, по горячим следам давал приказы о новых арестах... Одного за другим свозили в Петербург со всех концов России замешанных в деле... Напряженно волнуясь, ждал их в своем кабинете царь и подбирал маски, каждый раз новые для нового лица. Для одних он был грозным монархом, которого оскорбил его же верноподданный, для других таким же гражданином отечества, как и стоявший перед ним арестованный; для третьих — старым солдатом, страдающим за честь мундира; для четвертых — монархом, готовым произвести конституционные заветы; для пятых — русским, плачущим над бедствиями отчизны и страшно жаждущим исправления всех зол... Он сумел вселить в них уверенность, что он-то и есть тот правитель, который воплотит их мечтания и облагодетельствует Россию... Вооруженное

восстание оказалось ненужным и гибельным. Нужно — это было так очевидно — предупредить вспышки в других местах... Только такая психология объясняет буквально взрыв признаний, раскаяний, оговорок, оглашавших царский кабинет в Зимнем дворце».

У нас, к сожалению, нет места привести выдержки из писем декабристов к Николаю I из крепости. Не знаешь, чему более удивляться, смелости ли мысли и пожеланий, выражаемых в этих письмах, или тому непонятному доверию, с которым относятся эти благородные люди к своим следователям, и это тем более, что многие из них наверняка знают, что их «участь решена», не рассчитывают на снисхождение.

Верховный уголовный суд вынес суровый приговор декабристам. Пять человек (Пестель, Рылсев, Сергей Муравьев-Апостол, М. Бестужев-Рюмин и Каховский) были приговорены к четвертованию, 31 к смертной казни через обезглавление, а остальных в каторжные работы, ссылку на поселение и к другим наказаниям, смотря по их вине. Суровость этого приговора была смягчена императором, заменившим четвертование пяти названных лиц смертной казнью через повешение, а осужденных к обезглавлению — на каторгу; смягчены некоторым и следовавшие категории наказаний.

Дело декабристов не удалось по многим сложным причинам. Сюда относятся и незрелость заговора, отсутствие единства и согласия в действиях Южного и Северного Обществ, застигнутых врасплох неожиданными событиями, недостаточная подготовка солдат, которых к тому же пришлось вести во имя фиктивных лозунгов, наконец, неудачный выбор вождя и целый ряд непредвиденных случайностей психологического свойства. Трогательно в этой неудаче то, что вожди выступления сами не надеялись на успех. «Часто в разговорах наших сомнение насчет успеха выражалось очень положительно. Тем не менее, мы видели необходимость действовать: чувствовали надобность про-

будить Россию». В этих словах Н. Бестужева — верная самооценка дела декабристов: дело их жизни стало историческим заветом для следовавших за ними поколений.

В. Уланов

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ I

(Опыт характеристики)

Личность императора Николая I, как государя и как человека, едва ли возможно очертить ее настоящее время с исчерпывающей полнотой и ясностью, хотя прошло уже более полувека со дня его кончины. Еще при жизни личность его вызывала среди современников два совершенно противоположных отношения. Многие из придворных деятелей, имевшие личное общение с Николаем Павловичем, а в особенности те, которым удавалось наблюдать его в интимном семейном кругу, восхищались им и боготворили его; пишущему эти строки самому приходилось слышать от лица, имевшего доступ в семейный круг императора Николая, отзыв о нем, исполненный восторга и благоговения. Наоборот, представители передовых и независимых кругов русского общества, нередко на себе испытывавшие тяжесть реакционной политики Николаевского времени, склонны были усматривать в личности самого государя источник реакции и гнета. Ненависть к Николаю I, естест-

венно вытекавшая из такого отношения, нашла себе самое, быть может, яркое отражение в произведениях Герцена. Беспристрастие и хладнокровное отношение, необходимые для оценки деятельности и личности Николая Павловича, не наступили и до сих пор.

Но не одна эта причина мешает дать всестороннюю характеристику личности Николая I: чтобы сделать это, надо располагать такой полнотой источников, о какой пока не приходится и мечтать. Каждый год приносит новые и новые материалы для изучения Николаевской эпохи. Но и теперь существуют и еще долго, надо думать, будут существовать такие хранилища документов, доступ к которым будет открыт далеко не всем, а между тем именно в них можно было бы найти нити для полного освещения и личности, и деятельности императора Николая. Сказанное сейчас лучше всего пояснить примером. Очень недавно, в истекшем году, великим князем Николаем Михайловичем была издана новая работа, посвященная личности императора Александра I. Работа эта, подкрепленная приложенными к ней документами, преимущественно почерпнутыми из рукописного отдела собственной Его Величества библиотеки, существенно изменила наше представление о таких важных вопросах в жизни императора Александра, как его отношение к участникам заговора против его отца, его связь с мистиками и, наконец, его действительные взгляды на военные поселения и в связи с этим его настоящие отношения к исполнителю его воли, Аракчеву. Думается, что для жизни и царствования Николая Павловича будущее сулит еще больше подобных открытий. Изложенного, по нашему мнению, достаточно, чтобы убедиться, что в настоящее время характеристика императора Николая I может быть только эскизной. Опыт подобной характеристики читатель найдет в нижеследующих строках.

Николай Павлович принадлежал к младшему поколению сыновей императора Павла; он родился за четыре месяца до смерти Екатерины II; ему не было пяти лет, ког-

да умер его отец; таким образом, ему не пришлось изведать двойственного положения между отцом и бабушкой, которым так долго томились старшие его братья, не пришлось испытать и мук Павловского царствования, о которых с такой неподдельной искренностью писала Елизавета Алексеевна своей матери. Воспитанием великих князей Николая и Михаила Павловичей ведала их мать; старший брат, император Александр, почти в него не вмешивался. Воспитывали их так, как почти всегда воспитывали младших представителей владетельных домов, т. е. для военного дела, вследствие чего непосредственный надзор за молодыми великими князьями еще самим Павлом Петровичем был вверен директору сухопутного кадетского корпуса генералу Ламздорфу. Семя военного воспитания упало на добрую почву, и уже в первые годы столетия, «вопреки стараниям, которые прилагались по воле императрицы Марии Феодоровны, чтобы предохранить великого князя Николая Павловича от увлечения военной службой, страсть ко всему военному проявлялась и развивалась в нем с неодолимой силой». От военных игр и оловянных солдатиков, которыми молодой великий князь играл в каждую свободную минуту, он перешел к игре в живых солдат, столь развитой при тогдашнем господстве парадомании, которой в одинаковой степени были подвержены и Павел, и во многом противоположный ему Александр I. Участие Николая Павловича в заграничных походах 1814 и 1815 годов, во вре-

Император Николай I

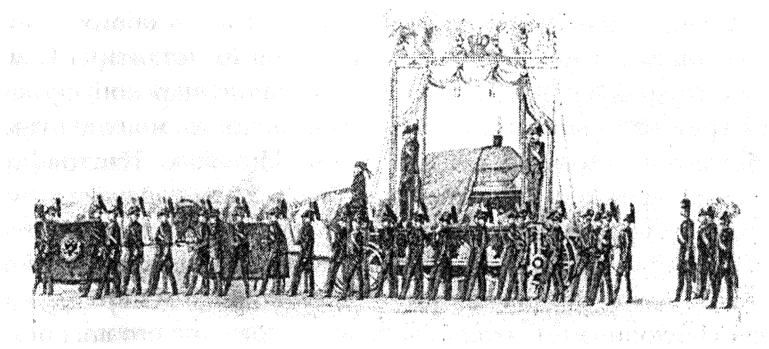
мя которых он не видел ни одного военного действия в настоящем смысле этого слова, но зато принял участие во множестве смотров в Париже и во всех государствах Германии, внесло свою лепту в общий склад военного образования и вкусов великого князя. Фронтное учение, муштра, военная выправка по всем требованиям мирного времени стали главным предметом его занятий и забот в качестве генерал-инспектора инженерных войск, командира гвардейской бригады и начальника гвардейской дивизии. Военные вкусы Николая Павловича ярко сказались в его позднейшей переписке с братом Константином. Почти в каждом письме обоих корреспондентов отводится видное место рассуждениям о покрое мундиров, пригонке амуниции, точном размере предметов вооружения и снаряжения, сообщается о произведенных смотрах, о солдатской выправке, и нет ни слова о настоящем военном искусстве. Природные наклонности, пример старших братьев и система воспитания сделали из Николая не полководца, а командира-фронтовика, которыми так богата была русская армия в первую половину XIX века.

Нравственный облик Николая Павловича начинает вырисовываться довольно рано, но черты, подмеченные современниками, не привлекают больших симпатий к молодому великому князю. Вот какие сведения о его ранних годах сообщает один из самых расположенных к нему историков: «Обыкновенно всегда серьезный, необщительный и задумчивый Николай Павлович точно перерождался во время игр. Дремавшие в нем дурные задатки проявлялись тогда с неудержимою силою». В журналах состоявших при младших великих князьях кавалеров с 1802 по 1809 год постоянно встречаются жалобы на то, что во все свои движения он вносит слишком много несдержанности, что в своих играх он почти постоянно кончает тем, что причиняет боль себе и другим. «Вспыльчивость и строптивость Николая Павловича проявлялись обыкновенно в случаях, когда что-нибудь или кто-нибудь его сердили; что бы с ним ни слу-

чалось, падал ли он, или ушибался, или считал свои желания неисполненными, а себя обиженным, он тотчас же произносил бранные слова, рубил своим топориком барабан, игрушки, ломал их, бил палкой или чем попало товарищей игр своих, несмотря на то, что очень любил их». Не раз отмечался и резкий тон, которым ребенок высказывал свои суждения не только о предметах своих детских интересов, но даже о политических делах. В журнале 1805 года отмечаются и другие недостатки великого князя — «постоянная склонность сознаваться в своих ошибках лишь тогда, когда он бывает принужден к этому силою»; отмечали также, что он «охотно принимает тон самодовольства, когда все идет хорошо и когда он воображает, что ни в ком не нуждается более», несмотря на то что он «вовсе не отличался воинственным духом и во многих случаях обнаруживал робость и даже трусость».

Отрицательные черты характера Николая Павловича, отмеченные в детстве, далеко не изгладились и позднее, когда молодым человеком он последовательно командовал частями гвардейского корпуса. В 1821 году его недолгое командование первой гвардейской дивизией «ознаменовалось было неприятной историей с офицерами лейб-гвардии Егерского полка, вызванную требовательностью и резкостью выговоров со стороны великого князя». Еще ранее,

Погребение императора Николая I

командуя гвардейским саперным батальоном, великий князь, по свидетельству служивших там офицеров, «до крайности строго взыскивал ис только за промахи в работах, но и за фронтовым учением и за проделыванием ружейных присмов». «Он был не сообщителеп и холоден,— пишет Вигель,— весь преданный чувству долга своего; в исполнении его он был слишком строг к себе и к другим. В правильных чертах его белого бледного лица видна была какая-то неподвижность, какая-то безотчетная суровость. Скажем всю правду: он совсем не был любим». Неоценимые по своей яркости, живости и искренности письма императрицы Елизаветы Алексеевны подтверждают только что приведенные черты характеристики Николая Павловича в первые годы, когда он стал играть заметную роль среди членов императорской семьи. Не раз говорит она о невоспитанности Николая Павловича, о том, что «грубость он считает признаком и проявлением независимости»; она идет даже дальше всех остальных свидетелей юности Николая и прямо называет его «надменным и неискренним» человеком.

Великий князь Николай не был по рождению своему предназначен для того, чтобы занять русский престол, но обстановка, в которой он рос, должна была рано заронить в нем мысль о близости его к трону. «Меня будут звать Николаем первым»,— сказал он, говорят, своему отцу в последний день жизни Павла I. Бездетность обоих старших братьев еще задолго до отречения Константина Павловича должна была обратить внимание царской семьи на третьего сына императора Павла. Быть может, этим обстоятельством объясняется, что Николаю Павловичу постарались дать хорошее образование; его во всяком случае учили и дольше, и лучше его старших братьев. Еще в 1810 году императрица Мария Фёдоровна говорила, что «она видит, что престол все-таки со временем персядет к великому князю Николаю, и по этой причине его воспитание особенно близко ее сердцу». В то время как образова-

ние императора Александра I оборвалось на шестнадцатом году жизни, Николаю I был прочитан полный курс политических наук лучшими учеными силами того времени; мало того, Николай Павлович был единственным русским государем, которому преподавались древние языки; впрочем, великий князь решительно иредпочитал военные науки гуманитарным, классическую же филологию возненавидел так, что исключил ее из программы образования своих детей, а в 1851 г. велел все книги на древних языках, хранившиеся в Эрмитаже, передать в Публичную библиотеку, заявив по этому поводу директору последней, что он «терпеть не может этой тоски». Старания знаменитой воспитательницы Марии Феодоровны дать своим младшим сыновьям основательное научное образование не увенчались успехом вследствие ею же рано замеченной исключительной склонности их к военному делу.

Чем далее шли годы, тем яснее становилась возможность для Николая Павловича наследовать престол. По свидетельству императрицы Александры Феодоровны, Александр I уже в 1819 году говорил младшему брату, что он видит в нем своего заместителя. Это было заветным желанием вдовствующей императрицы, и мало-помалу думы самого великого князя должны были обращаться к трону, блесвешему пред ним вдали. По словам императрицы Елизаветы Алексеевны, брак цесаревича Константина с княгиней Лович и его отрешение от престола «устроили всех — Александра потому, что это способствовало счастьем брата, которого он всегда

Императрица Александра Феодоровна

любил, императрицу-мать — потому, что это обеспечило престол за теми, кого она называла своими детьми по преимуществу, Николая — потому, что престол был уже давно для него желанной и заманчивой перспективой».

14 декабря 1825 года после трехнедельного междуцарствия или двоецарствия, во время которого Николай Павлович держал себя с полной корректностью по отношению к брату, он вступил, наконец, на престол, к которому в течение долгих лет постепенно и неуклонно приближался. Русским государем сделался двадцатидевятилетний человек, цветущий, от природы умный, но необычайно себялюбивый и самодовольный, надменный, резкий, замкнутый и необщительный с окружавшими его, не любимый подчиненными, требовательный, придирчивый и взыскательный военный начальник. Он вступил на престол предков с вполне определенными взглядами на свой сан и свое значение,— взглядами, сложившимися не только под влиянием традиций власти русских государей, но на выработку которых оказали влияние его личный характер, его военные вкусы и понятие о солдате-пешке и всемогущем командире, а, может быть, и долгие одинокие думы о желанной, но до самого конца не верной и не обеспеченной за ним короне. Все вместе создало в нем исключительное по своей силе и яркости представление о царе и царской власти. Николай I — фанатический жрец и вместе с тем своеобразный поэт неограниченной власти государя. Всеми своими словами и действиями он проводил мысль, что государь, т. е. он, несоизмерим ни с одним человеком в его стране, что он или земной бог, воле которого никто не дерзает перечить, или, по крайней мере, полновластный командир воинской части, связанной безответной дисциплиной. Проникнув насколько возможно в его внутренний мир, далекий наблюдатель выносит убеждение, что он искренно верил в тот кумир, который сам себе создал. Самодовление и поклонение себе, как земному богу, было основною чертою императора Николая I, как правителя. Эта черта покрывала все другие;

она возвышала его до действительно величественных моментов, каким было, например, его появление на Сенной площади во время холерного бунта 1831 года, и доставляла ему много поклонников, в особенности среди людей с неособенно развитой волей, а к таким надо причислить большинство тогдашнего русского общества; но та же черта доводила его и до границ смешного, до особенного благоволения к тем, кто обнаруживал боязнь пред ним, до самодовольного сознания, что он может играть в запрещенную его подданным карточную игру, потому что он «сам козырь».

Приведенная сейчас основная черта императора Николая сказывалась в его политике внешней и внутренней; она сказывалась и в его отношении к подданным. По свойству своей натуры Николай не терпел разномыслия, противоречия, а тем более противодействия. Естественно поэтому, что всякий протест против его власти вызывал в нем гнев и стремление подавить и уничтожить его. Борьба с революционными силами подсказывалась также традициями семьи и предыдущего царствования, и поэтому борьба с революцией дома и в Европе сделалась главным содержанием его внутренней и внешней политики. Верный Меттерниховскому правилу помогать тушить пожар у соседа, он делается душою всякой международной реакционной меры, собирается к ужасу даже короля Прусского вернуть Францию под скипетр изгнанных Бурбонов, а Бельгию — голландскому королю, предпринимает венгерский поход, чтобы укрепить пошатнувшийся трон Габсбургов, не замечая и не желая замечать, как европейское общественное мнение становится единодушно враждебным России. Ослепленный своим мнимым всемогуществом, покоившимся на смутах и муштре, Николай спокойно разговаривает о «больном человеке» с английским послом, не подозревая даже, что сам своими руками готовит беду для России. «Внешние враги нам не опасны; все меры приняты, и на этот счет вы можете быть совершенно спокойны. Войска, одушевлен-

ные чувством преданности к престолу и отечеству, готовы с восторгом встретить мечом нарушителей спокойствия». В этих словах, сказанных императором Петербургским дворянам в 1848 году, сказалась вся слепая вера его в себя, неудержимо влекаящая его навстречу Севастополю.

Император был умный человек; он знал многие из зол и бедствий, от которых страдала Россия, но ослепление своим величием и могуществом и здесь толкнуло его на ложный путь. Смотря на себя, как на всемогущего властелина, как на командира всероссийского армейского корпуса, Николай I полагал, что живая воля может исходить только от него одного; все остальные люди и учреждения призваны только повиноваться этой воле. Отсюда стремление подбирать себе безличных и безответных сотрудников: ведь за немногими исключениями, вроде Киселева, Уварова, Канкрин, все министры Николаевского царствования были ничем иным, как лишенными всякой инициативы манекенами, придворными льстецами, подлаживавшимися под вкусы повелителя, или военными, в которых чувство дисциплины вытеснило все остальные. Не доверяя существовавшим в империи учреждениям, но желая действовать везде сам, император создал сверх-учреждение в виде безобразно разросшейся своей канцелярии, одно отделение которой заменило Государственный совет, другое было полицией над полицией и над всей страной, а еще одно представляло императорский штаб по крестьянской части. Николай Павлович был, может быть, искренно убежден в том, что избранный им путь приведет к благим результатам, но, тем не менее, свой штаб по крестьянской части он сам преобразовал в сходное с другими министерство, кодификационное отделение уничтожили его преемники, а о результатах деятельности пресловутого Третьего отделения говорить, думается, нет нужды. «Ясно, что там, где более не повелевают, а позволяют рассуждать вместо повиновения — там дисциплины более не существует». Эти слова Николая относятся к революционному Берлину

1848 года, но отождествление слепого повиновения с дисциплиной и требование такого повиновения от всех подданных без изъятия лежали в основе отношения государя и к его народу. Протест усматривался во всем, — в мелком отступлении от военной формы, в ношении усов не военным человеком, в стихах, обходивших общество в рукописях. Взгляды императора, искусно эксплуатируемые разными Бенкендорфами, Дубельтами и иными искренно или неискренно разделявшими его взгляды людьми, и создавали тот гнет, который сковывал и губил лучшие силы русского духа и мысли и оставил доньне не изгладившееся тяжелое воспоминание, связанное с Николаевской эпохой. Я уже не говорю о действительных попытках активного протеста, вроде мятежа 14 декабря: «mes amis du quatorze», как любил называть император декабристов, испытали всю тяжесть наказания за то величайшее нарушение дисциплины, которое они себе позволили.

Слепая уверенность в себе и отрицание какой бы то ни было критики своих действий остаются основной чертой личности императора Николая до последнего дня его жизни, и горько, вероятно, было его душе, когда ему пришлось признать на смертном одре, что он «сдает команду не в полном порядке». Были, однако, и некоторые другие черты, отмеченные нами в его юности, которые давали себя чувствовать во все его тридцатилетнее царствование. С детства он был угрюм, не особенно храбр, жесток, неискренен и не забывал обид. Легенды о рыцарском великодушии Николая I, пущенные в ход его современниками и сотрудниками, ослепленными его самоуверенным величием, безропотно ему повиновавшимися и искавшими его милостей, должны быть безвозвратно оставлены. Император сам любил говорить о своем великодушии, когда целовал Полежаева, отдавая его в солдаты, когда требовал чистосердечного раскаяния у декабристов или безусловной покорности у восставших поляков; но ведь мы хорошо знаем, как выразилось это великодушие Николая и к Полежаеву, и к декабри-

стам, и к полякам. Николай от всех требовал одного только подчинения, жаловал только тех, кто был ему покорен, и беспощадно карал всех, кто ему не повиновался, кто нарушал общую для всех подданных дисциплину. Он действительно наложил ту феноменальную резолюцию на деле о двух еврейх, перешедших карантинную линию на реке Пруте и за то по действовавшим законам подлежавших смертной казни: «Виновных прогнать сквозь тысячу человек 12 раз. Слава Богу, смертной казни у нас не бывало, и не мне ее вводить»...

В раннем детстве Николай I обнаружил засвидетельствованную его воспитателями робость; от этого чувства он не избавился, несмотря на всю свою веру в себя; он иногда неожиданно отступал в международных вопросах там, где встречал против себя действительно независимую силу; опасаясь дворянства в его целом, он не сделал почти ничего для владельческих крестьян, несмотря на свое действительное желание улучшить положение крестьян вообще,— желание, которое он доказал своей постоянной поддержкой деятельности Киселева. Прежние историки, до Шильдера включительно, любили объяснять многие отрицательные черты императора Николая I тем впечатлением, которое на него произвел декабрьский мятеж, разгравшийся в самый день его воцарения; я думаю, что простое сравнение его поступков после 1825 года с драгоценными свидетельствами его воспитателей и императрицы Елисаветы должно раз навсегда покончить и с этой легендой.

Была только одна тесная и замкнутая сфера, в которой суровый и надменный властитель смягчался и снимал со своей души мундир, в который она была всегда затянута: это была его семья и среда детей — кадетов. Многочисленные свидетельства, в истинности которых нет никакого основания сомневаться, единогласно говорят об обворожительной простоте и доброте, которую проявлял император в кругу семьи и очень немногих людей, запросто

принимаемых в царском семействе, или же в среде кадетской детворы, и те немногие, которые видели государя в эти редкие и счастливые минуты, думали, что они одни знали настоящего Николая Павловича, становились его беззаветными поклонниками, и опи-то больше всех и постарались передать потомству восторженные отзывы о его личности.

Почти 30 лет командовал он Россией, как командовал бы армией или корпусом, взыскивая с подданных, как взыскивали с солдат современные ему придиричивые и суровые командиры, а в редкие минуты превращаясь в обворожительного и доступного человека. Его отнюдь нельзя назвать сознательно злым человеком, не думавшим о своей стране: напротив, он любил Россию по-своему, тяжелой любовью, которую она долго не могла забыть; по-своему он желал ей блага, и в тех редких случаях, когда его личные взгляды не служили задержкой в развитии нашей страны, он мог способствовать этому развитию. Его реформа быта государственных крестьян, проведенная при помощи лучшего из его сподвижников Киселева, красноречиво об этом свидетельствует.

Мы не имеем пока ключа к разгадке отмеченной сейчас двойственности облика императора Николая I, но невольно думается, не была ли подобная двойственность общим органическим свойством двух наиболее одаренных сыновей императора Павла, последовательно занимавших русский престол в первой половине XIX века?

Ю. Готье

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пугачевщина. <i>В. Я. Уланов</i>	7
Раскол и сектантство в XVIII в. <i>Н. М. Никольский</i>	26
Писатель и книга в эпоху Екатерины Великой. <i>Н. Л. Бродский</i>	50
Внешняя политика Екатерины II. <i>В. И. Пичета</i>	61
Император Павел I (Опыт характеристики). <i>К. В. Сивков</i>	90
Царствование Павла I. <i>М. К. Любавский</i>	100
Россия в царствование Павла I. <i>Д. И. Успенский</i>	123
Внешняя политика Павла I. <i>В. И. Пичета</i>	136
Император Александр I и русский правительственный либерализм начала XIX века. <i>В. Н. Сторожев</i>	148

Император Александр I	
и великая княгиня Екатерина Павловна.	
<i>С. К. Богоявленский</i>	220
Внешняя политика России	
в царствование Александра I. <i>Л. И. Гальберштадт</i> . .	230
Финансы в царствование Александра I. <i>В. И. Пичета</i> . .	295
Идеалистические кружки 20 и 30-х годов.	
<i>Акад. А. Н. Веселовский</i>	306
Писатель и книга в Александровскую эпоху.	
<i>Н. Л. Бродский</i>	322
Тайные общества и 14 декабря 1825 г. <i>В. Я. Уланов</i>	335
Император Николай I (Опыт характеристики).	
<i>Ю. В. Готье</i>	369

Литературно-художественное издание

ТРИ ВЕКА

РОССИЯ ОТ СМУТЫ ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ

В 6 ТОМАХ

ТОМ 5

Выпускающий редактор *В. Н. Костромская*
Художественное оформление: *Т. Ю. Прокуратова*
Корректор *Ю. П. Баклакова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 29.08.05 г.

Формат 84×108/32. Гарнитура «NewBaskervilleC».

Печ. л. 12,0. Тираж 10000 экз.

Заказ № 100.

Отпечатано в типографии
ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

КНИЖНЫЙ СЕЗОН

КЛУБ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ

ISBN 5-88682-251-8

9 785886 822519